ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2025 / № 2 (43)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2025 / № 2 (43)

THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

Индексация журнала

Информационные партнеры

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

Компания «Гарант»

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
Аврамов С.О.	Судебные реформы 1864 года в России как стимул движения к правовому государству	14
Азнагулова Г.М.	Правовая система общества в условиях цифровой экономики	27
Воробьев С.М., Ивлиев П.В.	Роль социальных сетей в формировании общественного мнения и политического дискурса	35
Зорина Н.В., Сальников В.П., Масленников Д.В.	Идея свободы в христианской патристике и ее влияние на классическую философию права	44
Иванов А.Э.	Современное состояние и динамика развития законодательства об ответственности за дискредитацию армии в сети интернет: теоретико-правовой аспект	62
Ивлиев П.В.	Цифровизация гражданских правоотношений: проблемы и пути решения	78
Кадай М. А.	Цели реализации юридической ответственности	85
Кузнецов М.А.	Проблемы соотношения государства и права современной России:	97
Куксин И.Н.	Каким быть российскому высшему образованию?	107
Лебедев И.А.	Роль судебных доктрин Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении судебных дел	119
Левшукова Ю.С.	Нивелирование экономической функции государства в условиях действия российского информационного общества	127
Ливенцев Д.В	Погребение наследника и великого князя Георгия Александровича в 1899 г. и его роль в государственно-правовом статусе российской правящей династии	136
Малинин В.В.	Административно-правовое регулирование использования цифровых правовых средств: тенденции и перспективы развития в России и за рубежом	142
Малышкин С.П.	Проблема методологического плюрализма исследования легитимации права в неклассической юриспрудеции	152

Музыка В.А. Целостность как свойство системы права с позиций правовой аксиологии..... 162

Прохоров Е.В. Требование справедливости в российском праве..... 169

Соломяный А.В. Проблемы реализации правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации и обеспечения ее информационной безопасности..... 178

*Сыначев Н.*А. Экология и климатические изменения в рамках БРИКС: правовые аспекты сотрудничества..... 186

Шицле Я.В. Цифровые права граждан как особый вид прав граждан в системе развития информационных технологий в Российской Федерации:..... 196

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Ганичева Е.А., Назаров А.П. Особенности публично – правового регулирования водородной энергетики в Российской Федерации..... 204

Волощук Р.Д. Институт страхования жизни и здоровья граждан в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) и система страхования жизни и здоровья граждан в СССР (1917 – 1922 гг.)..... 217

Корякин И.И Создание условий, обеспечивающих достойную жизнь – направление государственного управления..... 223

Лебедева (Скачкова) А.Е. Типичные нарушения законности в бюджетной сфере: данность или просчеты в деятельности контрольно-надзорных органов?..... 233

Львов В.Л. Вызовы и возможности: оптимизация нормативно-правовой базы ОЭЗ. По итогам II Международного форума ОЭЗ..... 241

Микуленок Ю.А. Правовое регулирование «женского вопроса» в советской России в 1920-е годы: статья России в 1920-е годы..... 251

Сергеева А.Ю., Широкова П.В., Преображенская К.В. Соотношение права и справедливости в формировании мировоззрения работника прокуратуры..... 262

Щукин А.О. Ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением в зарубежных странах 271

Арзамасов Ю.Г., Полищук Н.И. **Памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Лазарева Валерия Васильевича**..... 283

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

		Pages
Avramov S.O.	Judicial reforms of 1864 in Russia as a stimulus for movement towards a rule of law state	21
Aznagulova G.M.	The Legal System of Society in the Digital Economy	31
Vorobyov S.M., Ivliev P.V.	The Role of Social Networks in Shaping Public Opinion and Political Discourse	39
Zorina N.V., Salnikov V.P., Maslennikov D.V.	The Idea of Freedom in Christian Patristics and its Influence on Classical Philosophy of Law	53
Ivanov A.E.	The Current state and Dynamics of the Development of Legislation on Liability for Discrediting the Army on the Internet	70
Ivliev P.V.	Digitalization of Civil Law Relations: Problems and Solutions	81
Kadai M.A.	Goals of Realization of Legal Responsibility	91
Kuznetsov M.A.	Problems of correlation between the state and law in modern Russia	102
Kuksin I.N.	What should Russian Higher Education look like?	113
Lebedev I.A.	The Role of Judicial Doctrines of the Supreme Court of the Russian Federation in the Consideration of Judicial Cases	123
Levshukova Yu.S.	Leveling the Economic Function of the State in the Context of the Russian Information Society	132
Livensev D.V.	The Burial of the Heir and Grand Duke George Alexandrovich in 1899 and His Role in the state-Legal Status of the Russian Ruling dynasty	139
Malinin V.V.	Administrative and Legal Regulation of the Use of Digital Legal Means: Trends and Prospects of Development in Russia and abroad	147
Malyshkin S.P.	The Problem of Methodological Pluralism of Research Legitimation of law in non-classical jurisprudence	157
MuzykaV.A.	Integrity as a Property of the Legal System from the Standpoint of Legal Axiology	165
Prokhorov E.V.	The Requirement of Justice in Russian Law	173

Solomyaniy A.V. Problems of Implementing the Legal Regulation of Digital Currency in the Russian Federation and Ensuring its Information Security..... 182

Synachev N.A. Ecology and Climate Change in the Framework of BRICS: legal aspects of cooperation..... 191

Shitsle Ya. V. Digital Rights of Citizens as a Special Type of Citizens' Rights in the Information Technology Development System in the Russian Federation..... 200

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Ganicheva E.A., Nazarov A.P. Features of Public Law regulation of hydrogen energy in the Russian Federation..... 211

Voloshchuk R. D. The Institute of Life and Health Insurance of Citizens in the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX centuries) and the system of life and health insurance of Citizens in the USSR (1917 – 1922),..... 220

Koryakin I.I. Creation of Conditions that ensure a decent life – Direction of public administration..... 228

Lebedeva(Skachkova) A.E. Typical Violations of the Rule of Law in the Budgetary sphere: a Given or a miscalculation in the Activities of Control and Supervisory Authorities? 237

Lvov V.L. Challenges and Opportunities: Optimization of the SEZ Regulatory Framework (Following the Results of the II International SEZ Forum) 246

Mikulenok Yu.A. Legal Regulation of the "Women's Issue" in Soviet Russia in the 1920s..... 256

Sergeeva A.Yu., Shirokova P.V., Preobrazhenskaya K.V. The Relationship between law and justice in shaping the worldview of an employee of the Prosecutor's office..... 266

Shchukin A.O. Responsibility of elected bodies and officials to the population in foreign countries 277

Arzamasov Yu.G., Polishchuk N.I. **In memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Lazarev Valery Vasilyevich**..... 287

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Матвеев Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

Оробец Вячеслав Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Певцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Середа Елена Васильевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия) (член совета)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

Юдин Валерий Иванович, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Скачкова Галина Семёновна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович

Журнал перерегистрирован в 2025 году. Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС77-89420 от 20.05. 2015 г.
Учредитель: Комаров Владимир Сергеевич

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2025.
© Авторы, 2025.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (http://matgip.ru/journal).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960
Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и на сайте: www.matgip.ru

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

Arzamasov Yuri Gennadievich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia) (Council Member)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Matveev Anton Gennadievich, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

Mikhailova Irina Alexandrovna, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

Orobets Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Pevtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Salabarria Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Sereda Elena Vasilievna, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Khachaturov Rudolf Levonovich, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Yudin Valery Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

Jalilov Elvis Alimovich, PhD in Law (Tolyatti, Russia)

Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Skachkova Galina Semyonovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)
«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2024; © Authors, 2024.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue "Russian Press" (index 38960)

You can subscribe to the magazine also on the website ***www.matgip.ru***

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_14

С.О. Аврамов*

СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИИ КАК СТИМУЛ ДВИЖЕНИЯ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ

Аннотация. *В статье рассматриваются с историко-правовой точки зрения реформирование правовой системы российского государства во второй половине XIX века, а также роль Судебной реформы 1864 года в государственно-правовом развитии российской империи и подготовке основы для дальнейшего преобразования ее в правовое государство.*

Ключевые слова: *судебная реформа, правовое государство, суд присяжных заседателей, судопроизводство, законопроект, гуманизация права.*

Теоретический анализ государственно-правовых преобразований на любом этапе развития государства призван использовать данные исторической науки для объективного подхода к тем или иным государственным институтам. Теоретико-правовое познание государства находится в тесной связи с методологическим историческим подходом при изучении поставленных государственно-правовых проблем. В данном исследовании такой научной проблемой выступает анализ логической связи проведения многообразных реформ Александром II и возможность направления развития российского государства к статусу правового государства. Исследование данного направления включает в себя анализ проводимых реформ и модернизации Российской империи в сторону ее преобразования в правовое государство во второй половине XIX века.

Рассматриваемый период характеризуется рядом историко-правовых преобразований, которые позволяют поставить вопрос о возможности создания правового государства в указанный период развития российской государственности.

Анализ таких исторических событий, как: отмена крепостного права в 1861 году стимулировала переход к рыночной экономике и развитию промышленности; судебная реформа 1864 года внедрила принципы независимости судей, гласности судебного процесса и равенства сторон, что укрепило правовую систему страны; военная реформа, включающая введение всеобщей воинской повинности, модернизировала армию и повысила ее боеспособность; создание земств и городских дум расширило возможности местного самоуправления, способствуя развитию гражданского общества – показывает, что все эти процессы ускорили социально-экономическое развитие империи и подготовили почву для дальнейших преобразований ее в правовое государство, как оно понимается в современной научной литературе [4; 5; 16; 27; 33; 34; 35].

* **Аврамов Степан Олегович**, адъюнкт Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: spvi2023@mail.ru.

Научный руководитель: Сальников Виктор Петрович, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Fonduniver@bk.ru.

Судебная реформа Александра II, инициированная в 1864 году, стала фундаментальным преобразованием правовой системы Российской империи, что повлекло установление принципов гласности, независимости и состязательности судопроизводства и существенно отличало ее от прежней, сословно ориентированной системы. Новая структура судов, включающая мировые, окружные суды и судебные палаты, обеспечила более доступное и справедливое правосудие для различных слоев населения, включая введение института присяжных заседателей и профессиональной адвокатуры, что повысило уровень объективности и защиты прав граждан в судебных процессах [14]. Несмотря на сопротивление консервативных сил, судебная реформа Александра II заложила основы современной правовой системы в целом и судебной системы, в частности, и, таким образом, стала значительным шагом к укреплению законности в стране.

Анализируемые государственно-правовые преобразования были обусловлены острой потребностью в модернизации правовой системы Российской империи. До периода реформирования деятельность судебных учреждений отличалась коррупцией, бюрократией и зависимостью судей от исполнительной власти, что подрывало доверие общества к правосудию. Социально-экономические изменения, вызванные отменой крепостного права в 1861 году, требовали нового правового регулирования отношений между гражданами и государством. В то же время на указанные преобразования оказывали влияние западноевропейские правовые системы и идеи просвещения, что стимулировало обсуждение необходимости внедрения принципов законности, равенства перед законом и независимости судебной власти. Кроме того, поражение в Крымской войне подчеркнуло отсталость государственных институтов, включая судебную систему, усиливая давление на правительство с целью проведения глубоких реформ. Таким образом, совокупность внутренних проблем и внешних вызовов создала объективную необходимость в кардинальном преобразовании судебной системы.

Доказательством возникшего направления к созданию признаков правового государства в России рассматриваемого периода явились подготовка и проведение судебной реформы Александром II, что стало ключевым моментом в трансформации правовой системы Российской империи во второй половине XIX века. Созданная в 1862 году специальная комиссия, включила в свой состав ведущих юристов и государственных деятелей, изучила зарубежный опыт и разработала концепцию новой судебной системы. Основными принципами реформы стали: а) гласность судебного процесса; б) независимость и несменяемость судей; в) состязательность сторон и г) равенство всех перед законом. В 1864 году были приняты новые судебные уставы, которые структурно реорганизовали суды и внедрили институт присяжных заседателей. Несмотря на сопротивление со стороны консервативных сил, последовательная политика правительства обеспечила успешную реализацию данной реформы, что существенно повысило эффективность и справедливость правосудия в империи.

К началу правления Александра II судебная система России основывалась на «Учреждении о губерниях» 1775 года и имела три уровня: уездный, губернский и общегосударственный. Система отражала принципы законодательства эпохи Екатерины II, включая широкую выборность, коллегиальность и сочетание сословных учреждений на нижнем уровне с представлением разных сословий на среднем и правительственным контролем на верхнем. На уездном уровне мелкие дела государственных крестьян рассматривались выборными сельскими и волостными расправами, а дела купцов и мещан – магистратами и ратушами, состоящими из выборных бургомистров и ратманов. Уездные суды занимались уголовными делами средней тяжести и гражданскими исками ниже 600 рублей, а в столицах действовали надворные суды для разночинцев и иногородних. На губернском уровне функционировали Гражданские и Уголовные палаты, которые служили как судами второй инстанции, так и первой для крупных дел и особых категорий лиц. Они состояли из выборных представителей дворянства и городского общества, а также назначенных правительством членов. Правительствующий Сенат представлял верхний уровень судебной системы, где дела рассматривались различными департаментами в порядке ревизии и могли проходить несколько этапов пересмотра, включая Общее собрание Сената и Государственный Совет.

Судебная власть включала не только судебные, но и административные учреждения для определенных категорий дел. Органы полиции занимались мелкими проступками, межевые споры рассматривались специальными учреждениями, а некоторые дела решались губернскими правлениями. Такая структура судебной системы характеризовалась сложностью, сословным разделением и значительным влиянием исполнительной власти на правосудие, что впоследствии стало одной из причин необходимости судебной реформы.

Судебная система России до реформ Александра II страдала от чрезмерной продолжительности и сложной многоступенчатости процессов, в результате чего дела могли затягиваться на многие годы, проходя через множество инстанций, каждая из которых могла неоднократно отменять решения нижестоящих судов и возвращать дела на повторное рассмотрение. Отсутствие четкой кассационной инстанции и ограниченные права подсудимых на обжалование усугубляли ситуацию, в том числе по причине, что судебная власть была тесно переплетена с административной: губернаторы имели возможность отменять решения судов, а полиция и другие административные органы выполняли судебные функции в определенных категориях дел.

Проблема дореформенного судопроизводства усугублялась и тем, что судебные процедуры были запутанными и неоднородными, с множеством исключений для разных сословий и типов дел. Формализм в оценке доказательств мешал установлению истины, поскольку судьи были ограничены строгими требованиями к статусу представляемых доказательств и часто не видели подсудимых лично. Состав судов также вызывал критику: выборные судьи были зависимы от губернских властей и зачастую не имели юридического образования, а низкое жалование способствовало распространению коррупции.

Эти перечисленные недостатки правовой, в том числе судебной, системы российского государства данного периода стали одной из ключевых причин, побудивших начать масштабную судебную реформу.

Основными признаками дореформенной судебной системы России были следующими: 1) рассмотрение дел характеризовалось закрытым и преимущественно письменным, без элементов состязательности, судопроизводством; 2) судебные решения формировались на основе материалов, подготовленных судебными канцеляриями, которые собирали информацию из различных процессуальных действий (допросов, объяснений сторон, представления документов, экспертиз и других актов), проводимых раздельно и не объединенных в единый процесс; 3) основная часть следственных действий по уголовным делам осуществлялась полицией, чья репутация была крайне низкой, и эти действия не подвергались судебной проверке; 4) права сторон и обвиняемых на защиту, включая ознакомление с предъявленными против них доказательствами и возможность их оспорить, были существенно ограничены; 5) институт адвокатуры, как профессионального сообщества с установленными квалификационными и этическими стандартами, в тот период отсутствовал.

В связи с этим необходимость судебной реформы признавалась государственным аппаратом (например, Министерством юстиции, большинством членов Государственного Совета), а также влиятельными государственными деятелями, близкими к императору. Устаревшие судебные порядки подвергались повсеместной критике, вызывая раздражение как у населения, так и у властей, и не имели защитников. На данный период следует отметить ослабление цензуры, что позволило прессе открыто критиковать существующую судебную систему, отражая устойчиво негативное общественное мнение.

С причинами рассматриваемых государственно-правовых преобразований связано освобождение крепостных крестьян, в результате которого значительная часть населения была выведена из-под неформальной юрисдикции помещиков, требуя от общих судов рассмотрения их дел. Это создало предпосылки для введения **института суда присяжных**, который ранее был невозможен из-за сословных ограничений. Также появление земского самоуправления существенно облегчило выбор судей без учета сословий через объединенные земские собрания.

Важно отметить, что идея гласности судопроизводства получила поддержку благодаря развитию независимой прессы, ставшей эффективным инструментом общественного контроля.

Одним из ведущих представителей судебной реформы являлся С.И. Зарудный [10; 26; 31; 38], которого по праву считают «человеком труда и выдающихся дарований, обладавшим глубокими и жизнетворными юридическими познаниями» [22] отмечал, что: «Если бы в 1861 году не состоялось по воле Самодержца Всероссийского освобождение крестьян с землею, то ни в каком случае не были бы утверждены 20-го ноября 1864 года Судебные Уставы. При крепостном праве, в сущности, не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики; над ними господствовал высший своевольный суд. Помещики не могли ему не покоряться; но в их руках сосредоточилась власть над большинством народонаселения. Крестьяне расправлялись с помещиками судом Линча. После 19 февраля и высшие наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость в суде скором и справедливом» [39].

Одним из дополнительных факторов направления развития российской государственности во второй половине XIX века к правовому государству стали определенные успехи в системе образования: число профессиональных юристов с высшим образованием постепенно возрастало и к началу 1860-х годов стало возможным заполнять ими вакансии в губернских судебных палатах; увеличивалось и количество людей с непрофильным высшим и средним образованием, что создавало условия для введения специальных и общих образовательных цензов для судебных должностей различных уровней и формирования профессиональной адвокатуры. Однако привлечение этих образованных специалистов в судебную систему требовало радикального улучшения ее репутации, полностью подорванной взяточничеством и бюрократической волокитой.

Особую роль в подготовке и проведении судебной реформы сыграл граф Д.Н. Блудов [30; 32], который выступал с инициативами по улучшению судебной системы России, в 1844 году он представил Николаю I подробную записку с предложениями реформ, но император, хотя и был недоволен работой судов, не поддержал эти изменения [36]. В 1858 году Д.Н. Блудов повторно подал свои предложения и получил поддержку Александра II, в результате чего ему было поручено разработать законопроекты по совершенствованию судебной системы. В 1857–1860 годах в Государственный Совет было внесено 14 таких проектов. Однако предложения Д.Н. Блудова были фрагментарными и не предусматривали кардинальных изменений – таких, как введение состязательного судопроизводства или суда присяжных. Единственной реализованной реформой стало создание в 1860 году института судебных следователей, которые были выведены из-под ведения полиции и подчинены уголовным судам [25].

При рассмотрении законопроектов в Государственном Совете было принято решение, что дальнейшее обсуждение и внесение изменений в существующие законопроекты нецелесообразно, в связи с чем было предложено разработать единую концепцию будущей судебной реформы, обсудить и утвердить ее, а затем создать новые Судебные уставы с нуля. В октябре 1861 года Александр II запросил отчет о ходе судебной реформы у Госсовета. На основании этого была составлена объемная записка, отражающая мнения департаментов, оформленная С. И. Зарудным, исполняющим должность статс-секретаря, и представленная императору государственным секретарем В.П. Бутковым. Александр II полностью поддержал мнение Государственного Совета, что способствовало осуществлению переломного момента в истории судебной реформы: проекты Д.Н. Блудова были фактически отклонены, а инициатива перешла к группе государственных деятелей с реформаторскими взглядами.

Государственная канцелярия сформировала рабочую группу для разработки концепции судебной реформы, включив в ее состав исполняющих должность статс-секретарей С.И. Зарудного и Н.И. Стояновского [11; 37], помощников статс-секретарей П.Н. Даневского и Д.П. Шубина, обер-прокурора Сената Н.А. Буцковского [2; 23], помощника обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева [13; 19; 21; 28], московского губернского прокурора Д.А. Ровинского [1; 12], а также чиновников А. П. Вилинбахова и А. М. Плавского. Блудов Д.Н. формально оставался руководителем работ, но фактически он утратил свое влияние на процесс государственно-правового реформирования. Лидером группы стал С.И. Зарудный, владевший

четырьмя иностранными языками, знанием современного европейского законодательства и ставший главным инициатором создания новых Судебных уставов.

В период с января по март 1862 года был подготовлен предварительный проект судебной реформы, охватывающий вопросы судоустройства, гражданского и уголовного судопроизводства. В итоге 9 апреля 1862 года Александр II распорядился передать этот проект на рассмотрение в Государственный Совет, где было вынесено масштабное решение (журнал решения насчитывает 370 страниц), которое в целом одобряло и предлагало дальнейшую проработку реформы. Консервативные члены Государственного Совета, такие как граф В.Н. Панин, А.С. Норов и принц Петр Ольденбургский [3], выступали с многочисленными возражениями, но неизменно оставались в меньшинстве, после чего Постановление Соединенных департаментов было рассмотрено в трех заседаниях Общего собрания Государственного Совета и представлено Александру II, который 4 сентября 1862 года приказал приступить к разработке новых Судебных уставов и утвердил «Основные положения преобразования судебной части в России» (краткое изложение проекта), затем распорядился опубликовать этот документ. В октябре 1862 года на пост министра юстиции был назначен активный сторонник судебной реформы Д.Н. Замятнин [8; 9, с. 35–38; 17], благодаря усилиям которого началась гуманизация права: в апреле 1863 года были отменены наиболее жестокие виды телесных наказаний [29].

Государственный Совет создал комиссию для разработки новых Судебных уставов, включив в нее всех, кто ранее работал над законопроектами. Возглавлял комиссию государственный секретарь В.П. Бутков, а его заместителем был А.М. Плавский. Комиссия была разделена на три отделения: за судоустройство отвечал А.М. Плавский, за уголовное судопроизводство – Н.А. Буцковский, за гражданское судопроизводство – С.И. Зарудный. Всего в состав комиссии вошли 34 человека, а II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии занималось разработкой законодательства для мировых судов.

Судебные уставы, разработанные в рамках государственно-правового реформирования, включали четыре основных закона: 1) Учреждение судебных мест; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Устав гражданского судопроизводства и 4) Устав о наказаниях мировых судей. Также были разработаны технические нормы, касающиеся штатов судебных учреждений и переходных положений. В сентябре-октябре они были рассмотрены Общим собранием Государственного Совета, а уже 20 ноября 1864 года утверждены Александром II.

Выработанные в ходе судебной реформы 1864 г. Уставы, как и созданная на их основе достаточно стройная, хорошо организованная система органов и учреждений, по меткому выражению А.Ф. Кони, оказались в положении «острова в реке», но несмотря на это, данные Уставы в их первозданном виде были и остаются образцами отечественного законотворчества и правовой культуры [22].

В момент принятия Судебных уставов Государственный Совет планировал их внедрение по всей империи в течение четырёх лет, однако на практике процесс растянулся более чем на 25 лет, причём в ряде регионов при реализации Уставов произошли значительные отклонения от их изначальных принципов. Одним из серьёзных вызовов, с которым столкнулось Министерство юстиции, стала кадровая проблема: для реформированных судов требовались специалисты с юридическим образованием, судебным опытом и безупречной репутацией. Первые министры юстиции после реформы Д.Н. Замятнин и граф К.Н. Пален [9, с. 42–47], уделили особое внимание подбору кадров, лично посещая губернии и оценивая потенциальных кандидатов. В результате этих действий в первые десять лет новая судебная система была укомплектована лучшими специалистами, которые переводились из старых губернских судов, а с течением времени в самих реформированных судах появились юристы, выросшие из кандидатов на судебные должности и обладающие достаточным стажем. Такая кадровая политика оказалась весьма успешной: новый судейский корпус с самого начала демонстрировал высокий уровень компетентности, преданности делу и честности.

Таким образом, Судебная реформа 1864 года стала ключевым этапом в становлении правового государства в России, заложив основы современной правовой системы. Она внед-

рила такие принципы, как: верховенство закона, равенство всех перед законом и независимость судебной власти. Эти идеи, восходящие к европейской философской традиции, особенно к мыслям эпохи Просвещения, отражали стремление российского общества к созданию справедливой и прозрачной правовой системы. Реформа также ознаменовала переход от устаревших подходов к более либеральному пониманию правосудия, где права личности ставились в приоритет. С философской точки зрения это можно рассматривать как движение к гуманизации права и признанию человеческого достоинства высшей ценностью.

Однако, несмотря на прогрессивные идеи, реализация реформы столкнулась с трудностями: на местах внедрение новых принципов часто замедлялось, а независимость судов нарушалась вмешательством местных властей, что выдвинуло важный философский вопрос о наличии разрыв между провозглашёнными идеалами и реальной практикой их воплощения. Этот вопрос остается актуальным и в современных правовых системах.

Вместе с тем, философское осмысление реформы позволяет оценить её как важный шаг в развитии российской правовой культуры и становлении новых представлений о праве и справедливости [6; 7; 18; 20; 40], которые сохраняют свою значимость и в настоящий период.

Библиографический список

1. *Абасов Г.Г., Холодов М.В*. Правовой вклад Дмитрия Александровича Ровинского в подготовку и проведение Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 4. С. 170–175.
2. *Алексеева Н.И., Дмитриевская С.А.* Н.А. Буцковский – прогрессивный реформатор XIX века // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 3. С. 46–57.
3. *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. СПб.: Росток, 2012. – 352 с.: ил.
4. *Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г.* Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 1999. 256 с.
5. *Брылева Е.А, Сальников М.В.* Проблемные вопросы развития правового государства в Российской Федерации // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.). В 2-х ч. Ч. 1. / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. С. 139–144.
6. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.
7. *Виноградова Е.В., Сальников В.П., Захарцев С.И*. Правосудие для справедливости М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.
8. *Глухова В.Е., Чимаров Н.С.* Замятнин Дмитрий Николаевич – роль личности в контексте государственных преобразований // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 12. С. 139–146.
9. *Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П.* К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры пореформенной России (1861–1905 гг.) // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 7. С. 30–64.
10. *Дудин Н.П., Лосницкая Е.А.* Вклад С.И. Зарудного в разработку и проведение Судебной реформы 1864 года // Мир политики и социологии. 2019. № 8. С. 67–72.
11. *Елисеева В.А., Сексте Я.А.* Следственная реформа Н.И. Стояновского // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 161–166.
12. *Ефимова О.В., Исломов Т.Р*. Вклад Дмитрия Александровича Ровинского в разработку и проведение Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 143–150.
13. *Жиков М.В., Ковалев В.А.* К.П. Победоносцев: жизнь на службе России // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11. С. 24–31.
14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Суд присяжных как один из итогов реформы 1864 года: плюсы и минусы // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 1. С. 135–145.
15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука, М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. ISBN 978-5-4396-1810-1. EDN YURGA

16. *Захарцев С.И., Лежнева О.Ю., Сальников В.П., Чабукиани О.А.* Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 26–34.

17. *Иванова Н.М., Онучина С.Л.* Выдающийся вклад министра юстиции Дмитрия Замятнина в проведение судебной реформы. Реформы прокуратуры на посту генерал-прокурора // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 170–174.

18. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. СПб.: Фонд «Университет», 2017. 324 с. (Серия: «Наука и общество»).

19. К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. – СПб.: РХГИ, 1996. 576 с. (Русский путь).

20. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2023. 424 с.

21. *Ковалев В.А., Тетерина А.А.* К.П. Победоносцев и его отношение к Судебной реформе 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. С. 43–48.

22. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 20 ноября 1914. М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. 354 с.

23. *Ксендзов Ю.Ю., Савосин Н.А.* Николай Андреевич Буцковский – один из отцов Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 9. С. 170–174.

24. *Кулешова Л.В., Очередько В.П.* О конкурсе научных работ «Роль российских юристов в эпоху судебноправовых реформ второй половины XIX – начала XX вв.». и научно-практической конференции «Судебно-правовая реформа в России: история и современность» // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 16–18.

25. *Литвинова В.Н., Лясович Т.Г.* Организационно-правовые основы деятельности судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 29–33.

26. *Лихобабина М.В., Милюков С.Ф.* «Человек труда и выдающихся дарований – Сергей Иванович Зарудный» // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 10. С. 38–43.

27. *Мазурин С.Ф., Сальников М.В.* Правовое и социальное государство в славянских странах: может ли оно отличаться от европейских? // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 78–91.

28. *Макушин А.А., Перцева А.А.* Константин Петрович Победоносцев – выразитель идеи русского консерватизма // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 93–96.

29. Министерство юстиции за сто лет: 1802–1902: исторический очерк. Том 2 / сост. П.Н. Гуссаковский. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 92–93.

30. *Михайлова Д.А., Ксендзов Ю.Ю.* Роль Дмитрия Николаевича Блудова в становлении российского судопроизводства // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 67–70.

31. *Носырева А.Е., Гаврилова А.В.* С.И. Зарудный: родоначальник Судебной реформы // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 121–125.

32. *Пущин А.И., Юдина М.И.* Дмитрий Николаевич Блудов и его вклад в подготовку проекта Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 61–66.

33. *Сальников В.П.* От права к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1(51). С. 12–15.

34. *Сальников В.П.* Право – фундамент для государства // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4(50). С. 7–8.

35. *Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2002. № 3(15). С. 3–14.

36. Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского; при ближайшем участии: М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренаго. В 2 т. М.: Объединение, 1915. 386+309 с.

37. *Тарасов А.С., Яблокова М.А.* Стояновский Николай Иванович и его вклад в Судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 78–82.

38. *Тищенко А.Б., Сердюк А.В.* Влияние идей С.И. Зарудного на реформы российского законодательства // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 105–111.

39. *Шепилов Д.С., Крижановская Г.Н.* Роль С.И. Зарудного в подготовке судебных уставов // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 163–168.

40. *Экимов А.И.* Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 13–23.

Для цитирования: *Аврамов С.О.* Судебные реформы 1864 года в россии как стимул движения к правовому государству: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 14–21.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_14

S.O. Avramov *

JUDICIAL REFORMS OF 1864 IN RUSSIA AS A STIMULUS FOR MOVEMENT TOWARDS A RULE OF LAW STATE

Annotation. *The article examines, from a historical and legal point of view, the reform of the legal system of the Russian state in the second half of the 19th century, as well as the role of the Judicial Reform of 1864 in the state-legal development of the Russian Empire and the preparation of the basis for its further transformation into a rule-of-law state.*

Keywords: *judicial reform, rule of law, jury trial, judicial proceedings, draft law, humanization of law.*

The theoretical analysis of state-legal transformations at any stage of the development of the state is designed to use the data of historical science for an objective approach to certain state institutions. The theoretical and legal knowledge of the state is closely related to the methodological historical approach in the study of the posed state-legal problems. In this study, such a scientific problem is the analysis of the logical connection between the implementation of various reforms by Alexander II and the possibility of directing the development of the Russian state to the status of a rule-of-law state. The study of this area includes an analysis of the ongoing reforms and modernization of the Russian Empire towards its transformation into a rule-of-law state in the second half of the 19th century.

The period under review is characterized by a number of historical and legal transformations that allow us to raise the question of the possibility of creating a legal state during the specified period of the development of Russian statehood.

The analysis of such historical events as: the abolition of serfdom in 1861 stimulated the transition to a market economy and the development of industry; the judicial reform of 1864 introduced the principles of judicial independence, transparency of the judicial process and equality of the parties, which strengthened the country's legal system; secondly, the reform, including the introduction of universal military service, modernized the army and increased her combat capability; the creation of zemstvos and city councils expanded the possibilities of local self-government, contributing to the development of civil society – shows that all these processes accelerated the socio–economic development of the empire and paved the way for its further transformation into a rule-of-law state, as it is understood in modern scientific literature [4; 5; 16; 27; 33; 34; 35].

The judicial reform of Alexander II, initiated in 1864, became the fundamental transformation of the legal system of the Russian Empire, which led to the establishment of the principles of transparency, independence and competitiveness of court proceedings and significantly distinguished it from the previous, class-oriented system. The new structure of courts, including magistrates, district courts and judicial chambers, provided more accessible and fair justice for various segments of the population, including the introduction of the institution of jurors and professional advocacy,

* **Avramov Stepan Olegovich**, Associate of the Military Order of Zhukov at the Academy of the National Guard of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia). E-mail: E-mail: spvi2023@mail.ru.

Scientific supervisor: Salnikov Viktor Petrovich, Professor of the Military Order of Zhukov at the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Saint Petersburg, Russia). E-mail: Fonduniver@bk.ru.

which increased the level of objectivity and protection of citizens' rights in court proceedings [14]. Despite the resistance of conservative forces, the judicial reform of Alexander II laid the foundations of the modern legal system in general and the judicial system in particular, and thus became a significant step towards strengthening the rule of law in the country.

The analyzed state-legal transformations were caused by the urgent need to modernize the legal system of the Russian Empire. Prior to the reform period, the activities of judicial institutions were characterized by corruption, bureaucracy, and the dependence of judges on the executive branch, which undermined public confidence in justice. The socio-economic changes caused by the abolition of serfdom in 1861 required a new legal regulation of relations between citizens and the state. At the same time, these transformations were influenced by Western European legal systems and enlightenment ideas, which stimulated discussion of the need to implement the principles of legality, equality before the law and the independence of the judiciary. In addition, the defeat in the Crimean War highlighted the backwardness of state institutions, including the judicial system, increasing pressure on the government to carry out deep reforms. Thus, the combination of internal problems and external challenges has created an objective need for a fundamental transformation of the judicial system.

The evidence of the emerging trend towards the creation of signs of a rule-of-law state in Russia during the period under review was the preparation and implementation of judicial reform by Alexander II, which became a key moment in the transformation of the legal system of the Russian Empire in the second half of the 19th century. A special commission established in 1862 included leading lawyers and statesmen, studied foreign experience and developed the concept of a new judicial system. The main principles of the reform were: a) transparency of the judicial process; b) independence and irremovability of judges; c) the adversarial nature of the parties and d) the equality of all before the law. In 1864, new judicial statutes were adopted, which structurally reorganized the courts and introduced the institution of jurors. Despite the resistance from conservative forces, the Government's consistent policy ensured the successful implementation of this reform, which significantly increased the effectiveness and fairness of justice in the empire.

By the beginning of the reign of Alexander II, the judicial system of Russia was based on the "Provincial Institution" of 1775 and had three levels: county, provincial and national. The system reflected the principles of Catherine II-era legislation, including broad electability, collegiality, and a combination of estate-based institutions at the lower level with representation of different estates at the middle and governmental control at the upper. At the county level, minor cases of state peasants were handled by elected village and volost courts, while cases of merchants and burghers were handled by magistrates and town halls, consisting of elected burgomasters and ratmans. The county courts dealt with criminal cases of moderate severity and civil lawsuits below 600 rubles, and in the capitals there were superior courts for residents of different families and nonresidents. At the provincial level, Civil and Criminal Chambers functioned, which served as courts of the second instance, as well as the first for major cases and special categories of persons. They consisted of elected representatives of the nobility and urban society, as well as members appointed by the Government. The Governing Senate represented the upper level of the judicial system, where cases were reviewed by various departments and could undergo several stages of review, including a General Meeting of the Senate and the Council of State.

The judiciary included not only judicial but also administrative institutions for certain categories of cases. The police dealt with minor offenses, boundary disputes were handled by special institutions, and some cases were handled by provincial governments. This structure of the judicial system was characterized by complexity, class division, and significant influence of the executive branch on justice, which subsequently became one of the reasons for the need for judicial reform.

Before the reforms of Alexander II, the Russian judicial system suffered from excessive length and complex multi-stage processes, as a result of which cases could be delayed for many years, passing through many instances, each of which could repeatedly overturn decisions of lower courts and return cases for reconsideration. The lack of a clear cassation institution and the limited rights of defendants to appeal aggravated the situation, including due to the fact that the judiciary was closely intertwined with the administrative branch: governors had the opportunity to overturn

court decisions, and the police and other administrative bodies performed judicial functions in certain categories of cases.

The problem of pre-reform legal proceedings was compounded by the fact that judicial procedures were confusing and heterogeneous, with many exceptions for different classes and types of cases. Formalism in the evaluation of evidence prevented the establishment of the truth, as judges were limited by strict requirements for the status of the evidence presented and often did not see the defendants in person. The composition of the courts also attracted criticism: the elected judges were dependent on the provincial authorities and often had no legal education, and low salaries contributed to the spread of corruption.

These listed shortcomings of the legal, including judicial, system of the Russian state during this period became one of the key reasons that prompted the launch of a large-scale judicial reform.

The main features of Russia's pre-reform judicial system were the following: 1) the consideration of cases was characterized by closed and mostly written proceedings, without elements of adversarial proceedings; 2) judicial decisions were formed on the basis of materials prepared by judicial offices, which collected information from various procedural actions (interrogations, explanations of the parties, submission of documents, examinations and other acts), conducted separately and not integrated into a single process; 3) the bulk of investigative actions in criminal cases were carried out by the police, whose reputation was extremely low, and these actions were not subject to judicial review; 4) the rights of the parties and the accused to defend themselves, including familiarization with the evidence presented against them and the opportunity to challenge them, were significantly limited; 5) the institution of the bar, as a professional community with There were no established qualification and ethical standards at that time.

In this regard, the need for judicial reform was recognized by the state apparatus (for example, the Ministry of Justice, the majority of members of the State Council), as well as influential statesmen close to the Emperor. Outdated judicial procedures were widely criticized, irritating both the population and the authorities, and had no defenders. During this period, it should be noted that censorship has weakened, which has allowed the press to openly criticize the existing judicial system, reflecting persistently negative public opinion. However, the involvement of these educated professionals in the judicial system required a radical improvement in its reputation, which was completely undermined by bribery and bureaucratic red tape.

A special role in the preparation and implementation of judicial reform was played by Count D.N. Bludov [30; 32], who took initiatives to improve the judicial system of Russia. In 1844, he presented Nicholas I with a detailed note with reform proposals, but the emperor, although dissatisfied with the work of the courts, did not support these changes [36]. In 1858, D.N. Bludov re-submitted his proposals and received the support of Alexander II, as a result of which he was instructed to develop draft laws to improve the judicial system. In 1857–1860, 14 such projects were submitted to the State Council. However, D.N. Bludov's proposals were fragmentary and did not envisage fundamental changes, such as the introduction of adversarial proceedings or a jury trial. The only implemented reform was the creation in 1860 of the institute of judicial investigators, which were removed from the jurisdiction of the police and subordinated to the criminal courts [25].

When considering the draft laws in the State Council, it was decided that further discussion and amendments to existing laws were impractical, and therefore it was proposed to develop a unified concept for future judicial reform, discuss and approve it, and then create new Judicial statutes from scratch. In October 1861, Alexander II requested a report on the progress of judicial reform from the State Council. Based on this, a voluminous note was drawn up reflecting the opinions of the departments, drawn up by S. I. Zarudny, who holds the position of State Secretary, and was presented to the Emperor by Secretary of State V.P. Butkov. Alexander II fully supported the opinion of the State Council, which contributed to the implementation of a turning point in the history of judicial reform: D.N. Bludov's projects were actually rejected, and the initiative passed to a group of statesmen with reformist views.

The State Chancellery has formed a working group to develop a concept for judicial reform, including acting State Secretaries S.I. Zarudny and N.I. Stoyanovsky [11; 37], assistant State Secretaries

P.N. Danevsky and D.P. Shubin, Chief Prosecutor of the Senate N.A. Butskovsky [2; 23], Assistant Chief Prosecutor of the Synod K.P. Pobedonostsev [13; 19; 21; 28], Moscow provincial prosecutor D.A. Rovinsky [1; 12], as well as officials A. P. Vilinbakhov and A.M. Plavsky. Bludov D.N. Formally, he remained the head of the works, but in fact he lost his influence on the process of state and legal reform. The leader of the group was S.I. Zarudny, who spoke four foreign languages, knowledge of modern European legislation and became the main initiator of the creation of new Judicial Statutes.

In the period from January to March 1862, a preliminary draft of judicial reform was prepared, covering issues of the judicial system, civil and criminal proceedings. As a result, on April 9, 1862, Alexander II ordered that this project be submitted to the State Council for consideration, where a large-scale decision was made (the decision log has 370 pages), which generally approved and proposed further elaboration of the reform. Conservative members of the State Council, such as Count V.N. Panin, A.S. Norov and Prince Peter of Oldenburg [3] raised numerous objections, but invariably remained in the minority, after which the Resolution of the United Departments was considered in three meetings of the General Meeting of the State Council and submitted to Alexander II, who on September 4, 1862, ordered the development of new Judicial Statutes and approved "The main provisions for the transformation of the judicial part into Russia" (a summary of the draft), then ordered the publication of this document. In October 1862, D.N. Zamyatnin, an active supporter of judicial reform, was appointed Minister of Justice [8; 9, pp. 35–38; 17], thanks to whose efforts the humanization of law began: in April 1863, the most severe types of corporal punishment were abolished [29].

The State Council has established a commission to develop new Judicial regulations, including all those who previously worked on draft laws. The mission was headed by Secretary of State V.P. Butkov, and his deputy was A.M. Plavsky. The Commission was divided into three departments: A.M. Plavsky was responsible for the judicial system, N.A. Butskovsky was responsible for criminal proceedings, and S.I. Zarudny was responsible for civil court proceedings. In total, the commission consisted of 34 people, and the II Division of His Imperial Majesty's Own Chancellery was engaged in the development of legislation for the magistrates' courts.

The judicial charters developed as part of the State legal reform included four basic laws: 1) The establishment of judicial places; 2) The Statute of Criminal Proceedings; 3) the Statute of Civil Proceedings and 4) the Statute on Punishments of Magistrates. Technical standards have also been developed regarding the staffing of judicial institutions and transitional provisions. In September and October, they were reviewed by the General Meeting of the State Council, and on November 20, 1864, they were approved by Alexander II.

Developed during the judicial reform of 1864 The Charters, as well as the fairly well-organized system of bodies and institutions created on their basis, as aptly expressed by A.F. Konya, turned out to be in the position of an "island in the river", but despite this, these Charters in their original form were and remain examples of domestic lawmaking and legal culture [22].

At the time of the adoption of the Judicial Statutes, the State Council planned to implement them throughout the empire for four years, but in practice the process dragged on for more than 25 years, and in a number of regions, significant deviations from their original principles occurred during the implementation of the Statutes. One of the serious challenges faced by the Ministry of Justice was the personnel problem: the reformed courts required specialists with legal education, judicial experience and impeccable reputation. The first ministers of Justice after the reform, D.N. Zamyatnin and Count K.N. Palen [9, p. 42–47], paid special attention to the selection of personnel, personally visiting provinces and evaluating potential candidates. As a result of these actions, in the first ten years, the new judicial system was staffed by the best specialists who were transferred from the old provincial courts, and over time, lawyers who grew out of candidates for judicial positions and had sufficient experience appeared in the reformed courts themselves. This personnel policy proved to be very successful: from the very beginning, the new judicial corps demonstrated a high level of competence, dedication and honesty.

Thus, the Judicial reform of 1864 became a key stage in the establishment of the rule of law in Russia, laying the foundations of a modern legal system. She has implemented principles such as the rule of law, equality of all before the law, and the independence of the judiciary. These ideas, which date back to the European philosophical tradition, especially to the thoughts of the Enlightenment, reflected

the desire of Russian society to create a fair and transparent legal system. The reform also marked a shift from outdated approaches to a more liberal understanding of justice, where individual rights were given priority. From a philosophical point of view, this can be seen as a movement towards the humanization of law and the recognition of human dignity as the highest value.

However, despite the progressive ideas, the implementation of the reform faced difficulties: the implementation of new principles on the ground was often slowed down, and the independence of the courts was violated by the intervention of local authorities, which raised an important philosophical question about the gap between the proclaimed ideals and the actual practice of their implementation. This issue remains relevant in modern legal systems.

At the same time, a philosophical understanding of the reform makes it possible to assess it as an important step in the development of Russian legal culture and the formation of new ideas about law and justice. [6; 7; 18; 20; 40], which retain their significance in the present period.

Bibliographic list

1. *Abasov G.G., Kholodov M.V*. The legal contribution of Dmitry Aleksandrovich Rovinsky to the preparation and implementation of Judicial reform in 1864 // Legal science: history and modernity. 2018. No. 4. pp. 170–175.

2. *Alekseeva N.I., Dmitrievskaya S.A.* N.A. Butskovsky – a progressive reformer of the XIX century // Legal science: history and modernity. 2021. No. 3. pp. 46–57.

3. *Annenkova E.A., Golikov Yu.P.* Prince Peter Georgievich of Oldenburg. St. Petersburg: Rostock, 2012. – 352 p.: ill.

4. *Boer V.M., Gorodinets F.M., Grigonis E.P., Salnikov M.V., Yangol N.G. The* rule of law: reality, dreams, the future: Scientific edition / Edited by V.P. Salnikov. St. Petersburg: Aleteya, 1999. 256 p

5. *Bryleva E.A., Salnikov M.V*. Problematic issues of the development of the rule of law in the Russian Federation // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, April 5–6, 2018). In 2 hours, Part 1. / Ed. F.H. Galiev. Pp. 139–144.

6. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Just justice and M.I. Kleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., revised and add. // State and law. 2023. No. 7. pp. 194–199.

7. *Vinogradova E.V., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I.* Justice for justice M.I. Kleandrov. Justice and justice // State and Law. 2022. No. 8. Pp. 190–194.

8. *Glukhova V.E., Chimarov N.S.* Zamyatnin Dmitry Nikolaevich – the role of personality in the context of state transformations // Legal science: history and modernity. 2021. No. 12. pp. 139–146.

9. *Gutman M.Yu., Nikulin A.G., Salnikov V.P.* On the 220th anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Ministers of Justice, General Prosecutors of post-Reform Russia (1861–1905) // Legal Science: history and Modernity. 2021. No. 7. pp. 30–64.

10. *Dudin N.P., Losnitskaya E.A.* S.I. Zarudny's contribution to the development and implementation of Judicial reform in 1864 // The world of politics and sociology. 2019. No. 8. pp. 67–72.

11. *Eliseeva V.A., Sexte Ya.A.* The investigative reform of N.I. Stoyanovsky // Legal science: history and modernity. 2021. No. 11. pp. 161–166.

12. *Efimova O.V., Islomov T.R*. Dmitry Aleksandrovich Rovinsky's contribution to the development and implementation of Judicial reform in 1864 // Legal science: history and modernity. 2020. No. 6. pp. 143–150.

13. *Zhikov M.V., Kovalev V.A.* K.P. Pobedonostsev: life in the service of Russia // Legal science: history and modernity. 2022. No. 11. pp. 24–31.

14. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The trial by jury as one of the results of the reform of 1864: pros and cons // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. pp. 135–145.

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and Legal Science, Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. ISBN 978-5-4396-1810-1. EDN YURGA

16. *Zakhartsev S.I., Lezhneva O.Yu., Salnikov V.P., Chabukiani O.A.* Fair judicial power as a guarantor of the rule of law // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2021. No. 4. pp. 26–34.

17. *Ivanova N.M., Onuchina S.L.* Outstanding contribution of the Minister of Justice Dmitry Zamyatnin to judicial reform. Reforms of the Prosecutor's Office as Prosecutor General // Legal science: history and modernity. 2020. No. 2. pp. 170–174.

18. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries): Monograph. St. Petersburg: The University Foundation, 2017. 324 p. (Series: "Science and Society").

19. K.P. Pobedonostsev: pro et contra. Personality, socio-political activity and worldview of Konstantin Pobedonostsev in the assessment of Russian thinkers and researchers: An Anthology / Introductory article, comp. and a note by S.L. Firsov. – St. Petersburg: RHGI, 1996. 576 p. (Russian way).

20. *Kleandrov M.I.* Justice and justice. 2nd ed., revised and add. – M.: NORMA, 2023. 424 p.

21. *Kovalev V.A., Teterina A.A.* K.P. Pobedonostsev and his attitude to the Judicial reform of 1864 // Legal science: history and modernity. 2019. No. 6. pp. 43–48.

22. *Koni A.F.* Fathers and children of judicial reform. (On the fiftieth anniversary of Judicial Charters). 1864 November 20, 1914. Moscow: publishing house of I.D. Sytin, 1914. 354 p.

23. *Ksenzov Yu.Y., Savosin N.A.* Nikolai Andreevich Butskovsky – one of the fathers of the Judicial reform of 1864 // Legal science: history and modernity. 2019. No. 9. pp. 170–174.

24. *Kuleshova L.V., Queue V.P.* About the competition of scientific papers "The role of Russian lawyers in the era of judicial reforms in the second half of the XIX – early XX centuries." and the scientific and practical conference "Judicial and legal reform in Russia: history and modernity" // Legal science: history and modernity. 2018. No. 12. pp. 16–18

25. *Litvinova V.N., Lyasovich T.G.* Organizational and legal bases of judicial investigators in the Russian Empire in the second half of the 19th century // The world of politics and sociology. 2019. No. 6. pp. 29–33.

26. *Likhobabina M.V., Milyukov S.F.* "A man of labor and outstanding talents – Sergey Ivanovich Zarudny" // Legal science: history and modernity. 2019. No. 10. pp. 38–43.

27. *Mazurin S.F., Salnikov M.V.* The legal and social state in Slavic countries: can it differ from European ones? // The world of politics and sociology. 2019. No. 5. pp. 78–91.

28. *Makushin A.A., Pertseva A.A.* Konstantin Petrovich Pobedonostsev – the exponent of the idea of Russian conservatism // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. pp. 93–96.

29. The Ministry of Justice for a hundred years: 1802–1902: a historical sketch. Volume 2 / comp. P.N. Gussakovsky. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1902. pp. 92–93.

30. *Mikhailova D.A., Ksenzov Yu.Y.* The role of Dmitry Nikolaevich Bludov in the formation of the Russian judicial system // The world of politics and sociology. 2018. No. 2. pp. 67–70.

31. *Nosyreva A.E., Gavrilova A.V.* S.I. Zarudny: the founder of Judicial reform // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. pp. 121–125.

32. *Pushchin A.I., Yudina M.I*. Dmitry Nikolaevich Bludov and his contribution to the preparation of the draft Judicial reform of 1864 // Legal science: history and modernity. 2021. No. 1. pp. 61–66.

33. *Salnikov V.P.* From law to the rule of law // The rule of law: theory and practice. 2018. No. 1(51). pp. 12–15.

34. *Salnikov V.P.* Law is the foundation for the state // The rule of law: theory and practice. 2017. No. 4(50). pp. 7–8.

35. *Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V.* Theory of the rule of law (an attempt at a modern interpretation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. No. 3(15). pp. 3–14.

36. Judicial reform / Edited by N.V. Davydov and N.N. Polyansky; with the close participation of M.N. Gernet, A.E. Worms, N.K. Muravyov and A.N. Parenago. In 2 volumes, Moscow: Unification, 1915. 386+309 pages .

37. *Tarasov A.S., Yablokova M.A.* Stoyanovsky Nikolai Ivanovich and his contribution to Judicial reform in the second half of the XIX – early XX century: legislative and law enforcement activities // Legal science: history and modernity. 2018. No. 12. pp. 78–82.

38. *Tishchenko A.B., Serdyuk A.V.* The influence of S.I. Zarudny's ideas on the reforms of Russian legislation // Legal science: history and modernity. 2022. No. 1. pp. 105–111.

39. *Shepilov D.S., Krizhanovskaya G.N.* The role of S.I. Zarudny in the preparation of judicial statutes // Legal science: history and modernity. 2022. No. 3. pp. 163–168.

40. *Ekimov A.I.* The axiom of the correlation of justice and law // The world of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 13–23.

For citation: *Avramov S.O.* Judicial reforms of 1864 in Russia as a stimulus for movement towards a rule of law state: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 21–26.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_14

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.3(2)51
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_27

Г.М. Азнагулова*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В статье рассмотрен процесс модернизации отечественной правовой системы во взаимосвязи с современными тенденциями развития новой социальной реальности в России с опорой на авторское понимание понятийно-категориального аппарата теоретической науки, основанного на достижениях постнеклассической научной рациональности. Автором выдвигается и обосновывается тезис о цифровой экономике как ключевом факторе трансформации правовой системы с учетом современного этапа экономического развития государства. Показана трансформация отдельных компонентов национальной правовой системы, испытывающих влияние информационно-коммуникационных процессов как внешней среды для правовой системы общества в целом.*

Ключевые слова: *правовая система,цифровые технологии, новая миссия права.*

Согласно современным воззрениям правовая система общества представляет собой сложный, многоаспектный, иерархически структурированный класс социальных явлений – органический компонент общества как такового, охватывающего все материальное и духовное, созданное человеком в ходе своего эволюционного развития и передаваемое из поколения в поколение. Опираясь на гегелевское понимание формы, в котором она предстает как оформленное содержание или процесс перехода содержания в форму, в качестве глубинного основания общества в онтологическом смысле можно обоснованно рассматривать объективную связь индивидов, человечества в целом, по своей сути которое есть человеческое бытие, объединяющее в неразрывную цепь отдельные поколения людей. Таким образом, национальная правовая система предстает как эволюционно обусловленный сложноструктурированный и многоаспектный социальный феномен, существенно определяемый уровнем развития государства, его политических, экономических и социально-культурных элементов.

Материалистическое понимание истории предполагает рассмотрение человека разумного как творца истории, своего духовного бытия в меняющемся окружающем мире. Ранний период исторического развития имеет своим существенным признаком появление человека разумного, способного изготавливать простейшие орудия труда и совершать определенные целевые действия. На этих этапах своего эволюционного развития человек, познающий окружающий мир, постепенно поднимался все выше своей природной, биологической сущности, и в регулировании его поступков и действий стали играть главную роль не природные инстинкты, а развивающиеся, пусть в простейшей форме, словами Гегеля, «единичные субъективные интересы» [1, с. 23–25] как проявление стремлений к удовлетворению естественных нужд, потребностей в пище, жилище, самосохранении и т.д., а предпосылки действительно осознанных действий и интересов берут свое начало в процессе накопления

* **Азнагулова Гузель Мухаметовна** д.юрид.н., профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, заведующая кафедрой теории, истории и философии права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». E-mail: agm09@mail.ru.

знаний, развитии способностей в изготовлении орудий труда, а также всех необходимых средств к жизни, ведущих, с одной стороны, к диверсификации форм целевых действий, а с другой – выступающих в органической взаимосвязи с первой – к развитию сознания самого человека, обогащению содержания и «форм отношений» между людьми, основанных, прежде всего, на совместной трудовой деятельности. Производительный труд и обогащение содержания отношений между людьми явились важным фактором хода исторического развития человеческого сообщества. Взгляды на саму суть мировой истории имели значение в понимании возникновения структурных образований – элементов социальной реальности. В этой связи отметим, что чрезвычайно плодотворным является понимание истории в марксизме. В отличие от Гегеля, считавшего историю сменой государств, Карл Маркс писал: «История есть ничто иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [3, с.44–45] .

С конца XX века экономика начала приобретать черты цифровой модели, где информационные технологии внедрены практически во все сферы общественной жизни. В то же время марксистская теория, будучи частью мировой социальной и экономической мысли, открывает возможности для анализа закономерностей и противоречий, которые определяют объективные тренды эволюции общества. Учение о процессах «по ту сторону капитала» помогает осмыслить содержание глобальных социальных изменений последних десятилетий и обозначить направления трансформации производительных сил, выявляя пределы неолиберальной модели позднего капитализма с ее характерными чертами, такими как финансиализация и постиндустриализация.

Ключевым постулатом учения К. Маркса является положение о том, что экономика выступает в роли базиса, тогда как все остальные аспекты, включая право, являются надстройкой. Материальное производство, как и прежде, остается фундаментальной основой существования любого общества. Удовлетворение растущих потребностей людей становится главным драйвером развития производительных сил и совершенствования средств производства. В этом контексте искусственный интеллект можно рассматривать как инструмент, играющий ключевую роль в условиях технологического прогресса.

Сегодня идеи марксизма вновь приобретают актуальность, все чаще звучат призывы к возвращению к основным положениям этого учения, что связано с их способностью предлагать аналитические рамки для понимания современных экономических и социальных процессов.

Будучи сложноорганизованным многоаспектным социальным феноменом правовая система общества и ее сущностные характеристики в своем генезисе тесно взаимосвязаны со всем ходом эволюционного развития человека, общества и государства. На характеристики правовой системы общества существенное влияние оказывают различные факторы, в том числе совокупность всех происходящих социально-экономических, политических и культурных общественных процессов, рассматриваемых сквозь призму системного подхода как внешних факторов при обособленном выделении самой правовой системы с обратными афферентными связями.

Диалектическая взаимосвязь экономики и права находит яркое воплощение в многовековой истории человеческой цивилизации. Рассматриваемая как учение, экономика отражает развивающийся процесс хозяйственной деятельности, осознанный уже в древности в качестве необходимого труда для создания условий существования и воспроизводства человека.

В удовлетворении растущих потребностей, лежащих в основе интересов, человечество прошло длительный путь, соизмеримый с геологическим временем, начиная с собирательства и охоты через скотоводство и земледелие к индустриальному, технологическому обществу. Характерным моментом различных этапов экономического прогресса является пере-

ход человека к более высокой энерговооруженности, определяющей новый уровень производительных сил и соответствующих производственных отношений.

Исторически особенности материального производства оказывали существенное влияние на динамику духовной сферы, включая право. Вместе с тем влияние экономических аспектов на право не может служить в каузальном рассмотрении однозначной, лапласовской детерминантой.

В дошедших до нас древних письменных источниках культуры не только признается, но и особо подчеркивается важная роль законов государства в управлении экономической жизнью. Так, в Законах Хаммурапи (Вавилон, XVIII в. до н. э.) провозглашаются положения, регулирующие вопросы охраны частной собственности, пользования землей, торговли, найма и др. Этот документ, а также древнеиндийские и китайские источники права – безусловные свидетельства того, что в историческом плане материальная и духовная сферы развивались в тесном сплетении, взаимосвязи; момент, характеризующий диалектику соотношения экономики и права.

Как известно, понятие «экономика» обязано своим появлением греческому философу Ксенофонту, жившему на рубеже V–IV вв. до н. э., использовавшему в своем труде «Ойкономикс» («Домострой») слово «ойкономикс», производное от слов «ойкос» (дом, жилище) и «номос» (закон, правило).

С расширением и углублением общественного разделения труда и возникновением крупной частной собственности сфера экономики государства приобрело современное содержание: материальное производство, распределение, обмен, потребление, обладающие полнотой качественной определенности в рамках внутригосударственной правовой системы и международного права. Функционирование права обеспечивает существование нормативного и ценностного начала в экономических отношениях и выражает объективный процесс правового регулирования и правового воздействия на экономическую деятельность.

Цифровизация как процесс, имеющий масштабный, повсеместный и зачастую неконтролируемый характер, в первую очередь, направлена на использование новых технологий в целях обеспечения эффективности общественного производства, изменение регулирования отдельных сфер общественной жизни, в то же время создает определенные угрозы воздействия на самого человека и окружающую среду [2, с. 37–44].

Актуальной и сегодня выступают идеи академика В.С. Стёпина о новой миссии права в условиях формирующейся реальности «конвергентного мира» и поиске будущего прав человека [4]. Согласимся, что грядущее изменение рациональности, детерминированное технологическим фактором, приведет к переосмыслению права как социального регулятора [5, с.9] **.** Данная концепция вместе с идеей постнеклассической научной рациональности находят отражение в Концепции комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики*, разработка которой осуществлена Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2019–2020 гг.*

Процессы цифровизации порождают масштабную трансформацию экономических основ общества, формируют качественно новые формы правоотношений в отечественной

* Разработка концепции предусмотрена п. 1.4 дорожной карты программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138); п. 01.02.001.005 Плана мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 18 декабря 2017 г. № 2. URL: http://static.government.ru); п. 1.9 разд. 3 федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» «Национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7. URL: https://digital.gov.ru).

национальной правовой системе и требуют изменения нормативной правовой базы их регулирования.

Правовое познание как интеллектуально-когнитивная деятельность человека базируется на понятийно-категориальном мышлении, которое обобщенно отражает правовую реальность. В юридической науке и практике задействуются как универсальные философские и научные категории, так и специфические правовые понятия, что обуславливает значимые гносеологические эффекты.

Современный этап промышленной революции, характеризующийся активным внедрением цифровых технологий в общественную сферу, формирует новые виды общественных отношений и переосмысливает свойства традиционных объектов и явлений. Эти изменения способствуют тесному взаимодействию методологических подходов права с естественными и техническими науками. В результате право, регулирующее различные аспекты общественной жизни, сталкивается с объективной необходимостью использования понятийного аппарата, включающего термины и концепции из естественно-технической области.

Понятия, раскрывающие многоаспектную природу явлений, позволяют каждой области науки изучать специфические аспекты изучаемых объектов. Для юридической науки важной задачей становится адаптация и юридическое толкование новых терминов и понятий, используемых для описания трансформированных форм общественных отношений.

Следует заметить также, что внедрение новой цифровой реальности, протекающие техногенные процессы и использование информационно-куммуникационных технологий требуют расширения понятийного аппарата теории права, который наряду с традиционными юридическими категориями и понятиями, как функционирование правовой системы и ее модернизация, эффективность права, правосознание, правоотношения, реализация права и другими, должен включать и научно осмысленные новые термины информационно-коммуникативной среды, такие как «цифровизация», «цифровая реальность», «виртуальное пространство», «цифровая правовая среда», «цифровой человек» и др.

Согласно гегелевской концепции право содержит в себе одновременно и определение осуществления. Поэтому мы не можем не согласиться с идеей о том, что взаимодействие права и экономики являет собой фактор социального прогресса. В реализации задач системного общественного развития, укрепления основ функционирования социально-экономической, политико-правовой и культурно-духовной сфер общества ведущая роль принадлежит государству. Значимость этой роли государства особенно возрастает в эпоху информационно-телекоммуникационных технологий, имеющую всеобъемлющую и огромную (планетарную) производительную силу, выдвигающую на авансцену истории человека с его растущими духовными и материальными потребностями и интересами. Как подчеркивал Гегель, ничто не осуществляется без интереса действующих индивидов, и последняя цель всемирной истории, как идеи свободы и необходимости, представляет содержание потребности и интереса [1, с.23] , возрастание которых в новую эпоху приобретает глобальный характер.

Ключевым критерием качества правовой системы на каждом этапе общественного и государственного развития выступает её эффективность. Эффективность правовой системы следует рассматривать как многоуровневое и комплексное явление. В основе её анализа лежит понимание того, что эффективность формируется из совокупности факторов, включая потребности общества, определение целей, выбор соответствующих инструментов их достижения и анализ ожидаемых либо достигнутых результатов.

Деятельность государства, неразрывно связанная с реализацией и укреплением своего статуса, как внутреннего, регулируемого национальным правом, так и внешнего, установленного нормами международного права, в том числе по осуществлению экономической функции, имеет благоприятную констелляцию с научно разработанной концепцией государственного интереса, поскольку именно интересы, нашедшие теоретический фундамент, могут служить ориентиром для волевой деятельности на основе научного прогноза развития общества, включающего также и прогноз развития права. Работа в этом направлении

может быть эффективной, только если она нацелена на реализацию воли народа, объединенного общим интересом.

Библиографический список

1. *Гегель Г.В.Ф.* Соч. T.VIII. Философия истории / пер. А.М. Водена ; под ред. и с предисл. Ф.А. Горохова. М. : Соцэкгиз, 1935. 468 с.
2. *Малахов В.П., Азнагулова Г.М.* Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. 2021. № 2. С. 37–44.
3. *Маркс К.* Немецкая идеология. Т. 1. / в кн. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд. второе. Т. 3. М.: Гос.издат.полит.лит., 1955. 616 с.
4. *Степин В.С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 9–15.
5. *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.

Для цитирования: *Азнагулова Г.М.* Правовая система общества в условиях цифровой экономики: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 27–31.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_27

G.M. Aznagulova*

THE LEGAL SYSTEM OF SOCIETY IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. *The article examines the process of modernization of the domestic legal system in connection with modern trends in the development of a new social reality in Russia based on the author's understanding of the conceptual and categorical apparatus of theoretical science based on the achievements of post-non-classical scientific rationality. The author puts forward and substantiates the thesis about the digital economy as a key factor in the transformation of the legal system, taking into account the current stage of economic development of the state. The transformation of individual components of the national legal system, influenced by information and communication processes as an external environment for the legal system of society as a whole, is shown.*

Keywords: *the legal system, digital technologies, the new mission of law.*

According to modern views, the legal system of society is a complex, multidimensional, hierarchically structured class of social phenomena – an organic component of society as such, encompassing all material and spiritual things created by man during his evolutionary development and passed down from generation to generation. Based on the Hegelian understanding of form, in which it appears as a formalized content or the process of transition of content into form, as the deep foundation of society in the ontological sense, one can reasonably consider the objective connection of individuals, humanity as a whole, which is essentially human existence, uniting separate generations of people in an inseparable chain. Thus, the national legal system appears as an evolutionarily conditioned complex-structured and multidimensional social phenomenon, significantly determined by the level of development of the state, its political, economic and socio-cultural elements.

The materialistic understanding of history presupposes the consideration of a reasonable person as the creator of history, his spiritual existence in a changing world. The early period of historical development has as its essential feature the appearance of a reasonable person capable of manufacturing the simplest tools and performing certain targeted actions. At these stages of his

* **Aznagulova Guzel Mukhametovna,** Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Head of the Department of Theory, History and Philosophy of Law at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. E-mail: agm09@mail.ru.

evolutionary development, a person who knows the world around him gradually rose above his natural, biological essence, and in regulating his actions, not natural instincts began to play a major role, but developing, albeit in the simplest form, in the words of Hegel, "single subjective interests" [1, p. 23–25] as a manifestation of aspirations to satisfy natural needs, needs for food, housing, self-preservation, etc., and the prerequisites for truly conscious actions and interests originate in the process of accumulating knowledge, developing abilities in the manufacture of tools, as well as all necessary means of living, leading, on the one hand, to the diversification of forms of targeted actions, and on the other hand, acting in an organic relationship with the first – towards the development of the consciousness of the person himself, the enrichment of the content and "forms of relations" between people, based primarily on joint work. Productive work and the enrichment of the content of human relations have been an important factor in the historical development of the human community. Views on the very essence of world history were important in understanding the emergence of structural formations – elements of social reality. In this regard, we note that the understanding of history in Marxism is extremely fruitful. Unlike Hegel, who considered history to be a change of states, Karl Marx wrote: "History is nothing more than the successive succession of individual generations, each of which uses the materials, capitals, and productive forces transmitted to it by all previous generations; as a result, this generation, on the one hand, continues its inherited activities under completely changed conditions, and on the other, modifies the old conditions through completely changed activities." [3, pp.44–45] .

Since the end of the 20th century, the economy has begun to acquire the features of a digital model, where information technology has been introduced into almost all spheres of public life. At the same time, Marxist theory, being a part of global social and economic thought, opens up opportunities for analyzing patterns and contradictions that determine objective trends in the evolution of society. The study of processes "beyond capital" helps to comprehend the content of global social changes in recent decades and identify the directions of transformation of productive forces, revealing the limits of the neoliberal model of late capitalism with its characteristic features such as financialization and postindustrialization.

The key postulate of Karl Marx's teaching is that economics acts as a basis, while all other aspects, including law, are a superstructure. Material production, as before, remains the fundamental basis of the existence of any society. Meeting the growing needs of people is becoming the main driver of the development of productive forces and the improvement of means of production. In this context, artificial intelligence can be considered as a tool that plays a key role in the context of technological progress.

Today, the ideas of Marxism are becoming relevant again, and there are more and more calls for a return to the basic tenets of this doctrine, due to their ability to offer an analytical framework for understanding modern economic and social processes.

Being a complexly organized multidimensional social phenomenon, the legal system of society and its essential characteristics in their genesis are closely interrelated with the entire course of the evolutionary development of man, society and the state. The characteristics of the legal system of a society are significantly influenced by various factors, including the totality of all ongoing socio-economic, political and cultural social processes, viewed through the prism of a systematic approach as external factors with a separate allocation of the legal system itself with reverse afferent connections.

The dialectical relationship between economics and law finds a vivid embodiment in the centuries-old history of human civilization. Considered as a teaching, economics reflects the developing process of economic activity, recognized in ancient times as necessary labor to create conditions for human existence and reproduction.

In meeting the growing needs of the underlying interests, humanity has traveled a long path commensurate with geological time, starting with gathering and hunting through cattle breeding and agriculture to an industrial, technological society. A characteristic moment of the various stages of economic progress is the transition of a person to a higher energy level, which determines a new level of productive forces and the corresponding industrial relations.

Historically, the specifics of material production have had a significant impact on the dynamics of the spiritual sphere, including law. At the same time, the influence of economic aspects on law cannot serve as an unambiguous, Laplace determinant in causal consideration.

The ancient written cultural sources that have come down to us not only recognize, but also emphasize the important role of state laws in managing economic life. Thus, the Laws of Hammurabi (Babylon, XVIII century BC) proclaim provisions governing the protection of private property, land use, trade, hiring, etc. This document, as well as ancient Indian and Chinese sources of law, are indisputable evidence that, historically, the material and spiritual spheres developed in a close intertwining, interrelationship.; a moment characterizing the dialectic of the relationship between economics and law.

As you know, the concept of "economy" owes its origin to the Greek philosopher Xenophon, who lived at the turn of the 5th–4th centuries BC. e., who used the word "oikonomics" in his work, derived from the words "oikos" (house, dwelling) and "nomos" (law, rule).

With the expansion and deepening of the social division of labor and the emergence of large-scale private ownership, the sphere of the state's economy has acquired a modern content: material production, distribution, exchange, consumption, with full qualitative certainty within the framework of the domestic legal system and international law. The functioning of law ensures the existence of a normative and value principle in economic relations and expresses the objective process of legal regulation and legal impact on economic activity.

Digitalization as a process that has a large-scale, widespread and often uncontrolled nature, is primarily aimed at using new technologies to ensure the efficiency of public production, changing the regulation of certain spheres of public life, at the same time creates certain threats to the impact on humans and the environment [2, pp. 37–44].

The ideas of academician V.S. Stepin about the new mission of law in the context of the emerging reality of the "convergent world" and the search for the future of human rights are still relevant today [4]. Let's agree that the upcoming change in rationality, determined by the technological factor, will lead to a rethinking of law as a social regulator [5, p.9]. This concept, together with the idea of post-non-classical scientific rationality, is reflected in the Concept of Comprehensive Legal Regulation of Relations Arising in connection with the Development of the digital economy, which was developed by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation in 2019–2020.*

The processes of digitalization generate a large-scale transformation of the economic foundations of society, form qualitatively new forms of legal relations in the domestic national legal system and require changes in the regulatory framework for their regulation.

Legal cognition as an intellectual and cognitive activity of a person is based on conceptual and categorical thinking, which generically reflects the legal reality. In legal science and practice, both universal philosophical and scientific categories and specific legal concepts are involved, which causes significant epistemological effects.

The modern stage of the industrial revolution, characterized by the active introduction of digital technologies into the public sphere, forms new types of public relations and rethinks the properties of traditional objects and phenomena. These changes contribute to the close interaction of methodological approaches of law with natural and technical sciences. As a result, the law govern-

* The development of the concept is provided for in clause 1.4 of the roadmap of the Digital Economy of the Russian Federation program (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r // SZ RF. 2017. No. 32, Article 5138); item 01.02.001.005 of the Action Plan for the "Regulatory Regulation" of the Digital Economy of the Russian Federation program (approved by the Government of the Russian Federation). Government Commission on the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions, Protocol No. 2 dated December 18, 2017. URL: http://static.government.ru); p. 1.9 sec. 3 of the federal project "Regulatory Regulation of the Digital Environment" of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 7 dated June 4, 2019. URL: https://digital.gov.ru).

ing various aspects of public life is faced with the objective need to use a conceptual framework that includes terms and concepts from the natural-technical field.

Concepts that reveal the multidimensional nature of phenomena allow each field of science to study specific aspects of the studied objects. For the legal science, an important task is the adaptation and legal interpretation of new terms and concepts used to describe transformed forms of social relations.

It should also be noted that the introduction of a new digital reality, ongoing technological processes and the use of information and communication technologies require the expansion of the conceptual framework of the theory of law, which, along with traditional legal categories and concepts such as the functioning of the legal system and its modernization, the effectiveness of law, legal awareness, legal relations, the implementation of law and others, should include scientifically meaningful new terms of the information and communication environment, such as "digitalization", "digital reality", "virtual space", "digital legal environment", "digital person", etc.

According to the Hegelian concept, law contains both the definition of exercise. Therefore, we cannot disagree with the idea that the interaction of law and economics is a factor of social progress. The state plays a leading role in the implementation of the tasks of systemic social development, strengthening the foundations of the functioning of socio-economic, political, legal, cultural and spiritual spheres of society. The importance of this role of the state is especially increasing in the era of information and telecommunication technologies, which has a comprehensive and huge (planetary) productive force, bringing to the forefront of human history with its growing spiritual and material needs and interests. As Hegel emphasized, nothing is realized without the interest of acting individuals, and the last goal of world history, as ideas of freedom and necessity, represents the content of need and interest [1, p.23], the increase of which in the new era acquires a global character.

The key criterion for the quality of the legal system at each stage of social and state development is its effectiveness. The effectiveness of the legal system should be considered as a multilevel and complex phenomenon. Its analysis is based on the understanding that effectiveness is formed from a combination of factors, including the needs of society, the definition of goals, the choice of appropriate tools to achieve them, and the analysis of expected or achieved results.

The activity of the state, which is inextricably linked with the realization and strengthening of its status, both internal, regulated by national law, and external, established by the norms of international law, including the implementation of economic functions, has a favorable constellation with the scientifically developed concept of state interest, since it is the interests that have found a theoretical foundation that can serve as a guide for volitional activity. based on a scientific forecast of the development of society, which also includes a forecast of the development of law. Work in this direction can be effective only if it is aimed at realizing the will of the people united by a common interest.

Bibliographic list

1. *Hegel G.V.F.* Soch. Vol. VIII. Philosophy of History / translated by A.M. Voden ; ed. and with a preface by F.A. Gorokhov. Moscow : Sotsekgiz, 1935. 468 p.

2. *Malakhov V.P., Aznagulova G.M. The* problem of legal understanding in digital reality // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. 2021. No. 2. pp. 37–44.

3. *Marx K.* German Ideology. Vol. 1. / in K. Marx and F. Engels Soch. Ed. the second. Vol. 3. Moscow: State Publishing House.political literature, 1955. 616 p.

4. *Stepin V.S.* Civilization in the age of change: the search for new development strategies // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 3. pp. 9–15.

5. *Stepin V.S.* Man. Activity. Culture. St. Petersburg: SPbGUP, 2018, 800 p.

For citation: *Aznagulova G.M.* The Legal System of Society in the Digital Economy : article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 31–34.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_27

Научная статья

УДК 342.726
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_35

С.М. Воробьев*
П.В. Ивлиев**

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация: *в статье рассматривается роль социальных сетей в формировании общественного мнения и политического дискурса в России. Описываются основные тенденции использования социальных платформ для политической мобилизации, распространения альтернативной информации и создания политического контента. Особое внимание уделено законодательному регулированию работы социальных сетей, включая законы «О фейковых новостях» и «О защите персональных данных», а также роль Роскомнадзора в мониторинге и ограничении доступа к контенту. Рассматриваются примеры практического применения этих законов и их влияние на свободу слова и информационную безопасность в контексте современных политических процессов.*

Ключевые слова: *социальные сети, общественное мнение, информация, гражданское общество, информационное пространство, средства массовой информации, избирательные права, онлайн-платформы, контент, интернет.*

Социальные сети, являющиеся неотъемлемой частью современной жизни, оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения и политического дискурса. В России их роль особенно важна, поскольку они стали каналом обмена информацией, организации гражданских акций и обсуждения политических вопросов. Такие платформы, как Telegram, Tympitter и интернет, предоставляют пользователям возможность мгновенно обмениваться информацией и мнениями, что, в свою очередь, влияет на восприятие публичных событий и формирование политических позиций. Также социальные сети предвосхищают серьезные социальные вызовы. Такие как угрозы кибербезопасности конфиденциальности, цифровое неравенство, кибербуллинг и многие другие.

Указанные вызовы являются следствием процесса глобализации цифровой трансформации[5].

В силу сложившейся геополитической ситуации в отношении Российской Федерации с недружественными странами, возрастает роль обеспечения суверенитета российского государства[6]. И именно информационную безопасность и независимость могут обеспечить России отечественные социальные сети.

С одной стороны, социальные сети способствуют развитию гражданского общества, демократизации информации и облегчению доступа к политическим дискуссиям. С другой стороны, широкая доступность платформ привела к необходимости их регулирования, особенно перед лицом угроз информационной безопасности, распространения фейковых новостей и влияния иностранных агентов на общественное мнение. Российское законодательство, регулирующее социальные сети, развивается в ответ на эти вызовы, создавая сложную правовую базу для взаимодействия граждан с информацией и функционирования самих платформ.

* **Воробьев Сергей Михайлович,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0734-745.

** **Ивлиев Павел Валентинович,** кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России. E-mail: ivliev_pv@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8508-1633.

Современное правовое государство сложно себе представить без полноценно развитого гражданского общества[3].

Одним из основных преимуществ социальных сетей является их способность предоставлять пользователям доступ к различным источникам информации, что способствует созданию более открытого и демократичного информационного пространства. В отличие от традиционных средств массовой информации, социальные сети позволяют пользователям становиться источниками своего собственного контента, что приводит к распространению различных точек зрения и мнений, в том числе тех, которые могут не отражаться в официальных средствах массовой информации.

Цифровизация не обошла стороной и систему подготовки кадров. Все вузы страны испытывают на себе информационную зависимость и информационное воздействие[7]. Именно во многом благодаря социальным сетям можно прививать интерес к учебе у подрастающего поколения. Более того необходимо понимать, что социальные сети можно использовать как обучающие платформу и тем самым сопрягать приятное с полезным. В современном информационном обществе информация приобретает особую ценность, становясь особенной важной составляющей развития государства, необходимым ресурсом его развития [8].

Одним из примеров этого являются публичные кампании, такие как акции по борьбе с коррупцией, за которые выступали активисты гражданского общества и блоггеры. На таких платформах вы можете взаимодействовать с общественностью без посредников и делиться информацией о нарушениях прав и свобод, играют важную роль в этих кампаниях. Ярким примером является использование YouTube и Telegram для распространения информации о протестах 2019 и 2021 годов в России, когда многие активисты и журналисты использовали социальные сети для освещения реальной ситуации на улицах и критики действий властей.

Социальные сети в России также стали ключевым инструментом политической мобилизации. С его помощью оппозиционные движения проводят массовые митинги, распространяют политические заявления и координируют действия своих сторонников. Одним из наиболее ярких примеров этого является использование Telegram для организации демонстраций против коррупции и нарушений избирательных прав. Социальные сети позволили активистам быстро мобилизовать большое количество людей и привлечь внимание к политическим вопросам, которые редко поднимаются в основных средствах массовой информации.

Однако использование социальных сетей для политической мобилизации привело к принятию ряда законодательных мер, направленных на ограничение их использования для организации демонстраций и собраний. Законы, касающиеся регулирования политических собраний и агитации, постепенно расширяются, охватывая не только деятельность в автономном режиме, но и онлайн-платформы. В частности, были поданы петиции с требованием удалить из социальных сетей информацию о несанкционированных акциях протеста, а также заблокировать аккаунты, требующие участия в подобных мероприятиях.

Несмотря на все преимущества социальных сетей, существует проблема поляризации мнений. Эффект "эхо-камер", наблюдаемый в социальных сетях, усиливает разделение общества по политическим и социальным вопросам. Как правило, пользователи получают информацию из источников, соответствующих их убеждениям, что снижает уровень критического восприятия и ограничивает доступ к альтернативным точкам зрения.

В результате политический дискурс в социальных сетях часто становится более радикальным и агрессивным. В России это особенно очевидно в контексте дебатов по политическим вопросам как снаружи, так и внутри, когда пользователи группируются вокруг определенных лидеров общественного мнения и следуют их риторике. Это явление, хотя и не является уникальным для России, но требует пристального внимания со стороны властей и общественности, поскольку может обострить противоречия в обществе и подорвать диалог между различными слоями общества.

Одной из первых серьезных законодательных инициатив, направленных на регулирование информации в социальных сетях, стал закон "о фейковых новостях", принятый в 2019 году[1]. Этот закон предусматривает ответственность за распространение заведомо ложной

информации, которая может спровоцировать массовые беспорядки, вызвать панику или нанести вред здоровью граждан. Социальные сети обязаны удалять такой контент по запросу государственных учреждений, и в случае невыполнения этого требования предусмотрены штрафы и блокировки.

Закон вызвал неоднозначную реакцию в обществе. С одной стороны, он предназначен для борьбы с распространением ложной информации и ложных данных, которые могут нанести реальный ущерб. Критики, с другой стороны, утверждают, что закон может быть использован для подавления инакомыслия и ограничения свободы слова в Интернете. В качестве примера можно привести случаи блокировки оппозиционных учетных записей в социальных сетях по обвинению в распространении "ложной информации", когда эта информация содержала критику правительства или призывы к гражданским демонстрациям.

В 2019 году также был принят закон о "суверенном Интернете", который предоставил государству больше возможностей контролировать интернет-трафик внутри страны[2]. Закон направлен на обеспечение информационной безопасности и защиту критически важной инфраструктуры от внешних угроз. Одной из основных целей закона является создание системы, позволяющей России автономно управлять интернетом в случае отключения от международных сетей.

В России на сегодняшний день появились все необходимые условия для качественного улучшения координации массмедиа с властью[4].

Этот закон напрямую влияет на работу социальных сетей, поскольку предусматривает возможность ограничивать или блокировать иностранные платформы, если они нарушают российские законы. Для социальных сетей это связано с необходимостью соответствовать новым требованиям, таким как хранение данных российских пользователей в стране и удаление контента по запросу государственных органов. И хотя многие платформы уже начали внедрять изменения в соответствии с законодательством, все еще существуют опасения, что такие меры могут привести к еще большему контролю государства над информационным пространством.

Политическая реклама в социальных сетях также подпадает под действие государственного регулирования. В 2020 году в закон "О выборах" были внесены изменения, касающиеся кампаний в интернете.

Теперь вся политическая реклама должна иметь четкую маркировку, а рекламные клиенты должны предоставлять данные о своих финансовых источниках и затратах на продвижение.

Эти изменения направлены на борьбу с иностранным вмешательством в избирательные процессы и обеспечение прозрачности финансирования политических кампаний. В контексте социальных сетей это означает более строгий контроль за агитационной деятельностью, особенно во время избирательных кампаний.

Социальные сети в России играют важную роль в распространении информации, часто предлагая пользователям альтернативные подходы, при этом точка зрения не всегда отражается в официальных СМИ. Это делает его важным инструментом для формирования политического дискурса. Независимые журналисты, общественные деятели и политические активисты используют такие платформы, как YouTube, для распространения новостей о правах человека, коррупции и других социальных проблемах.

Но использование социальных сетей для политических дебатов привлекает внимание правительственных учреждений, которые рассматривают эти платформы как потенциальные источники угроз информационной безопасности. В связи с этим Россия разработала ряд законодательных мер, направленных на мониторинг контента в интернете и обеспечение соблюдения законодательства о публикациях на политические темы.

Хотя социальные сети предоставляют множество возможностей для обсуждения, на практике свобода выражения мнений на этих платформах становится все более ограниченной. Российское законодательство требует, чтобы социальные сети соблюдали строгие правила удаления определенного контента. Закон о" фейковых новостях", как упоминалось выше, разрешает блокировать публикации, которые можно считать дезинформацией. соци-

альные сети также обязаны удалять сообщения, призывающие к беспорядкам или участию в несанкционированных демонстрациях.

Эти законы значительно ограничивают способность граждан выражать свои политические взгляды в социальных сетях, что влияет на весь политический дискурс. В то же время социальные сети остаются важным инструментом обмена мнениями и информацией, особенно среди молодежи, которая активно использует эти платформы для обсуждения социально-политических вопросов.

Социальные сети также стали ареной информационной войны с участием государственных и негосударственных организаций. В разгар глобального политического и экономического кризиса социальные сети используются для продвижения различных идеологий и политических позиций. Российские и зарубежные СМИ активно сотрудничают с пользователями социальных сетей, пытаясь сформировать определенное восприятие событий в стране и за ее пределами.

В ответ российское законодательство усилило меры по борьбе с так называемым "внешним влиянием".

В последние годы был принят ряд законов, направленных на борьбу с иностранными агентами, включая не только СМИ, но и отдельных пользователей, которые активно участвуют в политической деятельности.

Законы о поддельных новостях и защите персональных данных стали важными инструментами государства для обеспечения информационной безопасности. Кроме того, социальные сети обязаны хранить информацию о пользователях в России, что позволяет госорганам оперативно реагировать на нарушения закона.

Ключевым моментом в этом процессе является создание правовой базы для обработки больших данных, генерируемых пользователями социальных сетей. на основании этих данных можно идентифицировать пользователей, которые распространяют запрещенную информацию или участвуют в политической деятельности, несовместимой с требованиями законодательства.

Необходимо отметить, что Роскомнадзор играет ключевую роль в регулировании социальных сетей в России.

Эта структура отвечает за мониторинг контента и выдачу ордеров на блокировку сайтов и учетных записей, нарушающих закон. в последние годы Роскомнадзор получил дополнительные полномочия по борьбе с политической пропагандой и распространению экстремистских материалов. По вашему запросу удаляются тысячи публикаций, которые не соответствуют требованиям законодательства.

Например, в 2021 году были заблокированы или заблокированы десятки учетных записей Twitter и YouTube, которые, по мнению властей, распространяли информацию, противоречащую закону о защите персональных данных, или призывали к участию в несанкционированных демонстрациях. Эти меры получили поддержку части населения, обеспокоенной возможным иностранным влиянием, но также подверглись критике со стороны правозащитных организаций.

Социальные сети играют важную роль в формировании общественного мнения и политического дискурса в России. Они предоставляют гражданам возможность участвовать в политической жизни, получать доступ к другим источникам информации и высказывать свое мнение по важным социальным вопросам. В то же время, государственное регулирование этих платформ все чаще направлено на ограничение их использования для политической мобилизации и организации демонстраций.

Основными регуляторными механизмами остаются законы, направленные на борьбу с дезинформацией и защиту персональных данных, а также меры по обеспечению информационной безопасности перед лицом глобальной политической конкуренции:

Это отражает баланс между свободой выражения мнений и потребностью в национальной безопасности, который остается важным компонентом формирования политической культуры и общественного дискурса в эпоху цифровых технологий.

Библиографический список

1. Федеральный закон о внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологий и о защите информации» от 18.03.2019 г. № 31-ФЗ и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2018 г. № 27-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 12. – 2019. – Ст. 1221.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 18. – 2019. – Ст. 2214.

3. *Ивлиев П. В.* «Правовое регулирование взаимодействия массмедиа с институтами гражданского общества» // Аграрное и земельное право. – № 10, – 2023. – С. 20–22.

4. *Ивлиев П. В., Тренина С. А.* «Правовое регулирование взаимодействия государственных органов и массмедиа на примере зарубежного опыта» // Аграрное и земельное право. – № 10. – 2023. С. 41–42.

5. *Марина Е.А., Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О.* «Общество, государство и право в условиях цифровой трансформации» // Теория государства и права, № 3-1(39), 2024 г. С: 191–201.

6. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* «Цифровой суверенитет Российской федерации: теоретико-правовой анализ» // Теория государства и права, № 1 (35), 2024 г., С: 45–59.

7. *Дроздова А.М., Комаров В.С., Комарова Т.Л., Курмаев Р.М., Высоцкач Г.А. «*Правосознание личности в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития» // Теория государства и права, № 2-1 (37), 2024 г., С: 43–58.

8. *Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н.* «Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества» // Теория государства и права, № 4-1 (34), 2023 г., С: 125–134.

Для цитирования: *Воробьев С.М., Ивлиев П.В*. Роль социальных сетей в формировании общественного мнения и политического дискурса: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 35–39.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_35

S.M. Vorobyov[*]
P.V. Ivliev[**]

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN SHAPING PUBLIC OPINION AND POLITICAL DISCOURSE

Annotation. *The article examines the role of social networks in shaping public opinion and political discourse in Russia. It describes the main trends in the use of social platforms for political mobilization, dissemination of alternative information, and creation of political content. Particular attention is paid to the legislative regulation of social networks, including the laws "On Fake News" and "On the Protection of Personal Data", as well as the role of Roskomnadzor in monitoring and restricting access to content. Examples of the practical application of these laws and their impact on freedom of speech and information security in the context of modern political processes are considered.*

Keywords: *social networks, public opinion, information, civil society, information space, mass media, electoral rights, online platforms, content, Internet.*

[*] **Vorobyov Sergey Mikhailovich** , Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0734-745.

[**] **Ivliev Pavel Valentinovich,** Candidate of Law, Associate Professor at the Institute of Civil Law and Procedure at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.. E-mail: ivliev_pv@mail.ru ORCID: https://orcid. org/0000-0002-8508-1633.

Social networks, which are an integral part of modern life, have a significant impact on the formation of public opinion and political discourse. In Russia, their role is especially important, as they have become a channel for information exchange, organization of civil actions and discussion of political issues. Platforms such as Telegram, Tympitter and the Internet provide users with the opportunity to instantly exchange information and opinions, which, in turn, affects the perception of public events and the formation of political positions. Social media also anticipates serious social challenges. Such as cybersecurity threats to privacy, digital inequality, cyberbullying, and many others.

These challenges are a consequence of the process of globalization of digital transformation[5].

Due to the current geopolitical situation in relation to the Russian Federation with unfriendly countries, the role of ensuring the sovereignty of the Russian state is increasing[6]. And it is precisely information security and independence that domestic social networks can provide to Russia.

On the one hand, social media contributes to the development of civil society, the democratization of information and easier access to political discussions. On the other hand, the widespread availability of platforms has led to the need to regulate them, especially in the face of threats to information security, the spread of fake news and the influence of foreign agents on public opinion. Russian legislation governing social media is evolving in response to these challenges, creating a complex legal framework for citizens to interact with information and for the platforms themselves to function.

It is difficult to imagine a modern rule-of-law state without a fully developed civil society[3].

One of the main advantages of social networks is their ability to provide users with access to various sources of information, which contributes to the creation of a more open and democratic information space. Unlike traditional media, social networks allow users to become sources of their own content, which leads to the dissemination of various points of view and opinions, including those that may not be reflected in the official media.

Digitalization has not bypassed the personnel training system. All universities in the country are experiencing information dependence and information impact[7]. It is largely thanks to social media that it is possible to instill interest in learning among the younger generation. Moreover, it is necessary to understand that social networks can be used as a learning platform and thus combine business with pleasure. In the modern information society, information acquires special value, becoming a particularly important component of the development of the state, a necessary resource for its development[8].

One example of this is public campaigns such as anti-corruption campaigns, which have been championed by civil society activists and bloggers. On such platforms, you can interact with the public without intermediaries and share information about violations of rights and freedoms that play an important role in these campaigns. A prime example is the use of YouTube and Telegram to spread information about the protests of 2019 and 2021 in Russia, when many activists and journalists used social media to highlight the real situation on the streets and criticize the actions of the authorities.

Social media in Russia has also become a key tool for political mobilization. With its help, opposition movements hold mass rallies, disseminate political statements, and coordinate the actions of their supporters. One of the most striking examples of this is the use of Telegram to organize demonstrations against corruption and violations of electoral rights. Social media allowed activists to quickly mobilize large numbers of people and draw attention to political issues that are rarely raised in the mainstream media.

However, the use of social media for political mobilization has led to the adoption of a number of legislative measures aimed at limiting their use for organizing demonstrations and gatherings. Laws related to the regulation of political gatherings and campaigning are gradually being expanded to cover not only offline activities, but also online platforms. In particular, petitions were filed demanding that information about unauthorized protest actions be removed from social networks, as well as accounts requiring participation in such events be blocked.

Despite all the advantages of social media, there is a problem of opinion polarization. The effect of "echo chambers" observed on social media reinforces the division of society on political and social issues. As a rule, users receive information from sources that correspond to their beliefs, which reduces the level of critical perception and restricts access to alternative points of view.

As a result, political discourse on social media often becomes more radical and aggressive. In Russia, this is especially evident in the context of debates on political issues both externally and internally, when users cluster around certain opinion leaders and follow their rhetoric. Although this phenomenon is not unique to Russia, it requires close attention from the authorities and the public, as it can exacerbate contradictions in society and undermine dialogue between different segments of society.

One of the first serious legislative initiatives aimed at regulating information on social networks was the law "on fake news", adopted in 2019[1]. This law provides for liability for the dissemination of deliberately false information that could provoke mass riots, cause panic or harm the health of citizens. Social networks are required to remove such content at the request of government agencies, and fines and blockages are provided if this requirement is not met.

The law has caused a mixed reaction in society. On the one hand, it is designed to combat the spread of false information and false data that can cause real damage. Critics, on the other hand, argue that the law can be used to suppress dissent and restrict freedom of speech online. As an example, cases of blocking opposition accounts on social networks on charges of spreading "false information" when this information contained criticism of the government or calls for civil demonstrations.

In 2019, the law on the "sovereign Internet" was also adopted, which provided the state with more opportunities to control Internet traffic within the country[2]. The law is aimed at ensuring information security and protecting critical infrastructure from external threats. One of the main goals of the law is to create a system that allows Russia to independently manage the Internet in the event of disconnection from international networks.

Today, Russia has all the necessary conditions for a qualitative improvement in the coordination of the mass media with the authorities[4].

This law directly affects the work of social networks, as it provides for the possibility to restrict or block foreign platforms if they violate Russian laws. For social networks, this is due to the need to meet new requirements, such as storing Russian user data in the country and deleting content at the request of government agencies. Although many platforms have already begun to implement changes in accordance with the law, there are still concerns that such measures could lead to even greater government control over the information space.

Political advertising on social media is also subject to government regulation. In 2020, the law on Elections was amended regarding online campaigns.

Now all political advertising must be clearly labeled, and advertising clients must provide information about their financial sources and promotion costs.

These changes are aimed at combating foreign interference in the electoral processes and ensuring transparency in the financing of political campaigns. In the context of social media, this means stricter control over campaigning activities, especially during election campaigns.

Social networks in Russia play an important role in the dissemination of information, often offering users alternative approaches, while the point of view is not always reflected in the official media. This makes it an important tool for shaping political discourse. Independent journalists, public figures, and political activists use platforms such as YouTube to spread news about human rights, corruption, and other social issues.

But the use of social media for political debate attracts the attention of government agencies, which view these platforms as potential sources of threats to information security. In this regard, Russia has developed a number of legislative measures aimed at monitoring content on the Internet and ensuring compliance with legislation on publications on political topics.

Although social media provides many opportunities for discussion, in practice, freedom of expression on these platforms is becoming increasingly limited. Russian law requires social net-

works to follow strict rules for removing certain content. The law on "fake news", as mentioned above, allows you to block publications that can be considered disinformation. Social networks are also required to delete messages calling for riots or participation in unauthorized demonstrations.

These laws significantly limit the ability of citizens to express their political views on social media, which affects the entire political discourse. At the same time, social media remains an important tool for exchanging opinions and information, especially among young people who actively use these platforms to discuss socio-political issues.

Social media has also become an arena of information warfare involving government and non-government organizations. In the midst of the global political and economic crisis, social media is being used to promote various ideologies and political positions. Russian and foreign media actively cooperate with users of social networks, trying to form a certain perception of events in the country and abroad.

In response, Russian legislation has strengthened measures to combat so-called "external influence."

In recent years, a number of laws have been passed aimed at combating foreign agents, including not only the media, but also individual users who actively participate in political activities.

Laws on fake news and personal data protection have become important government tools to ensure information security. In addition, social networks are required to store information about users in Russia, which allows government agencies to respond promptly to violations of the law.

The key point in this process is to create a legal framework for processing big data generated by users of social networks. Based on this data, it is possible to identify users who disseminate prohibited information or participate in political activities that are incompatible with legal requirements.

It should be noted that Roskomnadzor plays a key role in regulating social networks in Russia.

This structure is responsible for monitoring content and issuing orders to block websites and accounts that violate the law. In recent years, Roskomnadzor has received additional powers to combat political propaganda and the dissemination of extremist materials. Thousands of publications that do not comply with legal requirements are being deleted upon your request.

For example, in 2021, dozens of Twitter and YouTube accounts were blocked or blocked, which, according to the authorities, disseminated information contrary to the law on personal data protection or called for participation in unauthorized demonstrations. These measures have received the support of a part of the population concerned about possible foreign influence, but have also been criticized by human rights organizations.

Social networks play an important role in shaping public opinion and political discourse in Russia. They provide citizens with the opportunity to participate in political life, gain access to other sources of information, and express their opinions on important social issues. At the same time, government regulation of these platforms is increasingly aimed at limiting their use for political mobilization and organization of demonstrations.

The main regulatory mechanisms remain laws aimed at combating disinformation and protecting personal data, as well as measures to ensure information security in the face of global political competition.:

This reflects the balance between freedom of expression and the need for national security, which remains an important component of shaping political culture and public discourse in the digital age.

Bibliographic list

1. Federal Law on Amendments to Article 15-3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 18.03.2019 No. 31-FZ and Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 18.03.2018 No. 27-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – No. 12. – 2019. – Art. 1221.

2. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 05/01/2019, No. 90-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – No. 18. – 2019. – Art. 2214.

3. *Ivliev P. V.* "Legal regulation of interaction of mass media with institutions of civil society" // Agrarian and land law. – No. 10, – 2023. – pp. 20–22.

4. *Ivliev P. V., Trenina S. A*. "Legal regulation of interaction between state bodies and mass media on the example of foreign experience" // Agrarian and land law. – No. 10. – 2023. pp. 41–42.

5. *Marina E.A., Mishchenko E.V., Nikuradze N.O.* "Society, State and Law in the Context of Digital Transformation" // Theory of State and Law, No. 3-1 (39), 2024. Pp: 191–201.

6. *Vorobyov S.M., Komarov S.A.* "Digital Sovereignty of the Russian Federation: Theoretical and Legal Analysis" // Theory of State and Law, No. 1 (35), 2024, Pp: 45–59.

7. *Drozdova A.M., Komarov V.S., Komarova T.L., Kurmaev R.M., Vysotskach G.A.* "Legal consciousness of an individual in the context of informatization and digitalization of Russian society in the interests of sustainable development" // Theory of state and law, No. 2-1 (37), 2024, pp. 43–58.

8. *Drozdova A.M., Ignatyeva S.V., Krizhanovskaya G.N.* "Informatization and digitalization in the educational space of modern Russian society" // Theory of state and law, No. 4-1 (34), 2023, pp. 125–134.

For citation: *Vorobyov S.M., Ivliev P.V.* The Role of Social Networks in Shaping Public Opinion and Political Discourse: an Article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 39–43.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_35

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_44

Н.В. Зорина*
В.П. Сальников**
Д.В. Масленников***

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ПАТРИСТИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КЛАССИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ ПРАВА

***Аннотация**. Рассматриваются предпосылки разработки в учении отцов и учителей церкви содержания понятия абсолютной свободы, которое было положено классиками немецкого идеализма в основу выдвинутой ими парадигмы правового мышления. Гегель в диалектике «раба и господина» представил феноменологическую экспликацию перехода от доправового к нравственно-правовому состоянию личности и общества. Этот переход он связывал с возвышением античного (стоического) понимания свободы лишь как отрицательной «свободы от....» к ее пониманию как абсолютной свободы, которое приходит в мир только вместе с христианством. Представление об абсолютной свободе, которое было развито в патристике в рамках теодицейной проблематики, в свою очередь актуализированной необходимостью противодействия гностическим ересям, получает форму научного понятия в немецкой классике и таким образом может войти в дискурсивное содержание правового мышления*

***Ключевые слова**: патристика, Кант, Гегель, гностицизм, свобода, благо, право, мораль, суверенная философия права.*

Немецкий классический идеализм рубежа XVIII – XIXвв. впервые в истории мысли дал философии форму науки. Благодаря этому стало возможным теоретическое выражение понятий, содержание которых ранее существовало лишь в форме представлений и чувств, по преимуществу религиозного характера. К числу таких понятий следует отнести и понятие абсолютной, или положительной свободы, которое было впервые познано и введено в практику человеческого мышления еще отцами церкви в первые века христианства. Выраженное в форме понятия Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем это содержание смогло стать основой новой парадигмы правовой мысли, не сводимой ни к парадигме общественного договора, ни к актуальной до нашего времени парадигме естественного права [6, с. 5–8].

Тот уровень, до которого доходит античная мысль в понимании свободы, наиболее точно отражает учение стоиков. Но это понимание чисто отрицательное, это только «свобода от....» и она бесконечно далека от того положительного понимания свободы как высшего

* **Зорина Наталья Владимировна**, Председатель Санкт-Петербургской коллегия адвокатов «ГАВЕЛ ЛИГАЛ» (г. Санкт-Петербург, Россия) E-mail: kenezo@mail.ru.

** **Сальников Виктор Петрович**, доктор юридических наук, профессор, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Fonduniver@bk.ru.

*** **Масленников Дмитрий Владимирович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: dwm61@inbox.ru.

дара Бога человеку, которое приходит в интеллектуальный мир вместе с христианством. Г.В.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» подробно исследует понятие стоической свободы как исторического образа отрицательной свободы, «свободы от....». При этом он раскрывает его ограниченность перед лицом христианского понимания свободы как «субстанции духа»[3, с. 112]. Существенно, что стоическая свобода рассматривается философом в контексте понятийного перехода от диалектики «раба и господина», в которой сталкиваются два единичных самосознания, к понятию «всеобщего самосознания». Содержание диалектики раба и господина составляет процесс обнаружения единичным самосознанием в многообразии предметов равного ему объекта познания. Таким объектом может быть лишь самосознание другого с последующим признанием этого другого в качестве свободной личности.

Это признание осуществляется через противоборство, образом которого служит поединок в доправовом состоянии общества. Результатом является то состояние, которое Гегель определяет как «бытие-в-признанности» (Annerkantsein) [5, с. 323 – 327]. Став основой существования социума, т.е. всеобщего самосознания, «бытие-в-признанности» составляет субстанцию нравственно-правовых отношений, а человек выступает как личность, т.е. как субъект морали и субъект права. Поэтому «стоицизм есть не что иное, как сознание, которое переносит принцип правового состояния, лишенную духа самосто¬ятельность, на свою абстрактную форму» [3, с. 112].

Таким образом, философ дает феноменологическую экспликацию перехода от доправового к правовому состоянию человека и общества, ключевым звеном для него здесь оказывается переход от отрицательной «свободы от....» стоического типа к универсальной свободе, реализуемой в нравственной субстанции правового состояния социума. Если же рассматривать это содержание в разрезе всемирной истории, то ограниченность античной свободы Гегель видел в том, что это – «свобода особенного», свобода ограниченного круга людей, а именно: только свобода граждан полиса, она не распространяется на варварский мир и не признается универсальным качеством человека. Истинно же универсальная свобода – это достояние лишь христианского мира. Поэтому не случайно и то, что «римское право.... получает законченную форму только в христианском государстве – в Римской империи времен св. Юстиниана Великого» [12, с. 174].

Христианство принесло в интеллектуальный мир античности понимание Бога не как природной только силы (что было присуще античной религиозности), но как прежде всего высшей нравственной силы. Это, в свою очередь, кардинально изменило понимание человека и общества. Но поскольку очевидностью было присутствие в мире зла, то понимание Бога как безусловной нравственной силы, творение которого есть абсолютное благо, ставило под вопрос или причастность Бога акту творения мира, или гармонию сотворенного Им мира, или и то, и другое вместе. Значит, чтобы сохранить высшее понимание Бога, пришедшее в мир христианской эры, и сохранить достигнутое в связи с этим понимание гармонии мира как абсолютного блага, требовалось на новом уровне осмыслить сущность свободы человека, являющейся единственно возможным объяснением зла в мире, сотворенном благим Богом.

Следуя этой задаче, античная философия, которая в традиции, обозначаемой именами Парменида, Гераклита, Платона и Аристотеля доказывала абсолютное единство и гармонию мира [13, с. 164–175], в своем соприкосновении с патристическим богословием приобретала существенно этическую окраску. Из этого синтеза со временем выросла философская проблема субъективности, работа над которой преобразила философию Нового времени, в учении немецких классиков вернувшейся к своим христианским корням.

С другой стороны, если богословие должно было развиваться как продукт дискурсивного мышления в высококультурной эллинистической и эллинизированной среде поздней античности, то оно не могло осуществлять свое развитие вне опыта древнегреческой философии, т.е. вне опыта мышления о мышлении. Эта связь первоначально трактовалась как вполне очевидная и стала проблематизироваться лишь с течением времени, по мере развития самого богословия. «Дистанцирование теологической и философской сфер произошло постепенно» [1, с. 60].

При этом речь идет не только о значении для христианского богословия аристотелевской логики как науки о формах правильного мышления, но и об осуществленном античными философами диалектическом анализе мышления как сущности бытия с его дальнейшим развитием. Именно это содержание мы можем найти в поэме Парменида, в его положении об абсолютном тождестве мышления и бытия, а также в учении Гераклита о космосе и логосе, в учении Платона о едином и абсолютном благе, в практике логической аргументации Аристотеля. Весь этот потенциал античной философии был воспринят и реализован святыми отцами и учителями церкви в их анализе и критике антигуманистических ересей поздней античности, в самой значительной степени инспирированных гностическими учениями.

Гностицизм достиг своего высшего развития примерно к середине II века н.э., когда он стал стремиться активно влиять на мышление христиан, внося в них смущение и порождая нечестивые ереси. Гностические учения чаще всего выступали как «соединение, смешение языческих верований и идей с христианским учением. Гностицизм представляет собою смелую попытку дополнить христианство ценностями языческой культуры – восточными религиозными верованиями и греческой философией. Вследствие этого, все христианское в гностицизме извращалось, и спасительная сущность христианства оставалась для него сокрытою»[22, с. 143 – 144].

Критика гностических учений и производных от них антитринитарных ересей составила существенный момент в патристическом наследии и в определенной мере дала толчок к развитию патристического богословия. Систематическую антигностическую полемику начал во второй половине II века св. Ириней Лионский. М.Э. Поснов указывает преимущественно на положительный характер этой критики, как имевшей целью не саму по себе полемику, а прояснение в ходе нее нераскрытых моментов христианского вероучения, укрепление его против возможной агрессии со стороны ересей [22, с. 176].

С этой целью св. Ириней, во-первых, систематизирует содержание Священного Писания и Священного Предания, чтобы показать несостоятельность претензий гностиков на наличие каких-либо посредников в получении от апостолов некоего, якобы, особого, «чистого», знания, отличного от того знания, которое хранит истинная Церковь. Ересиархи ложно утверждали, что действительное христианское знание содержится в гностицизме и что церковь лишь искажает его. Во-вторых, беря на вооружение аристотелевскую логику, св. Ириней раскрывает чисто софистические приемы гностиков, скрытно подменяющих понятия и нарушающих связь в рассуждениях. В-третьих, св. Ириней излагает историю апостольского преемства, показывая, что не было носителей христианского знания древнее апостолов и что преемниками апостолов являются епископы церкви, а вовсе не какие-то самозванные гностики. В целом же для того, чтобы прихожане были защищены от еретических измышления, необходимо краткое, точное и предельно авторитетное изложение основных постулатов веры, что и было сделано позднее на Вселенских Соборах. Таким образом, общим позитивным результатом критики гностицизма св. Иринеем оказывается развитие раннего христианского богословия в его наиболее значимых моментах. Христианскими апологетами было показано, что все многообразие философских и мифологических форм гностических учений имеет своим основанием дуализм в понимании высших начал мироздания дуализм бытия и небытия, или же в этическом измерении этих категорий – дуализм добра и зла.

Если рассматривать этот вопрос с чисто философской стороны, то прежде всего нужно отметить, что мысль не может удержаться в точке абсолютного дуализма, не отрицая саму себя. Но в этом самоотрицании, как показал уже Парменид, мысль отрицает также и собственное отрицание бытия (т.е. отрицает себя как мысль о небытии), тем самым – через отрицание отрицания – восстанавливает бытия в его единстве, а значит, восстанавливает и самое себя, мысль. Объективная мысль, которую зафиксировал античный философ, была сильнее его рефлексии, поэтому она неизбежно преодолевала всякий дуализм: и в себе самой, и в бытии [12, с. 34–39; 17, с. 105].

Если же рефлексия человека непременно хочет остановиться в точке дуализма (а единственно лишь рефлексии это под силу), то у нее нет другого выхода, кроме как отказаться от

мышления[23, с. 157–169]. Что, собственно, мы и находим в гностицизме, отдающем предпочтение иррациональному «знанию»-гнозису, который и дал название всему этому течению. Очень точно сказал по этому поводу Ф.В.Й. Шеллинг: «Система дуализма, если она действительно мыслится как учение о двух абсолютно различных и независимых друг от друга началах, есть лишь система разорванности и отчаяния разума» [34, с. 104].

Христианские авторы, которые, отнюдь, не противопоставляли знание вере, выступали с критикой гностицизма, опираясь на выводы логического мышления. Опираясь на логику античной философии, святые отцы и учители церкви Григорий Богослов, Василий Великий, Епифаний Кипрский и позже Иоанн Дамаскин раскрывали логическую несостоятельность гностического дуализма, приводя два основных аргумента, существенным в которых была приведенная выше объективная диалектика взаимоперехода мышления и бытия.

Первый аргумент указывал нам на то, что полагание дуализма исключает высшее единство – единство мышления и бытия как двух противоположных субстанций. В таком случае мышление не может отрицать небытие и переходить в бытие, утверждая его целостность в различии, а бытие и небытие окажутся как бы отделенными друга от друга непереходимой «стеной». Но тогда, должно полагаться нечто, что могло бы такой «стеной» служить. И это должно быть не пластичное мышление, а некая застывшая третья субстанция наряду с бытие и небытием. Но в таком случае проблема воспроизводится и снова требует своего снятия за счет полагания новой разделяющей субстанции, и так далее до бесконечности. И тогда оказывается, что изначальный дуализм был иллюзорен. Исключая мышление, он сам исключается мышлением. Вместо двух субстанций, мы, оказывается, имеем их бесконечное множество. И мир рассыпается в это бесконечное множество «первоначал» [29]. Аналогично рассуждает и св. Иоанн Дамаскин в трактате «Точное изложение православной веры» [19, с. 152–153]. Здесь святой богослов следует логике рассуждений Аристотеля, посредством которой великий философ опровергал учение Платона об идеях в первой книге «Метафизики».Гностическая картина мира, где этический дуализм трансформируется в онтологический плюрализм, удивительно напоминает механистический атомизм Нового времени.

Второй аргумент был направлен против более глубокого варианта гностической метафизики, который предполагал уже не просто фиксацию рядоположенностей бытия и небытия, но находил в них нечто содержательное. А именно тогда, когда гностическая рефлексия определяла сотворенное Богом бытие как положительное, а небытие как отрицательное, точнее даже как некое активно-отрицательное начало, в этической интерпретации выступающее как активное зло. В таком случае открывается еще более мрачная сторона гностицизма. Ведь, если отрицательное фиксируется как самостоятельная субстанция, то непонятно, как наряду с ней может существовать еще положительная субстанция. В трудах отцов церкви это положение фиксируется констатацией того, что отрицательность не самодостаточна, чтобы быть отрицательностью, она должна отрицать нечто. Но в бесконечности прошедших времен она неизбежно завершила бы отрицание своего объекта и тогда мы имели бы одну-единственную субстанцию – немыслимое абсолютное зло.

Свт. Григорий Богослов писал по этому поводу: «и ты, злая тьма манихейская, не была от первоначала равнопрестольною высочайшему свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. если была тьма, то ты не даешь места Богу: ему неприлично быть в согласии с тьмою. если же представишь их в борьбе; преодолеет сильнейшее» [31, с. 227]. Аналогично и свт. Василий Великий критикует гностический дуализм, раскрывая несостоятельность соответствующей интерпретации гностиками Книги Бытия: «Если "Бог свет есть" (1 Ин. 1, 5), то сила Ему противоборствующая, говорят они, в сообразность сей мысли, очевидно будет тьма – тьма, не от другого кого имеющая бытие, но самобытное зло, тьма, нечто враждебное душам, нечто производящее смерть, противление добродетели. И в самых словах пророка, по ложному их разумению, показывается, что тьма сия существовала, а не Богом сотворена. И на этом предположении каких не построено лукавых и безбожных учений!... Не отсюда ли Маркионы? Не отсюда ли Валентины? Не от-

сюда ли мерзкая ересь Манихеев, которую, если назовет кто гнилостью в церквах, не погрешит в приличии наименования?»[30, с. 22].

Это рассуждение особенно ценно тем, что ссылка на логическую невозможность удержать отрицательность как самодостаточную субстанцию, ведет к утверждению о самодостаточности позитивности, снимающей отрицательность и имеющей ее лишь как «свое иное», если использовать термин немецкого идеализма. В итоге мы получаем обоснование абсолютного единства мироздания. Причем единства мироздания именно посредством исключительности абсолютного добра, блага. Если мир сотворен Богом как гармоничный и единый, а воля Бога – это безусловно благая воля, то и мир есть одно совершенное добро.

Последнее определение не следует отсюда логически и его, поэтому, нужно отнести к знаниям чисто богословского характера. Ведь, только из Откровения мы точно знаем, что Бог благ и что он Сам подтвердил, что сотворенное им «хорошо»: «И виде Бог свет, яко добро» (Быт. 1, 4). Из самой же по себе идеи всеобщего единства идея блага вовсе не следует автоматически. Именно необходимость дать логическое выражение этому выводу из антигностического аргумента определит в дальнейшем потребность в теодицее и станет вызовом для философского мышления, разрешившимся уже в Новое время обращением к проблематике субъективности.

Совершенно антигностическую направленность имело и учение свт. Василия Великого о материи, которую гностики представляли как воплощенное зло и как ничто. Здесь же напротив: материя творится вместе со всем тварным миром из небытия и именно поэтому она уже не есть небытие и не есть зло. Об этом писал известный современный богослов епископ Кирилл (Зинковский): «Понятие материи в системе вполне соответствует таковому у свт. Афанасия Великого. Учение о происхождении тварного мира из абсолютного не-бытия и устойчивости бытия космоса и человека через благоволение и промысл Творца дополняются дальнейшим раскрытием положений об антропоцентричности промысла о материальном мире, корреляции духовного состояния человека и изменения свойств материальной природы человеческого тела» [15, с. 118].

При этом, как убедительно показал по текстам трудам свт. Василия А.М. Гагинский, Сам Бог не есть бытие: «Свт. Василий не говорит, что сущность Бога есть бытие, но что сущность есть бытие Бога, т. е. бытие для Бога. Поскольку ”бытие Бога” значит нечто иное, чем “бытие”, то бытие отлично от Бога» [2, с. 28]. Бытие творится Богом из небытия, а значит, и небытие не может противостоять Богу как некая законченная сущность. Тем самым, и в предельном понимании отношения Бога к бытию и к небытию не может быть места ни гностическому, ни какому-либо иному дуализму.

Мы видим, что если гностики из своего учения о негативности материи («материя для них – только зло, и оно должно бесследно погибнуть» [21, с. 251]) делали антигуманистические выводы, то свт. Василий, также развивая свое учение о материи до уровня учения о человеке, делает при этом прямо противоположный и вполне логичный акцент на принципе антропоцентричности мира, на принципе равенства людей перед Богом и на принципе абсолютной свободы человека как высшего дара, данного ему Богом. Таким образом, отрицание дуализма мира и, более того, отрицание кощунственного уравнивания бытия Бога и бытия тварного мира, в патристической традиции имеет непосредственным результатом утверждение антропоцентричности мира. Отметим, что свт. Василий при этом не отвергает и платоновское понимание высшего единства не только как абсолютного добра, но и как идеи красоты [33, с. 67].

Отцы церкви, настаивая на том, что мы не должны, подобно гностикам мыслить особое онтологическое начало для небытия и зла, утверждали тем самым, что истинное понятие Бога и признание бытийственности злого начала также несовместимы. Такой поворот мысли, заданный святоотеческим богословием, выдвигает перед мышлением серьезную, фундаментальную проблему. А именно: с одной стороны, как было показано уже в античной философии, логически невозможно помыслить небытие, невозможно помыслить зло и смерть как его особые формы. Поэтому «Бог не создавал смерти», как сказано в книге Премудрости.

Поэтому и св. Дионисий Ареопагит отмечал: «...зло есть не-сущее и его нет в сущем. Зла, как такового, нет нигде...» [8, с. 58]. Но, с другой стороны, зло реально в мире, мы видим его плоды. Более того, само мышление для человека, впавшего в состояние греховности, есть прежде всего познание различия добра и зла, познание необходимое, чтобы избежать греховного деяния.

В качестве пути решения этой проблемы богословие указывало на идею свободы как высшего дара Бога человеку. Понятие свободы, таким образом, оказывается наиболее глубоким определением истинного бытия. Как указывает Д.К. Богатырёв, «в свободе Божественная любовь являет себя в качестве силы, возводящей не-сущее к бытию, а бытие – к жизни....Бытие фундировано ценностью» [1, с. 319]. Иными словами, бытие определено идеей блага как своей целевой причиной. Рассматриваемое в призме идеи свободы, абсолютное благо бытия выступает для человека как ценность, в том числе и как нравственно-правовая ценность [26, с. 197; 16; 24; 27; 32, с. 155–184; 9, с. 328–361].

Эти идеи в конечном итоге основаны на мысли св. Григория Нисского, который учил, что человек посредством свободы выходит из подчинения законам необходимости и из, казалось бы, непреодолимой подвластности природе, он становится в полном смысле слова внеприродным существом. Св. Григорий Богослов подчеркивает связь идеи свободы с идеей добра, утверждая, что цель свободы состоит в том, чтобы добро в полном смысле слова стало достоянием того, кто совершает истинный выбор. Аналогично и рассуждение свт. Василия Великого: «Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имеет начало от Бога, потому что противное от противного не происходит. Жизнь не рождает смерти, тьма не начало свету, болезнь не содетельница здравия.... Посему не ищи вовне начал тому, над чем сам ты господин, но знай, что зло, в собственном смысле взятое, получило начало в произвольных падениях» [30, с. 25]. Св. Иоанн Дамаскин также указывал: «Итак, откуда же грех? Он есть изобретение свободной воли дьявола. Следовательно, дьявол – зол. В том виде, в каком он произошел, он не зол, а добр, ибо Творцом он был создан ангелом светлым и блистательным и как разумный – свободным; но он добровольно отступил от естественной добродетели и очутился во мраке зла, удалившись от Бога, Который один только есть благ, животворящ и источник света; ибо все доброе через Него делается добрым, и поскольку удаляется от него волею, а не местом, постольку оказывается во зле» [19, с. 153].

Соответственно, Бог не является источником зла и мир остается гармоничным и единым, поскольку то, что разрушает эту гармонию – зло, не имеет субстанциальной основы. Корень зла – извращение дьяволом и человеком высшего дара Бога – свободы [19, с. 32]. Эта проблема продолжает оставаться одной из самых актуальных и в наши дни[28, с. 109]. И сегодня, как справедливо отмечал И.Н. Зайцев: «Целью теодицеи является не оправдание зла, но познание Бога....»[10, с. 45].

Поскольку свобода объявляется в христианском учении высшим даром Бога, сотворенным им сущностям, то она понимается уже как абсолютная, а не относительная свобода стоиков. Понимание свободы как абсолютной сущности бытия человека приходит в мир лишь с христианским богословием. Это, однако, еще вовсе не решало стоящей перед философией задачи найти форму мысли, адекватную для понимания реальности того, чего «как такового, нет нигде». Для философии дело шло о том, как понять благое бытие не просто как внутренне единое целое, но понять его как бытие, сконцентрированное в сущности человека, созданного по образу и подобию Бога-творца, а потому заключающего в себе сущность и смысл всеобщего. В этом смысле свобода составляет абсолютный минимум всеобщего бытия, но как учил Николай Кузанский, всеобщий минимум и всеобщий максимум едины.

Конкретное содержание этого единства было раскрыто только философией Нового времени в дискурсе понятия субъективности. Именно субъективность лежит в основе свободы, будучи категорией, определяющей возможность теоретического выражения для способности человека, социальной группы, государства и т.д. к их активному самоопределению и к самополаганию. Если у истоков философии – у элеатов мы находим единство мышления и бытия в диалектике аффирмативного и отрицательного, где результат должен фиксиро-

ваться в формах аффирмативности, то философия Нового времени берется исследовать это единство со стороны самой этой отрицательности [12, с. 77 – 79; 18, с. 40 – 41]. Но и там, и здесь утверждается единство сущности бытия. Важно, что это единство здесь выступает как субъективное, т.е. себя само определяющее единство. Но коль скоро определение субъективности субстанциального достигнуто, перед философской наукой тотчас встает задача развить субъективность тождества до определения объективности. Решение этой задачи составило основное содержание процесса развития классической философии от Декарта и Спинозы до Шеллинга и Гегеля.

Итогом развития идеи субъективности как сущности свободы стало учение немецких классиков рубежа XVIII – XIX вв., прежде всего И. Канта и И.Г. Фихте [25, с. 185–190]. Именно в разработанной ими трансцендентальной философии было не только логически последовательно выведено, что человек является сверхприродным существом, на что указывал, как мы помним, еще св. Григорий Нисский. Но более того: доказывалось, что все сущностные качества человека – его способность познания и способность воли – имеют предпосылкой высший дар Бога, т.е. абсолютную свободу.

Так, И. Кант, во-первых, показал в «Критике чистого разума», в «Критике практического разума» и в «Критике способности суждения», что спонтанность разума и автономия воли, являющиеся следствием наличия у человека абсолютной свободы, составляют необходимое условие для того, чтобы понять природу познания и природу морального действия. «Если предполагают свободу воли, – писал Кант, – то достаточно расчленить понятие свободы, чтобы отсюда следовала нравственность вместе с ее принципом» [20, с. 105]. А во-вторых, он с безукоризненной точностью логического вывода доказал, что мы не можем помыслить свободу человека без того, чтобы вслед за этим не помыслить идею Бога и идею бессмертия души.

Важно, что само понятие свободы, согласно Канту, актуализируется в императив практического действия (а значит, актуализируется в формы права и морали) только через полагание идеи абсолютного блага. Условием последнего, по Канту, является идея Бога и идея бессмертия души. Хотя в определении идеи блага, идеи бессмертия и идеи Бога Кант не считает возможным выйти за пределы сферы субъективности, все же, апеллируя к этим понятиям, он продолжает традицию христианской философии, но уже на новой почве чистой субъективности, которой не знало ни античное мышление, ни метафизика Нового времени. С этих позиций Кант выходит и на обсуждение проблематики теодицеи [11, с. 98 – 123].

В конкретности взаимосвязи идеи Бога и деятельности субъекта обретает конкретность и идея свободы. Поскольку, однако, Кант настаивает на том, что эта взаимосвязь присутствует лишь в тождестве субъекта и отвергает переход к объекту (а на том уровне конкретности субъекта, который достигается в философии Канта, такой переход, в самом деле, еще невозможен), постольку идея свободы не является актуальной ни для философии с ее задачей дедукции объективного содержания из абсолютного субъекта, ни для учения об объективных формах бытия человека, т.е. о морали, нравственности, государстве, всемирной истории.

Учение И. Канта об идее блага, стремление к которой составляет основу нравственного императива человека, поскольку человек является свободной личностью, стало одним из источников учения о морали и праве Г.В.Ф. Гегеля. При этом создатель системы философских наук опирался на весь опыт предшествующей философии, но в особенности на традиции учения о благе Платона и Аристотеля. Благо в «Науке логики» выступает как высшая категория, одна из сторон триединой абсолютной идеи, которая включает в себя идею познания, идею блага и абсолютную идею в собственном смысле слова [4, с. 748–754]. Благо понимается как та высшая целевая причина, которая составляет источник движения всех категорий, источник их перехода друг в друга и предпосылку из развития до уровня абсолютного. При этом идея блага в «Науке логики» непосредственно связана с идеей жизни, которую Гегель вслед за Аристотелем и Кантом интерпретирует как налично положенную цель [35, с. 281].

Истина жизни, по Гегелю, есть дух, субстанцию которого он определяет как свободу. Именно учение о духе в философии Гегеля составляет развернутое определение понятие свободы и развернутую форму теодицеи. Как отмечала, комментируя главное произведение Гегеля «Науку логики», монахиня Александра (Захарченко М.В.): «Дух обнаруживает себя как истину, утверждаясь в благе и оставляя в саморазрушении лишенное истины зло.... Смелость идеи "Абсолютного духа" заключается в том, что, утверждая ее, Гегель отстаивает мысль о том, что "добро торжествует в мире"» [14, с. 25].

Тем самым раскрывается изначальная смысловая связь идеи свободы, идеи блага и добра, идеи жизни и абсолютной идеи. Сама эта смысловая связь могла сложиться только в рамках христианского мышления и заслуга Гегеля состоит в том, что он актуализировал эти смыслы с учетом достижений философии Канта и Фихте.

В «Философии права» Гегеля свободная личность как субъект права в индивидуальном развитии вбирает в себя духовное содержание, раскрывающееся в историческом развитии общества. Это развитие Гегель трактует как ряд ступеней на пути осознания человеком и обществом своей свободы. Поэтому гегелевская система в первую очередь есть система духа как истории (Geschichte) [7, с. 182]. В историческом процессе происходит становление свободы как сущности правовых отношений и как процесса приобщения личности к комплексу исторически сложившихся правовых традиций, что возводит его индивидуальную волю до уровня «всеобщей воли».

Опыт адаптации немецкого классического идеализма и опыт осмысления в этом контексте истин христианского богословия мы находим в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX вв. В нашу задачу не входит оценивать, насколько был удачен этот опыт с богословской точки зрения [см.: 1, с. 314–318]. Но он обладает исключительной значимостью в качестве необходимой предпосылки современного неопатристического и неоклассического синтеза как одной из предпосылок суверенной философии права России [26, с. 201–202].

Библиографический список

1. *Богатырёв Д.К.* Мышление и Откровение. Систематическое введение в христианскую метафизику. – СПб: Русская христианская гуманитарная академия (Санкт–Петербург), 2022.– 448 с.

2. *Гагинский А.М.* Бытие и Бог у свт. Василия Великого // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 1: Богословие. Философия. – 2011. – № 4 (36). – С. 20–30.

3. *Гегель Г.В. Ф.* Феноменология духа. – СПб: Наука, 1992. – 441 с.

4. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В. Масленников. – СПб: Наука, 1997. – 799 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 668 с.

6. *Гришин К.С.* Концепция естественного права: современные интерпретации. – М.: Проспект, 2025. – 112 с.

7. *Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В.* Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181–185.

8. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев: «Путь к Истине», 1991. – С. 13–94.

9. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; И.А. Ананских, Е.В. Виноградова, И.Н. Грибов, М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, С.В. Игнатьева, И.Р. Исмагилов, Р.Ф. Исмагилов, А.Ю. Кийко, Г.Н. Крижановская, О.Ю. Лежнева, С.Г. Лысенков, А.А. Максимов, Д.В. Масленников, А.И. Морозов, С.А. Новожилов, П.А. Петров, К.Г. Прокофьев, В.П. Сальников, М.В. Сальников, С.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.А. Утюганов, А.Г. Хабибулин. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

10. *Зайцев И.Н.* К вопросу о моральности теодицеи // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 45–51.

11. *Зайцев И.Н.* Кант о теодицее // Иммануил Кант и философская теология / Резвых П.В., Дмитриева Н.А., Крыштоп Л.Э., Зайцев И.Н., Золотухин В.В., Лызлов А.В., Судаков А.К., Сизоненко Д.В.,

Штольценберг Ю. Приложение к изданию «Иммануил Кант. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах». – Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024. – С. 98–123.

12. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. 2-е издание. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 447 с.

13. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Становление Логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3–4. – С. 164–176.

14. *Захарченко М.В.* Понятие духовности в историко-философском и религиозном контексте // Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт: Материалы международной научно-практической конференции. – Ленинградский государственный университет (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. 2016.– С. 23–34.

15. *Зинковский К*. Новизна понятия «меоничности» материи в умозрении святителя Василия Великого // Ученые записки Орловского государственного университета. – Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5 (61). – С. 114–120.

16. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.

17. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна / Богатырёв Д.К., Богатырёва Л.В., Бильченко Е.В., Гуторов В.А., Докучаев И.И., Масленников Д.В., Никоненко С.В., Перцев А.В., Преображенская К.В., Протопопов И.А., Сальников В.П., Соловьев А.П., Бердников И.В., Хромцова М.Ю. Коллективная монография. Под общей редакцией Д.В. Масленникова. – СПб: РХГА, 2023. – 681 с.

18. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Анских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

19. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – Ростов-на-Дону: Братство Святого Алексия: Приазов. край, 1992. – 464с.

20. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб, 1995. – 528 с.

21. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. – М.: Искусство, 1992. – 656 с.

22. *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). – Брюссель, 1998. – 614 с.

23. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И.* Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157–171.

24. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С.* Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность – 2022. – № 12. – С. 186–192.

25. *Сальников В.П., Масленников Д.В. Прокофьев К.Г.* Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185–192.

26. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.

27. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 179–192.

28. *Санаянц С.В.* Проблемное поле христианской теодицеи: исторический очерк // Вопросы богословия. – 2021. – № 2 (6). – С. 109–125.

29. Свят. Епифаний Кипрский. На восемьдесят ересей Панарий, или Ковчег // Электронное издание: https://azbyka.ru/otechnik/Epifanij_Kiprskij/na-vosemdesjaty-eresej-panarij-ili-kovcheg/2_24

30. Творения Василия Великого. Ч. 1. – М., 1872. – 407 с.

31. Творения св. Григория Богослова. Часть. 4. – М.: Московская духовная академия, 1844. – 369 с.

32. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Вихров А.А., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Зорина Н.В., Игнатьева С.В., Исмагилов Р.Ф., Кийко А.Ю., Клименко О.А., Крижановская Г.Н., Лысенков С.Г., Масленников Д.В., Мирзоев А.К., Морозов А.И., Новожилов С.А., Петров П.А., Прокофьев К.Г., Сальников В.П., Сальников М.В., Сальников С.П., Старовойтова О.Э., Третьяков И.Л., Утюганов А.А., Хабибулин А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.

33. *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV–го века. – М.: Паломник, 1992. – 239 с.

34. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и о связанных с ней предметах // Ф.В.Й. Шеллинг Сочинения в двух томах. Том 2. – М.: Мысль, 1989. – С. 86–158.

35. *Pippin R.B.* Hegels realm of shadows: logic as metaphysics in the Science of logic. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 2018. – 339 p.

Для цитирования: *Зорина Н.В., Сальников В.П., Масленников Д.В.* Идея свободы в христианской патристике и ее влияние на классическую философию права: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 44–53.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_44

N.V. Zorina*
V.P. Salnikov**
D.V. Maslennikov***

THE IDEA OF FREEDOM IN CHRISTIAN PATRISTICS AND ITS INFLUENCE ON CLASSICAL PHILOSOPHY OF LAW

Annotation. *The article examines the prerequisites for the development of the concept of absolute freedom in the teachings of the Church Fathers and Teachers, which was used by the classics of German idealism as the basis for their paradigm of legal thinking. In the dialectic of "slave and master", Hegel presented a phenomenological explication of the transition from the pre-legal to the moral and legal state of the individual and society. He associated this transition with the rise of the ancient (stoic) understanding of freedom only as a negative "freedom from ..." to its understanding as absolute freedom, which comes into the world only with Christianity. The idea of absolute freedom, which was developed in patristics within the framework of theodic problems, in turn actualized by the need to counteract Gnostic heresies, takes the form of a scientific concept in the German classics and can thus enter the discursive content of legal*

Keywords: *patristics, Kant, Hegel, Gnosticism, freedom, good, law, morality, sovereign philosophy of law.*

German classical idealism at the turn of the XVIII – XIX centuries. for the first time in the history of thought, philosophy gave the form of science. Thanks to this, it became possible to theoretically express concepts whose content previously existed only in the form of ideas and feelings, mainly of a religious nature. Such concepts include the concept of absolute or positive freedom, which was first recognized and introduced into the practice of human thought by the church fathers

* **Zorina Natalia Vladimirovna,** Chairman of the St. Petersburg Bar Association "HAVEL LEGAL" (St. Petersburg, Russia) E-mail: kenezo@mail.ru.

** **Salnikov Viktor Petrovich,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia) E-mail: Fonduniver@bk.ru.

*** **Maslennikov Dmitry Vladimirovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (Saint Petersburg). E-mail: dwm61@inbox.ru.

in the first centuries of Christianity. Expressed in the form of a concept by Kant, Fichte, Schelling and Hegel, this content could become the basis of a new paradigm of legal thought, which cannot be reduced either to the paradigm of a social contract or to the paradigm of natural law that is relevant to our time [6, pp. 5–8].

The level to which ancient thought reaches in understanding freedom most accurately reflects the teachings of the Stoics. But this understanding is purely negative, it is only "freedom from..." and it is infinitely far from that positive understanding of freedom as the highest gift of God to man, which comes to the intellectual world with Christianity. G.V.F. Hegel in the Phenomenology of the Spirit explores in detail the concept of stoic freedom as a historical image of negative freedom, "freedom from...". At the same time, he reveals his limitations in the face of the Christian understanding of freedom as a "substance of the spirit" [3, p. 112]. It is significant that stoic freedom is considered by the philosopher in the context of a conceptual transition from the dialectic of "slave and master", in which two individual self-consciousnesses collide, to the concept of "universal self-awareness". The content of the dialectic of the slave and the master is the process of discovering by a single self-consciousness in a variety of objects an equal object of cognition. Such an object can only be the self-awareness of another, followed by the recognition of this other as a free person.

This recognition is carried out through confrontation, the image of which is a duel in the pre-legal state of society. The result is a state that Hegel defines as "being-in-recognition" (Anerkantsein) [5, pp. 323–327]. Having become the basis of the existence of society, i.e. universal self-awareness, "being-in-recognition" forms the substance of moral and legal relations, and a person acts as a person, i.e. as a subject of morality and a subject of law. Therefore, "Stoicism is nothing more than consciousness, which transfers the principle of the legal state, devoid of the spirit of independence, to its abstract form" [3, p. 112].

Thus, the philosopher provides a phenomenological explication of the transition from the pre-legal to the legal state of man and society, the key link for him here is the transition from negative "freedom from ..." stoic type to universal freedom realized in the moral substance of the legal state of society. If we consider this content in the context of world history, then Hegel saw the limitations of ancient freedom in the fact that it is "freedom of the special", freedom of a limited circle of people, namely: only the freedom of citizens of the polis, it does not extend to the barbaric world and is not recognized as a universal human quality. Truly universal freedom is the property of only the Christian world. Therefore, it is no coincidence that "Roman law ... receives a complete form only in the Christian state–in the Roman Empire of the time of St. Nicholas. Justinian the Great" [12, p. 174].

Christianity brought to the intellectual world of antiquity an understanding of God not only as a natural force (which was inherent in ancient religiosity), but primarily as a higher moral force. This, in turn, has radically changed the understanding of man and society. But since it was obvious that evil was present in the world, understanding God as an unconditional moral force, whose creation is an absolute good, called into question either God's involvement in the act of creating the world, or the harmony of the world He created, or both. This means that in order to preserve the higher understanding of God that came to the world of the Christian era, and to preserve the understanding of the harmony of the world as an absolute good achieved in this regard, it was necessary to comprehend on a new level the essence of human freedom, which is the only possible explanation for evil in the world created by the good God.

Following this task, ancient philosophy, which in the tradition designated by the names of Parmenides, Heraclitus, Plato and Aristotle proved the absolute unity and harmony of the world [13, pp. 164–175], acquired an essentially ethical coloring in its contact with patristic theology. Over time, the philosophical problem of subjectivity grew out of this synthesis, the work on which transformed the philosophy of Modern Times, which returned to its Christian roots in the teachings of the German classics.

On the other hand, if theology was to develop as a product of discursive thinking in the highly cultured Hellenistic and Hellenized environment of late antiquity, then it could not develop outside the experience of ancient Greek philosophy, i.e. outside the experience of thinking about thinking.

This connection was initially interpreted as quite obvious and became problematic only over time, as theology itself developed. "The distancing of the theological and philosophical spheres occurred gradually" [1, p. 60].

At the same time, we are talking not only about the significance of Aristotelian logic for Christian theology as the science of forms of correct thinking, but also about the dialectical analysis of thinking as the essence of being carried out by ancient philosophers with its further development. It is this content that we can find in the poem of Parmenides, in his position on the absolute identity of thought and being, as well as in the teachings of Heraclitus on the cosmos and logos, in Plato's teaching on the one and absolute good, in the practice of logical argumentation of Aristotle. All this potential of ancient philosophy was perceived and realized by the holy fathers and teachers of the Church in their analysis and criticism.

the anti-humanistic heresies of late antiquity, most significantly inspired by Gnostic teachings.

Gnosticism reached its highest development around the middle of the second century A.D., when it began to actively influence the thinking of Christians, confusing them and giving rise to impious heresies. Gnostic teachings most often appeared as "a combination, a mixture of pagan beliefs and ideas with Christian teaching. Gnosticism is a bold attempt to complement Christianity with the values of pagan culture – Eastern religious beliefs and Greek philosophy. As a result, everything Christian in Gnosticism was perverted, and the saving essence of Christianity remained hidden from him" [22, pp. 143–144].

Criticism of the Gnostic teachings and the antitrinitarian heresies derived from them formed an essential moment in the patristic legacy and, to a certain extent, gave impetus to the development of patristic theology. Systematic anti-gnostic polemics began in the second half of the second century by St. Irenaeus of Lyon. M.E. Posnov points mainly to the positive nature of this criticism, as it aimed not at polemics in itself, but at clarifying undisclosed aspects of the Christian faith, strengthening it against possible aggression from heresies [22, p. 176].

For this purpose, St. Irenaeus, firstly, systematizes the content of the Holy Scriptures and the Holy Tradition in order to show the inconsistency of the Gnostics' claims to the existence of any intermediaries in obtaining from the apostles some supposedly special, "pure" knowledge, different from the knowledge that the true Church preserves. The heresiarchs falsely claimed that the real Christian knowledge is contained in Gnosticism and that the church only distorts it. Secondly, adopting Aristotelian logic, St. Irenaeus reveals the purely sophistic techniques of the Gnostics, covertly substituting concepts and disrupting the connection in reasoning. Thirdly, St. Irenaeus presents the history of the apostolic succession, showing that there were no bearers of Christian knowledge older than the apostles and that the successors of the apostles are the bishops of the church, and not some self-styled Gnostics. In general, in order for parishioners to be protected from heretical fabrications, a brief, accurate and extremely authoritative statement of the basic tenets of the faith is necessary, which was done later at the Ecumenical Councils. Thus, the overall positive result of St. Irenaeus' criticism of Gnosticism is the development of early Christian theology in its most significant moments. Christian apologists have shown that the whole variety of philosophical and mythological forms of Gnostic teachings is based on dualism in understanding the higher principles of the universe, dualism of being and non–being, or in the ethical dimension of these categories, dualism of good and evil.

If we consider this question from a purely philosophical point of view, then first of all it should be noted that thought cannot stay at the point of absolute dualism without denying itself. But in this self–denial, as Parmenides has already shown, thought also denies its own denial of being (i.e., it denies itself as a thought of non–being), thereby – through the negation of negation – it restores being in its unity, and therefore restores itself, thought. The objective thought that the ancient philosopher recorded was stronger than his reflection, so it inevitably overcame any dualism: both in itself and in being [12, p. 34–39; 17, p. 105].

If a person's reflection necessarily wants to stop at the point of dualism (and reflection alone can do this), then it has no other choice but to abandon thinking[23, pp. 157–169]. This is exactly

what we find in gnosticism, which prefers irrational "knowledge"-gnosis, which gave the name to this whole trend. F.W.J. Schelling said very precisely about this: "The system of dualism, if it is really thought of as a doctrine of two completely different and independent principles, is only a system of fragmentation and despair of reason" [34, p. 104].

Christian authors, who by no means opposed knowledge to faith, criticized Gnosticism based on the conclusions of logical thinking. Based on the logic of ancient philosophy, the holy fathers and teachers of the Church Gregory the Theologian, Basil the Great, Epiphanius of Cyprus and later John of Damascus revealed the logical inconsistency of Gnostic dualism, citing two main arguments, the essential of which was the above-mentioned objective dialectic of the mutual transition of thought and being.

The first argument pointed out to us that the assumption of dualism excludes the highest unity – the unity of thinking and being as two opposite substances. In this case, thinking cannot deny non-existence and pass into being, asserting its integrity in difference, and being and non-being will appear to be separated from each other by an impassable "wall". But then, there must be something that could serve as such a "wall". And this should not be plastic thinking, but some kind of frozen third substance along with being and non-being. But in this case, the problem is reproduced and again requires its removal by positing a new separating substance, and so on ad infinitum. And then it turns out that the original dualism was illusory. By excluding thinking, he himself is excluded by thinking. Instead of two substances, it turns out that we have an infinite number of them. And the world crumbles into this infinite multitude of "principles" [29]. St. Peter argues in a similar way. John of Damascus in his treatise "The Exact exposition of the Orthodox Faith" [19, pp. 152–153]. Here the holy theologian follows the logic of Aristotle's reasoning, through which the great philosopher refuted Plato's teaching about ideas in the first book of Metaphysics.The Gnostic worldview, where ethical dualism is transformed into ontological pluralism, surprisingly resembles the mechanistic atomism of Modern times.

The second argument was directed against a deeper version of Gnostic metaphysics, which no longer just assumed the fixation of a number of propositions of being and non-being, but found something meaningful in them. Namely, when Gnostic reflection defined existence created by God as positive, and non-existence as negative, or rather even as some kind of active negative principle, acting in an ethical interpretation as active evil. In this case, an even darker side of gnosticism is revealed. After all, if the negative is fixed as an independent substance, then it is unclear how a positive substance can exist along with it. In the writings of the Church fathers, this position is fixed by the statement that negativity is not self-sufficient to be negativity, it must deny something. But in the infinity of past times, it would inevitably complete the negation of its object, and then we would have a single substance – an unthinkable absolute evil.

St. Gregory the Theologian wrote about this: "And you, the evil darkness of Manichaeum, were not from the beginning equal to the highest light! If there was a God, then there was no darkness; because evil could not argue about equality with God. if there was darkness, then you don't give God a place: it's indecent for him to be in harmony with darkness. if you imagine them in a struggle, the strongest will overcome them" [31, p. 227]. Similarly, svt. Basil the Great criticizes Gnostic dualism, revealing the inconsistency of the Gnostics' interpretation of the Book of Genesis: "If God is light" (1 Jn. 1:5), then the opposing force, they say, in accordance with this thought, will obviously be darkness – darkness that has no existence from anyone else, but original evil, darkness, something hostile to souls, something that produces death, resistance to virtue. And in the very words of the prophet, according to their false understanding, it is shown that this darkness existed, and not created by God. And on this assumption, what sly and godless teachings are not built!... Isn't that where the Marcions come from? Isn't Valentine from here? Is this not the reason for the vile heresy of the Manichaeans, which, if anyone calls rottenness in churches, will not err in the decency of naming?"[30, p. 22].

This reasoning is especially valuable because the reference to the logical impossibility of retaining negativity as a self-sufficient substance leads to the assertion of the self-sufficiency of positivity, which removes negativity and has it only as "its other," to use the term of German idealism.

As a result, we get a justification for the absolute unity of the universe. Moreover, the unity of the universe is precisely through the exclusivity of absolute goodness. If the world was created by God as harmonious and unified, and God's will is certainly a good will, then the world is one perfect good.

The latter definition does not follow logically from here, and therefore it must be attributed to knowledge of a purely theological nature. After all, only from Revelation do we know for sure that God is good and that he Himself confirmed that what he created was "good": "And God saw light as good" (Genesis 1:4). From the very idea of universal unity, the idea of goodness does not automatically follow at all. It is the need to give a logical expression to this conclusion from the anti-gnostic argument that will determine the need for a theodicy in the future and will become a challenge for philosophical thinking, which has already been resolved in Modern times by addressing the problems of subjectivity.

The teaching of St. John had a completely anti-gnostic orientation. St. Basil the Great on matter, which the Gnostics represented as evil incarnate and as nothing. Here, on the contrary, matter is created together with the entire created world from non-existence, and that is why it is no longer non-existence and is not evil. The famous modern theologian Bishop Kirill (Zinkovsky) wrote about this: "The concept of matter in the system fully corresponds to that of St. John the Baptist. St. Athanasius the Great. The doctrine of the origin of the created world from absolute non-existence and the stability of the existence of the cosmos and man through the benevolence and providence of the Creator are complemented by further disclosure of the provisions on the anthropocentric providence of the material world, the correlation of the spiritual state of man and changes in the properties of the material nature of the human body" [15, p. 118].

At the same time, as St. John Paul II has convincingly shown from the texts of his writings. Vasily A.M. Gaginsky, God Himself is not being: "St. Peter the Great. Basil is not saying that the essence of God is being, but that the essence is the being of God, i.e. being for God. Since "being of God" means something other than "being," being is different from God" [2, p. 28]. Being is created by God out of non-existence, which means that non-existence cannot stand up to God as some kind of complete entity. Thus, in the ultimate understanding of God's relationship to being and non-being, there can be no place for either Gnostic or any other dualism.

We see that if the Gnostics drew anti–humanistic conclusions from their teaching on the negativity of matter ("matter is only evil for them, and it must perish without a trace" [21, p. 251]), then St. John the Baptist Vasily, also developing his teaching about matter to the level of teaching about man, makes the opposite and quite logical emphasis on the principle of the anthropocentricity of the world, on the principle of equality of people before God and on the principle of absolute freedom of man as the highest gift given to him by God. Thus, the denial of the dualism of the world and, moreover, the denial of the blasphemous equalization of the existence of God and the existence of the created world, in the patristic tradition, has the direct result of affirming the anthropocentricity of the world. Let us note that svt. At the same time, Vasily does not reject Plato's understanding of the supreme unity not only as absolute goodness, but also as the idea of beauty [33, p. 67].

The Church fathers, insisting that we should not, like the Gnostics, think of a special ontological principle for non-existence and evil, thereby argued that the true concept of God and the recognition of the existence of the evil principle are also incompatible. This turn of thought, set forth by patristic theology, poses a serious, fundamental problem for thinking. Namely, on the one hand, as has already been shown in ancient philosophy, it is logically impossible to conceive of non-existence, it is impossible to conceive of evil and death as its special forms. Therefore, "God did not create death," as it says in the book of Wisdom. That is why St. Dionysius the Areopagite noted: "... evil is non-existent and it does not exist in existence. Evil, as such, is nowhere to be found..." [8, p. 58]. But, on the other hand, evil is real in the world, we see its fruits. Moreover, for a person who has fallen into a state of sinfulness, thinking itself is primarily a knowledge of the difference between good and evil, knowledge necessary to avoid sinful acts.

As a way to solve this problem, theology pointed to the idea of freedom as God's supreme gift to man. The concept of freedom, therefore, turns out to be the most profound definition of true be-

ing. As D.K. Bogatyrev points out, "in freedom, Divine love manifests itself as a force that elevates non-existence to existence, and existence to life."....Being is based on value" [1, p. 319]. In other words, being is defined by the idea of the good as its target cause. Considered in the prism of the idea of freedom, the absolute good of being acts as a value for a person, including as a moral and legal value [26, p. 197; 16; 24; 27; 32, pp. 155–184; 9, pp. 328–361].

These ideas are ultimately based on the thought of St. Gregory of Nyssa, who taught that man, through freedom, comes out of subjection to the laws of necessity and from seemingly insurmountable subjection to nature, he becomes in the full sense of the word an extra-natural being. St. Gregory the Theologian emphasizes the connection between the idea of freedom and the idea of goodness, arguing that the goal of freedom The goal is for the good in the full sense of the word to become the property of the one who makes the true choice. Similarly, the reasoning of St. John. St. Basil the Great: "But it is also impious to say that evil has a beginning from God, because the opposite does not come from the opposite. Life does not give birth to death, darkness is not the beginning of light, illness is not the creator of health.... Therefore, do not look outside for the beginnings of what you yourself are master of, but know that evil, taken in the proper sense, began in arbitrary falls" [30, p. 25]. St. John of Damascus also pointed out: "So, where does sin come from? He is the invention of the devil's free will. Therefore, the devil is evil. In the form in which he originated, he is not evil, but good, for he was created by the Creator as a bright and resplendent angel, and as a rational one, he was free; but he voluntarily departed from natural virtue and found himself in the darkness of evil, moving away from God, Who alone is good, life–giving, and the source of light; for everything good is made good through Him, and since it is removed from him by will and not by place, it turns into evil" [19, p. 153].

Accordingly, God is not the source of evil and the world remains harmonious and united, since what destroys this harmony is evil, which has no substantial basis. The root of evil is the perversion by the devil and man of God's supreme gift of freedom [19, p. 32]. This problem continues to be one of the most urgent in our days [28, p. 109]. And today, as I.N. Zaitsev rightly noted: "The purpose of theodicy is not to justify evil, but to know God..."[10, p. 45].

Since freedom is declared in Christian teaching to be the supreme gift of God, to the beings created by him, it is already understood as the absolute, and not the relative freedom of the Stoics. The understanding of freedom as the absolute essence of human existence comes into the world only with Christian theology. However, this did not at all solve the problem of philosophy in finding a form of thought adequate for understanding the reality of something that "as such is nowhere to be found." For philosophy, it was a question of how to understand good being not just as an internally unified whole, but to understand it as being concentrated in the essence of man, created in the image and likeness of God the creator, and therefore embodying the essence and meaning of the universal. In this sense, freedom is the absolute minimum of universal existence, but as Nicholas of Cusa taught, the universal minimum and the universal maximum are one.

The specific content of this unity was revealed only by the philosophy of Modern times in the discourse of the concept of subjectivity. It is subjectivity that underlies freedom, being a category that determines the possibility of theoretical expression for the ability of a person, a social group, a state, etc. to actively self-determine and set their own goals. If at the origins of philosophy, among the Eleatics, we find the unity of thought and being in the dialectic of the affirmative and negative, where the result should be fixed in the forms of affirmativity, then Modern philosophy undertakes to explore this unity from the side of this negativity itself [12, pp. 77–79; 18, pp. 40–41]. But both there and here the unity of the essence of being is affirmed. It is important that this unity appears here as a subjective, i.e. self-defining unity. But once the definition of the subjectivity of the substantial has been achieved, philosophical science immediately faces the task of developing the subjectivity of identity to the definition of objectivity. The solution of this problem formed the main content of the process of development of classical philosophy from Descartes and Spinoza to Schelling and Hegel.

The result of the development of the idea of subjectivity as the essence of freedom was the teaching of the German classics of the turn of the XVIII – XIX centuries, primarily I. Kant and I.G. Fichte

[25, pp. 185–190]. It was in the transcendental philosophy they developed that it was not only logically consistently deduced that man is a supernatural being, which, as we remember, was pointed out by St. Gregory of Nyssa. But more than that, it was proved that all the essential qualities of a person – his ability to know and the ability to will – presuppose the supreme gift of God, i.e. absolute freedom.

Thus, I. Kant, firstly, showed in the "Critique of Pure Reason", in the "Critique of Practical Reason" and in the "Critique of the Faculty of Judgment" that the spontaneity of reason and the autonomy of the will, which are a consequence of the presence of absolute freedom in man, constitute a necessary condition in order to understand the nature of knowledge and the nature of moral action. "If freedom of will is assumed," Kant wrote, "then it is enough to dissect the concept of freedom so that morality and its principle follow from here" [20, p. 105]. And secondly, he proved with impeccable accuracy of logical inference that we cannot conceive of human freedom without then conceiving the idea of God and the idea of the immortality of the soul.

It is important that the very concept of freedom, according to Kant, is actualized in the imperative of practical action (and therefore actualized in the forms of law and morality) only through the assumption of the idea of the absolute good. The condition of the latter, according to Kant, is the idea of God and the idea of the immortality of the soul. Although Kant does not consider it possible to go beyond the sphere of subjectivity in defining the idea of goodness, the idea of immortality, and the idea of God, nevertheless, by appealing to these concepts, he continues the tradition of Christian philosophy, but on a new basis of pure subjectivity, which neither ancient thinking nor Modern metaphysics knew. From these positions, Kant also discusses the problems of theodicy [11, pp. 98–123].

In the concreteness of the relationship between the idea of God and the activity of the subject, the idea of freedom also acquires concreteness. Since, however, Kant insists that this relationship is present only in the identity of the subject and rejects the transition to the object (and at the level of concreteness of the subject, which is achieved in Kant's philosophy, such a transition is, in fact, still impossible), the idea of freedom is not relevant either for philosophy with its task of deduction there is no objective content from the absolute subject, nor for the doctrine of objective forms of human existence, i.e. about morality, morality, the state, world history.

I. Kant's teaching about the idea of the good, the pursuit of which forms the basis of the moral imperative of man, since man is a free person, became one of the sources of the doctrine of morality and law by G.V.F. Hegel. At the same time, the creator of the system of philosophical sciences relied on all the experience of previous philosophy, but especially on the traditions of the doctrine of the good of Plato and Aristotle. The good in the "Science of Logic" acts as the highest category, one of the sides of the triune absolute idea, which includes the idea of cognition, the idea of the good and the absolute idea in the proper sense of the word [4, pp. 748–754]. The good is understood as the highest goal reason, which is the source of movement of all categories, the source of their transition into each other and the prerequisite from development to the absolute level. At the same time, the idea of the good in the "Science of Logic" is directly related to the idea of life, which Hegel, following Aristotle and Kant, interprets as an objective goal [35, p. 281].

The truth of life, according to Hegel, is the spirit, the substance of which he defines as freedom. It is the doctrine of the spirit in Hegel's philosophy that constitutes the detailed definition of the concept of freedom and the detailed form of theodicy. As the nun Alexandra (M.V. Zakharchenko) noted, commenting on Hegel's main work "The Science of Logic": "The Spirit reveals itself as truth, asserting itself in goodness and leaving evil devoid of truth in self-destruction."... The boldness of the idea of the "Absolute Spirit" lies in the fact that, in affirming it, Hegel defends the idea that "good triumphs in the world" [14, p. 25].

This reveals the original semantic connection between the idea of freedom, the idea of goodness and goodness, the idea of life and the absolute idea. This semantic connection itself could have developed only within the framework of Christian thinking, and Hegel's merit lies in the fact that he actualized these meanings taking into account the achievements of the philosophy of Kant and Fichte.

In Hegel's Philosophy of Law, a free person as a subject of law in individual development absorbs the spiritual content revealed in the historical development of society. Hegel interprets this development as a series of steps on the path of human and social awareness of their freedom.

Therefore, the Hegelian system is primarily a system of spirit as history (Geschichte) [7, p. 182]. In the historical process, freedom is emerging as the essence of legal relations and as a process of introducing a person to a complex of historically established legal traditions, which elevates his individual will to the level of "universal will."

The experience of adapting German classical idealism and the experience of understanding the truths of Christian theology in this context is found in Russian religious philosophy of the second half of the 19th – early 20th centuries. It is not our task to assess how successful this experience was from a theological point of view [see: 1, pp. 314–318]. But it has exceptional significance as a necessary prerequisite for modern neopatristic and neoclassical synthesis as one of the prerequisites for the sovereign philosophy of Russian law [26, pp. 201–202].

Bibliographic list

1. *Bogatyrev D.K.* Thinking and Revelation. A systematic introduction to Christian Metaphysics. – St. Petersburg: Russian Astronomical Academy (St. Petersburg), 2022.– 448 p.

2. *Gaginsky A.M.* Genesis and God in St. John the Baptist. St. Basil the Great // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. – Series 1: Theology. Philosophy. – 2011. – № 4 (36). – Pp. 20–30.

3. *Hegel G.V. F.* Phenomenology of the spirit. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992. 441 p.

4. *Hegel G.V.F.* The science of logic. Part 1. Objective logic. Part 2. Subjective logic / Ed. prepared by D.V. Maslennikov. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1997. 799 p.

5. *Hegel G.V.F.* Works of different years. Vol. 1. – M.: Mysl, 1972. – 668 p.

6. *Grishin K.S.* The concept of natural law: modern interpretations. Moscow: Prospekt, 2025, 112 p.

7. *Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V.* Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law // Legal science: history and modernity. – 2017. – No. 3. – pp. 181–185.

8. Dionysius the Areopagite. Divine names // Mystical Theology. Kiev: "Path to Truth", 1991, pp. 13–94.

9. Kindness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: A monograph / Edited by V.P. Salnikov; I.A. Ananskikh, E.V. Vinogradov, I.N. Gribov, M.Y. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, S.V. Ignatieva, I.R. Ismagilov, R.F. Ismagilov, A.Y. Kiiko, G.N. Krizhanovskaya, O.Y. Lezhneva, S.G. Lysenkov, A.A. Maksimov, D.V. Maslennikov, A.I. Morozov, S.A. Novozhilov, P.A. Petrov, K.G. Prokofiev, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, S.P. Salnikov, O.E. Starovoitova, A.A. Irons, A.G. Khabibulin. Saint Petersburg: Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p

10. *Zaitsev I.N.* On the question of the morality of theodicy // Bulletin of St. Petersburg University. – Episode 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies. – 2015. – No. 3. – pp. 45–51.

11. *Zaitsev I.N.* Kant on theodicy // Immanuel Kant and philosophical theology / Rezvykh P.V., Dmitrieva N.A., Kryshtop L.E., Zaitsev I.N., Zolotukhin V.V., Lyzlov A.V., Sudakov A.K., Sizonenko D.V., Stolzenberg Yu. Appendix to the publication "Immanuel Kant. Works on anthropology, philosophy of Politics and philosophy of religion in three volumes. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University, 2024, pp. 98–123.

12. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of law: Parmenides– Hegel– Dostoevsky. On the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. 2nd edition. Moscow: Norma: INFRA–M, 2024. 447 p.

13. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The formation of the Logos of law in ancient philosophy // The world of politics and sociology. – 2018. – No. 3–4. – pp. 164–176.

14. *Zakharchenko M.V.* The concept of spirituality in the historical, philosophical and religious context // Orthodox culture and the practice of personality education: traditions and modern experience: Proceedings of the international scientific and practical conference. – A.S. Pushkin Leningrad State University (LSU). 2016. pp. 23–34.

15. *Zinkovsky K.* The novelty of the concept of "meonicity" of matter in the speculation of St. Basil the Great // Scientific Notes of the Orel State University. – Series: Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 5 (61). – Pp. 114–120.

16. *Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V.* The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral-legal aspects // The world of politics and sociology. – 2018. – No. 11. – pp. 188–193.

17. *Bogatyrev D.K., Bogatyreva L.V., Bilchenko E.V., Gutorov V.A., Dokuchaev I.I., Maslennikov D.V., Nikonenko S.V., Pertsev A.V., Preobrazhenskaya K.V., Protopopov I.A., Salnikov V.P., Soloviev.* The idea of God and the image of theology in the philosophical discourses of mature modernity and postmodernity A.P., Berdnikov I.V., Khromtsova M.Y. Collective monograph. Under the general editorship of D.V. Maslennikov. – St. Petersburg: RHGA, 2023. – 681 p.

18. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): The monograph / Edited by Dr. jurid. Sciences S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Yu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan, Moscow: Yurlitinform, 2020, 288 p.

19. John of Damascus. An accurate statement of the Orthodox faith. – Rostov-on-Don: Brotherhood of St. Alexy: Priazov. The edge, 1992. – 464c.

20. *Kant I.* Fundamentals of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals. – St. Petersburg, 1995. – 528 p.

21. *Losev A.F.* The history of ancient aesthetics. The results of the millennial development. Moscow: Iskusstvo, 1992. 656 p.

22. *Posnov M.E.* The history of the Christian Church (before the separation of Churches – 1054). – Brussels, 1998. – 614 p.

23. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I.* Being and reflection: the ontological foundations of law in F.M. Dostoevsky's philosophy // The World of Politics and Sociology. – 2018. – No. 12. – pp. 157–171.

24. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S.* The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the equality of absolute values) // Jurisprudence: history and modernity – 2022. – № 12. – pp. 186–192.

25. *Salnikov V.P. Maslennikov D.V. Prokofiev K.G*. The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I.G. Fichte to the problem of deduction of law and morality // Legal science: history and modernity. – 2018. – No. 4. – pp. 185–192.

26. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Theoretical and spiritual and moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // Theory of the state and law. – 2024. – № 3 (38). – Pp. 196–211.

27. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V*. The immortality of the soul as a core idea in F.M. Dostoevsky's teaching on law and morality // Legal science: history and modernity. – 2021. – No. 5. – pp. 179–192.

28. *Sanayants S.V.* The problematic field of Christian theodicy: a historical essay // Questions of theology. – 2021. – № 2 (6). – Pp. 109–125.

29. Holy. Epiphanius of Cyprus. In fact, this is Alexey Panary, or the Ark // Electronic edition:https://azbyka.ru/otechnik/Epifanij_Kiprskij/na-vosemdesjaty-eresej-panarij-ili-kovcheg /2_24

30.The Works of Basil the Great. Part 1. Moscow, 1872. 407 p.

31. The works of St. Gregory the Theologian. Part. 4. Moscow: Moscow Theological Academy, 1844. 369 p.

32. Philosophical and legal cognition: actual problems. The monograph / Edited by V.P. Salnikov; Ananskikh I.A., Vinogradova E.V., Vikhrov A.A., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ignatieva S.V., Ismagilov R.F., Kiiko A.Yu., Klimenko O.A., Krizhanovskaya G.N., Lysenkov S.G., Maslennikov D.V., Mirzoev A.K., Morozov A.I., Novozhilov S.A., Petrov P.A., Prokofiev K.G., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Starovoitova O.E., Tretyakov I.L., Utyuganov A.A., Khabibulin A.G. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.

33. *Egorovsky G.V.* The Eastern foothills of the 4th century. Moscow: Pilgrim, 1992. 239 p.

34. *Schelling F.V.J.* Philosophical studies on the essence of human freedom and related subjects // F.V.J. Schelling Essays in two volumes. Volume 2. Moscow: Mysl, 1989. pp. 86–158.

35. *Pippin R.B.* The Kingdom of Hegel's shadows: logic as metaphysics in the science of logic. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2018. – 339 p.

For citation: *Zorina N.V., Salnikov V.P., Maslennikov D.V.* The Idea of Freedom in Christian Patristics and its Influence on Classical Philosophy of Law: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 53–61.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_44

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_62

А.Э. Иванов.*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСКРЕДИТАЦИЮ АРМИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В настоящее время в административной и уголовной политике наблюдаются трансформационные процессы, связанные с изменением вектора закона от охранительного к предупредительному, смещением акцентов в иерархии ценностей от персональных интересов личности к национальным интересам, защите целостности государства. Деятельность организационного и экономического характера, направленная на разрушение целостности и безопасности государства, усиление террористической и иных угроз потребовали от государства своевременного и адекватного ответа, к примеру, расширения количества «призывных» преступлений. Трансформационные социально-политические процессы (COVID-19, Специальная военная операция) изменили базовые начала уголовно-правовой и административной отрасли, переориентировав их на защиту государственных интересов с акцентом на предупреждение. В долгосрочной перспективе подобный подход позволит рационально использовать весь правовой инструментарий, что, несомненно приведет к положительной динамике отрасли. Отсюда необходимость подхода к проблеме с теоретико-правовых позиций.*

Цель статьи – определение направления развития административной и уголовной политики в информационной сфере (сети) в разрезе дискредитации армии, подтверждающих, что современное законодательство находится на этапе трансформации.

Ключевые слова: *ответственность, армия, информация, публичные призывы, дискредитация, спецоперация.*

«Все, кто сегодня, рискуя своей жизнью, обеспечивает безопасность страны и граждан, защищены от провокаций и лжи» – написал Председатель Государственной Думы Российской Федерации в своем канале в Telegram.

В настоящее время выявляются многочисленные факты распространения в средствах массовой информации, социальных сетях, сайтах в сети «Интернет» и мессенджерах заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении специальной военной операции, что еще раз подчеркивает, что в условиях вооруженного конфликта нельзя недооценивать роль информационной составляющей. Информационные сети, в том числе и Интернет, могут использоваться не только во благо, но и во вред человеку, обществу и государству [13; 26; 28; 33; 42; 44; 49; 50; 58].

С учетом все более нарастающей цифровизации повседневной жизни, а также прогресса компьютерных технологий, ежедневно появляются новые инструменты, которые, несомненно, стремятся использовать девиантные участники общественных отношений [16; 17; 20; 40; 41; 56; 60; 61]. Поэтому мы не ошибемся, если скажем, что ни к чему хорошему это,

* **Иванов Александр Эдуардович,** преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: united09@yandex.ru. ORCID 0000-0002-9658-3524.

как правило, не приводит. Более того, используя открытые источники информации (к примеру, международное агентство We Are Social и другие) легко можно установить, что процентное соотношение пользователей интернет-ресурсов в мире составляет более 65% всего человечества, а в России эта цифра достигает 90% населения.

При этом за 2023 год в России каждое третье преступление совершалось с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. А за период с января по август 2024 года количество таких преступлений за аналогичный период 2023 года уже выросло на 16,4% [43]. Не забываем брать в расчет достаточно низкое среднее значение по раскрываемости данной категории преступлений, и получаем проблему, прогресс разрешения которой непосредственно связан с ростом количества правонарушений в данной области. На проблемы, затрагивающие данную область правоотношений, обращается серьезное внимание в отечественной юридической науке [14; 21; 23; 25; 27; 31; 48; 53; 59].

Таким образом, очевидно, что для эффективной работы аппарата государственного принуждения требуется рычаги воздействия на правонарушителей в лице как минимум правовой регламентации. И здесь отметим, что современная уголовно-правовая политика в достаточной степени учитывает приоритетность и комплексный характер осуществления функций государства, что выражается во вносимых в законодательство изменениях.

По справедливому замечанию Ю.Е. Пудовочкина [46], трансформация в праве является одним из этапов его развития, характеризующегося глубинными изменениями, поэтому право не может находиться в перманентном процессе трансформации. На определенных этапах право изменяется, на других – трансформируется. Трансформация права возникает при достижении правовой системой точки бифуркации, т.е. когда она становится неустойчивой.

Процесс правового регулирования рассматриваемой области правовых отношений условно начался в марте 2022 года, когда Государственная Дума Российской Федерации добавила в УК РФ и Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) новые статьи.

Касаемо изменений в КоАП – статья 20.3.3 предусматривает наказание в виде штрафов за «дискредитацию использования Вооруженных Сил» и «публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС», а также за «призывы к проведению несанкционированных публичных мероприятий» с протестами против использования российской армии в спецоперации. Данные административные правонарушения, относятся к посягающим на общественный порядок и общественную безопасность.

В настоящее время анализ речевых форм призывов в лингвистике достиг определенного прогресса. Особо следует выделить работы А.Н. Баранова и И.А. Стернина, посвященные изучению этого коммуникативного феномена [55]. Авторы определяют призыв как речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем <...> сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации [10].

Проблематика поиска истины во все времена стояла в числе важнейших, а в настоящее время и подавно, ведь опора для принятия правильных решений только тогда будет надежной, когда она основывается на действительной объективной информации. О необходимости возвращения объективной истины, например, в судебное производство, все настойчивее пишут российские патриоты-исследователи [11; 12; 15; 24; 29; 30; 32; 34; 35; 54; 62]. Не случайно, что о важности защиты истины, о необходимости непреклонной борьбы с ложью напрямую заявляет Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Правду утопили в океане мифов, иллюзий и фейков, используя запредельно агрессивную пропаганду, врут напропалую, как Геббельс: чем невероятнее ложь, тем быстрее в нее поверят. Вот так и действуют – по этому принципу» [9].

В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации, к основным внутренним военным опасностям отнесена деятельность по информационному воздействию на населе-

ние, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества [7]. Правильным будет полагать, что и в других угрозах суверенитету российского государства используется информационная ложь [38; 39; 45; 47; 51; 57].

Таким образом, что же такое дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации?

Под дискредитацией принято понимать умышленные действия, направленные на лишение субъекта доверия к нему, на подрыв его авторитета и имиджа. Следовательно, любые публичные действия граждан, которые совершены умышленно и противоречат официальной позиции, могут быть расценены как преступление.

Что именно можно считать дискредитацией, также объясняло УФСБ по Свердловской области. Вот какое определение дано в лингвистической экспертизе по делу 67-летнего жителя закрытого города Новоуральска: «Под дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации понимаются действия, совершенные умышленно и противоречащие официальной позиции Министерства обороны РФ и направленные на лишение <...> доверия к ним, на подрыв авторитета, имиджа ВС РФ». Самого мужчину судили за пост в социальных сетях.

Судебная практика показывает, что дискредитировать российскую армию может не только публикация в соцсетях, но и плакат с какой-то цитатой, слово «фронт», портрет узника концлагерей, аватарка в Telegram, случайно заснятый на видеорегистратор плевок в букву Z, проукраинский лозунг в разговоре с сотрудником метрополитена и многое другое.

Что же касается публичности, то следует отметить, что публичным признается деяние, распространенное любым способом: это может быть Интернет или беседа в кафе. Публичность предполагает, что в момент распространения узнать информацию должно больше, чем одно лицо.

К примеру, в середине февраля 2023 года второкурсник Сахалинского морского колледжа стал фигурантом административного дела по статье о дискредитации после публичного спора с преподавателем. Пререкаясь с преподавателем во время учебного занятия, второкурсник выступал с критикой российской армии и СВО. Позже правоохранители изъяли его учебную тетрадь с надписью в поддержку ВС Украины, а также обнаружили в его соцсетях изображение, оскорбляющее Президента РФ. В отношении учащегося был составлен протокол по 20.3.3 КоАП, штраф за такие нарушения составляет до 50 тыс. рублей.

Еще один показательный случай произошел в Краснодаре, когда мужчину и женщину задержали во время отдыха в ресторане после критических высказываний о проводимых Россией боевых действиях на Украине, несмотря на то, что они, как сообщается, обсуждали это якобы между собой под видом частной беседы – это было услышано посетителями ресторана.

Одно из дел о дискредитации армии также касалось включенной через колонку аудиозаписи о действиях российских военных. В День Победы петербурженка громко слушала радио, из-за чего поступили жалобы соседей. На улице было слышно не только слова о политике, но и песню Владимира Высоцкого «Солдаты группы «Центр». По сути, сама гражданка не сказала ни слова, однако суд оштрафовал ее на максимально возможные 50 тысяч.

Наряду с этим в настоящее время также наблюдается рост случаев привлечения к административной ответственности граждан по указанным выше статьям КоАП РФ 20.3.1 и 20.3.3 за реакции (лайки) к публикациям в интернете.

Согласно статистике судебного департамента при Верховном Суде РФ, только за 2022 год по статье 20.3.3 судами было рассмотрено 5 442 дела. По статьям 20.3 и 20.3.1 судами было рассмотрено 6 554 дела. В то же время в открытом доступе отсутствует статистика по количеству решений судов о привлечении к административной ответственности по указанным статьям именно за выражение эмоций (лайки) к публикациям в социальных сетях [52]. Однако, учитывая частые упоминания в средствах массовой информации о при-

нятых судами подобных решениях, возможно предположить, что такие дела могут исчисляться сотнями.

Так, к примеру, в июле 2022 года гражданин А. был оштрафован за реакции к публикациям в социальной сети. В постановлении Ленинского районного суда г. Барнаула указывалось, что он публично выразил эмоции в виде выставления отметки к публикациям в социальной сети, в частности, видеоролику о событиях на Украине и под публикацией об административном наказании за подобное нарушение.

В свою очередь в июне 2023 года Красноперекопский районный суд Крыма оштрафовал женщину пенсионного возраста по статье 20.3.3 за выставление «отметки считаю классным» к посту в социальной сети «Одноклассники», в котором говорится о смерти мобилизованных в ходе СВО. Ранее в отношении нее уже составлялись протоколы за аналогичные нарушения под постами в интернете, дискредитирующих армию, а также оскорбляющих Президента РФ и его деятельность.

И такие случаи можно перечислять и перечислять, однако следует четко уяснить, что принимая решение о размещении в средствах массовой информации, социальных сетях, сети «Интернет», мессенджерах какой-либо информации, связанной с участием Вооруженных Сил Российской Федерации и иных российских государственных институтов в осуществлении Специальной военной операции, а также о применении иностранными государствами мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, нужно задуматься о последствиях. И такие последствия также установлены уголовным законом в виде уголовной ответственности за повторное совершение таких действий в течение года после привлечения за первое правонарушение.

Переходя к уголовной ответственности, отметим, что в условиях мировой пандемии и распространения COVID-19 в 2020 г. установлена ответственность за распространение ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ), а также ложной общественно значимой информации (ст. 207.2 УК РФ) [1]. В 2022 г. введена ответственность за распространение ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и их дискредитацию (ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ) [2], уже через две недели уточненная другим Федеральным законом [3] и к настоящему моменту претерпевшая ряд изменений, как в части условий наступления, так и меры ответственности [5; 6]. Количество так называемых призывных преступлений увеличилось. Если с момента введения УК РФ их было всего три (ч. 3 ст. 212, ст. 280, 354), то в настоящее время в уголовном законе их в несколько раз больше. По мнению авторов одного из пакета законопроектов, внесенные изменения смогут способствовать «повышению эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, осуществляемой в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства» [8]. Анализ ситуации, связанной с COVID-19, нашел глубокое освещение в отечественной юридической литературе [18; 19; 22; 36; 37; 63; 64].

В целях реализации информационной составляющей военной функции криминализации были подвергнуты вышеупомянутые публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ) и публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ).

В соответствии со статьями 207.3, 280.3 УК РФ за публичные действия либо распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в зависимости от тяжести установлена санкция до 15 лет лишения свободы.

Напомним, закон об уголовном наказании за фейки и дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации Президент России подписал в марте 2022 года. И уже к середине февраля 2023 года за данные нарушения было возбуждено более 150 дел, виновные были привлечены к уголовной ответственности. В настоящее время число привлеченных к ответ-

ственности за указанные преступления гораздо больше. Среди наиболее громких дел – штраф и уголовное дело против журналиста Ильи Азара за посты в соцсетях и заочно вынесенный обвинительный приговор на девять лет колонии общего режима блогеру-иноагенту Веронике Белоцерковской.

Кроме того, к восьми годам лишения свободы в феврале 2023 года был заочно приговорен журналист Александр Невзоров, а рэпер Oxxxymiron был оштрафован на 45 тыс. рублей за пост на своей странице «Вконтакте».

Более того, если при совершении подобного правонарушения производить и публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации (чем в том числе Росгвардия и занимается), здесь вступает в силу очередной состав правонарушения, предусмотренного статьей 280.4 УК РФ, введенной в действие 14 июля 2022 года [4], с возможной санкцией в зависимости от квалификации в виде лишения свободы на срок до шести лет.

Отдельно отметим, что лица, осуществляющие свою деятельность на просторах сети Интернет, так же, как и все граждане нашей страны обязаны соблюдать права, свободы и законные интересы других граждан и юридических лиц, в особенности честь и достоинство личности, деловую репутацию.

Ввиду сказанного в случае распространения в сети Интернет порочащих, не соответствующих действительности сведений такой правонарушитель в соответствии с действующим законодательством должен будет удалить соответствующую информацию. Кроме того, от него могут потребовать опровержения указанных им сведений, компенсировать моральный вред и возместить убытки. Оскорбление и клевета как по отдельности, так и сопутствующие действиям, описанным выше, также являются правонарушениями, за которые предусмотрена ответственность. Компенсация морального вреда может быть взыскана также в случаях распространения сведений, как соответствующих, так и не соответствующих действительности, которые не являются порочащими честь, достоинство и деловую репутацию, но распространение которых повлекло нарушение иных принадлежащих лицу личных неимущественных прав или нематериальных благ (например, личной или семейной тайны) (п. 1 ст. 150, п. п. 1, 5, 9 ст. 152 ГК РФ; ст. ст. 5.61, 5.61.1 КоАП РФ; ст. 128.1 УК РФ; п. 8 ч. 1 ст. 10.4, п. 4 ч. 1 ст. 10.6, ст. 15.1-2 Закона № 149-ФЗ; п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33; п. п. 5, 6, 7, 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3).

В развитие этого вопроса особо выделим, что как должностные лица Росгвардии, так и воинские части, являясь юридическими лицами, зарегистрированными в едином государственном реестре, в равной степени с иными «гражданскими» субъектами правоотношений находятся под защитой права и имеют полное право на защиту своих нарушенных прав в порядке и случаях, совершенно аналогичных правонарушениям, указанным выше.

В заключении отметим неоспоримую важность модернизации как уголовной, так и административной политики в ногу со временем, с учетом все возрастающей цифровой составляющей нашей повседневной жизни и в особенности жизни войск правопорядка – Росгвардии, которая каждый день в постоянной готовности находится на передовой борьбы за поддержание общественно-политической стабильности в стране.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2030.

2. Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2022. – № 10. – Ст. 1389.

3. Федеральный закон от 25.03.2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 13. – Ст. 1952.

4. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть II). – Ст. 5227.

5. Федеральный закон от 18.03.2023 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 12. – Ст. 1871.

6. Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 641-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1 (часть I). – Ст. 22.

7. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. – 2014. – 30 декабря.

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8

9. Путин заявил, что Запад использует пропаганду по заветам Геббельса // https://tass.ru/politika/15921337

10. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие / А.Н. Баранов. 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 591 с.

11. *Баранчикова Е.М., Безрядин В.И., Кондрат И.Н*. Проблема истины в уголовном процессе: ретроспективный и сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С.89–93.

12. *Бастрыкин А.И.* Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 18–29. DOI 10.33874/2072-9936-2023-0-1-18–29.

13. *Бастрыкин А.И.* Пора поставить действенный заслон информационной войне // Власть. – 2016. – № 15. – 18 апреля. – С. 20.

14. *Бастрыкин А.И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 1. – С. 5–12.

15. *Безрядин В.И., Акинин Я.Е., Морозов А.И*. Соотношение содержания истины как категории уголовно-процессуального права и философии // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 11. – С. 133–143.

16. *Воробьев С.М. Комаров С.А., Старовойтова О.Э.* Правовое обеспечение действия «цифровой зрелости» в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 77–86. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_77

17. *Галиев Ф.Х., Гутман М.Ю., Исмагилов Р.Ф.* К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 96–104. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_96

18. *Гутман М.Ю*. Нормативно-правовая и организаторская деятельность правителей России и правоохранительных органов в период эпидемий и пандемий в XVII – XIX веках // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 400–411.

19. *Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Деятельность монархов и руководителей полиции России во время эпидемий и пандемий как бесценный опыт и пример для потомков // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 39–60.

20. *Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н.* Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 125–129. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_125

21. *Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.* Киберполиция XXI века. Международный опыт. – М.: Международные отношения, 2020. – 288 с.

22. *Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С*. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.

23. *Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С.* Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: Монография / Вступ. ст. О.В. Храмова. – М.: Норма, 2022. – 184 с. DOI 10.12737/1864981.

24. *Захарцев С.И.* Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146–152.

25. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Вышел значимый труд о современной кибермафии. Рецензия на книгу «Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: Монография / вступ. ст. О.В. Храмова. – М.: Норма, 2022». // Юридическая наука: история и современность – 2023. – № 9. – С. 164–172.

26. *Захарцев С.И., Сальников В.П*. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62–70.

27. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационная безопасность и суверенитет России. Рецензия на книгу «Россия в информационной войне: Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова /[сост. М.Е. Фалалеев[. – Книга первая. – М.: Норма, 2023. – 368 с.» // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 10А. – С. 307–312.

28. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11–19.

29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96–100.

30. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* К проблеме истинности научного познания и бытия // Стратегические приоритеты. – 2020. – № 3-4 (27-28). – С. 110–119.

31. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Кибермафия как угроза нормальному человеческому существованию: рецензия-размышление по поводу монографии «Мировые тенденции и международное противодействие» // Юрист-Правоведъ. – 2022. – № 3(102). – С. 215–220.

32. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76–82.

33. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9–15.

34. *Захарцев С.И., Сальников В.П*. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35–43.

35. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В.* Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191–196.

36. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А. Г.* COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. – 2021. – С. 254–259.

37. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 182–190.

38. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120–139.

39. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69–94.

40. *Ивлиев П.В., Крижановская Г.Н.* Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 127–131. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_131

41. *Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.* Цифровая криминология: Учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.

42. *Краснова Г.В., Марков А.А.* Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2(110). – С. 102–109.

43. Краткая характеристика состояния преступности в РФ // Официальный сайт МВД РФ; URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/

44. *Марков А.А.* Связи с общественностью в защите имиджа от негативной информации СМИ (в аспекте информационной безопасности личности и организации). – СПб.: РГГМУ, 2009. – 156 с.: ил.

45. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

46. *Пудовочкин Ю.Е.* Трансформация российской уголовной политики // «Уголовная политика в условиях эволюции общества»: научные чтения, посвященные памяти профессора М.Н. Гернета: международная научно-практическая конференция / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, 5 октября 2022 г.

47. *Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А.* Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52–60.

48. Россия в информационной войне: Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова / Сост. М.Е. Фалалеев. – Книга первая. – М.: НОРМА, 2023. – 368 с.

49. *Сальников В.П.* Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26–27.

50. *Сальников В.П., Крижановская Г.Н., Кривоносова Д.В.* Российская молодежь – мишень информационного терроризма. Как противостоять новым формам террористической угрозы? // Информационное право. – 2023. – № 1. – С 14–17.

51. *Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139–150.

52. *Селькова А.А.* Эмодзи как доказательство: фантастика или реальность? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 5. – С. 28–32.

53. *Семёнова И.В., Захарцев С.И.* Кибертерроризм как дестабилизирующий фактор, источник которого расположен вне сети // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 79–87.

54. *Смирнов Г.К.* Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 250–259.

55. *Стернин И.А*. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: Методическое пособие. – Воронеж: Гарант, 2010. – 20 с.

56. *Твердова Т.В., Комаров В.С.* Цифровые права как объекты правоотношений // Теория государства и права. – 2021. – № 2. – С. 150–154. DOI 10:47905/MATGIP.2 021.22.2.011.

57. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: Монография // Хабибулин А.Г., А.В. Анищенко, В.Н. Анищенко, Е.В. Анищенко, А.Н. Выборный; под общ. ред. А.Г. Хабибулина. – 2-е изд., расш. и дополн. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. – 480 с.

58. *Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И.* МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23–31.

59. Хакеры нападают роем. Президент российской секции Международной полицейской ассоциации Юрий Жданов об угрозе глобальных кибератак // Российская газета. – 2021. – № 72(8423). – 6 апреля. – С. 10.

60. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: Научно-практическое пособие / Под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. – М.: Норма: ИЗиСП, 2022. – 376 с.

61. Цифровое право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 720 с.

62. *Цой Б.А., Мелащенко А.А.* Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 6-2. – С. 152–155.

63. *Черногор Н.Н., Залоило М.В.* Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

64. *Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S.* COVID-19: Crime, Cibersecurity, Society, Police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S.Ovchinsky; Foreword by A.L. Kudrin. – M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2020.

Для цитирования: *Иванов А.Э.* Современное состояние и динамика развития законодательства об ответственности за дискредитацию армии в сети интернет: теоретико-правовой аспект: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С.62–69.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_62

A.E. Ivanov*

THE CURRENT STATE AND DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON LIABILITY FOR DISCREDITING THE ARMY ON THE INTERNET

Annotation. *Currently, there are transformational processes in administrative and criminal policy associated with a change in the vector of the law from protective to preventive, a shift in emphasis in the hierarchy of values from personal interests of the individual to national interests, and the protection of the integrity of the state. Organizational and economic activities aimed at destroying the integrity and security of the state, strengthening terrorist and other threats required a timely and adequate response from the State, for example, expanding the number of "conscription" crimes. Transformational socio-political processes (COVID-19, special military operation) have changed the basic principles of the criminal law and administrative branch, refocusing them on protecting state interests with an emphasis on prevention. In the long term, such an approach will allow rational use of all legal instruments, which will undoubtedly lead to positive dynamics of the industry. Hence the need to approach the problem from a theoretical and legal perspective.*

The purpose of the study is to determine the direction of development of administrative and criminal policy in the information sphere (network) in the context of discrediting the army, confirming that modern legislation is at the stage of transformation.

The dialectical method of cognition was used as a methodological basis, which made it possible to build a general strategy of scientific research. General scientific (historical, analysis, synthesis, abstraction) and private scientific methods (logical-legal, axiological, synergetic) were used to obtain specific results.

Keywords: *responsibility, army, information, public appeals, discrediting, special operation.*

"Everyone who risks their lives today to ensure the security of the country and citizens is protected from provocations and lies," the Chairman of the State Duma of the Russian Federation wrote on his Telegram channel.

Currently, numerous facts of the dissemination of deliberately false information about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation during a special military operation in the media, social networks, Internet sites and messengers are being revealed, which once again underlines that the role of the information component in the context of an armed conflict should not be underestimated. Information networks, including the Internet, can be used not only for the benefit, but also to the detriment of a person, society and the state. [13; 26; 28; 33; 42; 44; 49; 50; 58].

Taking into account the increasing digitalization of everyday life, as well as the progress of computer technology, new tools are emerging daily, which deviant participants in public relations undoubtedly seek to use. [16; 17; 20; 40; 41; 56; 60; 61]. Therefore, we would not be mistaken if we say that this usually does not lead to anything good. Moreover, using open sources of information (for example, the international agency We Are Social and others), it is easy to establish that the percentage of Internet users in the world is more than 65% of all mankind, and in Russia this figure reaches 90% of the population.

At the same time, in 2023 in Russia, every third crime was committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information. And for the period from January to August 2024, the number of such crimes for the same period in 2023 has already increased by 16.4% [43]. We do not forget to take into account the rather low average value for the detection of this category of crimes, and we get a problem, the progress of which

* **Ivanov Alexander Eduardovich**, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia. E-mail: united09@yandex.ru. ORCHID 0000-0002-9658-3524.

is directly related to the increase in the number of offenses in this area. The problems affecting this area of legal relations are receiving serious attention in Russian legal science. [14; 21; 23; 25; 27; 31; 48; 53; 59].

Thus, it is obvious that effective operation of the state enforcement apparatus requires levers of influence on offenders in the form of at least legal regulation. And here we note that modern criminal law policy sufficiently takes into account the priority and complex nature of the implementation of the functions of the state, which is reflected in the amendments to the legislation.

According to Pudovochkin [46], transformation in law is one of the stages of its development, characterized by profound changes, so law cannot be in a permanent process of transformation. At certain stages, the law changes, at others it transforms. The transformation of law occurs when the legal system reaches a bifurcation point, i.e. when it becomes unstable.

The process of legal regulation of the area of legal relations in question conditionally began in March 2022, when the State Duma of the Russian Federation added new articles to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses (CAO).

Regarding the amendments to the Administrative Code, Article 20.3.3 provides for penalties in the form of fines for "discrediting the use of Armed Forces" and "public calls to prevent the use of armed forces", as well as for "calls to hold unauthorized public events" protesting against the use of the Russian army in special operations. These administrative offenses are considered to infringe on public order and public safety.

Currently, the analysis of speech forms of appeals in linguistics has made some progress. The works of A.N. Baranov and I.A. Sternin devoted to the study of this communicative phenomenon should be highlighted [55]. The authors define a call as a speech act addressed to the addressee in order to encourage him to perform some action or a set of actions, understood as an important part of socially significant activities that contribute to the achievement of certain ideals, or to encourage the addressee to take these ideals into account in his daily behavior, moreover... The speech act itself is considered as a part of socio-political communication [10].

The search for truth has always been one of the most important issues, and even more so now, because the support for making the right decisions will only be reliable when it is based on valid objective information. Russian patriot researchers are increasingly writing about the need to return objective truth, for example, to judicial proceedings. [11; 12; 15; 24; 29; 30; 32; 34; 35; 54; 62]. It is no coincidence that the President of the Russian Federation, Vladimir Putin, directly declares the importance of protecting the truth and the need for an unyielding fight against lies. Putin: "The truth has been drowned in an ocean of myths, illusions and fakes, using extremely aggressive propaganda, lying recklessly, like Goebbels: the more incredible the lie, the sooner it will be believed. That's how they act – according to this principle" [9].

In accordance with the Military Doctrine of the Russian Federation, the main internal military dangers include information influence activities on the population, primarily on young citizens of the country, aimed at undermining historical, spiritual and patriotic traditions in the field of Fatherland defense [7]. It would be correct to assume that information lies are used in other threats to the sovereignty of the Russian state. [38; 39; 45; 47; 51; 57].

So, what is the discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation?

Discrediting is usually understood as deliberate actions aimed at depriving a subject of confidence in him, undermining his authority and image. Therefore

any public actions of citizens that are committed intentionally and contradict the official position can be regarded as a crime.

What exactly can be considered discrediting was also explained by the Federal Security Service for the Sverdlovsk Region. This is the definition given in the linguistic expertise in the case of a 67-year-old resident of the closed city of Novouralsk.: "Discrediting the Armed Forces of the Russian Federation is defined as actions committed intentionally and contrary to the official position of the Ministry of Defense of the Russian Federation and aimed at depriving <...> confidence in them, undermining the authority and image of the Armed Forces of the Russian Federation." The man himself was tried for posting on social media.

Judicial practice shows that not only a publication in social networks can discredit the Russian army, but also a poster with some kind of quote, the word "front", a portrait of a concentration camp prisoner, an avatar in Telegram, a spit in the letter Z accidentally captured on a DVR, a pro-Ukrainian slogan in conversation with a subway employee, and much more.

As for publicity, it should be noted that an act that is disseminated in any way is recognized as public: it can be the Internet or a conversation in a cafe. Publicity implies that more than one person should know the information at the time of distribution.

For example, in mid-February 2023, a sophomore at Sakhalin Maritime College became involved in an administrative case under an article on discrediting after a public dispute with a teacher. Arguing with the teacher during the training session, the sophomore criticized the Russian army and its military. Later, law enforcement officers seized his notebook with an inscription in support of the Armed Forces of Ukraine, and also found an image in his social networks insulting the President of the Russian Federation. A protocol was drawn up against the student in accordance with 20.3.3 of the Administrative Code, and the fine for such violations is up to 50 thousand rubles.

Another illustrative case occurred in Krasnodar, when a man and a woman were detained while relaxing in a restaurant after criticizing Russia's military operations in Ukraine, despite the fact that they reportedly discussed this allegedly among themselves under the guise of a private conversation – this was overheard by the restaurant's visitors.

One of the cases of discrediting the army also concerned an audio recording of the actions of the Russian military included through the column. On Victory Day, a St. Petersburg woman listened loudly to the radio, which led to complaints from neighbors. Not only words about politics could be heard on the street, but also Vladimir Vysotsky's song "Soldiers of the Center Group". In fact, the citizen herself did not say a word, but the court fined her the maximum possible 50 thousand.

Along with this, there is also an increase in cases of bringing citizens to administrative responsibility under the above articles of the Administrative Code of the Russian Federation. 203.1 and 20.3.3 for reactions (likes) to publications on the Internet.

According to the statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, in 2022 alone, 5,442 cases were considered by the courts under Article 20.3.3. The courts considered 6,554 cases under articles 20.3 and 20.3.1. At the same time, there is no publicly available statistics on the number of court decisions on administrative liability under these articles specifically for expressing emotions (likes) to publications on social networks [52]. However, given the frequent mentions in the media of such decisions made by the courts, it is possible to assume that such cases may number in the hundreds.

For example, in July 2022, Citizen A. was fined for reacting to posts on a social network. In the decision of the Leninsky District Court of Barnaul, it was stated that he publicly expressed emotions in the form of marking posts on a social network, in particular, a video clip about events in Ukraine and a publication about administrative punishment for such a violation.

In turn, in June 2023, the Krasnoperekopsky District Court of Crimea fined a woman of retirement age under article 20.3.3 for posting "I think it's cool" to a post on the Odnoklassniki social network, which talks about the deaths of those mobilized during their military operations. Earlier, protocols had already been drawn up against her for similar violations under posts on the Internet discrediting the army, as well as insulting the President of the Russian Federation and his activities.

And such cases can be listed and listed, but it should be clearly understood that when deciding whether to post in the media, social networks, the Internet, messengers any information related to the participation of the Armed Forces of the Russian Federation and other Russian state institutions in the implementation of a Special military operation, as well as the use of foreign If there are no restrictive measures against the Russian Federation, citizens of the Russian Federation or Russian legal entities, we need to think about the consequences. And such consequences are also established by the criminal law in the form of criminal liability for repeated commission of such actions within a year after being charged for the first offense.

Turning to criminal liability, we note that in the context of the global pandemic and the spread of COVID-19 in 2020, responsibility was established for spreading false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens (Article 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as false socially significant information (Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) [1]. In 2022, responsibility was introduced for spreading false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and discrediting them (art. 207.3, 280.3, 284.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) [2], clarified two weeks later by another Federal Law [3] and has now undergone a number of changes, both in terms of the conditions of the attack and the measure of responsibility [5; 6]. The number of so-called conscription crimes has increased. If there have been only three of them since the introduction of the Criminal Code of the Russian Federation (Part 3 of Articles 212, 280, 354), at present there are several times more in the criminal law. According to the authors of one of the draft laws, the amendments will contribute to "improving the effectiveness of the system for detecting, preventing and suppressing criminal activities carried out in order to undermine the foundations of the constitutional order, the country's defense capability and state security" [8]. The analysis of the situation related to COVID-19 has found deep coverage in the domestic legal literature [18; 19; 22; 36; 37; 63; 64].

In order to implement the information component of the military function, the above-mentioned public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code) and public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 280.3 of the Criminal Code) were criminalized.

In accordance with articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, a penalty of up to 15 years in prison is imposed for public actions or the dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, depending on the severity.

Recall that the law on criminal punishment for fakes and discrediting of the Armed Forces of the Russian Federation was signed by the President of Russia in March 2022. And by mid-February 2023, more than 150 cases had been initiated for these violations, and the perpetrators were brought to criminal responsibility. Currently, the number of those prosecuted for these crimes is much higher. Among the most high–profile cases are a fine and a criminal case against journalist Ilya Azar for posts on social networks and a nine-year prison sentence in absentia for a foreign blogger Veronika Belotserkovskaya.

In addition, in February 2023, journalist Alexander Nevzorov was sentenced to eight years in prison in absentia, and rapper Oxxxymiron was fined 45 thousand rubles for a post on his Vkontakte page.

Moreover, if, when committing such an offense, public calls are also made to carry out activities directed against the security of the Russian Federation, or to prevent the authorities and their officials from exercising their powers to ensure the security of the Russian Federation (which Rosgvardiya is doing), the next offense provided for in Article 280.4 comes into force. The Criminal Code of the Russian Federation, which entered into force on July 14, 2022 [4], with a possible sanction, depending on the qualification, in the form of imprisonment for up to six years.

We should also note that persons who carry out their activities on the Internet, as well as all citizens of our country, are obliged to respect the rights of, the freedoms and legitimate interests of other citizens and legal entities, especially the honor and dignity of the individual, business reputation.

In view of the above, in case of dissemination of defamatory, untrue information on the Internet, such an offender, in accordance with current legislation, will have to delete the relevant information. In addition, he may be required to refute the information provided by him, compensate for moral damage and compensate for losses. Insulting and slandering, both individually and in connection with the actions described above, are also offences for which liability is provided. Compensation for moral damage may also be sought in cases of dissemination of information, both relevant

and untrue, that does not discredit honor, dignity and business reputation, but the dissemination of which has resulted in a violation of other personal non-property rights or intangible benefits belonging to a person (for example, personal or family secrets) (paragraph 1 of art. 150, Clauses 1, 5, 9 of Articles 152 of the Civil Code of the Russian Federation; Articles 5.61, 5.61.1 of the Administrative Code of the Russian Federation; Article 128.1 of the Criminal Code; paragraph 8 of Part 1 of Article 10.4, paragraph 4 of Part 1 of Article 10.6, Article 15.1-2 of Law No. 149-FZ; 50 Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2022 No. 33; paragraphs 5, 6, 7, 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/24/2005 No. 3).

In furtherance of this issue, we would like to emphasize that both Rosgvardiya officials and military units, being legal entities registered in the unified state register, are equally protected by law with other "civil" subjects of legal relations and have every right to defend their violated rights in a manner and cases completely similar to offenses. specified above.

In conclusion, we note the indisputable importance of modernizing both criminal and administrative policies in step with the times, taking into account the ever–increasing digital component of our daily lives and, in particular, the lives of the law enforcement forces, the Rosgvardiya, which is constantly on the front line of the struggle to maintain socio-political stability in the country every day.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 100-FZ of 04/01/2020 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 14 (part I). – Art. 2030.

2. Federal Law No. 32-FZ dated 03/04/2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation – 2022. – No. 10. – Art. 1389.

3. Federal Law No. 63-FZ of 03/25/2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 13. – Art. 1952.

4. Federal Law No. 260-FZ dated 07/14/2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 29 (part II). – Art. 5227.

5. Federal Law No. 58-FZ of 03/18/2023 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 12. – Art. 1871.

6. Federal Law No. 641-FZ dated December 25, 2023 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 1 (Part I). – Article

22.7. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 25, 2014 No. Pr-2976) // Rossiyskaya Gazeta. – 2014. – December 30th.

8. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8

9. Putin said that the West uses propaganda according to the precepts of Goebbels // https://tass.ru/politika/15921337

10. *Baranov A.N.* Linguistic examination of the text: theory and practice: Textbook the manual / A.N. Baranov. 4th ed. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2012. 591 p.

11. *Baranchikova E.M., Bezryadin V.I., Kondrat I.N.* The problem of truth in criminal proceedings: a retrospective and comparative legal analysis // Legal science: history and modernity. – 2022. – No. 10. – pp.89–93.

12. *Bastrykin A.I.* On objective truth in criminal proceedings: history and modernity // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2023. – No. 1. – pp. 18–29. DOI 10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29.

13. *Bastrykin A.I.* It's time to put an effective barrier to the information war // Power. – 2016. – No. 15. – April 18. – p. 20.

14. *Bastrykin A.I.* Crimes against minors in the Internet space: on the issue of victimological prevention and criminal law assessment // All–Russian Journal of Criminology, 2017, vol. 11, No. 1, pp. 5–12.

15. *Bezryadin V.I., Akinin Ya.E., Morozov A.I.* The correlation of the content of truth as a category of criminal procedure law and philosophy // Legal Science: History and modernity. – 2021. – No. 11. – pp. 133–143.

16. *Vorobyov S.M. Komarov S.A., Starovoitova O.E.* Legal support for the operation of "digital maturity" as the main indicator of the development of information technology transformation of the state: article // Theory of the state and law. – 2023. – № 4 (33). – Pp. 77–86. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_77

17. *Galiev F.Kh., Gutman M.Yu., Ismagilov R.F.* On the issue of sustainable development of society in the context of informatization and digitalization // Theory of State and law. – 2023. – № 4-1 (34). – Pp. 96–104. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_96

18. *Gutman M.Yu.* Regulatory and organizational activities of the rulers of Russia and law enforcement agencies during epidemics and pandemics in the XVII – XIX centuries // Education and Law. – 2022. – No. 3. – pp. 400–411.

19. *Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Activities of monarchs and leaders the Russian Police during epidemics and pandemics as an invaluable experience and example for posterity // Legal Science: History and Modernity. – 2022. – No. 3. – pp. 39–60.

20. *Drozdova A.M., Ignatieva S.V., Krizhanovskaya G.N.* Informatization and digitalization in the educational space of modern Russian society // Theory of the state and law. – 2023. – № 4-1 (34). – Pp. 125–129. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_125

21. *Zhdanov Yu.N., Ovchinsky V.S.* Cyberpolice of the 21st century. International Experience. Moscow: International Relations, 2020. 288 p.

22. *Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S.* COVID-19: crime, cybercrime, society, police / Intro. Article by A.L. Kudrin, Moscow: International Relations, 2020– 448 p.

23. *Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S.* Cyber mafia. Global trends and international counteraction: Monograph / Introduction by O.V. Khramova, Moscow: Norma, 2022, 184 p. DOI 10.12737/1864981.

24. *Zakhartsev S.I.* Law and truth // The world of politics and sociology. – 2012. – No. 9. – pp. 146–152.

25. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* A significant work on modern cyber mafia was published. Review of the book "Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S. Cybermafia. Global trends and international counteraction: Monograph / introduction by O.V. Khramova. Moscow: Norma, 2022. // Legal science: history and modernity – 2023. – No. 9. – pp. 164–172.

26. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P*. Protection of human rights in the information space // Strategic priorities. – 2018. – № 1(17). – Pp. 62–70.

27. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Information security and sovereignty of Russia. Review of the book "Russia in the Information War: Assessments of the current situation in an interview with Yuri Zhdanov / [comp. M.E. Falaleev[. – The first book. – M.: Norm, 2023. – 368 p." // Questions of Russian and international law. – 2023. – Vol. 13. – No. 10A. – pp. 307–312.

28. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches // Legal field of modern economics. – 2015. – No. 8. – pp. 11–19.

29. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Truth as a problem of philosophy: classic or postmodernism // The Russian Journal of Legal Research. – 2016. – № 2(7). – Pp. 96–100.

30. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the problem of the truth of scientific knowledge and existence // Strategic priorities. – 2020. – № 3-4 (27-28). – Pp. 110–119.

31. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Cybermafia as a threat to normal human existence: a review-reflection on the monograph "Global trends and international counteraction" // Lawyer-Jurist. – 2022. – № 3(102). – Pp. 215–220.

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Classics of Russian legal science. Objective truth: is it necessary in criminal proceedings? On the anniversary of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M.S. Strogovich // Legal Science: history and modernity. 2019. No. 2. pp. 76–82.

33. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Law in the 21st century in the context of programmed life, information technology and justice // Information Law. – 2020. – № 3(65). – Pp. 9–15.

34. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Continuing the discussion about the truth // The World of Politics and Sociology. – 2016. – No. 1. – pp. 35–43.

35. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Salnikov M.V.* The problem of truth in law and legal sciences // Legal science: history and modernity. 2016. No. 3. pp. 191–196.

36. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A. G*. COVID-19 and the fight against it. A book has been published on current problems of society's life during the pandemic, the fight against crime and police work // State and Law. – 2021. – pp. 254–259.

37. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A.G.* Important and urgent. A book about crime during the pandemic and the global community has been published. Review of the monograph by Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov and V.S. Ovchinsky "COVID-19: crime, cybersecurity, society, police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S. Ovchinsky; intro. an article by A.L. Kudrin. – M.: International Relations, 2020. – 448 p." // Legal science: history and modernity. – 2021. – No. 6. – pp. 182–190.

38. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L.* Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring military security // The world of politics and sociology. – 2017. – No. 1. – pp. 120–139.

39. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L*. Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring national security // Legal science: history and modernity. 2016. No. 12. pp. 69–94.

40. *Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N*. Digitalization of the economy: legal regulation and development paths // Theory of the state and law. – 2023. – № 4 (33). – Pp. 127–131. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_131

41.*Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S.* Digital criminology: A textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 244 p.

42. *Krasnova G.V., Markov A.A.* The Internet as an urgent threat to personal information security // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. – 2018. – № 2(110). – Pp. 102–109.

43. Brief description of the state of crime in the Russian Federation // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677

44. *Markov A.A.* Public relations in protecting the image from negative media information (in terms of information security of individuals and organizations). – St. Petersburg: RGGMU, 2009. – 156 p.: ill.

45. Political and legal governance and threats to state sovereignty: a monograph / edited by V.P. Salnikov. – 2nd ed., ispr. and add. – M.: INFRA-M, 2024. – 423 p. – (Scientific thought).

46. *Pudovochkin Yu.E.* The transformation of Russian criminal policy // "Criminal policy in the context of the evolution of society": scientific readings dedicated to the memory of Professor M.N. Gernet: international scientific and practical conference / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, October 5, 2022.

47. *Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantieva V.A.* Spiritual security in modern Russian society: threats and ways to overcome them // The rule of law: theory and practice. – 2019. – No. 1. – pp. 52–60.

48. Russia in the information war: Assessments of the current situation in an interview with Yuri Zhdanov / Comp. M.E. Falaleev. – The first book. – M.: NORMA, 2023. – 368 p

49. *Salnikov V.P.* Invisible invasion. The negative impact of information on human consciousness // Protection and security. – 1999. – No. 1. – pp. 26–27.

50. *Salnikov V.P., Krizhanovskaya G.N., Krivonosova D.V.* Russian youth are the target of information terrorism. How to counter new forms of terrorist threat? // Information Law. – 2023. – No. 1. – From 14–17.

51. *Salnikov S.P., Prokofiev K.G., Silantieva V.A., Klimenko O.A., Silantieva N.V.* Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring spiritual security // The world of politics and sociology. – 2018. – No. 1. – pp. 139–150.

52. *Selkova A.A*. Emoji as proof: fiction or reality? // Arbitration and civil procedure. – 2023. – № 5. – Pp. 28–32.

53. *Semenova I.V., Zakhartsev S.I.* Cyberterrorism as a destabilizing factor, the source of which is located outside the network // Legal science: history and modernity. – 2023. – No. 2. – pp. 79–87.

54. *Smirnov G.K.* Objective truth as a guideline for criminal procedural evidence // Criminalist's Library. – 2012. – № 4 (5). – Pp. 250–259.

55. *Sternin I.A.* Identification of signs of incitement of racial and national hatred in the linguistic examination of the text: A methodological guide. Voronezh: Garant Publ., 2010. 20 p.

56. *Tverdova T.V., Komarov V.S.* Digital rights as objects of legal relations // Theory of the state and law. – 2021. – No. 2. – pp. 150–154. DOI 10:47905/MATJIP.2021.22.2.011.

57. Financial sovereignty and financial security of Russia: threats and risks: A monograph // Khabibulin A.G., A.V. Anishchenko, V.N. Anishchenko, E.V. Anishchenko, A.N. Vyborny; under the general editorship of A.G. Khabibulin. – 2nd ed., expanded. and add. – M.: Lomonosov Moscow State University. Higher School of Public Audit, 2023. – 480 p.

58. *Khabibulin A.G., Abdrakhmanov A.I.* The Ministry of Internal Affairs in the information field of increasing global tension // Legal science: history and modernity. – 2015. – No. 1. – pp. 23–31.

59. Hackers are attacking in a swarm. President of the Russian section of the International Police Association Yuri Zhdanov on the threat of global cyber attacks // Rossiyskaya Gazeta. – 2021. – № 72(8423). – 6 April. – p. 10.

60. Digital economy: current directions of legal regulation: A scientific and practical guide / Edited by I.I. Kucherov, S.A. Sinitsyn. Moscow: Norma: IZiSP, 2022. 376 p.

61. Digital Law: Textbook / Edited by Dr. jurid. MGIMO, Professor of the Ministry of Foreign Affairs of Russia E.L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024. 720 p.

62. *Tsoi B.A., Melashchenko A.A.* Objective truth as the goal of knowledge in proving in criminal proceedings // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2018, No. 6-2, pp. 152–155.

63. *Chernogor N.N., Zaloilo M.V.* Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 7. – pp. 5–26.

64. *Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S.* COVID-19: Crime, Cibersecurity, Society, Police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S.Ovchinsky; Foreword by A.L. Kudrin. – M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2020.

For citation: *Ivanov A.E.* The Current state and Dynamics of the Development of Legislation on Liability for Discrediting the Army on the Internet: Theoretical and Legal aspect: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 70–77.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_62

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_78

П.В. Ивлиев*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация: *В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, которые радикально препятствуют эффективному правовому регулированию новых цифровых объектов гражданских прав. Также подробно затрагиваются очевидные преимущества, которые получит экономика Российской Федерации в целом при качественном регулировании цифровых прав, и освещаются вопросы совершенствования гражданских правоотношений при качественном регламентировании вопросов исследуемой теме. Предлагаются актуальные и эффективные решения вышеназванных проблем.*

Ключевые слова: *гражданские правоотношения, объекты гражданских прав, гражданский кодекс, цифровые права, цифровизация, онлайн-платформы, информационное общество, субъективные гражданские права и обязанности, суд, судебные разбирательства.*

Цифровая революция охватила каждый аспект современной жизни, и гражданские правоотношения не являются исключением. От онлайн – платформ разрешения споров до виртуальных брачных церемоний, технологии трансформируют способ взаимодействия и управления нашей личной жизнью. Хотя возможности кажутся бесконечными, цифровизация гражданских отношений дает как значительные возможности, так и сложные проблемы.

Необходимо сказать, что переход к цифровой модели развития общества и государства во многом определяется Стратегией развития информационного общества в России на период 2017–2030 годы. Цифровые права являются более чем актуальной темой, так как это очень важно для обеспечения модернизации нашей страны и общества в информационную эпоху. Необходимо сказать, что цифровизация абсолютно объективный и неизбежный процесс. Отменить его или запретить невозможно, а игнорирование приведет к губительным последствиям. Любые задержки в области цифровизации, при чем как в сфере государственного управления, так и в частном секторе будут неизбежно пагубным образом сказываться на конкурентоспособности государства, а разных его сферах по сравнению с другими странами. Переход общества в информационную эпоху является абсолютно неизбежным явлением[1].

Надо сказать, что, несмотря на объективные тенденции развития цифровизации в России существует ряд проблем. В исследуемой области требующих своевременного и качественного разрешения.

Так, например надо отметить, что ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит перечень объектов гражданских прав и исходя из этого отнесение новых цифровых объектов к ним возможно только к уже отмеченным объектам указанной статье ГК РФ. Это порождает большое количество вопросов и проблем. Ведь надо понимать, что современное развитие технологий и научной сферы, а также цивилистики, активно способствует появлению принципиально новых объектов гражданских прав. Так, например справочные системы надо рассматривать как особо сложный объект гражданских прав. Исходя

* **Ивлиев Павел Валентинович –** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России, г. Рязань. E-mail: ivliev_pv@mail.ru.

из этого можно сделать вывод, что перечень объектов гражданских прав должен быть расширен и вообще быть открытым.

Еще одной проблемой в исследуемой области можно назвать наличие непоименованных объектов гражданских прав, в отношении которых могут появиться субъективные гражданские права и обязанности, но при этом законодатель про них ничего не упоминает. Такое положение дел создает к трудности в правовой квалификации новых объектов гражданских прав, что в свою очередь приводит к всевозможным проблемам в правовом регулировании общественных отношений, которые появляются по этому поводу. Нередко на практике встречались случаи когда судам приходилось предпринимать целый комплекс мер, чтобы определить правовую природу новых цифровых объектов гражданских прав. Исходя из этого мы сталкиваемся с проблемой точного определения правовой природы новых цифровых объектов гражданских прав, которые требуют скорейшего урегулирования в целях предотвращения большого количества споров и проблем.

Необходимо отметить, и еще одну очень актуальную проблему развития цифровых технологий в сфере применения криптовалюты, как объективного явления цифровой экономики. Надо сказать, что трудности в данной ситуации возникают в связи с анонимностью использованием криптовалюты в мировом пространстве, как объекта цифрового права и гражданских прав в целом. Данные проблемы связаны с тем, что криптовалюта параллельно с совершенствованием цифровых технологий неизбежно сталкивается с препятствиями правового характера потому что содержит в себе огромные риски как для физических, так и для юридических лиц. Стоит сказать, что стремительное распространение криптовалюты вполне может представлять серьезную угрозу для действующей банковской системы и даже государств в целом.

Следующей проблемой можно назвать, что сам по себе термин» цифровые права» предоставлен в некотором смысле очень расплывчато, что формирует большое количество споров и трудностей. При этом надо понимать, что признаки цифровых прав, которые закреплены на уровне нормативно-правовой базы, к сожалению, не охватывают большое количество тех цифровых объектов, в отношении которых возникают гражданско-правовые отношения в рамках цифровой экономики. И по этой причине необходимо конкретизировать законодательство, то есть внести изменения в понятие цифровых прав. Так, например, под цифровыми правами следует понимать права, которые возникают и реализуются в цифровой среде и существуют исключительно в электронной форме. Основное отличие цифровых от классических имущественных прав это их привязка к цифровой записи, что предполагает их реализацию исключительно через цифровые системы.

В законодательстве России недостаточно указано конкретных примеров цифровых прав, что в свою очередь вызывает споры и затруднения в понимании данной юридической категории.

Необходимо сказать, что в силу того что такое понятие как цифровые права является достаточно новым явлением и возникли они сравнительно недавно, то и судебной практики по данной категории дел на сегодняшний день также не достаточно, чтобы сформировать прочный фундамент для судей при качественном разрешении споров в исследуемой области. При разрешении подобных споров приходится прибегать к знаниям специалистов в данной отрасли, что неизбежно приводит к затягиванию судебных разбирательств, и в целом создает ощутимые трудности при реализации права на судебную защиту.

Надо озвучить еще ряд актуальных проблем, которые имеют место быть при реализации гражданских отношениях в цифровой сфере.

Так, например, не каждый имеет равный доступ к технологии, тем самым создается цифровой разрыв, который может усугубить существующее неравенство и оставить уязвимые группы населения без решения их проблем в цифровой сфере.

Также необходимо выделить, проблему сбора и хранения персональных данных на цифровых платформах вызывает серьезные вопросы в области конфиденциальности, требуя надежных мер безопасности и строгих правил для защиты такой информации.

Необходимо понимать, что переход экономики на цифровые основы создает плодородную почву для формирования угроз кибербезопасности. Цифровые платформы уязвимы для кибератак, что вызывает обеспокоенность по поводу нарушений данных и манипулирования юридическими процессами. Обеспечение информационной безопасности является одной из первостепенных задач государства в современной цифровой эпохе[2].

Активное использование цифровых технологий может вызвать вопросы с точки зрения этики. Так, например, применение всевозможных цифровых технологий в юридическом контексте вызывает этические проблемы по поводу предвзятости, прозрачности и подотчетности, требуя тщательного рассмотрения потенциальных последствий.

Надо отдать должное достаточно большому количеству субъектов, которые считают, что применение цифровых технологий не формирует атмосферу доверия и значимости. Речь идет о том, что некоторые люди могут не решиться взаимодействовать с юридическими услугами через цифровые платформы из-за опасений по поводу безопасности, конфиденциальности или просто отсутствия знаний в работе с соответствующими платформами и технологиями.

Решение всех вышеназванных проблем сложная и комплексная работа, которую трудно будет решить в краткосрочной перспективе. Навигация по цифровизации гражданских отношений требует сбалансированного подхода, который охватывает его потенциал, и смягчает все его риски.

Первым таким решением будет инвестирование в программы цифровой грамотности и предоставление качественного доступа к технологиям для лиц, которые по тем или иным причинам не могут получить качественный и полномасштабный доступ к вышеназванным ресурсам.

Следующим шагом будет явяться комплекс мер, связанный с защитой конфиденциальности. Речь идет о внедрение надежных законов о защите данных и обеспечение безопасной инфраструктуры для защиты личной информации.

Необходимо решить вопросы обеспечения этического развития, которое касается цифровых технологий. Разработка руководящих принципов и правил использования цифровых технологий в юридическом контексте для предотвращения предвзятости и обеспечения прозрачности сможет увеличить доверия населения к цифровым инновациям в экономике, что в свою очередь создаст плодородную почву для качественного роста экономики.

Ещё одним решением можно выделить поощрение цифровой грамотности. Повышение осведомленности общественности о цифровых юридических услугах и расширение прав и возможностей людей для безопасного и эффективного ориентирования по цифровому ландшафту.

Привлечение заинтересованных сторон это ещё одно решение, которое связано с тем, что поощрение открытого диалога между юридическими специалистами, политиками, технологическими экспертами и общественностью призваны урегулировать проблемы и наращивать консенсус в отношении лучших практик.

И, конечно же, главным направлением будут законодательные изменения, суть которых была описана выше.

Также необходимо понимать потенциальные преимущества, которые несут в себе цифровые аспекты в рамках гражданских правоотношениях.

Первое такое преимущество это, конечно же, высокая эффективность, которая предполагается и заложена цифровыми технологиями. Процессы оптимизации с помощью цифровых форм, управления документами и автоматическими задачами могут значительно ускорить процесс решения проблемы, экономя время и деньги, как для частных лиц, так и для учреждений. Процессы ведения предпринимательства могут быть существенно облегчены при применении всевозможных цифровых технологий. Объективность и неизбежность цифровых технологий в сфере финансов обусловлена большим, количеством факторов игнорирование, который приведет к экономическому вымиранию субъектов предпринимательства, которые не используют современные технологии и средства массовой информации для продвижения своих продуктов[3].

Следующим преимуществом является прозрачность и гарантированный контроль. Цифровые платформы могут способствовать большей прозрачности в юридических процессах, позволяя людям легко отслеживать прогресс в своих случаях и получения своевременного и удобного доступа к нужной информации.

Надо выделить тот факт, что цифровые технологии могут удовлетворить различные потребности, предоставляя доступные инструменты для людей с ограниченными возможностями или тем, кто предпочитает альтернативные способы взаимодействия. Тем самым создается плодородная почва для развития гражданский правоотношений.

Ещё одно преимущество, которое дают цифровые технологии это их использование и применение машинного обучения может способствовать более быстрому и более точному анализу юридических документов и, возможно, даже позволит персонализировать юридические консультации и услуги.

Подводя итог всему вышесказанному можно с уверенностью сказать, что процесс цифровизации гражданских правоотношений в России идет достаточно медленно, и как показывает практика в некоторых случаях цифровизация усложняет нормальное течение гражданских правоотношений и создает дополнительную бюрократию при взаимодействии с государственными органами. Бурное развитие цифровых технологий ставит перед правоведами непростую задачу, которую необходимо решить в сжатые сроки, чтобы снизить бюрократические механизмы и ускорить процесс протекания гражданско-правовых отношений. При этом необходимо понимать, что за цифровой экономикой будущее и все большее и большее количество граждан будет трудиться посредством всевозможных инновационных технологий в цифровой экономике. В случае игнорирования этого объективного процесса может привести к серьезному отставанию от передовых государств мира.

Библиографический список

1. *Ивлиев П.В., Крижановская Г.Н.* «Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития» // Теория государства и права, № 4 (33), 2023 г., С.127–136.

2. *Воробьев С.М., Ивлиев П.В.* «Актуальные проблемы формирования информационного общества в России» // Теория государства и права, « 2 (27), 2022 г., С. 87–98.

3. *Ивлиев П.В., Соколова Е.А.* «Влияние цифровых технологий на развитие финансового сектора в современном мире» // Аграрное и земельное право, № 11 (215), 2022 г., С. 35–37.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Цифровизация гражданских правоотношений: проблемы и пути решения: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 78–81.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_78

P.V. Ivliev*

DIGITALIZATION OF CIVIL LAW RELATIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *This article examines current issues that radically hinder effective legal regulation of new digital objects of civil rights. It also examines in detail the obvious advantages that the economy of the Russian Federation as a whole will receive with high-quality regulation of digital rights, and also touches upon the issues of improving civil legal relations with high-quality regulation of issues on the topic under study. It also offers current and effective solutions to the above problems.*

Keywords: *Civil legal relations, objects of civil rights, civil code, digital rights, digitalization, online platforms, information society, subjective civil rights and obligations, court, legal proceedings.*

* **Pavel V. Ivliev** is a Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan. E-mail: ivliev_pv@mail.ru.

The digital revolution has embraced every aspect of modern life, and civil law relations are no exception. From online dispute resolution platforms to virtual marriage ceremonies, technology is transforming the way we interact and manage our personal lives. Although the possibilities seem endless, the digitalization of civil relations presents both significant opportunities and complex challenges.

It must be said that the transition to a digital model of development of society and the state is largely determined by the Strategy for the Development of the Information Society in Russia for the period 2017–2030. Digital rights are more than an urgent topic, as it is very important to ensure the modernization of our country and society in the information age. It must be said that digitalization is an absolutely objective and inevitable process. It is impossible to cancel or ban it, and ignoring it will lead to disastrous consequences. Any delays in the field of digitalization, both in the field of public administration and in the private sector, will inevitably adversely affect the competitiveness of the state and its various spheres in comparison with other countries. The transition of society into the information age is an absolutely inevitable phenomenon[1].

I must say that, despite the objective trends in the development of digitalization in Russia, there are a number of problems. In the field under study, which requires timely and high-quality resolution.

For example, it should be noted that Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation contains a list of objects of civil rights, and based on this, the assignment of new digital objects to them is possible only to the already marked objects in the specified article of the Civil Code of the Russian Federation. This raises a lot of questions and problems. After all, one must understand that the modern development of technology and the scientific sphere, as well as civil law, actively contributes to the emergence of fundamentally new objects of civil rights. For example, reference systems should be considered as a particularly complex object of civil rights. Based on this, it can be concluded that the list of objects of civil rights should be expanded and generally be open.

Another problem in the field under study is the presence of unnamed objects of civil rights, in relation to which subjective civil rights and obligations may appear, but at the same time the legislator does not mention anything about them. This state of affairs creates difficulties in the legal qualification of new objects of civil rights, which in turn leads to all sorts of problems in the legal regulation of public relations that arise in this regard. In practice, there have often been cases where courts have had to take a range of measures to determine the legal nature of new digital objects of civil rights. Based on this, we are faced with the problem of accurately determining the legal nature of new digital objects of civil rights, which require early settlement in order to prevent a large number of disputes and problems.

It should be noted that there is another very urgent problem of the development of digital technologies in the field of cryptocurrency application, as an objective phenomenon of the digital economy. I must say that difficulties in this situation arise due to the anonymity of the use of cryptocurrencies in the global space, as an object of digital law and civil rights in general. These problems are related to the fact that cryptocurrency, in parallel with the improvement of digital technologies, inevitably faces legal obstacles because it contains huge risks for both individuals and legal entities. It is worth saying that the rapid spread of cryptocurrencies may well pose a serious threat to the current banking system and even states as a whole.

The next problem is that the term "digital rights" itself is in some sense very vague, which creates a large number of disputes and difficulties. At the same time, it should be understood that the signs of digital rights, which are fixed at the level of the regulatory framework, unfortunately do not cover a large number of those digital objects in respect of which civil law relations arise within the digital economy. And for this reason, it is necessary to specify legislation, that is, to amend the concept of digital rights. For example, digital rights should be understood as rights that arise and are implemented in a digital environment and exist exclusively in electronic form. The main difference between digital and classical property rights is their binding to a digital record, which implies their implementation exclusively through digital systems.

Russian legislation does not provide enough specific examples of digital rights, which in turn causes controversy and difficulties in understanding this legal category.

It must be said that due to the fact that such a concept as digital rights is a fairly new phenomenon and they have emerged relatively recently, judicial practice in this category of cases is also not enough today to form a solid foundation for judges in high-quality dispute resolution in the field under study. When resolving such disputes, one has to resort to the knowledge of experts in the industry, which inevitably leads to a delay in court proceedings, and in general creates significant difficulties in exercising the right to judicial protection.

It is necessary to voice a number of other urgent problems that occur in the implementation of civil relations in the digital sphere.

For example, not everyone has equal access to technology, thereby creating a digital divide that can exacerbate existing inequalities and leave vulnerable groups without solving their problems in the digital sphere.

It is also necessary to highlight that the problem of collecting and storing personal data on digital platforms raises serious privacy issues, requiring reliable security measures and strict rules to protect such information.

It is necessary to understand that the transition of the economy to digital foundations creates fertile ground for the formation of cybersecurity threats. Digital platforms are vulnerable to cyber attacks, raising concerns about data breaches and manipulation of legal processes. Ensuring information security is one of the primary tasks of the state in the modern digital age[2].

The active use of digital technologies may raise ethical issues. For example, the use of all kinds of digital technologies in a legal context raises ethical concerns about bias., transparency and accountability, requiring careful consideration of potential consequences.

We must pay tribute to a fairly large number of subjects who believe that the use of digital technologies does not create an atmosphere of trust and importance. The point is that some people may be hesitant to interact with legal services through digital platforms due to concerns about security, privacy, or simply a lack of knowledge in working with relevant platforms and technologies.

Solving all of the above problems is a complex and complex job that will be difficult to solve in the short term. Navigating the digitalization of civil relations requires a balanced approach that embraces its potential and mitigates all its risks.

The first such solution would be to invest in digital literacy programs and provide high-quality access to technology for people who, for one reason or another, cannot get high-quality and full-scale access to the above-mentioned resources.

The next step will be a set of measures related to privacy protection. It's about implementing robust data protection laws and providing a secure infrastructure to protect personal information.

It is necessary to address the issues of ensuring ethical development related to digital technologies. The development of guidelines and rules for the use of digital technologies in a legal context to prevent bias and ensure transparency can increase public confidence in digital innovations in the economy, which in turn will create fertile ground for high-quality economic growth.

Another solution is to promote digital literacy. Increase public awareness of digital legal services and empower people to navigate the digital landscape safely and effectively.

Stakeholder engagement is another solution that stems from the fact that encouraging open dialogue between legal professionals, policy makers, technology experts, and the public is designed to resolve issues and build consensus on best practices.

And, of course, the main focus will be legislative changes, the essence of which was described above.

It is also necessary to understand the potential advantages that digital aspects bring within the framework of civil law relations.

The first such advantage is, of course, the high efficiency that digital technologies assume and provide. Optimization processes using digital forms, document management, and automated tasks can significantly speed up the problem-solving process, saving time and money for both individuals and institutions. The processes of doing business can be significantly facilitated by using all kinds of digital technologies. The objectivity and inevitability of digital technologies in the field of finance is due to a large number of factors that are ignored, which will lead to the econom-

ic extinction of business entities that do not use modern technologies and mass media to promote their products[3].

The next advantage is transparency and guaranteed control. Digital platforms can contribute to greater transparency in legal processes, allowing people to easily track the progress of their cases and gain timely and convenient access to the information they need.

It is necessary to highlight the fact that digital technologies can meet various needs by providing accessible tools for people with disabilities or those who prefer alternative ways of interaction. This creates fertile ground for the development of civil law relations.

Another advantage that digital technologies provide is their use and the use of machine learning can contribute to a faster and more accurate analysis of legal documents and, perhaps, even allow you to personalize legal advice and services.

Summing up all of the above, it is safe to say that the process of digitalization of civil law relations in Russia is proceeding rather slowly, and as practice shows, in some cases digitalization complicates the normal course of civil law relations and creates additional bureaucracy when interacting with government agencies. The rapid development of digital technologies poses a difficult task for legal scholars, which must be solved in a short time in order to reduce bureaucratic mechanisms and speed up the process of civil law relations. At the same time, it is necessary to understand that the digital economy is the future, and more and more citizens will work through all kinds of innovative technologies in the digital economy. If this objective process is ignored, it can lead to a serious lag behind the advanced states.

Bibliographic list

1. *Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N*. "Digitalization of the economy: legal regulation and development paths" // Theory of state and law, No. 4 (33), 2023, pp. 127–136.

2. *Vorobyov S.M., Ivliev P.V.* "Actual problems of the formation of the information society in Russia" // Theory of state and law, " 2 (27), 2022, pp. 87–98.

3. *Ivliev P.V., Sokolova E.A.* "The influence of digital technologies on the development of the financial sector in the modern world" // Agrarian and land law, No. 11 (215), 2022, pp. 35–37.

For citation: *Ivliev P.V.* Digitalization of Civil Law Relations: Problems and Solutions: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 81–84.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_78

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_85

М.А. Кадай*

ЦЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В настоящей статье в рамках теоретико-правового анализа исследуются понятие и основные направления реализации цели юридической ответственности, включая анализ целей отраслевой юридической ответственности, а также анализ правового механизма достижения целей реализации ответственности в системе механизма правового регулирования и правового воздействия.*

Ключевые слова*: механизм правового регулирования, правомерное поведение, правонарушение, воспитательная функция права, юридическая ответственность, функции юридической ответственности, принудительные меры ответственности, цели юридической ответственности, реализация права, реализация юридической ответственности.*

Теоретико-правовой анализ реализации юридической ответственности и ее направлений логически связан с анализом системы правового воздействия и механизма правового регулирования. Реализация целей юридической ответственности тесным образом связана с несколькими элементами механизма правового воздействия [4, с. 494], а именно такими, как правовое сознание и правовая культура субъектов правовых отношений, воспитание активной гражданской позиции, формирование уважительного отношения к требованиям правовых норм.

Важным аспектом в исследовании основных направлений реализации правовой ответственности выступает центральный элемент системы правового воздействия – механизм правового регулирования. В рамках основных элементов этого механизма по направлению к акту применения, то есть к приговору или решению судебного органа, прослеживается логическая цепочка от создания и действия нормы права к правомерному или неправомерному поведению участников правовых отношений. При этом основанием при реализации юридической ответственности выступает правонарушение, имея полный состав объективных и субъективных признаков.

Правосознательная основа реализации позитивной юридической ответственности, как известно, состоит из осознания и воспроизведения личностью в своем поведении необходимости выполнения долга [4, с. 469] на основе сформированности надлежащего уровня правового сознания и правовой культуры, выполнения воспитательной функции права и его отраслей. Как правило, в исследованиях реализации юридической ответственности меньшее внимание уделено реализации позитивной юридической ответственности. При этом в большей степени речь идет о реализации ретроспективной юридической ответственности и ее целях.

Реализация ретроспективной юридической ответственности более чувствительна для общества, так как несет в себе негативные последствия в результате совершения правонарушения и применения мер государственного принуждения. Следует отметить, что для анализа целей реализации юридической ответственности важными направлениями являются и цели позитивной, и цели ретроспективной юридической ответственности.

* **Кадай Марк Александрович,** аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт». E-mail: mark@kadai.ru.

Теоретическое исследование основных направлений реализации юридической ответственности включает в себя несколько подходов, которые связаны с теоретико-правовой оценкой категорий – цель, реализация, мотивированность, правоприменение, превентивность, наказание и взыскание.

Анализ категории цели показывает, что цель – это «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [6, с. 176]. «Цель, – как указывает Б.Т. Базылев, – есть идеальное, мысленное представление результатов отдельного действия или системы действий (поведения, деятельности) субъекта – человека, социальной группы, общества» [1, с. 29.]

В своей монографии Куликов Е.А. отмечает, что «цель – некий идеальный эталон, образец, к которому стремится тот или иной субъект, т.е. цель есть определенная мера феномена, в данном случае – юридической ответственности» [5, с. 208.].

Относительно понимания цели юридической ответственности Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что под целями юридической ответственности следует понимать «предполагаемое состояние будущего развития поведения субъектов, нравственной сферы, общественных отношений, которое обеспечивается государством и к достижению которого через установление и применение юридической ответственности стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»[См.: 11, с. 399.].

Как видно из приведенных точек зрения об общем подходе к пониманию цели вообще и цели юридической ответственности, в частности, для последней значение имеет не только конечный результат, к которому стремится субъект (в данном случае государство в лице своих компетентных органов), то есть применение принудительных мер к субъекту правонарушения, но и учитываются будущность поведения субъектов (например, предупреждение правонарушений), нравственная сфера не только воспитания субъектов, но и содержания правовых норм при их создании (например, правотворчестве) и, наконец, реализация санкций правовых норм.

Все перечисленные особенности цели реализации юридической ответственности характерны для направленности действия норм права на уровне их санкций при применении мер государственного принуждения.

В данной связи следует обратить внимание на мнение В.В. Сорокина, который считает, что цель юридической ответственности заключается в исправлении образа жизни лица, признанного правонарушителем. Как пишет автор, при таком направлении усилий всех заинтересованных субъектов преодолевается абстрактность целеполагания, проясняется подбор юридических средств и конечный результат. Цель должна играть вдохновляющую роль и в таком случае она способна глубоко мотивировать правоприменителей. Исправление образа жизни правонарушителя требует серьезного воздействия на его правосознание. Образ мысли диктует образ жизни. Общественно опасные последствия совершённого противоправного деяния в большинстве своем не устраняются при помощи лишь возмещения причиненного ущерба. Именно изменение образа жизни по-настоящему предупреждает совершение новых преступлений [10].

С учетом изложенного (в контексте понимания юридической ответственности), под ее целью следует рассматривать идеальную модель реализации санкций правовых норм, к которой стремится общество и государство.

В исследованиях Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского имеет место системный подход к пониманию целей реализации юридической ответственности. Так, согласно позиции авторов «система целей юридической ответственности – это взаимосвязанная, взаимообусловленная и взаимозависимая совокупность предполагаемых состояний настоящего и будущего развития общественных отношений, которое обеспечивается государством и к достижению которого через установление и применение юридической ответственности стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности». [11, с. 399].

Данный подход является наиболее общим и широким, в связи с чем понятийно охватывает разнообразные смыслы определения целей юридической ответственности.

Таким образом, цель юридической ответственности выступает в качестве идеальной и в то же время правовой моделью, к которой должно стремиться не только общество и гос-

ударство, но и участники правовых отношений, формируя свой уровень правовой культуры, нацеленный на правомерное поведение. При этом довольно часто цели, задачи и функции юридической ответственности смешиваются, четкого различия между ними не делается. Поэтому анализ целей реализации юридической ответственности связан с таким теоретическим вопросом, как соотношение понятий цели, задач и функций правовой ответственности. Перечисленные понятия являются близкими по своей сущности, но при этом их не следует рассматривать на уровне тождественных категорий.

Следует остановиться на позициях различных авторов, отраженных в их исследованиях по данному вопросу.

Одним из основных авторов-исследователей в данной области является Н.В. Витрук, который пишет, что в методологическом плане уяснение самой природы и содержания юридической ответственности неразрывно связано с определением ее целей, задач и функций. Позиция Н.В. Витрука согласуется с обозначенным выше пониманием целей юридической ответственности. Как указывает данный автор, под целью понимают то, к чему надо стремиться, что надо делать, осуществлять. Иными словами, цель – это идеальное представление результатов предполагаемой деятельности, предвосхищение соответствующего результата. Как видно, данное понимание Н.В Витрука является в некотором роде традиционным и согласуется с позициями иных авторов, которые отражены выше. Цель, согласно мнению Н.В. Витрука, позволяет более глубоко проникнуть в сущность юридической ответственности как правового явления, более точно определить его задачи, функции и обнаружить принципы [2, с. 44].

Н.В. Витрук, пользуясь традиционным пониманием целей юридической ответственности, справедливо отмечает, что отраженные в юридической литературе определения целей реализации юридической ответственности являются дополнением друг друга, либо обладают общим смыслом, который подразумевает общественную необходимость и значимость ответственности в системе правоотношений.

В юридической литературе традиционно выделяют в качестве целей такие, как охрана правопорядка, воспитание граждан [9, с. 108]

Охрана правопорядка подразумевает, в том числе, охрану конституционности и законности, что обусловливает создание упорядоченного состояния общественных отношений. Н.В. Витрук относит данную цель к общей цели всей системы правоохранительных средств, в том числе юридической ответственности. Общая цель, согласно его точки зрения, может быть конкретизирована, исходя из определения ее природы и назначения.

При исследовании же целей именно юридической ответственности следует различать: а) **основную,** то есть главную, непосредственную цель; б) **дополнительные** цели, то есть преследуемые законодателем и правоприменителями при ее установлении и реализации.

Основная (главная, непосредственная) цель направлена на достижение того основного результата, который предусмотрен содержанием того или иного функционального вида юридической ответственности. Дополнительные цели юридической ответственности преследуют достижение более частных, но не менее существенных результатов. Содержание основной (главной, непосредственной) и дополнительных целей зависит прежде всего от **функционального** назначения юридический ответственности от того, является ли она восстановительно- компенсационной (например, в гражданском праве) или карательно-штрафной (например, в административном или уголовном праве).

Следует отметить, что категории целей и функций реализации юридической ответственности часто совпадают и смешиваются юридической литературе. Это обстоятельство связано с тем, что цели могут выступать в качестве **основания** для классификации функций юридической ответственности, а ее функции выступают как **способы** достижения той или иной цели.

В то же время исследуемые правовые категории являются различными даже при схожести наименований. Так, Р.Л. Хачатуров Д.А. Липинский указывают что «исследование цели и функций юридической ответственности необходимо, исходя из представлений о ней как

о целостном явлении, поскольку лишь таким образом можно выявить ее действительное социальное предназначение и все многообразие целей и функций, которыми она обладает».[11, с. 950]

Основная (главная, непосредственная) цель восстановительно-компенсационной ответственности правонарушителя состоит в восстановлении нарушенного правового статуса субъекта правовых отношений (в частности –гражданско-правовых), надлежащей реализации прав и свобод, в исполнении обязанности, например, в договорных отношениях, в возмещении имущественного вреда либо компенсации морального вреда.

Основная (главная, непосредственная) цель карательно-штрафной ответственности правонарушения состоит в справедливом возмездии, в наказании правонарушителя, в причинении ему материальных, духовно-психологических и иных негативных последствий или обременений путем ограничения прав и свобод либо посредством возложения на него дополнительных обязанностей. К примеру, в пункте 2 статьи 43 Уголовного кодекса РФ определены такие цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Данный пример подтверждает вышеуказанные направления юридической ответственности, находящиеся в плоскости профессиональной реализации санкций правовых норм, а также в рамках дополнительных направлений – воспитательной и предупредительной работы специалистов и области социальной справедливости.

Дополнительные цели юридической ответственности заключаются в большем или меньшем положительном нравственно-психологическом воздействии на сознание и поведение как правонарушителя, так и других субъектов права в настоящем и будущем, в формировании у них законопослушных установок поведения (например, частная и общая превенция), а также в формировании требуемого нормами права надлежащего правового сознания указанных субъектов на уровне правовой идеологии и правовой психологии, дополняя эти цели мотивационным уровнем правомерного поведения в объеме правовой культуры.

Вызывает научный интерес подход Н.В. Витрука, который рассматривает цели юридической ответственности в контексте понимания и назначения норм **отраслевого** законодательства.

Так, согласно Н.В. Витруку, основная цель гражданско-правовой ответственности по восстановлению прав, возмещению причиненного вреда дополняется целями по справедливому обременению правонарушителя мерами обременительного характера, а также нравственно-психологического воздействия на правонарушителя и других лиц, формирования у них установок на проявление степени заботливости и осмотрительности, какая требуется от субъекта права по характеру обязательств и условиям гражданского оборота (например, n. 1 ст. 401 ГК РФ).

Исходя из такого нравственно-психологического воздействия и степени заботливости и осмотрительности, какая требуется от субъекта гражданских правоотношений, следует отметить, что реализация норм, регулирующих гражданско-правовую ответственность, тесно связана с воспитательной функцией гражданского права. В юридической литературе отмечается, что осуществление воспитательной функции «любой отрасли права всегда связана с надлежащей реализацией норм права, в рамках которой недостаточно одного познавательного аспекта содержания этих норм, а важно достигнуть такого воспитательного эффекта, чтобы у субъектов правовых отношений не возникало сомнений в точном соблюдении требований права при различных жизненных обстоятельствах». [8, с. 115]. В случае, если субъектами гражданско-правовых отношений совершается гражданское правонарушение, то есть несоблюдение имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей, наступает гражданско-правовая ответственность, имеющая целью, с одной стороны, восстановить нарушенные права в интересах потерпевшего лица, а, с другой стороны, целью этого вида юридической ответственности является имущественное обременение обязанного лица с применением к нему принудительных мер, предусмотренных нормами граждан-

ского права (например, возместить убытки, уплатить проценты по денежным обязательствам или компенсировать моральный вред).

Основной целью административной ответственности, по мнению автора, являются охрана административного правопорядка, а в качестве дополнительных целей служат предупреждение (предотвращение) совершения новых административных правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (то есть – частная и общая превенция), формулирование у них законопослушных установок поведения. В пункте 2 статьи 3.1 КоАП РФ под наименованием – цели административного наказания – уточняется, что административное наказание «не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица».

Основной целью уголовной ответственности, согласно позиции Н.В. Витрука, является наказание преступника, совершившего уголовное преступление, как способ восстановления социальной справедливости и исправления осужденного, а дополнительными целями служат предупреждение совершения новых преступлений, а также общая превенция. Именно в этом заключается смысл статьи 43 УК РФ, текстуально сформулированный несколько иначе:

«наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [2, с. 44].

Таким образом, согласно позиции Н.В. Витрука цели юридической ответственности укладываются в две категории **функционального назначения**: 1) восстановительно – компенсационная цель; 2) карательно-штрафная цель. Данные категории основных направлений ответственности создают упорядоченность в многообразии выделяемых целей реализации юридической ответственности и предоставляют общий системный подход в исследовании вопроса, поставленного в данной научной статье.

Выделенные общие категории могут быть классифицированы более подробно. Например, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский полагают, что при классификации целей реализации правовой ответственности следует проводить разграничение – **а)** целей института юридической ответственности и **б)** целей отдельных видов юридической ответственности.

В такой классификации необходимо выделять цели, которые, в свою очередь, служат классифицирующими основаниями для **функций** юридической ответственности [5, с. 212.]

Обобщая изложенные точки зрения, в юридической литературе выделяют следующее цели реализации юридической ответственности:

– исправление правонарушителей и воспитание граждан;

– наказание, сужение имущественной и личной неимущественной сферы ;

– стабилизация темпов роста правонарушений в виде проступков и преступлений;

– снижение уровня правонарушаемости путем их предупреждения (превенция);

– восстановление нарушенных общественных отношений;

– правовое закрепление и упорядочивание общественных отношений, а также их совершенствование.

Этим целям соответствуют воспитательная, карательная, превентивная, восстановительная, регулятивная функции [11, 396.] юридической ответственности. При этом Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский в своих трудах обосновывают выделение в отдельную цель стабилизацию темпов прироста правонарушаемости наличием признаков реальности или нереальности достижения целей [11, с. 389.]. Очевидно, что полная ликвидация правонарушений невозможна, но к такому результату следует стремиться, реально сокращая при этом количественность проступков и преступлений.

Согласно различным открытым источниками количество правонарушений в России значительно выросло [3], поэтому решение проблемной цели правовой ответственности о ликвидации преступности остается открытым. Все факторы и причины данной ситуации предусмотреть невозможно ввиду многообразия общественных отношений, но такие очевидные проблемы, как бесконтрольная миграция, военные угрозы, международные санк-

ции, влияющие на уровень производства и благосостояние населения, играют в этом процессе значительную роль.

Как было выше обращено внимание, понятие целей юридической ответственности связано с категориями позитивной юридической и социальной ответственности в рамках поведения социальных субъектов, которое предполагает обязанность конкретного индивида соблюдать предъявляемые обществом и государством общеобязательные требования, что в целом согласуется с основной целью юридической ответственности как охрана действующего правопорядка. В то же время ответственность выступает средством предупреждения многообразных социальных направлений противоправного поведения, она не ограничивается давлением при помощи страха перед будущим принудительным возмездием, а в значительной степени предполагает формулирование обязанностей, запретов, дозволений и поощрений.

Из этого следует, что в системе координат регулирования цели упорядочения общественных отношений, снижения уровня правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и вытеснения из сознания граждан правового нигилизма, позитивная ответственность в указанном контексте выступает интегрирующим фактором, который, с одной стороны, обеспечивает действие социальных норм, с другой стороны, этими нормами и предусмотрен. При отсутствии конфликтной составляющей действия субъектов, в свою очередь, являются выражением этой позитивной ответственности.

Как справедливо указывают А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин, дальнейшее исследование феномена социальной ответственности должно происходить не только в аспекте совершенствования механизма негативной социальной ответственности, а в большей степени механизма ответственности позитивной, которая направлена на упреждение не только девиантного поведения, но и на возникновение реализации негативной ответственности [7]

Таким образом, представляется возможным обобщить мнения авторов и выделить обобщенный перечень следующих целей реализации юридической ответственности: 1) охрана правопорядка и законности; 2) создание упорядоченного состояния общественных отношений и их совершенствование; 3) исправление правонарушителей и воспитание активной гражданской позиции субъектов, формирование их уважительного отношения к закону и вытеснение из сознания граждан правового нигилизма; 4) наказание правонарушителей; 5) стабилизация темпов роста правонарушений; 6) снижение уровня правонарушаемости (превенция); 7) восстановление нарушенных общественных отношений;

Думается, что данный перечень является обобщающим и, хотя отдельные цели могут быть дискуссионными, но в контексте изложенных научных позиций, представляется, что выделение данных целей будет наиболее полно отражать раскрываемые правовые понятия в настоящем исследовании.

Библиографический список

1. *Базылев Б.Т.* Цели и функции юридической ответственности // Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, 1978.

2. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография.- М.: Норма, 2009.

3. Клара Минак//Преступность в России выросла впервые более чем за десять лет//Forbes//https://www.forbes.ru. (Дата обращения –14.08.2024)

4. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 528 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15392-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/562992 (дата обращения: 22.03.2025).

5. *Куликов Е.А.* Теория юридической ответственности (проблемные вопросы): монография. – Барнаул: Изд-во Новый формат, 2016.

6. *Максуров А.А.* Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография. М.: Юстицинформ, 2021.

7. *Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С*. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – N 4. // URL: https://www.hse.ru. (дата обращения –14.08.2024).

8. *Почтарь Т.М.* Воспитательная функция гражданско-правового регулирования: теоретические и нормативно-правовые вопросы // Вестник Коломенского института (филиала) «Московского политехнического университета»: Серия «Социальные гуманитарные науки». – Выпуск № 15 . – Коломна, 2020. – С.113–124.

9. *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х*. Ответственность по советскому законодательству.- М ., 1971.

10. *Сорокин В. В.* Цель и функции юридической ответственности // Правоприменение. – 2018. – №1. URL: https://cyberleninka.ru. (дата обращения –14.08.2024).

11. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.

Для цитирования: *М.А. Кадай.* Цели реализации юридической ответственности: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 85–91.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_85

M.A. Kadai*

GOALS OF REALIZATION OF LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. *In this article, within the framework of theoretical and legal analysis, the concept and main directions of the realization of the purpose of legal responsibility are investigated, including the analysis of the goals of sectoral legal responsibility, as well as the analysis of the legal mechanism for achieving the goals of responsibility in the system of the mechanism of legal regulation and legal impact.*

Keywords: *mechanism of legal regulation, lawful behavior, offense, educational function of law, legal responsibility, functions of legal responsibility, coercive measures of responsibility, objectives of legal responsibility, implementation of law, implementation of legal responsibility.*

The theoretical and legal analysis of the implementation of legal responsibility and its directions is logically linked to the analysis of the legal impact system and the mechanism of legal regulation. The realization of the goals of legal responsibility is closely related to several elements of the mechanism of legal influence [4, p. 494], namely, such as legal awareness and legal culture of subjects of legal relations, fostering an active civic position, and the formation of a respectful attitude to the requirements of legal norms.

An important aspect in the study of the main directions of the implementation of legal responsibility is the central element of the system of legal influence – the mechanism of legal regulation. Within the framework of the main elements of this mechanism, a logical chain can be traced from the creation and operation of a rule of law to the lawful or unlawful behavior of participants in legal relations in the direction of the act of application, that is, to the verdict or decision of a judicial authority. At the same time, the basis for the implementation of legal liability is an offense, having a full set of objective and subjective signs.

The legal basis for the realization of positive legal responsibility, as is known, consists of the awareness and reproduction by a person in his behavior of the need to fulfill his duty [4, p. 469] on the basis of the formation of an appropriate level of legal consciousness and legal culture, the fulfillment of the educational function of law and its branches. As a rule, in research on the implementation of legal responsibility, less attention is paid to the implementation of positive legal responsibility. At the same time, it is more about the implementation of retrospective legal liability and its goals.

The implementation of retrospective legal liability is more sensitive for society, as it carries negative consequences as a result of the commission of an offense and the use of state coercion

* **Kadai Mark Alexandrovich**, postgraduate student at the Law Institute. E:mail: mark@kadai.ru.

measures. It should be noted that for the analysis of the goals of the implementation of legal responsibility, both the goals of positive and the goals of retrospective legal responsibility are important directions.

The theoretical study of the main directions of the implementation of legal responsibility includes several approaches that are related to the theoretical and legal assessment of categories – purpose, implementation, motivation, law enforcement, prevention, punishment and recovery.

The analysis of the goal category shows that the goal is "the object of aspiration, what is necessary, it is desirable to achieve" [6, p. 176]. "A goal," as B.T. Bazylev points out, "is an ideal, mental representation of the results of an individual action or a system of actions (behavior, activity) of a subject – a person, a social group, a society" [1, p. 29.]

In his monograph, Kulikov E.A. notes that "a goal is a kind of ideal standard, a sample which one or another entity strives for, i.e. the goal is a certain measure of the phenomenon, in this case, legal responsibility" [5, p. 208.].

Regarding the understanding of the purpose of legal responsibility, R.L. Khachaturov and D.A. Lipinsky note that the goals of legal responsibility should be understood as "the expected state of future development of the behavior of subjects, the moral sphere, and public relations, which is provided by the state and which, through the establishment and application of legal responsibility, the subjects of law-making and law-implementing activities strive to achieve"[See: 11, p. 399.].

As can be seen from the above points of view on the general approach to understanding the purpose in general and the purpose of legal responsibility, in particular, for the latter, not only the end result that the subject (in this case, the state, represented by its competent authorities) is important, that is, the application of coercive measures to the subject of the offense, but also the future behavior is taken into account. subjects (for example, the prevention of offenses), the moral sphere of not only the education of subjects, but also the content of legal norms in their creation (for example, law-making), and finally, implementation of sanctions of legal norms.

All the listed features of the purpose of implementing legal responsibility are characteristic of the direction of the legal norms at the level of their sanctions when applying state coercion measures.

In this regard, attention should be paid to the opinion of V.V. Sorokin, who believes that the purpose of legal responsibility is to correct the lifestyle of a person recognized as an offender. According to the author, with this direction of efforts of all stakeholders, the abstraction of goal setting is overcome, the selection of legal means and the final result are clarified. The goal should play an inspiring role, and in this case it can deeply motivate law enforcement officers. Correcting the offender's lifestyle requires a serious impact on his legal awareness. The way of thinking dictates the way of life. For the most part, socially dangerous consequences of a committed unlawful act are not eliminated by simply compensating for the damage caused. It is lifestyle changes that truly prevent the commission of new crimes [10].

Taking into account the above (in the context of understanding legal responsibility), its purpose should be considered as an ideal model for the implementation of sanctions of legal norms, which society and the state strive for.

In the research of R.L. Khachaturov and D.A. Lipinsky, there is a systematic approach to understanding the goals of implementing legal responsibility. Thus, according to the position of the authors, "the system of goals of legal responsibility is an interconnected, interdependent and interdependent set of assumed states of the present and future development of public relations, which is provided by the state and which is achieved through the establishment and application of legal responsibility by subjects of law–making and law-implementing activities" [11, p. 399].

This approach is the most general and broad, and therefore conceptually covers a variety of meanings of defining the goals of legal responsibility.

Thus, the goal of legal responsibility acts as an ideal and at the same time legal model, which should be pursued not only by society and the state, but also by participants in legal relations, forming their own level of legal culture aimed at lawful behavior. At the same time, quite often the goals,

objectives and functions of legal responsibility are mixed up, and no clear distinction is made between them. Therefore, the analysis of the goals of the implementation of legal responsibility is related to such a theoretical issue as the relationship between the concepts of purpose, objectives and functions of legal responsibility. The listed concepts are similar in their essence, but they should not be considered at the level of identical categories.

It is necessary to focus on the positions of various authors reflected in their research on this issue.

One of the main research authors in this field is N.V. Vitruk, who writes that, from a methodological point of view, understanding the very nature and content of legal responsibility is inextricably linked to defining its goals, objectives and functions. N.V. Vitruk's position is consistent with the understanding of the goals of legal responsibility outlined above. As this author points out, the goal is understood as what one should strive for, what one should do, implement. In other words, the goal is an ideal representation of the results of the proposed activity, anticipating the corresponding result. As can be seen, this understanding of N.V. Vitruk is somewhat traditional and is consistent with the positions of other authors, which are reflected above. The goal, according to N.V. Vitruk, allows to penetrate more deeply into the essence of legal responsibility as a legal phenomenon, to define its tasks, functions more precisely and to discover the principles [2, p. 44].

N.V. Vitruk, using the traditional understanding of the goals of legal responsibility, rightly notes that the definitions of the goals of legal responsibility reflected in the legal literature are complementary to each other, or have a common meaning that implies the social necessity and importance of responsibility in the system of legal relations.

In the legal literature, such goals as law enforcement and education of citizens are traditionally singled out [9, p. 108]

The protection of law and order implies, among other things, the protection of constitutionality and legality, which determines the creation of an orderly state of public relations. N.V. Vitruk refers this goal to the general goal of the entire system of law enforcement tools, including legal responsibility. The overall goal, according to his point of view, can be specified based on the definition of its nature and purpose.

When studying the goals of legal responsibility, it is necessary to distinguish between: a) the main, that is, the main, immediate goal; b) additional goals, that is, pursued by the legislator and law enforcement officers in its establishment and implementation.

The main (main, immediate) goal is aimed at achieving the main result that is provided for by the content of a particular functional type of legal responsibility. Additional goals of legal responsibility are aimed at achieving more specific, but no less significant results. The content of the main (main, immediate) and additional goals depends primarily on the functional purpose of legal responsibility, whether it is restorative and compensatory (for example, in civil law) or punitive and punitive (for example, in administrative or criminal law).

It should be noted that the categories of goals and functions of the implementation of legal responsibility often coincide and are mixed in the legal literature. This is due to the fact that goals can serve as a basis for classifying the functions of legal responsibility, and its functions act as ways to achieve a particular goal.

At the same time, the legal categories under study are different even with similar names. Thus, R.L. Khachaturov and D.A. Lipinsky point out that "the study of the purpose and functions of legal responsibility is necessary based on the idea of it as an integral phenomenon, since only in this way can its real social purpose and the variety of goals and functions it possesses be revealed."[11, p. 950]

The main (main, immediate) purpose of restorative and compensatory liability of the offender is to restore the violated legal status of the subject of legal relations (in particular, civil law), the proper exercise of rights and freedoms, in the performance of duties, for example, in contractual relations, in compensation for property damage or compensation for moral damage.

The main (main, immediate) purpose of punitive and punitive liability for an offense is to provide just retribution, to punish the offender, to cause him material, spiritual, psychological and

other negative consequences or encumbrances by restricting rights and freedoms or by imposing additional duties on him. For example, paragraph 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation defines such goals of criminal punishment as the restoration of social justice, as well as the correction of the convicted person and the prevention of new crimes. This example confirms the above-mentioned areas of legal responsibility, which are in the plane of professional implementation of the sanctions of legal norms, as well as in the framework of additional areas – educational and preventive work of specialists and the field of social justice.

Additional goals of legal responsibility are to have a greater or lesser positive moral and psychological impact on the consciousness and behavior of both the offender and other subjects of law in the present and future, to form law-abiding attitudes of behavior (for example, private and general prevention), as well as to form the proper legal consciousness of these subjects required by the norms of law. at the level of legal ideology and legal psychology, complementing these goals with a motivational level of lawful behavior in the scope of legal culture.

Of scientific interest is the approach of N.V. Vitruk, who considers the goals of legal responsibility in the context of understanding and assigning the norms of industry legislation.

Thus, according to N.V. Vitruk, the main purpose of civil liability for the restoration of rights and compensation for damage is complemented by the goals of fairly burdening the offender with burdensome measures, as well as moral and psychological impact on the offender and others, the formation of their attitudes to the degree of care and prudence required of the subject of law. by the nature of obligations and conditions of civil turnover (for example, No. 1, Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation).

Based on this moral and psychological impact and the degree of care and prudence required of the subject of civil law relations, it should be noted that the implementation of the norms governing civil liability is closely related to the educational function of civil law. The legal literature notes that the implementation of the educational function "of any branch of law is always associated with the proper implementation of legal norms, in which one cognitive aspect of the content of these norms is not enough, but it is important to achieve such an educational effect that subjects of legal relations have no doubts about the exact observance of the requirements of law in various life circumstances."[8, p. 115]. If the subjects of civil law relations commit a civil offense, that is, non-compliance with property and personal non-property rights and obligations, civil law liability ensues, with the aim, on the one hand, to restore violated rights in the interests of the injured person, and, on the other hand, the purpose of this type of legal liability is the property encumbrance of the obligated a person with the use of coercive measures provided for by the norms of civil law (for example, to compensate for losses, pay interest on monetary obligations or compensate for moral damage).

The main purpose of administrative responsibility, according to the author, is the protection of administrative law and order, and additional purposes are the prevention (prevention) of new administrative offenses by both the offender and other persons (that is, private and general prevention), the formulation of their law-abiding attitudes of behavior. In paragraph 2 of Article 3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, under the heading – purposes of administrative punishment – it is specified that administrative punishment "may not be aimed at humiliating the human dignity of an individual who has committed an administrative offense, or causing him physical suffering, as well as harming the business reputation of a legal entity."

The main purpose of criminal liability, according to the position

of N.V. Vitruk, is to punish a criminal who has committed a criminal offense as a way to restore social justice and correct the convicted person, and additional purposes are the prevention of new crimes, as well as general prevention. This is the meaning of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, textually formulated somewhat differently:

"punishment is applied in order to restore social justice, as well as to correct the convicted person and prevent the commission of new crimes" [2, p. 44].

Thus, according to the position of N.V. Vitruk, the goals of legal responsibility fall into two categories of functional purpose.: 1) restorative and compensatory goal; 2) punitive and punitive

goal. These categories of the main areas of responsibility create order in the variety of identified goals for the implementation of legal responsibility and provide a general systematic approach to the study of the issue raised in this scientific article.

The highlighted general categories can be classified in more detail. For example, R.L. Khachaturov and D.A. Lipinsky believe that when classifying the goals of implementing legal responsibility, a distinction should be made between a) the goals of the institute of legal responsibility and b) the goals of certain types of legal responsibility.

In such a classification, it is necessary to identify goals, which, in turn, serve as classifying grounds for the functions of legal responsibility [5, p. 212.]

Summarizing the stated points of view, the following objectives of the implementation of legal responsibility are highlighted in the legal literature:

– correction of offenders and education of citizens;
– punishment, narrowing of the property and personal non–property sphere ;
– stabilization of the growth rate of offenses in the form of misdemeanors and crimes;
– reducing the level of offenses by preventing them (prevention);
– restoration of disrupted social relations;
– legal consolidation and regulation of public relations, as well as their improvement.

Educational, punitive, preventive, restorative, and regulatory functions correspond to these goals [11, 396.] legal responsibility. At the same time, R.L. Khachaturov and D.A. Lipinsky in their works justify the allocation of a separate goal to stabilize the rate of increase in delinquency by the presence of signs of reality or unreality of achieving goals [11, p. 389]. Obviously, complete elimination of offenses is impossible, but one should strive for such a result, while really reducing the number of offenses and crimes.

According to various open sources, the number of offenses in Russia has increased significantly [3], so the solution to the problematic goal of legal responsibility for the elimination of crime remains open. It is impossible to foresee all the factors and causes of this situation due to the diversity of social relations, but such obvious problems as uncontrolled migration, military threats, and international sanctions affecting the level of production and the well-being of the population play a significant role in this process.

As noted above, the concept of the goals of legal responsibility is related to the categories of positive legal and social responsibility within the framework of the behavior of social actors, which presupposes the obligation of a particular individual to comply with generally binding requirements imposed by society and the state, which is generally consistent with the main purpose of legal responsibility as the protection of the existing law and order. At the same time, responsibility acts as a means of preventing diverse social patterns of illegal behavior, it is not limited to pressure through fear of future forced retribution, but largely involves the formulation of duties, prohibitions, permits and rewards.

It follows from this that in the coordinate system of regulation of the goal of streamlining public relations, reducing the level of offenses, forming a respectful attitude to the law and displacing legal nihilism from the consciousness of citizens, positive responsibility in this context acts as an integrating factor, which, on the one hand, ensures the operation of social norms, on the other hand, is provided for by these norms. In the absence of a conflict component, the actions of the subjects, in turn, are an expression of this positive responsibility.

As A.V. Malko, D.A. Lipinsky, and R.S. Markunin rightly point out, further research on the phenomenon of social responsibility should take place not only in terms of improving the mechanism of negative social responsibility, but also to a greater extent the mechanism of positive responsibility, which is aimed at preventing not only deviant behavior, but also the emergence of negative responsibility [7]

Thus, it is possible to summarize the opinions of the authors and highlight a generalized list of the following goals for the implementation of legal responsibility: 1) protection of law and order and legality; 2) creation of an orderly state of public relations and their improvement; 3) correction of offenders and fostering an active civic position of subjects, formation of their respectful attitude

to the law and displacement of legal nihilism from the consciousness of citizens; 4) punishment of offenders; 5) stabilization of the growth rate of offenses; 6) reduction of the incidence rate (prevention); 7) restoration of disrupted social relations;

It seems that this list is generalizing and, although individual goals may be debatable, but in the context of the stated scientific positions, it seems that the allocation of these goals will most fully reflect the disclosed legal concepts in this study.

Bibliographic list

1. *Bazylev B.T.* Goals and functions of legal responsibility // Issues of theory of law and state building. Tomsk, 1978.

2. *Vitruk N.V.* General theory of legal responsibility: a monograph. Moscow: Norma, 2009.

3. Klara Minak//Crime in Russia has increased for the first time in more than ten years//Forbes// https://www.forbes.ru. (Accessed 08/14/2024)

4. *Komarov S. A.* General theory of the state and law : textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., ispr. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 528 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-15392-– Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/562992 (date of reference: 03/22/2025).

5.*Kulikov E.A.* Theory of legal responsibility (problematic issues): the monograph. Barnaul: New Format Publishing House, 2016.

6. *Maksurov A.A.* Actual problems of alienation of shares and stakes in the authorized capital of business companies: a monograph. Moscow: Justicinform, 2021.

7. *Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S.* Legal responsibility as a means of preventing offenses: actual problems // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – N 4. // URL: https://www.hse.ru. (date of request – 08/14/2024).

8. *Pochtar T.M.* The educational function of civil law regulation: theoretical and regulatory issues // Bulletin of the Kolomna Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University: Series "Social Humanities". – Issue No. 15. Kolomna, 2020. pp.113–124.

9. *Samoshchenko I.S., Farukshin M.H*. Responsibility under Soviet law. Moscow, 1971.

10. *Sorokin V. V.* The purpose and functions of legal responsibility // Law enforcement. – 2018. – No. 1. URL: https://cyberleninka.ru . (date of access – 08/14/2024).

11. *Khachaturov R.L., Lipinsky D.A.* General theory of legal responsibility. St. Petersburg, 2007.

For citation: *Kadai M.A.* Goals of Realization of Legal Responsibility: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp.91–96.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_85

Научная статья

УДК 340.1; 340.15
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_97

М.А. Кузнецов*

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы вопроса о соотношении государства и права современной России. Выявляются основные методологические проблемы различных подходов к пониманию данного вопроса, актуальные, с учетом отечественного исторического развития, особенности воздействия государства на право и права на государство в современном понимании отечественной юридической науки.*

Ключевые слова: *государство, право, связь государства и права, соотношение государства и права.*

Весьма значительным, а порой и основополагающим, для человеческого познания и раскрытия любых закономерностей окружающего мира являются такие категории, как «связь», «взаимосвязь», «соотношение». Являясь синонимически однородными понятиями – они раскрывают основные принципы диалектического метода познания объективной реальности и законы диалектического развития. Так, с установления постоянных связей между изучаемыми явлениями начинается процесс познания. Исследование и анализ причин и следствий, соотношения предметов исследования с иными предметами объективной реальности дает возможность для познания основного предмета исследования и его проявлений, представляя собой универсальный подход, раскрывающий категорию «связи». «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющие их на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; – «перерывы постепенности»; превращения количества в качество; – внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций....; – взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления....; связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии» [19, с. 55]. Таким образом может характеризоваться сущность предмета и явлений исследования через раскрытие признаков взаимосвязей их с другими объектами. В иную сторону, исследование государства и права через их соотношение может констатировать обязательный этап диалектического процесса постижения их сущности по отдельности.

Кененов А.А. в своих работах, как и первоначально, в 1973 году [12, с. 4], так и в более поздних публикациях, предлагает выделять особый вид взаимосвязи, который выражает, по

* **Кузнецов Михаил Андреевич -** соискатель кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Генеральный директор Общества с ограниченной ответственностью «МК-РЕШЕНИЕ», г. Москва, Россия, E-mail: mk-reshenie@mail.ru.

Научный руководитель: **Хабибулин Алик Галимзянович** - доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, E-mail: matgip2017@yandex.ru.

его мнению, «более глубокие отношения» [13, с. 285], в качестве категории взаимодействия. Взаимодействие, по мнению Кененова А.А. – «предполагает, что данное явление реализует свою специфическую природу через свое взаимоотношение с другим и вне взаимодействия не способно существовать как определенное явление... Его *(взаимодействия)*[*] главная черта – взаимные изменения явлений, которые не пассивно соотносятся между собой, а воздействуют друг на друга» [13, с. 285]. Автором данной статьи предлагается отдельно отметить, как элегантно и точно здесь выражено то, что государство и право определяются через друг друга (как это и есть у большинства их определений), что они раскрываются по своим функциям, задачам, сущностям в своем бытии через друг друга, и вне взаимодействия друг с другом существовать не могут. Также тут удается избежать классического спора представителей воззрений этатизма и естественно-правовых идей о причинно-следственной связи – производства или порождения одного явления другим, государством или правом. Ведь следуя логике причинной связи, так или иначе приходишь к результату односторонности воздействия, что явно противоречит видимой объективной реальности, где и государство и право, при любом их соотношении, оказывают явное взаимообусловлевающее влияние друг на друга. Таким образом причинная связь может дополнять понятие взаимодействия, но не быть шире этого понятия. «Взаимодействие выражает единство встречных детерминаций, односторонних воздействий друг на друга соотносящихся явлений, которые при взаимном детерминировании сливаются во взаимодействии» [13, с. 285].

Таким образом, можно сделать вывод, что этатический и естественно-правовой взгляд на причинную связь – что первостепеннее, государство или право, может быть или взаимно неистинным (отдельно ни те, ни те не правы), либо наоборот, взаимно истинным при признании и того и другого взгляда одновременно. Поверхностный подход с обеих точек зрения действительно часто предлагает выделить, например, то, что право это порождение государства, или право образует государство. Но уходя в причины тех или иных онтологически выраженных признаков государства или права, в самых разных теориях государства и права они едины в том, что общественные отношения являются тем сущностным материалом, который определяет государство и право. Общественные отношения, потребности, интересы на определенном этапе исторического развития каждого изучаемого общества не могут быть выражены, структурированы, реализованы объективно вне и помимо правовых норм. Объективно здесь понимается вся совокупность причин и условий для возникновения права, как экономического, социального, духовного, культурного, политического, идеологического характера, среди которых можно выделить и государство. При этом государство не является единственной основой или, например, причиной права, а точнее не является той причиной, что более не произведено уже той же экономикой, политической или социальной структурой общества. Общественные отношения в вышеупомянутых сферах можно рассматривать как внешние причины права, в то время как государство – это внутренняя причина права. Парадокс в том, что если поменять в данной логической цепочке право на государство, то изменения мало затронут сущность их связи (т.е. обороты и соотношение внутренних и внешних причин будет то же самое). Общность вышеупомянутого «материала» общественных отношений таких, как воля, совокупность воль или общая/общенародная воля, интересы, идеи, идеологии, верования, цели, мотивы, ценности, доктрины, общественное мнение или мнения обществ более малых групп и так далее, будет единой и для права, и для государства.

Взаимодействие государства и права имеет всеобъемлющий и всесторонний характер. Как определил один из основных исследователей этого вопроса в отечественной юридической науке М.А. Аржанов: «Нет ни одной стороны права, которая не находилась бы в тесной и прямой связи с государством, и наоборот» [7, с. 35]. Определение государства в реальной жизни, сознании обывателя и в сознании исследователя во многом определяется той позицией, с которой задается и ставится вопрос. В общем, для данного исследования, важным

[*] *Примечание автора, Кузнецов М.А.*

считается выделить ту основу, с которой строятся основные действующие позиции по вопросу государства и краткий путь их становления. Для этого имеет значение история, культура, менталитет и традиции общества, в которых отношения между субъектами этого общества формируют само государство как объективную реальность и соответствующие идеи, идеологии, взгляды в общественном сознании. Прямая связь истории, культуры, менталитета и традиций общества отражается и на праве, и на государстве, как на производных от этого общества. И государство и право – это результат целеполагающей творческой деятельности людей и всего общества, которое они образуют. В.Н. Жуков постулирует о единстве такого единого источника формирования государства и права со ссылкой на Г. Еллинека и Г.Д. Гурвича, (например, так): «Государство и право одновременно и связаны между собой, и способны существовать автономно, они являют собой единство, и дуализм. Оба института имеют единый источник, и при этом каждый из них имеет свой собственный» [9, с. 452].

Итак, проблема определения вербального выражения явлений и проблема уяснения смысла того, что каждый из исследователей пытался донести до читающего то или иное исследование – в целом часто встречающаяся проблема для любого выражения мысли. Однако, в юридической науке и в частности вопроса соотношения государства и права приобретает достаточно явное значение.

Различие взглядов и позиций, с которых рассматривается вопрос о соотношении, связи государства и права или связанности государства правом, очевидно может привести к разным выводам. Сама постановка вопроса уже предполагает различный ответ. «В каком аспекте изучать данную проблему: юридико-догматическом, социологическом или метафизическом (философском)? Очевидно, что в зависимости от избранного контекста ответы могут быть даны самые разные» [9, с. 453].

Сущностное отношение определяет содержание и характер всех других отношений, в которые соотносящиеся явления вступают вообще. Сущность государства и права раскрывается наиболее объемно и объективно в их взаимодействии при любом проявлении – это и правотворчество, реализация и гарантии прав, свобод и обязанностей личности, формирование статуса личности, законность, деятельность государственных органов, правоохранительной системы, организация и форма деятельности политической власти, организация хозяйственной жизни, экономики, культуры, образования и так далее.

В данном исследовании предлагается первоочередным, сущностным выделить собственные связи государства и права, как наиболее характерные для них. При этом как самостоятельные явления государство и право могут и вступают в самые разнообразные отношения, наличествующие в обществе и у отдельных личностей с другими явлениями из политической, социальной, духовной, материальной сфер, которые интересны для данного исследования как формы проявления государства и права в реальном мире, для осмысления их онтологического характера.

Государство и право – это явления особого рода. С точки зрения социалистического права, доминировавшего в советской правовой науке – это элементы политико-правовой надстройки по отношению к экономическому базису. Однако, и в советском праве подчеркивалось, что это элементы особого рода, как и их соотношение друг с другом, взаимодействие и взаимное функционирование которых определяет и их индивидуальное бытие, так и тенденции развития всей политической системы. В политической системе социализма [12, с. 4] в том числе.

Отдельно необходимо определить проблему в изучении вопроса о соотношении государства и права как наличие политической конъюнктуры, идеологии или цензуры. Важно отметить, что по наблюдению исследований данного вопроса имеется значительное улучшение для отечественной юридической науки в отношении современной России, в отличие, например, от периода СССР.

Исследователи проблемы соотношения социалистического государства и права в советской правовой науке, такие как А.А. Кененов, М.А. Аржанов, рассматривая критику буржуазных взглядов на этот вопрос, даже устанавливая отличия между многочисленными от-

ветвлениями буржуазной государственно-правовой идеологии, достаточно критически относились, помимо явно антикоммунистических идеологий, к достаточно умеренным, объективным и беспристрастным позициям (классово нейтральным или надклассовым). Даже по уяснению или формулированию этого тезиса у читающего могут возникнуть сложности, что очевидно только подчеркивает проблему как восприятия, так и исследования вопроса о государстве и праве с позиций различной политической идеологии или конъюнктуры. Так, вскрывая иллюзорность утверждений о классовой нейтральности любой теории общественного развития, Э.В. Ильенков пишет: «Теория слишком ценная вещь, чтобы оставаться без хозяина. А таким хозяином может быть только тот или иной класс» [11, с. 109]. Если с первым утверждением и объективно нет никаких возражений, то со вторым несколько сложнее, учитывая окончательную историю СССР. Допустив, что иной класс поменял теорию и соответственно практику государственного строительства, то возникает закономерный вопрос, а как такой явно враждебный советской государственности класс оказался у власти. Тем более при всей господствовавшей официальной идеологии марксизма, установленных на всех уровнях власти и публичной сфере, постулатах и выводах советских ученых, как пример, приведенных выше. Возможно, что есть все-таки влияние некоторых иных аспектов общественных отношений и экономического «базиса», которые не смогли быть исследованы объективно для последующего существования СССР при доктринальных взглядах на критику через призму классовой теории. Так, Кененов А.А. отмечает: «Даже в том случае, когда работа носит компилятивный или информационно-описательный характер, ее автор не упустит случая высказать суждение типа: советская юридическая терминология характеризуется затруднительными оборотами, многократными повторениями и неясными формулировками или – Ленин понимал диктатуру пролетариата не так, как ее понимали Маркс и Энгельс» [12, с. 8]. Возможно – это талант советского ученого через критику критики донести некоторый тезис сквозь материалистическую конъюнктурную идеологию в 1973 году. Безусловно, что в тот исторический период имелось место для существования антикоммунистической идеологии, которая преследовала общую цель – дискредитировать и фальсифицировать государственно-правовую действительность социализма, марксистско-ленинскую теорию государства и права. Однако, очевидно, что всю критику советского права со стороны буржуазного права не было необходимости исключать только потому, что она исходит от враждебного СССР класса.

Все это безусловно может быть темой для отдельного исследования, но нам важно упомянуть о явлении такого подхода к объективному восприятию предмета соотношения государства и права в советское время. Это явно усложняло критически-объективное восприятие теории и реальности социалистического государства и права, когда все остальные мнения заведомо враждебные и несовершенные. Для темы данной статьи же важно еще раз подчеркнуть, как в простых выражениях и их осмыслении политическая идеология и конъюнктура являются проблемой для изучения вопроса о соотношении государства и права.

Теоретические интерпретации предмета исследования в его историческом развитии, которые изложены в данной статье, представлены для уяснения сущности явлений сегодняшнего дня. Осознавая, что при историческом подходе к предмету есть риск, что, обращаясь назад, в прошлое, можно уйти в бесконечность, а также, что это отдельный предмет исследования, и соответственно в данной работе этот вопрос представлен в узком формате.

Отдельно стоит отметить, что при исследовании соотношения государства и права в различные исторические эпохи – это соотношение будет явно различным. «Мерить одной меркой соотношение государства и права, существовавшие в разные исторические эпохи, – методологическая ошибка. Нельзя на фактах древней истории делать категорические выводы применительно к современным модификациям государства и права и их соотношению» [9, с. 443]. Например, для современной России и для СССР очевидно иное соотношение публичного и частного права, институтов частной собственности и социальных гарантий граждан и их фактическое воплощение, а также взаимодействие с государственной властью всех вышеназванных институций. Каждое отдельное государство на отдельной стадии своего

развития формирует право, которое зачастую имеет инерционную роль, зависимую от государства и имеющую с ним каждый раз определенную и различную связь. «Именно связь с государством играет решающую роль в деле становления существенных свойств права» [9, с. 440].

Итак, наличие связи между государством и правом очевидно и неопровержимо. Дискуссионными, и можно оговориться, что извечно дискуссионными, проблемы этой связи становятся, когда вопрос ставится о зависимости государства от права или права от государства, о производности одного от другого, о возможности их автономии полностью или частично друг от друга. При решениях данных споров ключевыми являются особенности взглядов, методологий, научных традиций и школ, ценностных и политических предпочтений авторов, а также политической конъюнктуры. В данных спорах имеет важное значение также значение определений, смысловых подтекстов и вербальных выражений, и конструкций. В зависимости от сочетаний вышеописанных факторов ответы всегда предполагаются различными, особенно в разные исторические периоды развития государства и права, а также их осмысления. Таким образом можно это и определить, как основные проблемы для изучения вопроса о соотношении государства и права в целом, так и в контексте современной России.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. – М.: Магистр-Пресс, 2013. – 601 с.
3. *Азми Д.М.* Учение М.А. Аржанова о системе права // Бизнес в законе. – М.: Изд. Дом "Юр-ВАК", 2009. – № 5. – С. 35–38.
4. *Алексеев С.С*. Правовое государство – судьба социализма: Науч.-публицист. очерк / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1988. – 174 с.
5. *Алексеев С.С. и др*. Теория государства и права [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 495 с.
6. *Алексеев С.С*. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху = Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху [Текст]: [монография] / С. С. Алексеев. – 2-е изд., доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 447 с.
7. *Аржанов М.А.* Государство и право в их соотношении [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 287 с.
8. *Гоббс, Томас*. Левиафан. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 624 с.
9. *Жуков В.Н.* Философия права: учебник для высших учебных заведений – 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Московского университета, 2020. – 559, [1] с.
10. *Зиновьев А.А*. Гибель русского коммунизма. – М.: Центрполиграф, 2001. – 430 с.
11. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 285 с.
12. *Кененов А.А*. Социалистическое государство и право: некоторые вопросы их соотношения: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 1973. – 170 с.
13. *Кененов А.А*. Соотношение государства и права/ Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Подгот. М. Н. Марченко и др.; Под ред. М. Н. Марченко. – Москва: Проект, 1999. – 501, [1] с.
14. *Кененов А.А*. К вопросу о соотношении государства и права // В кн.: Государство, право, демократия. Очерки теории / Редкол.: Кузьмин Э.Л., Лукьянов А.И., Марченко М.Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 210 с. – С. 88–106.
15. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.
16. *Комаров С.А. и др*. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
17. *Костин Ю.В*. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX-начала XX века: дисс. .... докт. юрид. наук. – М., 2008. – 466 с.

18. *Лазарев В.В.* Общая теория права и государства. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 520 с.
19. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. Т. 26. М., 1969
20. *Локк, Джон*. Два трактата о правлении [Текст] / Джон Локк; [пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова]; Фонд либеральных программ "Свободный мир". – М.; Челябинск: Социум, 2014. – 480 с.
21. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. – М.: Дело, 2000. – 528 с.
22. *Морозова Л.А*. Теория государства и права. – М.: Норма, 2017. – 464 с.
23. *Полухин Р.О*. Проблемы соотношения общества, права и государства в правовой мысли России: конец XIX-начало XX вв.: дисс. .... канд. юрид. наук. – Белгород, 2004. – 149 с.
24. *Червякова Е.В*. Соотношение права и государства: историко-теоретические аспекты: дисс. .... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 207 с.
25. *Явич Л.С*. Общая теория права. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. – 287 с.

Для цитирования: *Кузнецов М.А.* Проблемы соотношения государства и права современной России: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2 (44). – С. 97–102.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_97

M. A. Kuznetsov*

PROBLEMS OF CORRELATION BETWEEN THE STATE AND LAW IN MODERN RUSSIA

Annotation*. The article discusses the problems of the relationship between the state and law in modern Russia. The main methodological problems of various approaches to understanding this issue are identified, which are relevant, taking into account the national historical development, the peculiarities of the impact of the state on law and rights to the state in the modern understanding of domestic jurisprudence.*

Keywords*: state, law, the relationship between state and law, the connection between the state and the law.*

Such categories as "connection", "interrelation", and "ratio" are very significant, and sometimes fundamental, for human cognition and the disclosure of any laws of the surrounding world. Being synonymously homogeneous concepts, they reveal the basic principles of the dialectical method of cognition of objective reality and the laws of dialectical development. Thus, the process of cognition begins with the establishment of permanent connections between the studied phenomena. The study and analysis of causes and effects, the relationship of research subjects with other subjects of objective reality makes it possible to understand the main subject of research and its manifestations, representing a universal approach that reveals the category of "connections". "Development, as if repeating the steps already passed, but repeating them on a higher base ("negation of negation"), development, so to speak, in a spiral, not in a straight line; development is abrupt, catastrophic, revolutionary; – "interruptions of gradualness"; transformation of quantity into quality; – internal impulses to development, given by contradiction, the clash of various forces and tendencies ...; – interdependence and the closest, inseparable connection of all sides of each phenomenon ...; a connection that gives a single, regular global process of movement, these are some features of dialectics, as a more meaningful (than the usual) doctrine of development" [19, p. 55]. In

* **Kuznetsov Mikhail Andreevich** - Applicant of the Department of Economic and Financial Investigations of the Graduate School of Public Audit of the Lomonosov Moscow State University, General Director of the Limited Liability Company MK-SOLUTION, Moscow, Russia, E-mail: mk-reshenie@mail.ru.

Supervisor**: Khabibulin Alik Galimzyanovich -** LL.D., Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Studies of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Graduate School of Public Audit of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, E-mail: matgip2017@yandex.ru.

this way, the essence of the subject and phenomena of research can be characterized through the disclosure of signs of their interrelationships with other objects. On the other hand, the study of the state and law through their relationship can establish an obligatory stage of the dialectical process of comprehending their essence separately.

Kenenov A.A. in his works, as originally in 1973 [12, p. 4], and in later publications, suggests highlighting a special type of relationship, which expresses, in his opinion, "deeper relationships" [13, p. 285], as a category of interaction. Interaction, according to Kenenov A.A., "assumes that a given phenomenon realizes its specific nature through its relationship with another and is unable to exist as a specific phenomenon outside of interaction... Its *(interaction)*[*] main feature is the mutual changes of phenomena that do not passively correlate with each other, but affect each other" [13, p. 285]. The author of this article suggests separately noting how elegantly and accurately it expresses here that the state and law are defined through each other (as is the case with most of their definitions), that they reveal themselves in their functions, tasks, and essences in their being through each other, and cannot exist outside of interaction with each other.. It also avoids the classic dispute between representatives of the views of statism and natural law ideas about the causal relationship – the production or generation of one phenomenon by another, the state or law. After all, following the logic of causation, one way or another one comes to the result of one-sidedness of influence, which clearly contradicts the visible objective reality, where both the state and law, in any ratio, have a clear mutually influencing effect on each other. Thus, causality can complement the concept of interaction, but not be broader than this concept. "Interaction expresses the unity of counter determinations, unilateral effects of correlating phenomena on each other, which, when mutually determined, merge in interaction" [13, p. 285].

Thus, it can be concluded that the ethical and natural-legal view of causality – which is more important, the state or the law, can be either mutually untrue (neither of them are right separately), or vice versa, mutually true if both views are recognized simultaneously. A superficial approach from both points of view really often suggests highlighting, for example, that law is a product of the state, or law forms the state. But going into the causes of certain ontologically expressed features of the state or law, in the most diverse theories of state and law they are united in the fact that social relations are the essential material that defines the state and law. Social relations, needs, and interests at a certain stage of the historical development of each society under study cannot be expressed, structured, or implemented objectively outside and beyond legal norms. Objectively, the whole set of reasons and conditions for the emergence of law is understood here, as an economic, social, spiritual, cultural, political, and ideological nature, among which the state can be distinguished. At the same time, the state is not the only basis or, for example, the cause of law, but rather it is not the reason that is no longer produced by the same economy, political or social structure of society. Social relations in the aforementioned areas can be considered as the external causes of law, while the State is the internal cause of law. The paradox is that if you change the right to the state in this logical chain, the changes will have little effect on the essence of their relationship (i.e., the turnover and the ratio of internal and external causes will be the same). The commonality of the above-mentioned "material" of social relations, such as the will, the totality of wills or the general/national will, interests, ideas, ideologies, beliefs, goals, motives, values, doctrines, public opinion or the opinions of societies of smaller groups, and so on, will be the same for both law and the state.

The interaction between the State and law is comprehensive and comprehensive. As M.A. Arzhanov, one of the main researchers of this issue in Russian jurisprudence, defined: "There is not a single side of law that is not in close and direct connection with the state, and vice versa" [7, p. 35]. The definition of the state in real life, in the mind of the layman and in the mind of the researcher is largely determined by the position from which the question is asked and posed. In general, for this study, it is important to identify the basis from which the main current positions on the issue of the state and the short path of their formation are built. For this, the history, culture, mentality and traditions of a society are important, in which the relations between the subjects of

[*] *Author's note, Kuznetsov M.A.*

this society form the state itself as an objective reality and the corresponding ideas, ideologies, and views in the public consciousness. The direct connection between the history, culture, mentality and traditions of society is reflected in both law and the state, as derivatives of this society. Both the state and law are the result of the goal–setting creative activity of people and the entire society they form. V.N. Zhukov postulates the unity of such a single source of formation of the state and law with reference to G. Jellinek and G.D. Gurvich, (for example, as follows): "The state and law are both interconnected and capable of existing autonomously, they represent unity and dualism. Both institutes have a single source, and at the same time each of them has its own" [9, p. 452].

So, the problem of determining the verbal expression of phenomena and the problem of understanding the meaning of what each of the researchers was trying to convey to the reader of a particular study is, in general, a common problem for any expression of thought. However, in legal science, and in particular, the issue of the relationship between the state and law is becoming quite significant.

The difference of views and positions from which the issue of the relationship, the relationship between the state and law, or the relationship of the state to law, can obviously lead to different conclusions. The very formulation of the question already suggests a different answer. "In what aspect should we study this problem: legal-dogmatic, sociological or metaphysical (philosophical)? Obviously, depending on the chosen context, the answers can be very different" [9, p. 453].

The essential relation determines the content and character of all other relations into which related phenomena enter in general. The essence of the state and law is revealed most comprehensively and objectively in their interaction in any manifestation: law–making, implementation and guarantees of individual rights, freedoms and duties, formation of personal status, legality, activities of state bodies, law enforcement system, organization and form of activity of political power, organization of economic life, economy, culture, education, etc. and so on.

In this study, it is proposed to highlight the primary, essential links between the state and law, as the most characteristic of them. At the same time, as independent phenomena, the state and law can and do enter into a wide variety of relationships existing in society and among individuals with other phenomena from the political, social, spiritual, and material spheres that are interesting for this study as forms of manifestation of the state and law in the real world, for understanding their ontological nature.

The State and law are phenomena of a special kind. From the point of view of socialist law, which dominated Soviet legal science, these are elements of a political and legal superstructure in relation to the economic basis. However, it was emphasized in Soviet law that these are elements of a special kind, as well as their relationship to each other, the interaction and mutual functioning of which determines both their individual existence and the development trends of the entire political system. In the political system of socialism [12, p. 4], among others.

Separately, it is necessary to identify the problem in the study of the relationship between state and law as the presence of political conjuncture, ideology or censorship. It is important to note that, based on the observation of research on this issue, there is a significant improvement for domestic legal science in relation to modern Russia, in contrast, for example, to the Soviet period.

Researchers of the problem of the correlation of the socialist state and law in Soviet legal science, such as A.A. Kenenov, M.A. Arzhanov, considering the criticism of bourgeois views on this issue, even establishing differences between the numerous branches of bourgeois state-legal ideology, were quite critical, in addition to clearly anti-communist ideologies, to rather moderate, objective and impartial positions (class-neutral or supra-class). Even in understanding or formulating this thesis, the reader may have difficulties, which obviously only highlights the problem of both perception and research of the issue of the state and law from the standpoint of various political ideologies or conjunctures. Thus, revealing the illusory claims about the class neutrality of any theory of social development, E.V. Ilyenkov writes: "Theory is too valuable to be left without a master. And only one or another class can be such a master" [11, p. 109]. If there are objectively no objections to the first statement, then the second one is somewhat more difficult, given the final history of the USSR. Assuming that another class has changed the theory and, consequently, the practice of

state-building, a legitimate question arises as to how such a class, clearly hostile to Soviet statehood, came to power. Moreover, with all the prevailing official ideology of Marxism, established at all levels of government and the public sphere, the postulates and conclusions of Soviet scientists, as an example given above. It is possible that there is still the influence of some other aspects of social relations and the economic "basis" that could not be studied objectively for the subsequent existence of the USSR with doctrinal views on criticism through the prism of class theory. So, Kenenov A.A. notes: "Even in the case when the work is of a compilation or informational-descriptive nature, its author will not miss an opportunity to express a judgment such as: Soviet legal terminology is characterized by difficult turns, repeated repetitions and unclear formulations, or – Lenin understood the dictatorship of the proletariat differently from how Marx and Engels understood it" [12, p. 8]. Perhaps this is the talent of a Soviet scientist to convey a certain thesis through the criticism of criticism through a materialistic opportunistic ideology in 1973. There is no doubt that in that historical period there was a place for the existence of an anti–communist ideology, which pursued a common goal – to discredit and falsify the state-legal reality of socialism, the Marxist-Leninist theory of state and law. However, it is obvious that all criticism of Soviet law by bourgeois law did not need to be excluded just because it came from a class hostile to the USSR.

All this can certainly be a topic for a separate study, but it is important for us to mention the phenomenon of such an approach to the objective perception of the subject of the relationship between state and law in Soviet times. This clearly complicated the critical and objective perception of the theory and reality of the socialist state and law, when all other opinions were obviously hostile and imperfect. For the topic of this article, it is important to emphasize once again how, in simple terms and their understanding, political ideology and conjuncture are a problem for studying the relationship between state and law.

The theoretical interpretations of the research subject in its historical development, which are presented in this article, are presented to clarify the essence of the phenomena of today. Realizing that with a historical approach to the subject, there is a risk that, turning back to the past, one can go to infinity, and also that this is a separate subject of research, and accordingly in this work this question is presented in a narrow format.

It is worth noting separately that when studying the relationship between the state and law in different historical epochs, this relationship will be clearly different. "It is a methodological mistake to measure the relationship between the state and law that existed in different historical epochs by one standard. It is impossible to draw categorical conclusions from the facts of ancient history in relation to modern modifications of the state and law and their relationship" [9, p. 443]. For example, for modern Russia and the USSR, a different relationship between public and private law, institutions of private property and social guarantees of citizens and their actual implementation, as well as the interaction with the state authorities of all the above-mentioned institutions, is obvious. Each individual state, at a separate stage of its development, forms law, which often has an inertial role, dependent on the state and having a certain and different connection with it each time. "It is the connection with the state that plays a crucial role in the formation of the essential properties of law" [9, p. 440].

So, the connection between the State and the law is obvious and irrefutable. The problems of this connection become debatable, and it can be said that they have always been debatable, when the question is raised about the dependence of the state on law or law on the state, about the derivation of one from the other, about the possibility of their autonomy in whole or in part from each other. When resolving these disputes, the key features are the views, methodologies, scientific traditions and schools, the value and political preferences of the authors, as well as the political conjuncture. In these disputes, the importance of definitions, semantic implications, and verbal expressions and constructions is also important. Depending on the combinations of the factors described above, the answers are always assumed to be different, especially in different historical periods of the development of the state and law, as well as their understanding. Thus, it can be defined as the main problems for studying the relationship between the state and law in general, and in the context of modern Russia.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. *Abdullayev M.I.* Theory of State and Law. Moscow: Magistr-Press, 2013. 601 p.

3. *Azmi D.M.* The doctrine of M.A. Arzhanov on the legal system // Business in law. Moscow: Publishing House "Yur-VAK", 2009. No. 5. Pp. 35–38.

4. *Alekseev S.S.* The rule of law is the fate of socialism: Scientific and publicist. essay / S. S. Alekseev. Moscow: Legal Literature, 1988. 174 p.

5. *Alekseev S.S.* Theory of State and Law [Text]: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / ed. V. D. Perevalov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. 495 p.

6. *Alekseev S.S.* The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era = Immanuel Kant and the problems of law in the modern era [Text]: [monograph] / S. S. Alekseev. 2nd ed., enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 447 p.

7. *Arzhanov M.A.* State and law in their relationship [Text] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. Sciences of the USSR, 1960. 287 p.

8. *Hobbes Thomas.* Leviathan. Moscow: RIPOL classic, 2021. 624 p.

9. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law: textbook for higher educational institutions – 2nd ed., ispr. – Moscow: Moscow University Press, 2020. – 559, [1] p.

10. *Zinoviev A.A.* The death of Russian communism. Moscow: Tsentrpoligraf, 2001. 430 p.

11. *Ilyenkov V.* Dialectics abstract and concrete in "capital" Marca [text]/ Acad. science of the USSR. In-T philosophies. – Moscow: Akad. science of the USSR, 1960. – 285 PP.

12. *Kenenov A.A.* The socialist state and law: some issues of their correlation: dissertation ... Candidate of Sciences. jurid. Sciences: 12.00.01. – Moscow, 1973. – 170 p.

13. *Kenen's A.A.* Relationship conflicts and rights / problem * theories conflicts and rights: learn. benefit / Pog. M. N. Marchenko et al.; Subsp. M. N. Marchenko. – Moscow: Project, 1999. – 501, [1] CF.

14. *Kenenov A.A.* On the issue of the relationship between state and law // In the book: State, law, democracy. Essays on theory / Editorial Board: Kuzmin E.L., Lukyanov A.I., Marchenko M.N. Moscow: Publishing house Mosk. Univ., 1978. 210 p.

15. *Komarov S.A.* General Theory of State and Law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 528 p.

16. *Komarov S.A.* et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corrected. and additional // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).

17. *Kostin Yu.V.* Ideas of the relationship between the state, law and morality in the history of political and legal thought in pre-revolutionary Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2008. 466 p.

18. *Lazarev V.V.* General Theory of Law and State. – 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurist, 2000. 520 p.

19. *Lenin V.I.* The Complete Works. In 55 vol. 5th ed. Vol. 26. Moscow, 1969

20. *Locke John.* Two Treatises of Government [Text] / John Locke; [translated from English by E.S. Lagutin and Yu.V. Semenov]; Foundation for Liberal Programs "Free World". Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2014. 480 p.

21. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law. Moscow: Delo, 2000. 528 p.

22. *Morozova L.A.* Theory of State and Law. Moscow: Norma, 2017. 464 p.

23. *Polukhin R.O.* Problems of the Relationship between Society, Law and the State in the Legal Thought of Russia: Late 19th – Early 20th Centuries: Diss. .... Cand. of Law. Belgorod, 2004. 149 p.

24. *Chervyakova E.V.* Relationship between Law and the State: Historical and Theoretical Aspects: Diss. .... Cand. of Law. Moscow, 2007. 207 p.

25. *Yavich L.S.* General Theory of Law. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1967. 287 p.

For citation: *Kuznetsov M.A.* Problems of correlation between the state and law in modern Russia: article // Theory of State and Law. 2025. No. 2 (43). P. 102–106.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_97

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_107

И.Н. Куксин*

КАКИМ БЫТЬ РОССИЙСКОМУ ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ?

Аннотация. *В настоящий период перед российским обществом в числе других стоят приоритетные задачи – достичь демилитаризации и денацификации Украины и осуществить переход на новые уровни образования. 19 ноября 2024 года Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин провел стратегическую сессию по вопросам развития общего и профессионального образования. На сессии были определены подходы к тому, как университеты и колледжи должны организовывать свою деятельность, чтобы выпускать специалистов, которые бы максимально отвечали потребностям экономики и социальной сферы. Было также заявлено о необходимости сформировать четкую систему оценки качества образования на каждом ее уровне. 10 декабря 2024 года Президент России В.В. Путин обсудил с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека комплекс вопросов, где затрагивались и проблемы образования. С учетом остроты указанной проблемы, автор указывает на накопившиеся недочеты в этой области и вносит ряд предложений, касающихся дальнейшего совершенствования юридического образования и, особенно, его мировоззренческой направленности.*

Ключевые слова: *образование, Совет по развитию гражданского общества и правам человека, молодежная политика, Единый государственный экзамен, Специальная военная операция Стратегия развития образования.*

Введение. 10 декабря во всем мире отмечается День прав человека, который был установлен в 1950 году. Значимость и полезность этого документа для человечества подтверждено всем ходом послевоенного исторического периода. А в настоящее время он приобрел еще большую востребованность, в связи с незащищенностью прав многих народов мира. В этом документе провозглашены и закреплены права людей независимо от расы, религии, пола и убеждений.

Не случайно в этот день было проведено ежегодное заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека (далее СПЧ), в рамках которого состоялся диалог между представителями гражданского общества и государством. Президент России В.В. Путин открывая заседания Совета обозначил перечень вопросов, которые поставлены на повестку – это защита прав участников Специальной военной операции, механизм поиска без вести пропавших в зоне боевых действий, школьное образование, проблемы уголовно-исполнительной системы и о Едином государственном экзамене. Глава государства особо подчеркнул, что интересы россиян – первоочередная задача, а Совет по развитию гражданского общества и правам человека играет ключевую роль в обеспечении их прав и свобод.

Руководство страны, начиная с ноября 2004 года, через Совет по развитию гражданского общества и правам человека выявляет и решает актуальнейшие проблемы, которые касаются подавляющего большинства россиян, чтобы наиболее полно удовлетво-

* ***Куксин Иван Николаевич***, профессор департамента права института экономики управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru.

рить их интересы. Такое открытое сотрудничество служит примером конструктивного взаимодействия государства и общества. В выступлениях членов Совета особо отмечена роль некоммерческих организаций [7] как партнеров власти в социальной сфере. Они стали незаменимыми помощниками в реализации прав на жилье, труд, достойную оплату и пенсию.

Анализируя те вопросы, которые были поставлены участниками СПЧ перед руководством страны можно констатировать, что они касались самых различных областей и, как отметил Президент России, связаны именно с *интересами* российских граждан. В этой связи автор, в качестве предмета исследования, вычленил проблему российского образования, которая была поставлена участниками Совета и в наступивших новых условиях требует дальнейшего своего совершенствования.

Основная часть. Одной из приоритетных задач, которая требует незамедлительного решения – это задача дальнейшего реформирования российского общественного и гуманитарного образования и его качества. Особенностью нынешнего гуманитарного образования является то, что оно тесно связано с надстройкой, а главное, и это подтверждается практикой государственного строительства многих стран мира, при социальных потрясениях (будь то перестройка, революция и прочее) общественные и гуманитарные науки более всего подвержены пересмотру. Более того, со стороны новой власти к этим наукам вырабатывается определенный уровень скептицизма, недооценки, с точки зрения их служению интересам общества и их возможностям. Те негативные процессы, которые имеют место в гуманитарной области российского образования как раз и доказывают приведенные утверждения. Иначе как можно объяснить, когда с выходом Указа Президента Российской Федерации от 21.09.2022 г № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [2] из России бежало в Казахстан, Грузию, Финляндию, Монголию, Кыргыстан, Армению, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Турцию, Египет и ОАЭ около миллиона человек [6]. Надо признать, что это последствие той молодежной, культурной политики, которой фактически не было. Была только имитация. За тридцать с лишним лет такой политики в определенной части молодежи произошли негативные изменения, породившие бездуховность, эгоизм, бескультурье, потребительское отношение к действительности, неуважение к старшим, озлобленность.

Переломный момент в молодежной политике наступил с началом проведения Специальной военной операции. Наметилась тенденция начала нового, живого и энергичного. Сегодня уже видны первые результаты в области патриотического воспитания подрастающего поколения. Например, набирают силу в своем развитии такие нужные проекты как, «Зарница 2.0», «Хранители памяти», «Движение первых», «Защитники Отечества», «письма на фронт». Так, наши бойцы на передовой получили более трех миллионов таких посланий, и в каждом из них – поддержка, которая очень много значит для них, согревает их души. А участники «Движение первых» своими главными ценностями называют «Жизнь и достоинство», «Патриотизм», «Добро и справедливость», «Созидательный труд», «Крепкая семья», «Взаимопомощь и взаимоуважение», «Единство народов России», «Историческая память», «Служение отечеству».

Сделаны важные и показательные кадровые назначения. Например, Президент России своим указом назначил ветерана специальной военной операции, героя России Артура Орлова новым председателем правления Российского движения детей и молодежи «Движение Первых». И это только первые шаги привносящие новые идеи в молодежное воспитание. Если посмотреть на опыт молодежной политики СССР образца 1930-х годов, то в ней была главная идея – общее Дело. Строилось общество будущего, общество знания, служения и созидания. В результате вводились такие ценности как знание, творчество, нацеленность на будущее. Авиация, глубины океана, космос, ядерная энергетика – все это закреплялось реальными достижениями народного хозяйства, науки и техники. Автор не призывает копировать прошлое, но и нельзя игнорировать то положительное, что было в истории нашего государства.

Касаясь проблем молодежи нельзя не упомянуть и о пресловутом Едином государственном экзамене (ЕГЭ) (заимствовано с Запада) о необходимости или вредности которого российское общество ломает копья не одно десятилетие. Несмотря, что практически в каждую сессию в Государственную Думу депутатами вносятся законопроекты, связанные с реформированием ЕГЭ, однако, как заявил депутат Петр Толстой, «мы не нашли с правительством общих подходов к этой проблеме» [5]. Не мог ее обойти в своем докладе на заседании СПЧ ее глава В.А. Фадеев – это «.... проблема необразованности молодых людей, которых в школах просто натаскивают на ЕГЭ» [10]. Для убедительности он сослался на данные опроса, проведенного ВЦИОМ по школьной программе. На вопросы «куда впадает река Волга?», «что означает слово «Кузбасс»?», «кого убил Чичиков в поэме Гоголя «Мёртвые души»?» правильный ответ дали из молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет только 18 процентов [10].

Известно, что от состояния национальной системы образования напрямую зависит эффективность взаимодействия личности и государства. Именно через образование государство добивается главной своей цели – заложить в сознание гражданина желание и стремление строить личные и деловые отношения на принципах равенства, диалога, взаимного уважения. Через образование формируется мировоззрение молодых людей. В этой связи до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: правильно ли было при принятии Конституции Российской Федерации вводить запрет на государственную идеологию (статью 13), «перейдя к бездумному копированию западных ценностей, не соответствующих нашему цивилизационному коду и историческому опыту ....» [14]. По происшествии более тридцати лет со дня принятия Конституции можно с уверенностью констатировать, что это был сознательный шаг ельцинской правящей верхушки, интересы которой не совпадали с национальными интересами России. «Не могла же она в Основном законе узаконить идеологию грабежа советского наследия, построения дикого капитализма с социальным расслоением» [8, с.139]. Поэтому следует признать, что отказ от государственной идеологии было большой сознательной стратегической ошибкой, ибо ни одна страна мира не имеет в своей конституции запрета на идеологию.

Ради справедливости следует констатировать, что нынешним руководством страны предпринимаются конкретные меры направленные на частичное исправление данного положения. Так, в 2022 году был подписан Президентом России Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. Этот основополагающий документ является основой при построении воспитательной системы с молодежью и являться учебно-методической базой вузовского образования.

Как представляется автору следующим шагом, скорее всего в будущем, должен быть шаг отмены ст. 13 Конституции в силу ее противоречия государственным интересам. Внедрение западных ценностей в российскую действительность породили не только в сознании молодежи, но и в значительной части нашего взрослого населения утрату идеологических ориентиров и нравственных основ. Однако, последнее десятилетие XXI века наглядно показывает, что Россия умеет извлекать уроки из 90-х годов прошлого века. С трудом, но уверенно Россия освобождается от той модели, которую ей уготовили реформаторы и их покровители Запада, а именно превратить ее в послушного вассала и ресурсную колонию. И подтверждением данного вывода являются те боевые успехи, которые нам демонстрирует российская армия на поле боя, при достижении целей Специальной военной операции.

Текущий период развития российского общества настоятельно диктует «выкорчевывать» западные ценности, которые были взяты за образец в такой чувствительной сфере как *образование*, в том числе и в его базовой мировоззренческой части. Те, кто стоял у истоков «новой» политики в этой области, начиная с 90-х годов прошлого столетия «в основу перестройки образования положили признание западной модели образования ....» [9, с. 68]. Уже тогда многие видные юристы убеждали общественность, что «.... качество подготовки

юридических кадров – это, в конечном счете, проблема конституционной безопасности; причем она (безопасность) в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть не что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей» [4, с.28]. Это положение принадлежит профессору Бондарю Н.С., судье Конституционного суда Российской Федерации в отставке.

Внедрялся в образовательную практику и такой подход, когда, например, в магистратуру зачисляли желающих получить образование в рамках магистерской подготовки, но не имевших базового образования, т.е. не владевших отраслевыми знаниями. Ведь магистр – это следующая более качественная ступень, освоение которой возможно только при наличии исходной базы, в качестве которой могут выступать только знания бакалавра юриспруденции либо юриста-специалиста. В Европе, например, во Франции, нельзя поступить в юридическую магистратуру, если отсутствует предшествующая степень подготовки в юридической сфере.

Автор разделяет мнение тех, кто утверждает, что «так называемый «компетентностный подход к обучению» и Болонская система, практика не изучение школьных предметов, а натаскивание к ЕГЭ принесла свои несъедобные плоды. Уровень культуры (особенно гуманитарной), способность выражать свои мысли и усваивать новые знания у поколения, которое училось в школе после 2000 года сильно упал по сравнению с предшественниками» [12].

Не первый год мы говорим о том, что высшее образование теряет *фундаментальность,* особенно в области гуманитарной подготовки. И как будто бы на всех уровнях это все понимают. Но на практике реальная картина не меняется. К чему это ведет? А ведет это к тому, что современный студент не приучен к познанию глубокого теоретического материала. Представляется, что это связано с тенденцией получать научную информацию не из источника, а из интернета без попытки ее глубокого осмысления. Возьмем к примеру область юриспруденции. Это сложная область знаний и требует к себе системности в овладении ее теоретической части. Ввиду отсутствия фундаментальности у большинства студентов вырабатывается поверхностный подход к сложному теоретическому материалу. Это особенно проявляется, когда они готовятся и выступают с научными сообщениями на конференциях, семинарах. Действительный смысл цитируемого материала ими не всегда всесторонне прорабатывается, в силу отсутствия общетеоретических знаний, и, соответственно, они затрудняются дать развернутое аргументированное толкование.

Вторая сторона фундаментальности включает мировоззренческую составляющую. Ее необходимо наращивать. Можно быть высококлассным профессионалом, но быть антипатриотом. Начало Специальной военной операции на Украине лучшее этому подтверждение. Следует согласиться, что мировоззренческая фундаментальность из-за неустойчивости идейных ценностей подвержена деформации. Например, выпускники вуза предшествующей общественно-экономической системы и нынешней будут отличаться, причем существенно, именно по критерию мировоззренческой фундаментальности. Поэтому одной из задач российского высшего образования является поиск и внедрение через преподавания предметов гуманитарного профиля действенных воспитательных инструментов, чтобы выпускник был профессионально ориентированным патриотом. Выпускник со слабо сформированными гражданско-патриотическими свойствами личности, вероятнее всего, не будет трудиться на благо Родины, заботиться о защите и развитии своего государства.

И еще одна примета сегодняшнего студента, которая также влияет на качество профессиональных знаний. Многие студенты стремятся как можно раньше приступить к практической деятельности. Они считают, что получают хороший практический опыт. Казалось бы, такое стремление надо только поддерживать. Но все должно быть в меру. Именно начало обучения в высшем учебном заведении, а это, как правило, первый и второй курс закладывают теоретическую базу профессионального образования. «Профессиональные основы

будущего специалиста, – отмечал Президент России В.В. Путин в послании Федеральному Собранию от 29.02.2024 – закладываются на первых курсах, где преподаются фундаментальные дисциплины» [11]. На практике совмещение обучения и практическую деятельность приводит к пропускам занятий и, в конечном итоге, к пробелам в знаниях. Этот изъян сказывается на фундаментальных знаниях. В дальнейшем такой студент не всегда может оценить законность правоприменительной практики и тиражирует ошибки, встает на путь ремесла. Эти вопросы требуют разумного регулирования с тем, чтобы не снижать качество теоретического обучения.

Надо признать, что сегодня высшее образование стало гораздо более доступным, что тоже играет не всегда положительную роль. Зачастую получать образование приходят не очень мотивированные абитуриенты. Задача вуза в данной ситуации – это, конечно, повышать мотивацию, находить баланс между теорией и практикой, делать занятия более интересными, привлекать к учебному процессу практикующих юристов. Конечно, юридическое образование должно быть прогрессивным, развиваться и модернизироваться с учетом потребностей рынка труда.

В настоящий период российское образование на очередном витке реформирования. На основании Указа Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [1] шестью российскими вузами проводится пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования. Он предусматривает следующие уровни высшего образования: базовое высшее образование – срок освоения программы от четырех до шести лет и специализированное высшее образование от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности и (или) профиля подготовки. Аспирантура (адъюнктура) становится третьей ступенью профессионального образования. Она будет готовить научные и научно-практические кадры. Поступить смогут люди с базовым высшим образованием, но со сроком обучения не менее пяти лет или выпускники магистратуры.

Под руководством вице-премьера РФ Д.Н. Чернышенко разрабатывается Стратегия развития образования на период до 2036 года с перспективой до 2040 года. В эту масштабную работу вовлечено более 650 экспертов: представители сферы образования, бизнес-сообществ, институтов развития и органов власти, а также учёные, общественные деятели и родители.

По заявлению министра науки и высшего образования РФ В.Н. Фалькова: «Один из ключевых вызовов для всей системы образования связан с качеством и количеством подготовки соответствующих квалифицированных кадров. Необходимо выстроить работу таким образом, чтобы зазор между системой высшего образования и рынком труда, был минимальным. Это предполагает достаточно серьезные корректировки по профилю образовательных программ вузов, по работе всей инфраструктуры, связанной с государственными образовательными стандартами и необходимостью внесения оперативных изменений. Все эти вопросы мы планируем должным образом учесть в Стратегии» [13]

Документ готовится по поручению Президента России и будет представлен на обсуждение российскому обществу весной 2025 года. Как заявил премьер-министр М.В. Мишустин 19 ноября 2024 года – это будет наш фундаментальный документ. Он определит основные векторы развития образования на ближайшие полтора десятилетия. Пока в России такого документа нет, который бы включал в себя все основные задачи развития образования. Они распределены в других проектах. Например, кроме национального проекта «Образование» существует государственная программа «Развитие образования» с разделом «Стратегические приоритеты в сфере реализации госпрограммы до 2030 года», а также отдельный проект по развитию высшего образования – «Приоритет-2030».

Заключение. В современных условиях российское гуманитарное образование должно быть ориентировано на выполнение следующих задач.

1. В условиях конституционного запрета государственной идеологии в основу системы воспитания и учебно-методической базы вузовского образования должен быть

положен Указ Президента Российской Федерации № 809 в котором изложены те ценности на основе которых должна строиться мировоззренческая часть фундаментальности образования.

2. В готовящейся Стратегии развития образования должны найти отражения основы, дающие направления профессорско-преподавательскому составу, через преподаваемые дисциплины формировать фундаментальную как мировоззренческую, так и профессиональную составляющую.

3. Фундаментальность мировоззрения должна найти место, прежде всего, в общественных и гуманитарных дисциплинах, отбор которых осуществляет самостоятельно каждый вуз и распределяет их таким образом, чтобы они сопровождали студента с первого до завершающего курса обучения.

Современной России нужен активный гражданин-патриот – настроенный на созидание и ориентированный на государственные и семейные интересы. Это те оптимальные условия, которые позволят как в настоящей, так и в ближайшей перспективе не только сохранять, но и развивать российское образование.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»» // URL.: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005 (дата обращения 04.01.2025).

2. Указ Президента РФ от 21.09.2022 N 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_426999/

3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 04.01.2025).

4. *Бондарь Н.С.* Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции и космополические иллюзии // М.: Изд-во «Юрист». 2014. 72 с.

5. Зампред Госдумы Толстой о ЕГЭ: в России не приживаются заимствования с Запада // URL: https://woman.rambler.ru/children/52457062-zampred-gosdumy-tolstoy-o-ege-v-rossii-ne-prizhivayutsya-zaimstvovaniya-s-zapada/ (дата обращения 28.12.2024).

6. Кремль оценил число бежавших от мобилизации россиян в миллион человек // URL: https://dzen.ru/a/YzwxtHL4JxezYbfQ (дата обращения 28.12.2024).

7. *Куксин И.Н., Шухов Ф.Г.* Поправки к Конституции России в фокусе общественных объединений //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 65–69.

8. *Куксин И.Н., Матюхин А.А.* Конституция как основа государственной идеологии: постановка проблемы: статья // Теория государства и права. – 2023. – №4 (33).- С. 137–144.

9. *Куксин И.Н.* О некоторых проблемах юридического образования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Вып. 9. – Курск. гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2014. – С. 67–76.

10. Миссия защиты // Российская газета, 11 декабря 2024.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения 05.01.2025).

12. *Четверикава А.* Яблочко, куда ты? // Российская газета, 2024, 16 декабря.

13. Чернышенко рассказал о разработке Стратегии развития образования // URL.: https://iz.ru/1809699/2024-12-18/chernyshenko-rasskazal-o-razrabotke-strategii-razvitiia-obrazovaniia (дата обращения 04.01.2025).

14. *Эскандеров М., Пляйс Я.* О фундаментальности фундаментально // Российская газета, 16 апреля 2024.

Для цитирования: *Куксин И.Н.* Каким быть российскому высшему образованию?: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2 (43). – С. 107–112.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_107

I.N. Kuksin *

WHAT SHOULD RUSSIAN HIGHER EDUCATION LOOK LIKE?

Annotation. *At the moment, Russian society, among others, has priority tasks – to achieve the demilitarization and denazification of Ukraine and to make the transition to new levels of education. On November 19, 2024, Chairman of the Government of the Russian Federation Mikhail Mishustin held a strategic session on the development of general and vocational education. The session identified approaches to how universities and colleges should organize their activities in order to produce specialists who would best meet the needs of the economy and the social sphere. It was also stated that it was necessary to create a clear system for assessing the quality of education at each of its levels. On December 10, 2024, Russian President Vladimir Putin discussed with members of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights a range of issues that also addressed education issues. Taking into account the severity of this problem, the author points out the accumulated shortcomings in this area and makes a number of proposals for further improvement of legal education and, especially, its ideological orientation.*

Keywords: *education, Council for the Development of Civil Society and Human Rights, youth policy, Unified State Exam, Special Military Operation Strategy for the development of education.*

Introduction. Human Rights Day, which was established in 1950, is celebrated all over the world on December 10. The significance and usefulness of this document for humanity has been confirmed by the entire course of the post-war historical period. And now it has become even more in demand, due to the insecurity of the rights of many peoples of the world. This document proclaims and enshrines the rights of people regardless of race, religion, gender and beliefs.

It is no coincidence that the annual meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights (hereinafter HRC) was held on this day, during which a dialogue took place between representatives of civil society and the State. Opening the Council meeting, Russian President Vladimir Putin outlined a list of issues on the agenda: the protection of the rights of participants in a special military operation, the mechanism for searching for missing persons in a combat zone, school education, problems of the penal enforcement system and the Unified State Exam. The Head of State emphasized that the interests of Russians are a top priority, and the Council for the Development of Civil Society and Human Rights plays a key role in ensuring their rights and freedoms.

Since November 2004, the country's leadership, through the Council for the Development of Civil Society and Human Rights, has been identifying and solving the most pressing problems that concern the vast majority of Russians in order to fully satisfy their interests. Such open cooperation serves as an example of constructive interaction between the State and society. The speeches of the Council members emphasized the role of non-profit organizations [7] as partners of the government in the social sphere. They have become indispensable assistants in the realization of the rights to housing, work, decent pay and a pension.

Analyzing the questions that were raised by the participants of the HRC before the leadership of the country, it can be stated that they concerned a wide variety of areas and, as the President of Russia noted, are related specifically to the interests of Russian citizens. In this regard, the author identified the problem of Russian education as the subject of research, which was raised by the Council members and requires further improvement in the new conditions.

The main part. One of the priority tasks that requires immediate solution is the task of further reforming Russian public and humanitarian education and its quality. The peculiarity of cur-

* **Kuksin Ivan Nikolaevich –** Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Pedagogical University (Moscow). E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru.

rent humanitarian education is that it is closely related to the superstructure, and most importantly, and this is confirmed by the practice of state-building in many countries of the world, social sciences and humanities are most susceptible to revision during social upheavals (be it perestroika, revolution, etc.). Moreover, the new government is developing a certain level of skepticism and underestimation of these sciences in terms of their service to the interests of society and their capabilities. The negative processes that take place in the humanitarian field of Russian education precisely prove these statements. How else can we explain when, with the release of Decree of the President of the Russian Federation dated 09/21/2022 No. 647 "On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation" [2], about a million people fled from Russia to Kazakhstan, Georgia, Finland, Mongolia, Kyrgyzstan, Armenia, Uzbekistan, Tajikistan, Azerbaijan, Turkey, Egypt and the UAE [6]. Admittedly, this is a consequence of the youth and cultural policy, which actually did not exist. There was only an imitation. For more than thirty years of such a policy, negative changes have occurred in a certain part of the youth, which have given rise to lack of spirituality, selfishness, lack of culture, consumerism, disrespect for elders, and bitterness.

A turning point in youth policy came with the start of a Special military operation. There is a tendency for a new, lively and energetic beginning. Today, the first results in the field of patriotic education of the younger generation are already visible. For example, such necessary projects as "Zarnitsa 2.0", "Keepers of Memory", "Movement of the First", "Defenders of the Fatherland", "letters to the front" are gaining momentum in their development. So, our soldiers on the frontline have received more than three million such messages, and in each of them there is support that means a lot to them, warms their souls. And the participants of the Movement of the First call "Life and dignity", "Patriotism", "Goodness and justice", "Creative work", "Strong family", "Mutual assistance and mutual respect", "Unity of the peoples of Russia", "Historical memory", "Service to the Fatherland" their main values.

Important and significant personnel appointments have been made. For example, by his decree, the President of Russia appointed Artur Orlov, a veteran of a special military operation, Hero of Russia, as the new chairman of the board of the Russian Movement of Children and Youth, the Movement of the First. And these are just the first steps that bring new ideas to youth education. If you look at the experience of the USSR youth policy of the 1930s, then it had the main idea – a common Cause. The society of the future, the society of knowledge, service and creation, was being built. As a result, values such as knowledge, creativity, and focus on the future were introduced. Aviation, the depths of the ocean, space, nuclear energy – all this was consolidated by the real achievements of the national economy, science and technology. The author does not call for copying the past, but we cannot ignore the positive things that have happened in the history of our state.

Touching upon the problems of youth, it is impossible not to mention the notorious Unified State Exam (USE) (borrowed from the West), about the necessity or harmfulness of which Russian society has been breaking spears for decades. Despite the fact that almost every session in the State Duma deputies submit bills related to the reform of the Unified State Exam, however, as stated by deputy Peter Tolstoy, "we have not found common approaches to this problem with the government" [5]. Her head, V.A., could not bypass her in his report at the meeting of the HRC. Fadeev is "... the problem of the lack of education of young people who are simply trained in schools for the Unified State Exam" [10]. For persuasiveness, he referred to the data of a survey conducted by VTSIOM on the school curriculum. To the questions "where does the Volga River flow into?", "what does the word "Kuzbass" mean?", "who did Chichikov kill in Gogol's poem "Dead Souls"?" only 18 percent of young people aged 18 to 24 gave the correct answer [10].

It is known that the effectiveness of interaction between individuals and the state directly depends on the state of the national education system. It is through education that the state achieves its main goal – to instill in the citizen's mind the desire and desire to build personal and business relationships based on the principles of equality, dialogue, and mutual respect. Through education, the worldview of young people is formed. In this regard, there is still no clear answer to the question: was it right to ban state ideology (Article 13) when adopting the Constitution of the Russian Federation, "by mindlessly copying Western values that do not correspond to our civiliza-

tional code and historical experience ..." [14]. Based on the incident more than thirty years after the adoption of the Constitution, it can be stated with confidence that this was a deliberate step by the Yeltsin ruling elite, whose interests did not coincide with the national interests of Russia. "She couldn't legitimize in the Basic Law the ideology of plundering the Soviet legacy, building wild capitalism with social stratification" [8, p. 139]. Therefore, it should be recognized that the rejection of state ideology was a big conscious strategic mistake, because no country in the world has a ban on ideology in its constitution.

For the sake of justice, it should be noted that the current leadership of the country is taking concrete measures aimed at partially correcting this situation. So, in 2022, the President of Russia signed Decree No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of traditional Russian spiritual and moral Values" [3]. This fundamental document is the basis for building an educational system with young people and is the educational and methodological base of higher education.

It seems to the author that the next step, most likely in the future, should be the repeal of Article 13 of the Constitution due to its contradiction to state interests. The introduction of Western values into Russian reality has caused not only the loss of ideological guidelines and moral foundations in the minds of young people, but also in a significant part of our adult population. However, the last decade of the 21st century clearly shows that Russia is able to learn from the 90s of the last century. With difficulty, but surely, Russia is freeing itself from the model that the reformers and their patrons of the West have prepared for it, namely, to turn it into an obedient vassal and a resource colony. And this conclusion is confirmed by the military successes that the Russian army demonstrates to us on the battlefield, while achieving the goals of a Special Military Operation.

The current period of development of Russian society strongly dictates the "uprooting" of Western values, which were taken as a model in such a sensitive area as education, including in its basic ideological part. Those who stood at the origins of the "new" policy in this area, starting in the 90s of the last century, "the recognition of the Western model of education laid the foundation for the restructuring of education ..." [9, p.68]. Even then, many prominent lawyers were convincing the public that "... the quality of legal training is, ultimately, a problem of constitutional security."; moreover, it (security) equally concerns both society and the state, as well as each individual. After all, constitutional security is nothing more than a state of protection of the vital interests of the individual, society and the state on the basis of consistent enforcement of the rule of law and a balance of constitutional values" [4, p.28]. This position belongs to Professor N.S. Bondar, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

This approach was also introduced into educational practice, when, for example, those who wanted to receive education within the framework of a master's degree, but who did not have a basic education, i.e. did not possess industry knowledge, were enrolled in the master's program. After all, a master's degree is the next higher–quality step, the development of which is possible only if there is a basic base, which can only be the knowledge of a bachelor of law or a specialist lawyer. In Europe, for example, in France, you cannot enroll in a master's degree in law if you do not have a previous degree in the legal field.

The author shares the opinion of those who claim that "the so-called "competence-based approach to learning" and the Bologna system, the practice of not studying school subjects, but coaching for the Unified State Exam, has borne inedible fruit. The level of culture (especially the humanities), the ability to express their thoughts and assimilate new knowledge among the generation that went to school after 2000 has dropped significantly compared to its predecessors" [12].

It is not the first year that we have been saying that higher education is losing its fundamentals, especially in the field of humanitarian training. And it's as if everyone understands this at all levels. But in practice, the real picture does not change. What does this lead to? And this leads to the fact that the modern student is not accustomed to the knowledge of deep theoretical material. It seems that this is due to the tendency to receive scientific information not from a source, but from the Internet without an attempt at its deep understanding. Take, for example, the field of jurisprudence. This is a complex field of knowledge and requires consistency in mastering its theoretical

part. Due to the lack of fundamentality, most students develop a superficial approach to complex theoretical material. This is especially evident when they prepare and deliver scientific reports at conferences and seminars. The actual meaning of the cited material is not always thoroughly studied by them, due to the lack of general theoretical knowledge, and, accordingly, they find it difficult to give a detailed reasoned interpretation.

The second side of fundamentality includes a philosophical component. It needs to be increased. You can be a high-class professional, but you can also be an anti-patriot. The beginning of a special military operation in Ukraine is the best confirmation of this. It should be agreed that ideological fundamentality is subject to deformation due to the instability of ideological values. For example, graduates of the university of the previous socio-economic system and the current one will differ, and significantly, precisely according to the criterion of ideological fundamentality. Therefore, one of the tasks of Russian higher education is to find and implement effective educational tools through the teaching of humanitarian subjects so that the graduate is a professionally oriented patriot.

A graduate with poorly formed civic and patriotic personality traits is most likely not going to work for the good of the Motherland, take care of the protection and development of his state.

And one more sign of today's student, which also affects the quality of professional knowledge. Many students strive to start practical activities as early as possible. They believe that they are getting good practical experience. It would seem that such an aspiration should only be supported. But everything should be in moderation. It is the beginning of higher education, and this is usually the first and second year, that lays the theoretical foundation for vocational education. "The professional foundations of a future specialist," Russian President Vladimir Putin noted in his address to the Federal Assembly on 29.02.2024 – they are laid in the first courses, where fundamental disciplines are taught" [11]. In practice, combining learning and practical activities leads to missed classes and, ultimately, knowledge gaps. This flaw affects fundamental knowledge. In the future, such a student may not always be able to assess the legality of law enforcement practice and replicates mistakes, taking the path of craft. These issues require reasonable regulation in order not to reduce the quality of theoretical education.

Admittedly, higher education has become much more accessible today, which also does not always play a positive role. Often, students who are not very motivated come to get an education. The university's task in this situation is, of course, to increase motivation, find a balance between theory and practice, make classes more interesting, and involve practicing lawyers in the learning process. Of course, legal education should be progressive, developed and modernized taking into account the needs of the labor market.

At the present time, Russian education is on the next round of reform. Based on Decree of the President of the Russian Federation dated 05/12/2023 No. 343 "On some issues of improving the higher education system" [1], six Russian universities are conducting a pilot project aimed at changing the levels of professional education. It provides for the following levels of higher education: basic higher education – the duration of the program from four to six years and specialized higher education from one to three years, depending on the field of study, specialty and (or) training profile. Postgraduate study (adjunct) is becoming the third stage of professional education. She will train scientific and scientific-practical personnel. People with a basic higher education, but with at least five years of study, or graduates of a master's degree, will be able to enroll.

Under the leadership of Deputy Prime Minister Dmitry Chernyshenko, a strategy for the development of education for the period up to 2036 is being developed with a view to 2040. More than 650 experts are involved in this large-scale work: representatives of the education sector, business communities, development institutions and authorities, as well as scientists, public figures and parents.

According to the statement of the Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation V.N. Falkov: "One of the key challenges for the entire education system is related to the quality and quantity of training of relevant qualified personnel. It is necessary to arrange the work in such a way that the gap between the higher education system and the labor market is minimal.

This implies quite serious adjustments in the profile of educational programs of universities, in the work of the entire infrastructure related to state educational standards and the need for operational changes. We plan to take all these issues into account properly in the Strategy."[13]

The document is being prepared on behalf of the President of Russia and will be submitted for discussion to the Russian society in the spring of 2025. As Prime Minister Mikhail Mishustin stated on November 19, 2024, this will be our fundamental document. It will determine the main vectors of education development for the next decade and a half. So far, there is no such document in Russia that would include all the main tasks of education development. They are distributed in other projects. For example, in addition to the national project "Education", there is a state program "Development of education" with a section "Strategic priorities in the implementation of the state program until 2030", as well as a separate project for the development of higher education – "Priority 2030".

Conclusion. In modern conditions, Russian humanitarian education should be focused on the following tasks.

1. In the context of the constitutional prohibition of state ideology, the system of education and the educational and methodological base of higher education should be based on Decree of the President of the Russian Federation No. 809, which sets out the values on the basis of which the ideological part of fundamental education should be based.

2. The upcoming Strategy for the Development of Education should reflect the foundations that give directions to the teaching staff, through the disciplines taught, to form a fundamental ideological and professional component.

3. The fundamentality of the worldview should find a place, first of all, in the social and humanitarian disciplines, the selection of which is carried out independently by each university and distributes them in such a way that they accompany the student from the first to the final year of study.

Modern Russia needs an active citizen, a patriot, who is determined to create and oriented towards state and family interests. These are the optimal conditions that will allow, both in the present and in the near future, not only to preserve, but also to develop Russian education.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/12/2023 No. 343 "On some issues of improving the higher education system" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005 (accessed 04.01.2025).

2. Decree of the President of the Russian Federation dated 09/21/2022 N 647 "On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/

3. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed 04.01.2025).

4. *Bondar N.S.* Modern landmarks of Russian legal education: national traditions and cosmopolitan illusions // Moscow: Publishing house "Lawyer". 2014. 72 p.

5. Deputy Chairman of the State Duma Tolstoy on the Unified State Exam: borrowings from the West do not take root in Russia // URL.: https://woman.rambler.ru/children/52457062-zampred-gosdumy-tolstoy-o-ege-v-rossii-ne-prizhivayutsya-zaimstvovaniya-s-zapada / (accessed 12/28/2024).

6. The Kremlin estimated the number of Russians fleeing the mobilization at one million people // URL.: https://dzen.ru/a/YzwxtHL4JxezYbfQ (accessed 12/28/2024).

7. *Kuksin I.N., Shukhov F.G.* Amendments to the Constitution of Russia in the focus of public associations // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. No. 5 (120). pp. 65–69.

8. *Kuksin I.N., Matyukhin A.A.* The Constitution as the basis of state ideology: problem statement: article // Theory of the state and law. – 2023. – №4 (33).- Pp. 137–144.

9. *Kuksin I.N.* On some problems of legal education // Historical and legal problems: a new perspective. Issue 9. – Kursk State University. Kursk: KSU, 2014. pp. 67–76.

10. Protection Mission // Rossiyskaya Gazeta, December 11, 2024.
11. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024 // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111 / (accessed 05.01.2025).
12. *Chetverikava A.* Yablochko, where are you going? // Rossiyskaya Gazeta, December 16, 2024.
13. Chernyshenko spoke about the development of an Education Development Strategy // URL: https://iz.ru/1809699/2024-12-18/chernyshenko-rasskazal-o-razrabotke-strategii-razvitiia-obrazovaniia (accessed 04.01.2025).
14. *Eskanderov M., Plais Ya.* It is fundamental about fundamentality // Rossiyskaya Gazeta, April 16, 2024.

For citation: *Kuksin I.N.* What should Russian Higher Education look like?: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2 (43). – Pp. 113–118.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_107

Научная статья

УДК 321.01
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_119

И.А. Лебедев*

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ДОКТРИН ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДЕБНЫХ ДЕЛ

***Аннотация**. В статье рассматривается роль судебных доктрин Верховного Суда Российской Федерации в практике работы нижестоящих судов, автор отстаивает идею необходимости использования судами единых стандартов правотворчества и правоприменения*

***Ключевые слова**: судебная доктрина, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации, источники права, принцип юридического равенства.*

В российской правовой системе главным источником права является позитивное законодательство. Однако нельзя не учитывать то, что подобный подход не предполагает полное отрицание возможности прецедентных начал в праве и не свидетельствует о фактической роли и значении судебной доктрины в правоприменении [10].

Использование судебных доктрин в правоприменительной практике связывают, прежде всего, с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (до его упразднения).

Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, при вынесении судебных актов зачастую не только применяют нормы права, разъясняют закон, разрешают конфликты, но и привносят в существующий правовой порядок новые подходы и, таким образом, выступают в качестве автора судебной доктрины.

Как указано в ст. 126 Конституции Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики [1]. В целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации в порядке конкретизации данной конституционной нормы п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» закрепляет за Пленумом Верховного Суда Российской Федерации полномочие по рассмотрению материалов анализа и обобщения судебной практики и даче судам разъяснений по вопросам судебной практики. Как следует из п. 1 и 7 ч. 1 ст. 7 указанного Федерального конституционного закона Президиум Верховного Суда Российской Федерации уполномочен рассматривать отдельные вопросы судебной практики, утверждая Обзоры судебной практики, которые закрепляют выработанные Верховным Судом Российской Федерации правовые позиции, имеющие, по сути, обязательное значение для нижестоящих судов [7].

Отправной точкой официального появления в рамках правового поля Российской Федерации судебных доктрин следует признать принятие Конституционным Судом России Постановления от 19.01.2017 № 1-П, в котором указано, что одними только законодательными средствами решить проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. В Постановлении также указано, что для российской судебной системы характерно то, что толкование закона высшими судебными органами призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики [3].

* **Лебедев Игорь Андреевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: igorlebedev5@yandex.ru.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации на законодательном уровне наделен полномочиями, реализация которых позволяет ему вырабатывать правовые позиции, имеющие по своей сути доктринальное значение.

Современная судебная практика также свидетельствует о том, что многие судебные акты, в случае если законодательство не предусматривает четкого решения конкретной ситуации, основаны на определенных доктринальных положениях о регулировании соответствующих правоотношений.

Однако в юридической литературе имеют место различные подходы и оценки возможностей высшего судебного органа в лице Верховного Суда Российской Федерации. Например, профессоры В.В. Ершов и В.С. Нерсесянц прямо высказывали точку зрения, согласно которой принятие судебных актов высшего судебного органа в качестве источников права необоснованно. В.С. Нерсесянц пояснял свою научную позицию тем фактом, что российские суды являются правоприменительными государственными органами, обладающими правом лишь применения и толкования применяемых законодательных актов [11].

Член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, профессор В.В. Момотов имеет противоположную позицию, согласно которой судебная практика является полноценным источником российского права. При этом разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не содержат правовых норм, но являются составным элементом так называемого живого права, реальных правоотношений. Такие постановления представляют собой уникальное явление нашей правовой действительности, которое реагирует на динамично развивающиеся законодательство и общественные отношения, способствует повышению правовой определенности и доверия граждан к суду как институту разрешения правовых конфликтов [10].

Для обеспечения единообразия судебной практики, помимо буквы закона и строго очерченных границ судейского усмотрения, судам необходимо опираться на выработанные принципы и идеи. Как справедливо отмечает Е.В. Тарибо, судебную доктрину имеет смысл рассматривать в качестве универсального подхода, принципа, которым пользуются суды при разбирательстве дел определенной категории [12]. Таким образом, судебную доктрину нужно понимать, как правовые позиции, выработанные с учетом правоприменительной практики высших судебных инстанций, на которые судьи должны обращать внимание при разрешении конкретных споров.

Что же касается происхождения и значения судебных доктрин, то вполне можно согласиться, что их появление вызвано определенной пассивностью законодателя.

Судебные доктрины обеспечивают взаимосвязь и взаимное обогащение законодательства, правоприменения и науки. Выработанные судебной доктриной правоположения при этом зачастую используются в законопроектной деятельности с использованием механизма имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации принцип юридического равенства применительно к реализации права на судебную защиту предполагает соблюдение требования, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства [4].

Учитывая изложенное, недопустимым является изменение правовой позиции, выработанной при рассмотрении дел, имеющих схожие обстоятельства. Такой подход способствует установлению единой судебной практики, обеспечивает предсказуемость для сторон

в процессе, создает основу для развития правоприменительной системы в целом, а также обеспечивает достижение конституционно-значимых целей. Формирование единого подхода к рассмотрению аналогичных дел также помогает избежать произвола и обеспечить защиту прав и интересов всех участников судебного процесса.

Противоположный подход может привести к принятию противоположных решений по однотипным делам. Это может привести к дискриминации в отношении прав стороны спора, что противоречит принципу равенства перед законом.

По моему мнению, несмотря на наличие судебных доктрин по множеству важнейших вопросов до сих пор не решена проблема разрозненности наработанной судебной практики, имеющей нормативный характер. Как следствие, множественность и громоздкость судебной практики, ведут к сложностям ее применения, а также снижению эффективности судопроизводства. Учитывая необходимость применения судами единых стандартов правотворчества и правоприменения, российские ученые справедливо полагают, что настало время систематизации разрозненной судебной практики и даже создания единого акта – Государственной правовой доктрины РФ, куда бы вошли нормативные положения итоговых актов судов высших судов.

При определении судебных актов Верховного Суда Российской Федерации, которые можно считать судебным доктринами, предлагаю руководствоваться следующим.

1. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Согласно пункту 5 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации новыми обстоятельствами для пересмотра судебных актов являются в т.ч. определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства [6]. Указанное обстоятельство может служить основанием для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта по правилам главы 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [6].

В пункте 3 части 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации указано, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации [6].

Таким образом, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются обязательным для нижестоящих судов. Правовые позиции упраздненного Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по-прежнему подлежат применению, а также являются обязательными вплоть до их отмены.

2. Иные судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, имеющие свойства окончательности.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 17.10.2017 № 24-П [2] указал, что возможность пересмотра неопределенного числа вступивших в законную силу судебных постановлений по рассмотренным ранее делам – во избежание снижения гарантий судебной защиты, нарушения стабильности определенного судебными постановлениями правового положения субъектов права и, в конечном счете, конституционного принципа законного суда – может быть обусловлена определением (изменением) практики применения правовой нормы при условии, что оно осуществляется такими актами Верховного Суда Российской Федерации, которые обладают свойствами окончательности (т.е. не могут быть отменены или изменены в каком-либо процессуальном порядке) и при-

нимаются входящим в его состав органом, чьи решения отражают правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации в целом.

Таким образом, акты Верховного Суда Российской Федерации, которые обладают свойствами окончательности, также являются обязательными для нижестоящих судов.

Что касается судебных актов Верховного суда Российской Федерации, которые могут быть отменены или изменены, а также информационных писем Верховного Суда Российской Федерации, то они имеют формально рекомендательный характер для судов.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П "По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других" // www.consultant.ru

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П "По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации" // www.consultant.ru

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П "По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 215 и абзаца второго статьи 217 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Барабаша и А.В. Исхакова" // www.consultant.ru

5. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // www.consultant.ru

6. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru

7. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" // www.consultant.ru

8. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) "О Верховном Суде Российской Федерации" // www.consultant.ru

9. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.

10. *Момотов В.В.* О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 3–10.

11. *Нерсесянц В.С.* У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107–112.

12. *Тарибо Е.В.* Судебно-конституционная доктрина "факультативности налоговых льгот": пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. N 2. С. 10–17.

13. *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судейское право: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2017. 447 с.

14. *Мунтян Л.Б., Пугачева Н.Н.* Практика рассмотрения дел, связанных с применением статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с участием таможенных органов // Арбитражные споры. 2016. № 2. С. 5–37.

15. *Хабриева Т.Я.* Доктринальное значение российской Конституции: статья // Журнал российского права. 2009. № 2 (146). С. 34–38.

Для цитирования: *Лебедев И.А.* Роль судебных доктрин Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении судебных дел: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2 (43). – С.119–122.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_119

I.A. Lebedev*

THE ROLE OF JUDICIAL DOCTRINES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONSIDERATION OF JUDICIAL CASES

Annotation*. The article discusses the role of judicial doctrines of the Supreme Court of the Russian Federation in the practice of lower courts, the author advocates the idea of the necessity for courts to use unified standards of legislation and law enforcement.*

Keywords: *judicial doctrine, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation, sources of law, principle of legal equality.*

In the Russian legal system, the main source of law is positive legislation. However, it should not be overlooked that such an approach does not imply a complete denial of the possibility of precedent principles in law and does not reflect the actual role and significance of judicial doctrine in law enforcement [10].

The use of judicial doctrines in law enforcement practice is primarily associated with the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and the Higher Arbitration Court of the Russian Federation (before its abolition).

The Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, when issuing judicial acts, often not only apply legal norms, clarify the law, resolve conflicts, but also introduce new approaches into the existing legal order and thus act as the authors of judicial doctrine.

As stated in Article 126 of the Constitution of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation provides clarifications on issues of judicial practice [1]. In order to ensure the uniform application of the legislation of the Russian Federation, the provision of paragraph 1 of part 3 of Article 5 of the Federal Constitutional Law of February 5, 2014 No. 3-FKZ "On the Supreme Court of the Russian Federation" assigns to the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation the authority to consider materials for the analysis and generalization of judicial practice and to provide courts with clarifications on issues of judicial practice. As follows from paragraphs 1 and 7 of part 1 of Article 7 of the mentioned Federal Constitutional Law, the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation is authorized to consider specific issues of judicial practice, approving Reviews of Judicial Practice, which consolidate the legal positions developed by the Supreme Court of the Russian Federation, which are, in essence, binding for lower courts [7].

The official emergence of judicial doctrines within the legal framework of the Russian Federation can be traced back to the adoption by the Constitutional Court of Russia of the Decision No. 1-P dated January 19, 2017, which states that it is not always possible to address a problem solely through legislative means, thereby underscoring the special role of judicial doctrines. The Decision also notes that it is characteristic of the Russian judicial system that the interpretation of law by the highest judicial bodies is intended to have a significant impact on the formation of judicial practice [3].

Thus, the Supreme Court of the Russian Federation is endowed with powers at the legislative level, the implementation of which allows it to develop legal positions that are of doctrinal significance in essence. Contemporary judicial practice also indicates that many judicial acts, when legislation does not provide a clear resolution for a specific situation, are based on certain doctrinal provisions regarding the regulation of the corresponding legal relations.

However, there are various approaches and assessments in legal literature regarding the capabilities of the highest judicial body, namely the Supreme Court of the Russian Federation. For in-

* **Lebedev Igor Andreevich –** graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: igorlebedev5@yandex.ru.

stance, professors V.V. Yershov and V.S. Nersesyants have explicitly expressed the view that the adoption of judicial acts by the highest judicial body as sources of law is unjustified. V.S. Nersesyants justified his scientific position by stating that Russian courts are law-enforcement state bodies that only have the right to apply and interpret the applicable legislative acts [11].

Conversely, a member of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, Professor V.V. Momotov, holds the opposite view, asserting that judicial practice is a full-fledged source of Russian law. He states that the clarifications contained in the resolutions of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation do not contain legal norms but are a component of what is referred to as living law, reflecting actual legal relations. Such resolutions represent a unique phenomenon of our legal reality, reacting to the dynamically evolving legislation and social relations, thus contributing to an increase in legal certainty and public trust in the court as an institution for resolving legal conflicts [10].

To ensure consistency in judicial practice, in addition to the letter of the law and the strictly delineated boundaries of judicial discretion, courts need to rely on established principles and ideas. As E.V. Taribo rightly points out, judicial doctrine makes sense to be viewed as a universal approach, a principle that courts use when adjudicating cases of a specific category [12]. Thus, judicial doctrine should be understood as legal positions developed in consideration of the law enforcement practices of higher courts, which judges must pay attention to when resolving specific disputes.

As for the origin and significance of judicial doctrines, it is quite reasonable to agree that their emergence is caused by a certain passiveness of the legislator. Judicial doctrines ensure the interconnection and mutual enrichment of legislation, law enforcement, and legal scholarship. The legal positions established by judicial doctrine are often used in legislative activities through the mechanism of implementing the decisions of judicial bodies into the legislation of the Russian Federation.

According to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the principle of legal equality regarding the realization of the right to judicial protection implies compliance with the requirement that similar legal relationships must be regulated in the same manner. In the opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation, any differentiation that leads to differences in the rights of citizens in one sphere or another of legal regulation must comply with the requirements of the Constitution of the Russian Federation, according to which such differences are permissible only if they are objectively justified, substantiated, and serve constitutionally significant goals, and proportional legal means are used to achieve these goals [4].

Considering the above, it is unacceptable to change the legal position developed in the consideration of cases with similar circumstances. Such an approach contributes to the establishment of unified judicial practice, provides predictability for the parties in the process, creates a foundation for the development of the law enforcement system as a whole, and ensures the achievement of constitutionally significant goals. The formation of a unified approach to the consideration of similar cases also helps to avoid arbitrariness and ensures the protection of the rights and interests of all participants in the judicial process.

An opposite approach could lead to conflicting decisions in similar cases. This could result in discrimination against the rights of one party in the dispute, which contradicts the principle of equality before the law.

In our opinion, despite the existence of judicial doctrines on numerous important issues, the problem of fragmentation in the accumulated judicial practice, which has a regulatory character, remains unresolved. As a consequence, the multiplicity and complexity of judicial practice lead to difficulties in its application and a reduction in the effectiveness of judicial proceedings. Considering the necessity for courts to apply uniform standards of legislation and law enforcement, Russian scholars rightly believe that the time has come to systematize the fragmented judicial practice and even to create a unified act – the State Legal Doctrine of the Russian Federation, which would include normative provisions from the final acts of higher courts.

In determining the judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation that can be considered judicial doctrines, I suggest the following guidelines.

1. Resolutions of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation.

According to paragraph 5 of part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, new circumstances for the review of court decisions include the determination or change in the resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation or in the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the application of a legal norm if the respective act of the Supreme Court of the Russian Federation contains a reference to the possibility of reviewing enforceable court decisions due to this circumstance [6]. This circumstance may serve as grounds for reviewing an enforceable court decision according to the rules of Chapter 37 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation [6].

Paragraph 3 of part 4 of Article 170 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation states that the reasoning part of the decision may include references to the resolutions of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation and the resolutions of the Plenary Session of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on issues of judicial practice, as well as to the resolutions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the resolutions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation that remain in force [6].

Thus, the resolutions of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation are binding for lower courts. The legal positions of the abolished Supreme Arbitration Court of the Russian Federation continue to be applicable and mandatory until they are revoked.

2. Other court acts of the Supreme Court of the Russian Federation that possess the properties of finality.

The Constitutional Court of the Russian Federation in its Resolution dated October 17, 2017, No. 24-P [2] indicated that the possibility of reviewing an indefinite number of enforceable judicial decisions concerning previously considered cases– to avoid reducing guarantees of judicial protection, disturbing the stability of the legal situation of legal subjects determined by court decisions, and ultimately, the constitutional principle of a lawful court–may be conditioned by the determination (or change) of the practice of applying a legal norm, provided that it is carried out by acts of the Supreme Court of the Russian Federation that possess the properties of finality (i.e., cannot be revoked or changed in any procedural manner) and are adopted by a body that is part of it, whose decisions reflect the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation as a whole.

Thus, acts of the Supreme Court of the Russian Federation that possess the properties of finality are also binding for lower courts.

As for court acts of the Supreme Court of the Russian Federation that can be revoked or changed, as well as informational letters of the Supreme Court of the Russian Federation, they have a formally recommendatory nature for the courts.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide voting on December 12, 1993, with amendments approved in a nationwide vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru

2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 17, 2017, No. 24-P "On the case of checking the constitutionality of paragraph 5 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints by citizens D.A. Abramov, V.A. Vetlugayev, and others" // www.consultant.ru

3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 19, 2017, No. 1-P "On the case of addressing the question of the possibility of enforcing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the ruling of the European Court of Human Rights of July 31, 2014, in the case of 'OAO Oil Company Yukos v. Russia' in connection with the request from the Ministry of Justice of the Russian Federation" // www.consultant.ru

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 1, 2012, No. 5-P "On the case of checking the constitutionality of the second paragraph of Article 215 and the second paragraph of Ar-

ticle 217 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints by citizens D.V. Barabash and A.V. Iskhakov" // www.consultant.ru

5. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // www.consultant.ru

6. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on August 8, 2024) // www.consultant.ru

7. Federal Constitutional Law dated July 21, 1994, No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // www.consultant.ru

8. Federal Constitutional Law dated February 5, 2014, No. 3-FKZ (as amended on July 14, 2022) "On the Supreme Court of the Russian Federation" // www.consultant.ru

9. *Komarov S.A.* General Theory of State and Law: Textbook for universities / S.A. Komarov. – 10th ed., revised and expanded. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 528 p.

10. *Momotov V.V.* On the influence of judicial practice on the development of Russian legislation: the Russian experience in historical retrospective // Russian Justice. 2022. No. 9. Pp. 3–10.

11. *Nersesyan V.S.* Russian courts do not have legislative powers // Judicial practice as a source of law. Moscow, 2000. Pp. 107–112.

12. *Taribo E.V.* Judicial-constitutional doctrine of "the discretion of tax benefits": limits of application // Journal of Constitutional Justice. 2003. No. 2. Pp. 10–17.

13. *Marchenko M.N.* Judicial lawmaking and judicial law: teaching aid. 2nd ed. Moscow, 2017. 447 p.

14. *Muntian L.B., Pugacheva N.N.* Practice of considering cases related to the application of Article 16.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, with the participation of customs authorities // Arbitration Disputes. 2016. No. 2. Pp. 5–37.

15. *Khabrieva T.Y.* Doctrinal significance of the Russian Constitution: article // Journal of Russian Law. 2009. No. 2 (146). Pp. 34–38.

For citation*: Lebedev I.A.* The Role of Judicial Doctrines of the Supreme Court of the Russian Federation in the Consideration of Judicial Cases: article // Theory of State and Law. – 2025. – No. 2 (43). – Pp. 123–126.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_119

Научная статья

УДК 321.01
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_127

Ю.С. Левшукова*

НИВЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье исследуется влияние информационного общества на экономическую функцию государства в России. Анализируются риски и возможности, связанные с цифровизацией экономики. Оценивается роль государства в формировании благоприятных условий для экономического роста в условиях информационного общества. Рассматривается влияние рисков кибератак на важную инфраструктуру и экономические потери. Автор считает, что эффективная кибербезопасность влияет на экономическую функцию государства.*

Ключевые слова: *информационное общество, экономическая функция, государство, информационная безопасность, стратегия развития информационного общества, правовая основа.*

В период непрерывного цифрового развития и нестабильности мировой экономики уместны теоретические и практические вопросы экономической безопасности в сфере информационного общества, определения угроз и оценки рисков которые могут повлиять на реализацию экономической функции государства, а также совершенствование аспектов управления кибербезопасностью в цифровой среде для положительной динамики направления деятельности в сфере экономики.

Понятие «информационное общество» формировалось постепенно и широко распространялось во второй половине 1960-х гг. Данное время было в преддверии информационного развития. Рост и развитие постоянно движущей информации в обществе, возросло в несколько раз. После появился закон увеличения информации. Закон представляет стремительное развитие изобилия информации, вследствие чего стало возможно говорить об «информационном взрыве». Информационный взрыв – это быстрое увеличение объема публикуемой информации или данных и последствий этого изобилия [1]. Человек не способен справиться с большим количеством потоком информации, для этого используются безопасные средства обработки, использования и хранения информации.

Экспрессивное ускорение глобальных информационных процессов в начале XXI в. и их воздействие на мировое развитие, а также международное информационное влияние при формировании единого информационного пространства в условиях глобализации, подталкивают по другому взглянуть на развитие современных направлений, проблем этого процесса и на создание правовых основ глобального информационного общества.

В процессе сложившейся политической системы одним из основных международных принципов, который регулируют наиболее основные для данного этапа цивилизации межгосударственные отношения, представляет собой принцип уважения прав, свобод и интере-

* **Левшукова Юлия Сергеевна,** адъюнкт факультета подготовки научно – педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань). Http://orcid.org/0009-0003-8108-6714. E-mail: kuprina_93@bk.ru.

Научный руководитель - **Воробьев Сергей Михайлович**, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

сов человека. Потребность личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность. Информационный (голод) и сопряженное с ним состояние неясности в окружающей действительности становятся главным диссонансом между потенциально доступным объемом информации и реальными возможностями человека ее переработать и осмыслить. Ввиду этого имеется актуальная необходимость в формировании и образовании информационного общества.

Для перехода к информационному обществу необходимо обучить человека к восприятию и совершенствованию обширных объемов информации, овладению им современными средствами, методами и технологией работы. Современные условия работы создают зависимость информированности одного человека от информации, приобретенной социумом.

Информационное общество отличается от традиционного, в котором преобладает промышленность тем, что информация, знания, информационные услуги и все направления, связанные с их представлением (телекоммуникационная, компьютерная, телевизионная), развиваются более стремительными темпами, являются источником новых рабочих мест, господствует в экономическом развитии.

Понятие «информационное общество» впервые появилось в Японии. Первый исследователь, который пытался обосновать концепцию информационного общества, являлся японский профессор Йоней Масуда, автор работы «Информационное общество как постиндустриальное общество» [2]. Он рассматривал общество главным образом в экономическом аспекте и с точки зрения классического технологического детерминизма, согласно которому современные технологии должны приводить к эффективным социальным преобразованиям. Данное общество, где в обилие распространяется большая по качеству информация, а также имеются необходимые средства для ее сбережения, распределения и использования. Довольно стремительно распространяется информация по запросам заинтересованных людей и организаций, после чего предоставляются им данные в привычной для них форме.

Рассмотрим более подробно, что понимается под информационным обществом. По мнению исследователя Нисневича Ю. А., который полагает верным определение информационного общества как общества, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни зависят от научного знания и способа эксплуатации информации [3, с. 27].

Следовательно, служит фундаментом информационного общества, производством информации, которая и становится основной его ценностью.

Акцентируя внимание на критерии, по которым можно рассуждать об отражениях информационного общества, в политической сфере основой выделяется свобода информации, которая способствует демократизации и нивелированию слоев населения.

Нисневич Ю. А. определяет информационное общество новым типом демократического общества, фундаментом которого считается свобода информации, которая может быть обеспечена со временем прогрессивными технологиями в сфере коммуникаций [4, с. 223].

Смолян Г. Л. и, Черешкин Д. С. рассматривая признаки информационного общества, в большей степени обращают внимание на технологические и экономические вопросы, констатируя неизбежность кардинальных изменений экономики ввиду возникновения в производстве и на рынке нового объекта – информации и знаний, масштабное использование информационных технологий в области коммуникаций. Эффективность формирования информационного общества в конкретном государстве исследователи связывают с уровнем развития экономики и политикой правительства в области регулирования информационного рынка, а также процессов информатизации в целом. По мнению авторов, информационный прогресс влечет за собой значительные изменения в мировой экономике, основное из

которых – превращение информации в экономическую категорию, рост ее социальной и экономической значимости в жизни граждан [5, с. 10].

Соответственно предметом общественного потребления является информация, которая положительно влияет на эффективное развитие в экономической сфере социума. Для диагностики информационного общества, и на какие сферы оно влияет благоприятно, следует рассмотреть признаки информационного общества.

В концепции ученых информационного общества Г.Л. Смоляна и Д.С. Черешкина основными его признакам являются:

– формирование единого информационного пространства и углубление процессов информационной и экономической интеграции стран и народов;

– становление и в дальнейшем доминирование в экономике стран, наиболее далеко продвинувшихся на пути к информационному обществу, новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании сетевых информационных технологий, перспективных средств вычислительной техники и телекоммуникаций;

– повышение уровня образования за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как основных характеристик услуг труда [6].

Важным отличием информационного общества от других обществ, в том, что роль информации в социуме постоянно находится в растущем состояние и основным ресурсом является именно информационные сектора. Темпы продвижения информации занимают лидирующее место по самым быстрорастущим потокам информации.

Особое внимание в данной концепции уделяется вопросам информационной безопасности личности, общества и государства и создания эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации. В перечисленных признаках «информационного общества» предоставлена только количественная сторона текущих изменений. Но более значимым является качественный скачок во взаимосвязи информационного общества и человека с окружающим его средой, возникновение качественно новых массовых коммуникаций, в особенности экономических.

Химченко А.И. рассматривает в диссертационном исследовании, определение понятия информационного общества в условиях глобализации, отмечает такое общество как гражданское, социально-демократическое, основанное на верховенстве права и обеспечении международной информационной безопасности [7, с. 53].

По мнению автора, формирование информационного общества возможно исключительно на правовой основе, особое значение имеет обеспечение верховенства права в демократическом государстве.

Алгоритм развития информационного общества определен в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017- 2030 годы (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента № 203 от 9 мая 2017 года [8], в которой установлены цели и задачи, направленные на развитие информационного общества.

Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденные Президентом Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных и коммуникационных технологий в Российской Федерации [8].

Информационное общество, как и любая другая сфера, имеет не только положительное отражение, но и вероятность рисков для экономической функции государства. Рассмотрим, к каким рискам данное общество может привести. Например, информационные атаки, информационная травля, это стало реальностью, которой очень трудно

противостоять и не только в силу наличия необходимых для этого технических возможностей, отработанных и усовершенствованных технологий и практик, существующих вне правового поля.

К значимым внешним угрозам безопасного бизнеса относятся кризисные явления в мировой экономике и политика санкций, неблагоприятная экономическая политика государства, недобросовестная конкуренция, а также переход к новому технологическому укладу и цифровой трансформации экономики и общества, создающий новые цифровые угрозы и риски [9].

Для безопасности от внешних и внутренних рисков необходимо учитывать текущие процессы цифрового развития и формирование единого информационного пространства и устанавливать мощную систему обеспечения кибербезопасности государства.

Также следует учитывать, что применение высокотехнологичных технологий, являющееся фактором развития экономики и совершенствования функционирования, общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы и риски [10].

Как один из примеров это компьютерная преступность, риски увеличиваются с помощью открытого доступа в сети интернет. В нем содержится много разнообразных данных, и они могут быть использованы мошенниками в кредитно-финансовых целях. Последствия выражаются в увеличении числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека при обработке персональных данных. Поэтому трудно быть уязвимым человеком перед глобальной сетью, в которой содержится переполненный доступ к индивидуальной информации. Но следует понимать, что имеется угроза не только для человека, но и в целом для государства. Поэтому самой основной задачей экономической безопасности, является прогнозирование угроз и рисков, для реализации, которой необходим постоянный контроль и умение быстро урегулировать и владеть ситуацией.

Крупные и малые организации часто сталкиваются с серьезными угрозами в цифровой среде, что отражается на их экономической безопасности. Если рассматривать с экономической точки зрения, то данные угрозы могут влиять на репутацию организаций, финансовую составляющую, приносить ущерб их конкурентоспособности, ослабляя их инновационные усилия и позиции на рынке. Опасности подвергаются доступность, целостность или конфиденциальность информационных систем, на которых основана экономическая деятельность. Кроме того, одной из проблем информационной и экономической безопасности страны является утечка не только секретной государственной информации, но и корпоративной, в первую очередь представленной уникальными техническими данными, необходимыми для разработки, производства, поставки и использования продуктов или услуг. Наряду со значительными преимуществами, информационные технологии приносят проблемы, связанные с электронным управлением информационной безопасностью. Таким образом, эффективное управление безопасностью персональных данных граждан, размещенных в компьютерных сетях, стало стратегическим вопросом государственной политики для экономики государства.

Государство встречается с большим количеством рисков, сопряженных с ростом террористических, радикальных, экстремистских и преступных организаций, ослаблением международных институтов, стремлением ряда стран укрепить свое положение в политической, экономической и социальной сфере, внутриполитической нестабильностью, социальным неравенством, влиянием транснациональных корпораций на международные связи и политическую деятельность. Данные проблемы увеличиваются на фоне цифровизации, глобализации и всё ещё высокой зависимости от зарубежных IT-систем и программ. Поэтому не поражают попытки разных внешних и внутренних источников получить доступ и оказать отрицательное воздействие на один из ключевых и стратегических ресурсов России – информацию, для дальнейшего использования в своих интересах, препятствовать стабильности информационно-коммуникационной инфраструктуры и оказать максимально разрушительное воздействие на государственный аппарат и общество.

Следует учесть факт того, что кибербезопасность и экономическая стабильность в государстве взаимосвязанные отрасли. Постоянно развивающиеся информационные технологии во всех сферах жизни эффективно стимулируют новый скачок роста экономической деятельности, но и порождают новые угрозы. Разнообразные атаки в сети Интернета могут привести к значимым финансовым потерям, нарушению операционной деятельности и подорвать доверие к цифровой экономике в целом. Соответственно кибербезопасность должна действовать и предотвращать данного рода преступления.

Анализируя вышесказанное подведем итог, того как кибербезопасность влияет на экономическую функцию государства. Она является неотъемлемой частью экономической функции государства в информационном обществе. Кибербезопасность защищает важную инфраструктуру, способствует доверию к цифровым технологиям и создает условия для экономического роста. Следует понимать, что без кибербезопасности, государство будет подвержено риску многочисленных кибератак, которые приводят к значительным экономическим потерям, нарушению работы основных функций и подрыву доверия к экономической системе. Инвестиции в кибербезопасность позволяют государству защищать экономику от киберугроз, способствуя росту и стабильности. Что формирует благоприятную среду для инноваций, предпринимательства и конкурентоспособности на мировом рынке. Кроме того, качестенные меры по увеличению кибербезопасности повышают доверие к цифровым транзакциям и услугам, облегчая экономическую деятельность и стимулируя экономический рост.

Кибербезопасность играет решающую роль в защите экономической функции государства в информационном обществе. Инвестируя в кибербезопасность, государство может создавать безопасную и надежную цифровую среду, которая поддерживает эффективный экономический рост, инновации и общее благосостояние социума.

Библиографический список

1. Цифровые технологии и социальные изменения [Открытый онлайн-курс в Калифорнийском университете] [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://canvas.instructure.com/courses/949415 (дата обращения 26.09.2024).

2. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society: Monograph. Washington: World Future Society, 1981. 171 p.

3. *Нисневич Ю.А.* Информация и власть / Ю.А. Нисневич. – М.: Мысль, 2000. – 175 с.

4. *Нисневич Ю.А.* Информационная политика России: проблемы и перспективы / Ю.А. Нисневич. – М.: Ноосфера, 1998. – 351 с.

5. *Черешкин Д.С., Смолян Г.Л.* О формировании информационного общества в России / Д.С. Черешкин, Г.Л. Смолян // Информационное общество. – 1998. – № 6. – С. 8–13.

6. Концепция государственной информационной политики Российской Федерации от 21.12.1998 г. // URL: http://www.nbuv.gov.ua/law/98rugip.html (дата обращения: 26.09.2024).

7. *Химченко А.И.* Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. .... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Химченко Алексей Игоревич. М., 2014. – 174 с.

8. Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, утверждена Указом Президента РФ от 10 мая 2017 года №203 // СПС «КонсультатПлюс» (дата обращения 27.09.2024).

9. *Писаренко А.О.* Экономическая безопасность в России: современное состояние, угрозы и перспективы развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 5. – С. 927–940.

10. Экономическая безопасность России в новой реальности: Коллективная монография / под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой, М.Ю. Льва. – М.: ИЭ РАН, 2021. – 325 с.

Для цитирования: *Левшукова Ю.С.* Нивелирование экономической функции государства в условиях действия российского информационного общества : статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 127–131.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_127

Y.S. Levshukova*

LEVELING THE ECONOMIC FUNCTION OF THE STATE IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN INFORMATION SOCIETY

Annotation. *The article examines the influence of the information society on the economic function of the state in Russia. The risks and opportunities associated with the digitalization of the economy are analyzed. The role of the state in creating favorable conditions for economic growth in the information society is assessed. The impact of cyberattack risks on important infrastructure and economic losses is considered. The author believes that effective cybersecurity affects the economic function of the state.*

Keywords: *information society, economic function, state, information security, information society development strategy, legal framework.*

In the period of continuous digital development and instability of the global economy, theoretical and practical issues of economic security in the information society, identification of threats and assessment of risks that may affect the implementation of the economic function of the state, as well as improving aspects of cybersecurity management in the digital environment are relevant for the positive dynamics of economic activity.

The concept of "information society" was formed gradually and was widely spread in the second half of the 1960s. This time was on the eve of information development. The growth and development of constantly moving information in society has increased several times. After that, the law of increasing information appeared. The law represents the rapid development of an abundance of information, as a result of which it became possible to talk about an "information explosion." An information explosion is a rapid increase in the volume of published information or data and the consequences of this abundance [1]. A person is unable to cope with a large amount of information flow, and secure means of processing, using, and storing information are used for this purpose.

The expressive acceleration of global information processes at the beginning of the 21st century and their impact on global development, as well as international information influence in the formation of a unified information space in the context of globalization, push us to take a different look at the development of modern trends, the problems of this process and the creation of the legal foundations of the global information society.

In the process of the established political system, one of the main international principles that govern the most basic interstate relations for this stage of civilization is the principle of respect for human rights, freedoms and interests. The need of an individual in the information sphere is to realize the constitutional rights of a person and citizen to access information, to use information in the interests of carrying out activities not prohibited by law, physical, spiritual and intellectual development, as well as to protect information that ensures personal security. Information (hunger) and the associated state of ambiguity in the surrounding reality become the main dissonance between the potentially available amount of information and the real possibilities of a person to process and comprehend it. In view of this, there is an urgent need for the formation and education of an information society.

For the transition to the information society, it is necessary to train a person to perceive and improve vast amounts of information, to master modern means, methods and technology of work. Modern working conditions create the dependence of one person's awareness on information acquired by society.

* **Levshukova Yulia Sergeevna**, Associate Professor at the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan). Http://orcid.org/0009-0003-8108-6714. E-mail: kuprina_93@bk.ru.

The scientific supervisor is **Vorobyov Sergey Mikhailovich**, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan). E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

The information society differs from the traditional one, which is dominated by industry, in that information, knowledge, information services and all areas related to their presentation (telecommunications, computer, television) are developing more rapidly, are a source of new jobs, and dominate economic development.

The concept of "information society" first appeared in Japan. The first researcher who tried to substantiate the concept of the information society was Japanese Professor Yoney Masuda, author of the work "Information Society as a post-industrial Society" [2]. He considered society mainly from an economic perspective and from the point of view of classical technological determinism, according to which modern technologies should lead to effective social transformations. This is a society where high-quality information is distributed in abundance, and the necessary funds are available for its conservation, distribution and use. Information is rapidly spreading at the request of interested people and organizations, after which data is provided to them in their usual form.

Let's take a closer look at what is meant by the information society. According to researcher Nisnevich Yu.A., who believes that the definition of the information society as a society in which economic development, social changes, quality and lifestyle depend on scientific knowledge and the way information is exploited is correct [3, p. 27].

Therefore, it serves as the foundation of the information society, the production of information, which becomes its main value.

Focusing on the criteria by which one can talk about the reflections of the information society, freedom of information is highlighted in the political sphere, which contributes to the democratization and leveling of segments of the population.

Nisnevich Yu.A. defines the information society as a new type of democratic society, the foundation of which is freedom of information, which can be provided over time by progressive technologies in the field of communications [4, p. 223].

Smolyan G. L. and Chereshkin D. S. considering the signs of the information society, they pay more attention to technological and economic issues, stating the inevitability of drastic changes in the economy due to the emergence of a new object in production and on the market – information and knowledge, the large-scale use of information technologies in the field of communications. Researchers associate the effectiveness of the formation of an information society in a particular state with the level of economic development and government policy in the field of regulating the information market, as well as informatization processes in general. According to the authors, information progress entails significant changes in the global economy, the main of which is the transformation of information into an economic category, the growth of its social and economic importance in the lives of citizens [5, p. 10].

Accordingly, the subject of public consumption is information that has a positive impact on effective development in the economic sphere of society. To diagnose the information society, and which areas it favorably affects, it is necessary to consider the signs of the information society.

In the concept of the information society scientists G.L. Smolyan and D.S. Chereshkin, its main features are:

– the formation of a unified information space and the deepening of the processes of information and economic integration of countries and peoples;

– the formation and further dominance of new technological structures in the economies of the countries that have advanced the most towards the information society, based on the massive use of network information technologies, advanced computing and telecommunications;

– improving the level of education by expanding the capabilities of information exchange systems at the international, national and regional levels and, accordingly, increasing the role of qualifications, professionalism and creative abilities as the main characteristics of labor services [6].

An important difference between the information society and other societies is that the role of information in society is constantly growing, and the information sector is the main resource. The pace of information promotion is leading in terms of the fastest growing information flows.

Special attention in this concept is paid to the issues of information security of the individual, society and the state and the creation of an effective system to ensure the rights of citizens and social institutions to freely receive, disseminate and use information. The listed features of the "in-

formation society" provide only the quantitative side of current changes. But more significant is the qualitative leap in the interrelation of the information society and man with his environment, the emergence of qualitatively new mass communications, especially economic ones.

Himchenko A.I. considers in his dissertation research the definition of the concept of information society in the context of globalization, notes such a society as civil, socially democratic, based on the rule of law and ensuring international information security [7, p. 53].

According to the author, the formation of an information society is possible solely on a legal basis, ensuring the rule of law in a democratic state is of particular importance.

The algorithm for the development of the information society is defined in the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 (hereinafter referred to as the Strategy), approved by Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017 [8], which sets goals and objectives aimed at the development of the information society.

The legal basis of this Strategy is the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation", other federal laws, the National Security Strategy of the Russian Federation and the Information Security Doctrine of the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation, and other regulatory legal acts of the Russian Federation defining the areas of application information and communication technologies in the Russian Federation [8].

The information society, like any other sphere, has not only a positive reflection, but also the likelihood of risks to the economic function of the state. Let's consider what risks this society can lead to. For example, information attacks, information harassment, this has become a reality that is very difficult to resist, and not only because of the necessary technical capabilities, proven and improved technologies and practices that exist outside the legal framework.

Significant external threats to safe business include crisis phenomena in the global economy and the policy of sanctions, unfavorable economic policy of the state, unfair competition, as well as the transition to a new technological order and digital transformation of the economy and society, creating new digital threats and risks [9].

For security against external and internal risks, it is necessary to take into account the current processes of digital development and the formation of a unified information space and establish a powerful system to ensure the cybersecurity of the state.

It should also be borne in mind that the use of high-tech technologies, which is a factor in the development of the economy and improving the functioning of public and state institutions, simultaneously generates new information threats and risks [10].

As one example, computer crime, the risks are increased by open access to the Internet. It contains a lot of diverse data, and they can be used by fraudsters for credit and financial purposes. The consequences are expressed in an increase in the number of crimes related to the violation of constitutional human rights and freedoms in the processing of personal data. Therefore, it is difficult to be a vulnerable person in front of a global network that contains overflowing access to individual information. But it should be understood that there is a threat not only to humans, but also to the state as a whole. Therefore, the most basic task of economic security is to predict threats and risks, which requires constant monitoring and the ability to quickly resolve and manage the situation.

Large and small organizations often face serious threats in the digital environment, which affects their economic security. Viewed from an economic point of view, these threats can affect the reputation of organizations, the financial component, and damage their competitiveness, weakening their innovation efforts and market positions. The accessibility, integrity, or confidentiality of the information systems on which economic activity is based is at risk. In addition, one of the problems of the country's information and economic security is the leakage of not only secret government information, but also corporate information, primarily represented by unique technical data necessary for the development, production, supply and use of products or services. Along with significant advantages, information technology brings challenges related to electronic information security management. Thus, effective management of the security of citizens' personal data posted on computer networks has become a strategic public policy issue for the state's economy.

The state faces a large number of risks associated with the growth of terrorist, radical, extremist and criminal organizations, the weakening of international institutions, the desire of a number of countries to strengthen their position in the political, economic and social spheres, internal political instability, social inequality, the influence of multinational corporations on international relations and political activities. These problems are increasing against the background of digitalization, globalization and still high dependence on foreign IT systems and programs. Therefore, attempts by various external and internal sources to gain access to and adversely affect one of Russia's key and strategic resources, information, for further use in their interests, to hinder the stability of the information and communication infrastructure and to have the most destructive impact on the state apparatus and society, are not surprising.

It should be taken into account that cybersecurity and economic stability in the state are interrelated industries. Constantly developing information technologies in all spheres of life effectively stimulate a new surge in economic activity, but also generate new threats. Various attacks on the Internet can lead to significant financial losses, disruption of operational activities and undermine confidence in the digital economy as a whole. Accordingly, cybersecurity must act and prevent this type of crime.

Analyzing the above, let's summarize how cybersecurity affects the economic function of the state. It is an integral part of the economic function of the state in the information society. Cybersecurity protects important infrastructure, promotes trust in digital technologies, and creates conditions for economic growth. It should be understood that without cybersecurity, the state will be at risk of numerous cyber attacks that lead to significant economic losses, disruption of basic functions and undermine confidence in the economic system. Investments in cybersecurity allow the government to protect the economy from cyber threats, contributing to growth and stability. This creates a favorable environment for innovation, entrepreneurship and competitiveness in the global market. In addition, quality measures to increase cybersecurity increase trust in digital transactions and services, facilitating economic activity and stimulating economic growth.

Cybersecurity plays a crucial role in protecting the economic function of the state in the information society. By investing in cybersecurity, the state can create a secure and reliable digital environment that supports effective economic growth, innovation, and the general well-being of society.

Bibliographic list

1. Digital technologies and social changes [Open online course at the University of California] [Electronic resource]. Access mode: URL: https://canvas.instructure.com/courses/949415 (accessed 09/26/2024).

2. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society: Monograph. Washington: World Future Society, 1981. 171 p.

3. *Nisnevich Yu.A.* Information and power / Yu.A. Nisnevich. – M.: Mysl, 2000. – 175 p.

4. *Nisnevich Yu.A.* Information policy of Russia: problems and prospects / Yu.A. Nisnevich. – M.: Noosphere, 1998. – 351 p.

5. *Chereshkin D.S., Smolyan G.L.* On the formation of the information society in Russia / D.S. Chereshkin, G.L. Smolyan // Information Society. – 1998. – No. 6. – C. 8–13.

6. The Concept of the state information policy of the Russian Federation dated December 21, 1998 // URL: http://www.nbuv.gov.ua/law/98rugip.html (date of reference: 09/26/2024).

7. *Khimchenko A.I.* Information society: legal problems in the context of globalization: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.13 / Himchenko Alexey I. M., 2014. – 174 p.

8. Information Society Development Strategy for 2017–2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 10, 2017 // SPS Consultatplus (accessed 09/27/2024).

9. *Pisarenko A.O.* Economic security in Russia: current state, threats and development prospects // National interests: priorities and security. – 2018. – Vol. 14. – No. 5. – pp. 927–940.

10. Economic security of Russia in the new reality: A collective monograph / under the general editorship of A.E. Gorodetsky, I.V. Karavaeva, M.Y. Lev. – M.: IE RAS, 2021. – 325 p.

For citation: *Levshukova Yu.S.* Leveling the Economic Function of the State in the Context of the Russian Information Society : an Article // Theory of the State and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 132–135.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_127

Научная статья

УДК 3.340.155
ББК 63.3(2)5
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_136

Д.В. Ливенцев*

ПОГРЕБЕНИЕ НАСЛЕДНИКА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА В 1899 Г. И ЕГО РОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ

Аннотация. *Статья рассматривает религиозный ритуал погребения в 1899 г. наследника и великого князя Георгия Александровича. Церковный обряд похорон члена императорской фамилии утверждался действующим императором и был достаточно четко регламентирован. Практически похороны великого князя занимали важное место в государственно-правовом статусе российской правящей династии. Рождение смерть члена русского императорского дома представляли собой государственное событие в дореволюционной России. Поэтому похороны наследника и великого князя Георгия Александровича являлись не только семейным делом правящего дома Романовых, но и мероприятием государственного уровня.*

Ключевые слова: *погребение великого князя, наследник цесаревич, Петр Великий, государственно-правовой статус, император Александр III, императорская фамилия, великий князь Сергий Александрович, Российская Империя, император Александра I, религиозный обряд, великий князь Михаила Николаевич, императрица Елизавета Алексеевна, правящая династия, великий князь Николай Александрович, император Николай II.*

Погребение императора или великого князя исторически было одной из составляющих государственно-правового статуса российской правящей династии [9]. Представители императорской династии в Российской Империи находились в особом правовом режиме [7]. Отсюда, похороны императора или великого князя являлись государственным делом [8]. Погребение императора, императрицы или любого другого представителя российской правящей династии становилось причиной траура не только для придворных, но и для всех подданных.

Известны утвержденные на государственном уровне церемонии погребения императора Петра Великого [12], императрицы Елизаветы Алексеевны [14], генерал-фельдмаршала и великого князя Михаила Николаевича [3], великого князя Сергия Александровича [5], великого князя Константина Константиновича [2], императора Александра I [13], цесаревича и великого князя Николая Александровича [11].

Например, 28 июня 1899 г. (дата по старому стилю – Авт.) от туберкулеза в местечке Абастумани на Кавказе умер великий князь Георгий Александрович, бывший вторым сыном императора Александра III [1, с. 15]. На момент смерти великий князь Георгий Александрович считался цесаревичем, т.к. у императора Николая II в то время не было еще наследника. Сразу же после получения информации о кончине брата император Николай II объявляет при дворе траур для придворных, относящихся к первым пяти классам «Табели о рангах» – статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерены, фрейлины и т.д. [1, с. 16]

После чего, император Николай II издает высочайший манифест для российских подданных с сообщением о смерти цесаревича и великого князя Георгия Александровича [6].

* **Ливенцев Дмитрий Вячеславович** – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I. E-mail: liva2006@yandex.ru.

Затем Николай II лично утверждает, составленный министром императорского двора бароном В.Б. Фредериксом, траурный церемониал доставки тела великого князя Георгия Александровича из кавказского Абастумани в столичный Санкт-Петербург с последующим погребением в Петропавловском соборе.

Путь тела великого князя Георгия Александровича был тщательно продуман. Вначале его перевозили из Абастумани в Боржом на траурной колеснице. Далее следовал траурный железнодорожный поезд в Батуми. Эстафету подхватывал броненосец «Георгий Победоносец», который следовал с телом великого князя по Черному морю из Батуми в Новороссийск. Затем из Новороссийска еще один траурный поезд отправлялся с усопшим в Санкт-Петербург [2, с. 20].

По всему пути следования покойного великого князя Георгия Александровича сопровождали члены императорской фамилии. В Новороссийске тело великого князя встречали губернатор, духовенства, представители городской власти и дворянства [2, с. 21]. Траурный поезд из Новороссийска в Санкт-Петербург имел остановки в Новочеркасске, Рязани и Москве. В каждом из упомянутых городов проводились панихиды. Важным пунктом остановки являлась Москва, где тело умершего великого князя Георгия Александровича встречали: митрополит московский и коломенский вместе с высшим духовенством, московский губернатор, заведующий придворной частью в Москве, высшие гражданские и военные чины, губернский представитель дворянства с дворянами, московский городской глава с представителями городской управы, старшина купцов, старшина ремесленников, старшина мещан и старшина ямского сообщества [2, с. 22–23].

Еще более представительная делегация ждала покойного великого князя Георгия Александровича на Николаевском вокзале в Санкт-Петербурге. Затем состоялось печальное шествие по столице Российской Империи. Царь Николай II и великие князья приняли гроб с телом умершего и перенесли на печальную колесницу, совершившую путь по Невскому проспекту, Садовой улице, вдоль Летнего сада, через Суворовскую площадь, по Дворцовой набережной, через Троицкий мост и Петровские ворота Петропавловского собора [2, с. 24].

Порядок траурного шествия тоже был четко регламентирован церемониалом, который утвердил император Николай II:

1. Личный императорский конвой.
2. Церемонимейстер с траурным шарфом.
3. Гвардейская рота.
4. Придворные лакеи и официанты из штата покойного великого князя.
5. Верховая лошадь умершего великого князя.
6. Герб великого князя Георгия Александровича.
7. Придворные чины.
8. Представители науки и общественных организаций.
9. Генералы и адмиралы.
10. Эскадрон гвардейских кирасир.
11. Личный Флаг умершего великого князя.
12. Российские и иностранные награды покойного великого князя.
13. Рота гвардейского Измайловского полка.
14. Певчие Александро-Невской лавры и Исаакиевского собора [2, с. 25].

Непосредственно за траурной колесницей следовал император Николай II и представители российского императорского дома. Когда гроб прибыл в Петропавловский собор, перед ним несли постоянное дежурство один генерал-адъютант и один флигель-адъютант. После чего, в назначенные часы в Петропавловский собор допускались представители высших чинов Российской Империи для прощания с великим князем Георгием Александровичем.

Надо отметить, что церемониал предусматривал обязательное закрытие в дни траура всех столичных увеселительных заведений и театров [2, с. 27–28].

В день, назначенный для погребения, в Петропавловский собор специальными повестками собрали придворных и слуг покойного. Затем состоялись Божественная литургия

и отпевание, проведенные митрополитом и высшим духовенством. После прикрепления крышки гроб до могилы несли: император Николай II, великие князья, министр императорского двора, генерал-адъютанты и высшие придворные. Когда гроб опустили в могилу, митрополит поднес царю и представителям правящей фамилии песок на блюде с лопаткой для ритуала бросания земли. В завершении похорон войска находящиеся в Петропавловском соборе и Петропавловской крепости произвели траурный салют. Дежурные военнослужащие в Петропавловском соборе оставались до полного заделывания могилы [2, с. 29–30].

Таким образом, подготовка и проведение погребения тела члена императорской фамилии свидетельствует о важной роли данного похоронного церемониала в государственно-правовом статусе правящей династии. Смерть представителя правящего императорского дома имела государственное значение для всех российских подданных. Император Николай II вместе с министром императорского двора бароном В.Б. Фредериксом разработали траурную церемонию, затрагивающую не только великих князей и других высших чинов Российской Империи, но и отменявшей увеселительные мероприятия в государстве в дни траура для подданных царя.

Библиографический список

1. В бозе почивший наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович: Его жизнь и погребение. – М., 1899. – 96 с.

2. Высочайше утвержденный церемониал перевезения тела его императорского высочества в бозе почившего великого князя Константина Константиновича из Павловского его императорского высочества дворца в Петроград, в Петропавловский собор и погребения в оном. – СПб., 1915. – 14 с.

3. Высочайше утвержденный церемониал перевезения тела его императорского высочества генерал-фельдмаршала в бозе почившего великого князя Михаила Николаевича из г. Канн, во Франции, в Петропавловский собор и погребения в оном. – СПб., 1909. – 15 с.

4. Высочайше утвержденный церемониал перевезения тела его императорского высочества в бозе почившего наследника и великого князя Георгия Александровича из Абас-Тумана на Кавказе в Санкт-Петербург в Петропавловский собор и погребения в оном // В бозе почивший наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович: Его жизнь и погребение. – М., 1899. – С. 20 – 30.

5. Высочайше утвержденный церемониал нахождения и отпевания смертных останков его императорского высочества в бозе почившего великого князя Сергия Александровича в Московском кафедральном Чудовом монастыре. – СПб., 1905. – 3 с.

6. Высочайший манифест императора Николая II от 28 июня 1899 г. // В бозе почивший наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович: Его жизнь и погребение. – М., 1899. – С. 19.

7. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. – СПб., 1875. – Т. 1. – 448 с.

8. *Кодан С.В., Владимирова Г.Е.* Закрепление в Своде Основных государственных законов Российской империи 1832 – 1892 гг. издания правового статуса членов императорского дома. Юридические исследования. – 2014. № 5. – С. 38 – 68.

9. *Ливенцев Д.В.* Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности. Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы V Национальной научно-практической конференции. (г. Казань, 26 февраля 2021 г.). – Казань: ТИСБИ, 2021. – С. 8 – 11.

10. Описание погребения блаженной памяти императора Николая I-го, с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. – СПб., 1856. – 4 с.

11. Описание порядка держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинеишия памяти всепресветлеишаго державнеишаго Петра Великаго императора и самодержца всероссийского: и блаженныя памяти ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны: печатано в типографии Московскои лета Господня 1726 г мясца марта, с перевода печатанаго в Санктпетербурге при Сенате, лета Господня 1725 г. – М., 1726. – 34 с.

12. Последние дни жизни и погребение в бозе почившего государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича. – СПб., 1865. – 16 с.

13. Церемониалы высочайшаго его императорскаго величества утверждения удостоенные, для сретения и погребения тела в бозе почивающаго государя императора Александра I. – СПб., 1825. – 48 с.

14. Церемониалы высочайшаго его императорскаго величества утверждения удостоенные, для сретения и погребения тела в бозе почивающей государыни императрицы Елисаветы Алексеевны. – СПб., 1826. – 26 с.

Для цитирования: *Ливенцев Д.В* Погребение наследника и великого князя Георгия Александровича в 1899 г. и его роль в государственно-правовом статусе российской правящей династии: статья // Теория государства и права. 2025. № 1 (42). С. 136–139.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_136

D. V. Livensev*

THE BURIAL OF THE HEIR AND GRAND DUKE GEORGE ALEXANDROVICH IN 1899 AND HIS ROLE IN THE STATE-LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN RULING DYNASTY

Annotation. *The article examines the religious burial ritual in 1899 of the heir and Grand Duke George Alexandrovich. The church funeral rite of a member of the imperial family was approved by the current emperor and was quite clearly regulated. Practically, the funeral of the Grand Duke occupied an important place in the state and legal status of the Russian ruling dynasty. The birth and death of a member of the Russian Imperial house represented a state event in pre-revolutionary Russia. Therefore, the funeral of the heir and Grand Duke George Alexandrovich was not only a family affair of the ruling house of Romanov, but also a state-level event.*

Keywords: *burial of the Grand Duke, heir Tsarevich, Peter the Great, state and legal status, Emperor Alexander III, imperial surname, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Russian Empire, Emperor Alexander I, religious ceremony, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, Empress Elizabeth Alekseevna, ruling dynasty, Grand Duke Nikolai Alexandrovich, Emperor Nicholas II.*

The burial of an emperor or grand duke has historically been one of the components of the state-legal status of the Russian ruling dynasty [9]. Representatives of the imperial dynasty in the Russian Empire were in a special legal regime [7]. Hence, the funeral of the emperor or the grand Duke was a state matter [8]. The burial of the emperor, Empress, or any other representative of the Russian ruling dynasty became a cause of mourning not only for courtiers, but for all subjects.

The state-approved funeral ceremonies of Emperor Peter the Great [12], Empress Elizabeth Alekseevna [14], Field Marshal General and Grand Duke Mikhail Nikolaevich [3], Grand Duke Sergius Alexandrovich [5], Grand Duke Konstantin Konstantinovich [2], Emperor Alexander I [13], Tsarevich and Grand Duke Nikolai Alexandrovich [11].

For example, on June 28, 1899 (old style date – Auth.), Grand Duke George Alexandrovich, who was the second son of Emperor Alexander III, died of tuberculosis in the town of Abastumani in the Caucasus [1, p. 15]. At the time of his death, Grand Duke George Alexandrovich was considered a tsarevich, since Emperor Nicholas II did not yet have an heir at that time. Immediately after receiving information about his brother's death, Emperor Nicholas II declares mourning at court for courtiers belonging to the first five classes of the "Table of Ranks" – ladies of state, ladies-in-waiting, chamberlains, ladies-in-waiting, etc. [1, p. 16]

After that, Emperor Nicholas II issues the highest manifesto for Russian subjects with a message about the death of Tsarevich and Grand Duke George Alexandrovich [6]. Then Nicholas II personally approves, compiled by the Minister of the Imperial Court, Baron V.B. Fredericks, the funeral ceremony for the delivery of the body of Grand Duke George Alexandrovich from the Caucasian monastery in St. Petersburg, followed by burial in the Peter and Paul Cathedral.

* **Livensev Dmitry Vyacheslavovich –** Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Legal Disciplines of Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I. E-mail: liva2006@yandex.ruю

The path of Grand Duke George Alexandrovich's body was carefully thought out. Initially, he was transported from Abastumani to Borjom on a funeral chariot. The funeral train to Batumi followed. The baton was picked up by the battleship "George the Victorious", which followed the body of the Grand Duke across the Black Sea from Batumi to Novorossiysk. Then, from Novorossiysk, another funeral train went with the deceased to St. Petersburg [2, p. 20].

Along the entire route, the late Grand Duke George Alexandrovich was accompanied by members of the imperial family. In Novorossiysk, the body of the Grand Duke was met by the governor, clergy, representatives of the city government and the nobility [2, p. 21]. The funeral train from Novorossiysk to St. Petersburg had stops in Novocherkassk, Ryazan and Moscow. Memorial services were held in each of the mentioned cities. An important stopping point was Moscow, where the body of the deceased Grand Duke George Alexandrovich was met by: the Metropolitan of Moscow and Kolomna together with the highest clergy, the Moscow governor, the head of the court unit in Moscow, the highest civil and military ranks, the provincial representative of the nobility with the nobles, the Moscow city head with representatives of the city council, foreman merchants, foreman artisans, foreman a petty bourgeois and a foreman of the Yamsky community [2, pp. 22–23].

An even more representative delegation was waiting for the late Grand Duke George Alexandrovich at the Nikolaevsky Railway Station in St. Petersburg. Then there was a sad march through the capital of the Russian Empire. Tsar Nicholas II and the grand dukes accepted the coffin with the body of the deceased and transferred it to a sad chariot that traveled along Nevsky Prospekt, Sadovaya Street, along the Summer Garden, through Suvorovskaya Square, along the Palace Embankment, across the Troitsky Bridge and the Petrovsky Gates of the Peter and Paul Cathedral [2, p. 24].

The order of the funeral procession was also clearly regulated by the ceremonial, which was approved by Emperor Nicholas II:

1. The personal imperial convoy.
2. Master of ceremonies with a mourning scarf.
3. Guards company.
4. Court footmen and waiters from the staff of the late Grand Duke.
5. The riding horse of the deceased Grand Duke.
6. Coat of arms of Grand Duke George Alexandrovich.
7. Court ranks.
8. Representatives of science and public organizations.
9. Generals and admirals.
10. A squadron of Guards cuirassiers.
11. The personal flag of the deceased Grand Duke.
12. Russian and foreign awards of the late Grand Duke.
13. A company of the Izmailovsky Guards regiment.
14. Choristers of the Alexander Nevsky Lavra and St. Isaac's Cathedral [2, p. 25].

The funeral chariot was immediately followed by Emperor Nicholas II and representatives of the Russian Imperial house. When the coffin arrived at the Peter and Paul Cathedral, one adjutant general and one adjutant wing were on constant duty in front of it. After that, at the appointed hours, representatives of the highest ranks of the Russian Empire were allowed into the Peter and Paul Cathedral to say goodbye to Grand Duke George Alexandrovich.

It should be noted that the ceremony provided for the mandatory closure of all metropolitan entertainment establishments and theaters during the days of mourning [2, pp. 27–28].

On the day appointed for the burial, the courtiers and servants of the deceased were summoned to the Peter and Paul Cathedral with special summonses. Then the Divine Liturgy and funeral service were held, conducted by the Metropolitan and the higher clergy. After attaching the lid, the coffin was carried to the grave by Emperor Nicholas II, the Grand dukes, the minister of the Imperial court, adjutant generals and high courtiers. When the coffin was lowered into the grave, the metropolitan presented the tsar and the representatives of the ruling family with sand on a platter with a spatula for the ritual of throwing earth. At the end of the funeral, the troops stationed in the Peter and Paul Cathedral and the Peter and Paul Fortress fired a funeral salute. The military per-

sonnel on duty in the Peter and Paul Cathedral remained until the grave was completely repaired [2, pp. 29–30].

Thus, the preparation and burial of the body of a member of the imperial family testifies to the important role of this funeral ceremony in the state and legal status of the ruling dynasty. The death of a representative of the ruling imperial house was of national importance to all Russian subjects. Emperor Nicholas II, together with the Minister of the Imperial Court, Baron V.B. Fredericks, developed a funeral ceremony that affected not only the grand dukes and other senior officials of the Russian Empire, but also canceled entertainment events in the state during the days of mourning for the tsar's subjects.

Bibliographic list

1. In Bose, the deceased heir Tsarevich and Grand Duke George Alexandrovich: His life and burial. Moscow, 1899. 96 p

2. The most highly approved ceremony of transporting the body of his Imperial Highness in bose, the deceased Grand Duke Konstantin Konstantinovich from his Imperial Highness's Pavlovsk Palace to Petrograd, to the Peter and Paul Cathedral and burial in it. – St. Petersburg, 1915. – 14 p.

3. The most highly approved ceremony of transporting the body of His Imperial Highness Field Marshal General Mikhail Nikolaevich Bose from Cannes, France, to Peter and Paul Cathedral and burial there. – St. Petersburg, 1909. – 15 p.

4. The most highly approved ceremony of transporting the body of his Imperial Highness the deceased heir and Grand Duke George Alexandrovich from Abas-Tuman in the Caucasus to St. Petersburg to the Peter and Paul Cathedral and burial in it // In Bose, the deceased heir Tsarevich and Grand Duke George Alexandrovich: His life and burial. – M., 1899. – C. 20–30.

5. The most highly approved ceremonial of finding and burial of the mortal remains of His Imperial Highness in the bosom of the late Grand Duke Sergius Alexandrovich at the Moscow Cathedral of the Miracle Monastery. – St. Petersburg, 1905. – 3 p.

6. The Supreme Manifesto of Emperor Nicholas II of June 28, 1899 // In Bose, the deceased heir Tsarevich and Grand Duke George Alexandrovich: His life and burial. – M., 1899. – p. 19.

7. *Gradovsky A.D.* The beginnings of Russian State Law. – St. Petersburg, 1875. – Vol. 1. – 448 p.

8. *Kodan S.V., Vladimirova G.E.* Consolidation of the legal status of members of the Imperial House in the Code of Basic State Laws of the Russian Empire of 1832–1892. Legal research. 2014. No. 5. pp. 38–68.

9. *Liventsev D.V.* The social value of the Institute of Legal Responsibility of the Russian Imperial family in the history of Russian statehood. The main trends in the development of modern law: problems of theory and practice. Proceedings of the V National Scientific and Practical Conference. (Kazan, February 26, 2021). – Kazan: TISBI, 2021. – pp. 8–11.

10. Description of the burial of the blessed memory of Emperor Nicholas I, with the addition of a historical sketch of the burials of the tsars and emperors of All Russia and some other European sovereigns. – St. Petersburg, 1856. – 4 p.

11. Description of the order held at the burial of the blessed highly glorious and everlasting memory of the all-glorious sovereign Peter the Great, Emperor and autocrat of All Russia: and the blessed memory of her Imperial Highness, Empress Tsarevna Natalia Petrovna: printed in the printing house of the Moscow Summer of the Lord 1726, March meat, with a translation printed in St. Petersburg at the Senate, the summer of the Lord 1725 – M., 1726. – 34 p .

12. The last days of his life and the burial in bose of the deceased sovereign, the heir to the Tsarevich and Grand Duke Nicholas Alexandrovich. – St. Petersburg, 1865. – 16 p.

13. Ceremonials of His Imperial Majesty, honored with approval, for the presentation and burial of the body of the deceased Emperor Alexander I. – St. Petersburg, 1825. – 48 p.

14. The ceremonials of His Imperial Majesty, honored with approval, for the presentation and burial of the body of the deceased Empress Elizabeth Alekseevna. – St. Petersburg, 1826. – 26 p.

For citation: *Livensev D.V.* The Burial of the Heir and Grand Duke George Alexandrovich in 1899 and His Role in the state-legal Status of the Russian Ruling dynasty: article // Theory of the state and law. 2025. No. 1 (42). P. 139–141.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_136

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_142

В.В. Малинин*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *В статье анализируется административно-правовое регулирование использования цифровых правовых средств. В настоящее время цифровая трансформация является ключевым направлением развития государственного управления не только в России, но и во всём мире. Российская Федерация является одной из передовых стран в данном направлении. Цифровые технологии позволяют оптимизировать, ускорить и повысить качество деятельности государственных органов, избавив их служащих от лишней рутинной нагрузки.*

Ключевые слова: *административно-правовое регулирование, цифровизация, цифровые правовые средства, государственное управление.*

Стремительное развитие информационных технологий в настоящее время является отличительной чертой современных общественных отношений. Именно данные технологии позволяют проводить масштабную оцифровку информации, безграничные создание и обмен информацией в цифровой форме. Повсеместно внедряющиеся сквозные цифровые технологии также наращивают темпы своего развития, предоставляя людям и устройствам возможности по производству и обмену новыми цифровыми данными.

Всем появляющимся повсеместно новым нематериальным информационным объектам в цифровой форме и в настоящее время все еще не определен правовой режим как объектам гражданских прав.

Это касается таких понятий, как: цифровой и виртуальной валюты, криптовалюты, цифрового аккаунта, доменных имен, трехмерных моделей вещей, объектов виртуальной реальности, токенов на основе технологий распределенных реестров и т.п. [4, с.82].

На протяжении последних лет в России были приняты ряд законов, регулирующих цифровые права. В частности, Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает правила обработки и защиты личной информации.

Также значимым стал Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который вводит меры по обеспечению безопасности цифровой информации.

В сфере цифровых прав особое внимание уделяется защите авторских прав. Закон о «Системе электронного документооборота» регулирует вопросы электронных подписей, а Федеральный закон «Об авторском праве и смежных правах» учитывает цифровые технологии, предоставляя авторам права на контроль использования и распространения их произведений в сети.

С увеличением числа цифровых угроз становится важным вопрос обеспечения кибербезопасности. В этом контексте принятый Федеральный закон «О защите критической ин-

* **Малинин Василий Васильевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: malinin.legal@gmail.com.

формационной инфраструктуры Российской Федерации» направлен на предотвращение кибератак на важные объекты.

В Российской Федерации гражданско-правовое регулирование цифровых данных усложняется тем, что в части четвертой ГК РФ [1] из перечня объектов гражданских прав в ст. 328 ГК РФ исключено такое понятие, как информация. В связи с этим особое внимание на законодательном уровне необходимо уделить формированию правового режима цифровых данных. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации [2], принятая в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [3], отмечает главенствующую роль цифровых данных в любой производственной сфере при формировании инновационной регуляторной среды цифровой экономики и включает в себя федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды».

Однако, важно отметить тот факт, что законодательство в области регулирования цифровых правоотношений в России характеризуется высоким уровнем динамики и разнообразия применяемых подходов. По состоянию на 2023 год уже принято более 500 нормативно-правовых актов, направленных на регулирование цифровизационных процессов, как в образовании, так и в промышленности.

Уровень цифровизации государственных услуг в стране стремительно растёт. По итогам 2022 года доля массовых социально значимых услуг в электронном виде составила 99,7% от установленного правительством плана цифровизации [13].

Правовая система Германии достаточно похожа на российскую правовую систему в связи с тем, что исторически законодательство России было выстроено по типу законодательства континентальной Европы. В настоящее время на национальном уровне Германия имеет достаточно большой опыт регулирования отношений оборота цифрового контента [16].

В то же время законодательство США по нормативно-правовому регулированию информации, информатизации и цифровых технологий наиболее развито в связи с тем, что правовое регулирование «цифровых активов» реализуется на федеральном законодательном уровне [15, с.493].

В современных условиях цифровое право с юридической точки зрения оценивается крайне неоднозначно. При этом различные ученые приходят к единому мнению лишь в том, что цифровое общество и цифровая экономика нуждаются в цифровом правовом регулировании [12, с.149].

Цифровое право – это сфера права, включающая несколько отраслей права и регулирующая отношения, связанные с IT-технологиями, и возникшая в связи с появлением и ростом цифровой виртуальной коммуникации субъектов. В российском законодательстве пока отсутствуют специально выделенные разделы по регулированию цифровой среды [21, с.37].

Субъекты цифрового права, осуществляя виртуальные коммуникации, самостоятельно определяют его границы. Поэтому предметы и методы регулирования цифрового права совпадают, отражая цифровой формат правоотношений и выходя за формальные границы традиционного права. Цифровое право является формой, как правового регулирования, так и правового воздействия, что не позволяет достаточно точно очертить границы цифровых правоотношений [11, с.20].

В современном мире цифровые технологии проникают во все сферы жизни, отражаясь на правах и обязанностях граждан. Зарубежные страны активно разрабатывают и модернизируют свои законы, стремясь адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому пейзажу.

Европейский Союз принял Регламент о защите персональных данных (GDPR), ставший образцовым в обеспечении приватности граждан. Этот закон устанавливает стандарты по сбору, хранению и обработке персональных данных, признавая гражданское право на контроль над своей информацией. Вскоре был принят Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), посвященный обеспечению справедливой конкуренции на рынке цифровых услуг для роста и продвижения инноваций, а также обеспечению доступа пользователей к без-

опасным продуктам и защита их основных прав. Закон устанавливает обязательства для корпораций и вводит систему штрафов за нарушение поставленных условий. Комитетом министров Совета Европы приняты Рекомендации № CM/Rec (2018) «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде», определяющие необходимость выделения преступлений, совершенных в цифровой среде, и уголовной ответственности за них, в том числе юридических лиц [19, с. 8].

США подчеркивают защиту свободы слова и инноваций в цифровой среде. Закон о свободе информации (FOIA) и Закон о свободе сети (NetNeutrality) являются примерами, где стремление к балансу между свободой выражения и защитой потребителей остается в центре внимания. DMCA (англ. Digital Millennium Copyright Act – Закон об авторском праве в цифровую эпоху) охватывает отрасли авторского права, распространения технологии. В этом законе есть и достоинства, и недостатки: с одной стороны, он содержит жесткие нормы, запрещающие обход цифровой защиты от копирования; с другой – адекватные, детально описанные процедуры взаимодействия субъектов прав и заинтересованных сторон, участников процесса использования результатов интеллектуальной деятельности. Среди таких процедур особого внимания заслуживает процедура обмена уведомлениями и контруведомлениями между правообладателями, судебными органами, провайдерами хостинга и доступа в интернет и пользователями.

Основанием для привлечения к ответственности за нарушение цифровых прав является размер причиненного ущерба.

В каждом штате применяются свои законы о криптовалюте [7, с. 22].

В Канаде особое внимание уделяется кибербезопасности. Страна разрабатывает законы, направленные на предотвращение кибератак и защиту критической информационной инфраструктуры, что может служить примером для других государств. При этом правовые акты закрепляют максимальную доступность открытых данных и направлены на повышение цифровой грамотности населения [8, с. 38].

Китай принимает жесткое контрольное и регулирующее законодательство в области цифровых технологий, в том числе системы социального кредита. При поддержке властей созданы свои национальные цифровые платформы, которые работают совершенно автономно: независимо от зарубежных [17, с. 46]. Этот опыт подчеркивает важность баланса между контролем и защитой прав граждан.

В Индии есть специализированный закон о цифровой банковской сфере, которая является продолжением традиционных банковских услуг. Для устранений противоречий между цифровым банком и правовыми нормами традиционной банковской сферы в Индии принят Закон об информационных технологиях, который предусматривает юридическое признание электронных транзакций и других средств электронной торговли [5, с. 43]. В Руанде задействованы цифровые технологии для обеспечения прозрачности земельных прав жителей [18, с. 44].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе имеется несколько методов правового регулирования облачных технологий, которые являются зависимыми от цифрового пространства объектами цифрового права, то есть они не могут существовать вне цифрового пространства. Принятый Закон «О продвижении облачных вычислений и защите пользователей» представляет собой попытку законодательно урегулировать повышение соревновательного потенциала страны в общей гонке за развитие облачных технологий. Например, в Сингапуре создана и эффективно работает система электронного правительства, которая не только искоренила бюрократизм, но и обеспечила защиту права интеллектуальной собственности [22, с. 113].

В Европе передовым государством по части интеграции электронного правительства является Эстония, где с 2005 года реализована система электронного голосования.

В Германии внедрением и контролем электронного правительства заведует не отдельное специально созданное ведомство или министерство, а министерство, отвечающее за административную организацию. Однако практика внедрения специализированного ор-

гана наиболее распространена в западных странах, реализующих программы электронного правительства. Такая же модель действует в России [20, с.37].

Если говорить о моделях нормативно правового регулирования, то в Германии и в Италии успешно применяется концепция единого законодательного акта, регулирующего вопросы интеграции цифровых технологий в государственное управление.

Федеративная Республика Германия – Закон об электронном правительстве (E-Government-Gesetz) 2013; Закон о доступе в Интернете (Onlinezugangsgesetz); Отдельные акты органов исполнительной власти участвующих в развитии и деятельности электронного правительства.

Итальянская Республика – Планы и стратегии развития («Piano nazionale Banda Ultra Larga» « Crescita Digitale»); Кодекс цифрового администрирования (Codice Amministrazione Digitale) 2005; Отдельные акты органов исполнительной власти участвующих в развитии и деятельности электронного правительства [9, с.71].

Также согласно Отчёту о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления» [10] одним из главных недостатков является отсутствие единой информационной системы государственных органов, что затрудняет и замедляет обмен данными между ними.

Считаем, что в долгосрочной перспективе развития и наращивания уровня цифровизации государственного управления в России данный фактор необходимо устранить и создать единую электронную информационную систему взаимодействия и обмена данными между всеми государственными административными органами всех уровней.

Однако, при всей видимой полезности «цифровой трансформации» власть, переводя все взаимоотношения в цифровое пространство, создавая различные реестры, в том числе и связанные с персональными данными всех граждан, внедряя технологии «умных городов» и т.п., пытается выстроить систему контроля за обществом. По этому поводу следует согласиться с Н.Ф. Воробьевым: «как показывает современное положение дел в России и в мире в целом, неприкосновенность частной жизни систематически нарушается путем осуществления контроля за поведением граждан в социальных сетях Интернет (примером чему служит массовое уголовное преследование пользователей за репосты и лайки); путем прослушки телефонных переговоров под видом борьбы с терроризмом и его проявлениями. Подобное направление государственного контроля (в форме надзора) фактически нарушает гарантированные Конституцией РФ права и свободы граждан» [6, с.32].

Одним из перспективных проектов в области государственного управления стало внедрение в портал «Госуслуги» цифрового помощника Макса в 2021 году. С его появлением у граждан отпала необходимость самостоятельно искать нужный раздел на сложном многофункциональном сайте для получения государственной услуги от того или иного ведомства.

В целом, использование искусственного интеллекта в государственном управлении может привести к существенному повышению его эффективности, прозрачности и скорости, следствием чего закономерно станет укрепление доверия населения к власти. Искусственный интеллект позволяет правительству лучше понимать потребности своих граждан, быстрее и точнее реагировать на изменения в социуме и принимать обоснованные решения на основе предоставляемых ИИ данных [14, с.184].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что цифровое право полностью охватывает цифровые отношения по использованию цифровых данных, результатов анализа и обработки данных, применению цифровых данных в различных принципиально новых сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий.

Важно то, что цифровое право является комплексным правовым институтом, находящимся в стадии формирования и обеспечивающим нормативно-правовое регулирование цифровой среды.

Изучение зарубежного опыта в правовом регулировании цифровых прав предоставляет России возможность выработать сбалансированный и современный подход. Важно учитывать принципы защиты приватности, свободы слова, инноваций и кибербезопасности, адаптируя их под уникальные потребности российского общества.

Таким образом эффективное законодательство должно содействовать развитию цифровой экосистемы, укреплять права граждан и способствовать инновационному росту.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4)» (последняя редакция) // www.consultant.ru

2. Национальная программа «Цифровая экономика РФ». – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. – URL: http://government.ru/docs/all/111459/

4. *Андреев В.К.* Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 81–89.

5. *Бачурин Д.Г.* Налогообложение добавленной стоимости в цифровой экономике Республики Индии: особенности и тенденции правового регулирования / Д.Г. Бачурин // Налоги. – 2022. – N. 5. – С. 41–45.

6. *Воробьев Н.Ф.* Понятие и правовая сущность государственного контроля // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (54). – С. 29 – 35.

7. *Иноземцев М.И.* Современные подходы к цифровизации объектов гражданских прав: обзор зарубежного опыта / М.И. Иноземцев // Международное публичное и частное право. – 2020. – N. 2. – С. 21–25.

8. *Лескина Э.И.* Сравнительный анализ стратегических документов зарубежных стран в обработке данных в эпоху Big Data / Э.И. Лескина // Международное публичное и частное право. – 2022. – N. 3. – С. 37–40.

9. *Мартынова С. А.* Актуальные вопросы развития института электронного правительства в РФ и в зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление в современный период: Сборник научных статей по итогам работы научных семинаров и студенческого научного кружка «Проблемы государственной власти и местного самоуправления», Стерлитамак, 12 ноября 2021 года. Том выпуск XI. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2021. – С.69–73.

10. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления» (утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 28 июня 2022 года) [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/684/pepquqogiajfpxi8zvsbpgzmdzl03uzk.pdf

11. *Пожарский Д.В., Радько Т.Н*. Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 2 (62). – С. 17–24.

12. *Солдаткина О.Л.* Цифровое право: методология исследования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 147–150.

13. Степень цифровизации госуслуг в России стремительно растет [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https: //rg.ru/2023 10/24/lgota-pridet-avtomatom.html

14. *Сулимин В.В.* Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6 (182). – С.181 – 186.

15. *Тонков Е.Е., Пожарова Л.А.* Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 3. – С. 490–497.

16. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А.А. Васильева; М-во науки и высшего образования РФ, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. – 432 с.

17. *Трощинский П.В.* Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования / П.В. Трощинский // Право и цифровая экономика. – 2021. – N. 1. – С. 44–58.

18. *Трунцевский Ю.В.* Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации / Ю.В. Трунцевский // Международное публичное и частное право. – 2019. – N. 4. – С. 42–48.

19. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика / А.В. Федоров // Право и цифровая экономика. – 2021. – N. 1. – С. 5–12.

20. Цифровые платформы и экосистемы в государственном управлении : монография / под ред. Е.В. Васильевой, Б.Б. Славина. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 204 с.

21. *Чаннов С.Е.* Цифровое право: подходы и перспективы // Законодательство. – 2020. – № 6. – С. 35–42.

22. *Чекулаев С.С.* Сравнительно-правовой анализ интеллектуального права России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / С.С. Чекулаев, Е.Н. Бирюкова // Электронное приложение к "Российскому юридическому журналу". – 2018. – N. 2. – С. 113–117.

Для цитирования: *Малинин В.В.* Административно-правовое регулирование использования цифровых правовых средств: тенденции и перспективы развития в России и за рубежом: статья // Теория государства и права. – 2025. – №2 (43) . – С. 142–147.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_142

V.V.Malinin*

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL LEGAL MEANS: TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA AND ABROAD

Annotation. *The article analyzes the administrative and legal regulation of the use of digital legal means. Currently, digital transformation is a key area of public administration development not only in Russia, but throughout the world. The Russian Federation is one of the leading countries in this area. Digital technologies make it possible to optimize, accelerate and improve the quality of the activities of government agencies, saving their employees from unnecessary routine workload.*

Keywords: *administrative and legal regulation, digitalization, digital legal means, public administration.*

The rapid development of information technology is currently a distinctive feature of modern public relations. It is these technologies that allow for large-scale digitization of information, unlimited creation and exchange of information in digital form. Ubiquitous end-to-end digital technologies are also increasing their pace of development, providing people and devices with opportunities to produce and share new digital data.

All new intangible information objects appearing everywhere in digital form and currently the legal regime as objects of civil rights is still not defined.

This applies to such concepts as: digital and virtual currencies, cryptocurrencies, digital accounts, domain names, three-dimensional models of things, virtual reality objects, tokens based on distributed ledger technologies, etc. [4, p. 82].

In recent years, Russia has adopted a number of laws regulating digital rights. In particular, the Federal Law "On Personal Data" establishes rules for the processing and protection of personal information.

The Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection", which introduces measures to ensure the security of digital information, has also become significant.

In the field of digital rights, special attention is paid to copyright protection. The Law on the Electronic Document Management System regulates the issues of electronic signatures, and the Federal Law On Copyright and Related Rights takes into account digital technologies, granting authors the right to control the use and distribution of their works on the web.

* **Malinin Vasily Vasilyevich,** a postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, a private educational institution of Higher Education (Saint Petersburg). E-mail: malinin.legal@gmail.com.

With the increasing number of digital threats, the issue of cybersecurity is becoming important. In this context, the adopted Federal Law "On the Protection of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" is aimed at preventing cyber attacks on important facilities.

In the Russian Federation, the civil law regulation of digital data is complicated by the fact that in Part four of the Civil Code of the Russian Federation [1], such a concept as information is excluded from the list of objects of civil rights in art. 328 of the Civil Code of the Russian Federation. In this regard, special attention should be paid at the legislative level to the formation of a legal regime for digital data. The national program "Digital Economy of the Russian Federation [2], adopted in order to implement the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 [3], notes the dominant role of digital data in any production sector in shaping the innovative regulatory environment of the digital economy and includes the federal project "Regulatory Regulation of the digital Environment".

However, it is important to note the fact that legislation in the field of regulating digital legal relations in Russia is characterized by a high level of dynamics and a variety of approaches used. As of 2023, more than 500 regulatory legal acts have already been adopted aimed at regulating digitalization processes, both in education and in industry.

The level of digitalization of public services in the country is growing rapidly. By the end of 2022, the share of mass socially significant services in electronic form amounted to 99.7% of the digitalization plan established by the government [13].

The German legal system is quite similar to the Russian legal system due to the fact that historically Russian legislation has been structured according to the type of legislation of continental Europe. Currently, Germany has quite a lot of experience in regulating digital content turnover relations at the national level [16].

At the same time, US legislation on the regulatory regulation of information, informatization and digital technologies is most developed due to the fact that the legal regulation of "digital assets" is implemented at the federal legislative level [15, p.493].

In modern conditions, digital law is assessed very ambiguously from a legal point of view. At the same time, various scientists agree only that the digital society and the digital economy need digital legal regulation [12, p.149].

Digital law is a field of law that includes several branches of law and regulates relations related to IT technologies, and arose in connection with the emergence and growth of digital virtual communication of subjects. Russian legislation does not yet have specially designated sections on regulating the digital environment [21, p.37].

The subjects of digital law, carrying out virtual communications, independently determine its boundaries. Therefore, the subjects and methods of regulating digital law coincide, reflecting the digital format of legal relations and going beyond the formal boundaries of traditional law. Digital law is a form of both legal regulation and legal impact, which does not allow for a sufficiently precise delineation of the boundaries of digital legal relations [11, p.20].

In the modern world, digital technologies are penetrating into all spheres of life, affecting the rights and duties of citizens. Foreign countries are actively developing and modernizing their laws in an effort to adapt to the rapidly changing digital landscape.

The European Union has adopted the Regulation on the Protection of Personal Data (GDPR), which has become an example in ensuring the privacy of citizens. This law sets standards for the collection, storage and processing of personal data, recognizing the civil right to control one's information. The Digital Markets Act (DMA) was soon adopted, dedicated to ensuring fair competition in the digital services market for growth and innovation, as well as ensuring users' access to secure products and protecting their fundamental rights. The law establishes obligations for corporations and introduces a system of fines for violating the set conditions. The Committee of Ministers of the Council of Europe adopted Recommendations No. CM/Rec (2018) "On the observance, protection and implementation of children's rights in the digital environment", defining the need to identify crimes committed in the digital environment and criminal liability for them, including legal entities [19, p. 8].

The United States emphasizes the protection of freedom of speech and innovation in the digital environment. The Freedom of Information Act (FOIA) and the Freedom of the Web Act (NetNeutrality) are examples where the desire for a balance between freedom of expression and consumer protection remains in the spotlight. The DMCA (English Digital Millennium Copyright Act – The Law on Copyright in the Digital Age) covers the fields of copyright and technology distribution. This law has both advantages and disadvantages: on the one hand, it contains strict rules prohibiting circumvention of digital copy protection.; On the other hand, there are adequate, detailed procedures for the interaction of subjects of rights and stakeholders involved in the process of using the results of intellectual activity. Among such procedures, the procedure for exchanging notifications and counter-notifications between copyright holders, judicial authorities, hosting and Internet access providers and users deserves special attention.

The basis for liability for violation of digital rights is the amount of damage caused.

Each state has its own laws on cryptocurrency [7, p. 22].

In Canada, special attention is paid to cybersecurity. The country is developing laws aimed at preventing cyber attacks and protecting critical information infrastructure, which can serve as an example for other states. At the same time, legal acts consolidate the maximum availability of open data and are aimed at increasing the digital literacy of the population [8, p. 38].

China is adopting strict control and regulatory legislation in the field of digital technologies, including the social credit system. With the support of the authorities, their own national digital platforms have been created, which operate completely independently: independently of foreign ones [17, p. 46]. This experience highlights the importance of a balance between monitoring and protecting citizens' rights.

India has a specialized law on digital banking, which is a continuation of traditional banking services. To eliminate contradictions between digital banking and the legal norms of the traditional banking sector, India has adopted the Information Technology Act, which provides for the legal recognition of electronic transactions and other means of electronic commerce [5, p. 43]. In Rwanda, digital technologies are used to ensure transparency of the land rights of residents [18, p. 44].

In the Asia-Pacific region, there are several methods of legal regulation of cloud technologies, which are objects of digital law dependent on the digital space, that is, they cannot exist outside the digital space. The adopted Law "On the promotion of Cloud Computing and User Protection" is an attempt to legislatively regulate the increase in the country's competitive potential in the overall race for the development of cloud technologies. For example, an e-government system has been created and is working effectively in Singapore, which has not only eliminated bureaucracy, but also ensured the protection of intellectual property rights [22, p. 113].

In Europe, Estonia is the leading country in terms of e-government integration, where an electronic voting system has been implemented since 2005.

In Germany, the implementation and control of e-government is not managed by a separate specially created agency or ministry, but by the ministry responsible for the administrative organization. However, the practice of introducing a specialized body is most common in Western countries implementing e-government programs. The same model operates in Russia [20, p.37].

If we talk about regulatory models, the concept of a single legislative act regulating the integration of digital technologies into public administration is successfully applied in Germany and Italy.

Federal Republic of Germany – Law on Electronic Government (E-Government-Gesetz) 2013; Law on Internet Access (Onlinezugangsgesetz); Separate acts of executive authorities involved in the development and operation of electronic government.

The Italian Republic – Development Plans and Strategies ("Piano nazionale Banda Ultra Larga" "Crescita Digitale"); Code of Digital Administration (Codice Amministrazione Digitale) 2005; Separate acts of executive authorities involved in the development and operation of e-government [9, p.71].

Also, according to the Report on the results of the expert-analytical event "Assessment of the current state of federal state information systems in terms of the prospects for digitalization of pub-

lic administration" [10], one of the main disadvantages is the lack of a unified information system of government agencies, which makes it difficult and slows down data exchange between them.

We believe that in the long-term perspective of developing and increasing the level of digitalization of public administration in Russia, this factor should be eliminated and a unified electronic information system for interaction and data exchange between all state administrative bodies at all levels should be created.

However, despite the apparent usefulness of the "digital transformation", the government, by transferring all relationships to the digital space, creating various registries, including those related to the personal data of all citizens, introducing smart city technologies, etc., is trying to build a system of control over society. In this regard, we should agree with N.F. Vorobyov: "As the current state of affairs in Russia and in the world as a whole shows, privacy is systematically violated by monitoring the behavior of citizens on the Internet social networks (as exemplified by the massive criminal prosecution of users for reposts and likes); by wiretapping telephone conversations under the guise of combating terrorism and its manifestations. Such a direction of state control (in the form of supervision) actually violates the rights and freedoms of citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation" [6, p.32].

One of the promising projects in the field of public administration was the introduction of the Max digital assistant into the Gosuslugi portal in 2021. With its advent, citizens no longer have to independently search for the right section on a complex multifunctional website to receive public services from a particular agency.

In general, the use of artificial intelligence in public administration can lead to a significant increase in its efficiency, transparency and speed, which will naturally result in strengthening public confidence in the government. Artificial intelligence allows the government to better understand the needs of its citizens, respond faster and more accurately to changes in society and make informed decisions based on the data provided by AI [14, p.184].

Thus, based on all of the above, it can be concluded that digital law fully covers digital relations in the use of digital data, the results of data analysis and processing, and the use of digital data in various fundamentally new areas of public life using digital technologies.

It is important that digital law is a complex legal institution that is in the process of formation and provides legal regulation of the digital environment.

Studying foreign experience in the legal regulation of digital rights provides Russia with the opportunity to develop a balanced and modern approach. It is important to take into account the principles of privacy protection, freedom of speech, innovation and cybersecurity, adapting them to the unique needs of Russian society.

Thus, effective legislation should promote the development of the digital ecosystem, strengthen the rights of citizens and promote innovative growth.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 "The Civil Code of the Russian Federation Part 4 (Civil Code of the Russian Federation Part 4)" (latest edition) // www.consultant.ru

2. National program "Digital Economy of the Russian Federation". – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/

3. Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. – URL: http://government.ru/docs/all/111459/

4. *Andreev V.K.* Legal regulation of the use of digital technologies: theoretical reflections // The State and Law. – 2021. – No. 11. – pp. 81–89.

5. *Bachurin D.G.* Taxation of value added in the digital economy of the Republic of India: features and trends of legal regulation / D.G. Bachurin // Taxes. – 2022. – N. 5. – pp. 41–45.

6. *Vorobyov N.F.* The concept and legal essence of state control // The rule of law: theory and practice. – 2018. – № 4 (54). – Pp. 29–35.

7. *Inozemtsev M.I.* Modern approaches to the digitalization of objects of civil rights: a review of foreign experience / M.I. Inozemtsev // International public and private law. – 2020. – N. 2. – pp. 21–25.

8. *Leskina E.I.* Comparative analysis of strategic documents of foreign countries in data processing in the era of Big Data / E.I. Leskina // International public and private law. – 2022. – N. 3. – pp. 37–40.

9. *Martynova S. A.* Actual issues of the development of the Institute of electronic government in the Russian Federation and in foreign countries // State power and local self-government in the modern period: A collection of scientific articles based on the results of scientific seminars and the student scientific circle "Problems of state power and local self-government", Sterlitamak, November 12, 2021. Volume issue XI. Sterlitamak: Bashkir State University, 2021. pp.69–73.

10. Report on the results of the expert-analytical event "Assessment of the current state of federal state information systems in terms of the prospects for digitalization of public administration" (approved by the Board of the Accounting Chamber of the Russian Federation on June 28, 2022) [Electronic resource] // URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/684/pepquqogiaj fpxi8zvsbpgzmdzl03uzk.pdf

11. *Pozharsky D.V., Radko T.N.* The functions of the state: the limits of digital technologies // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (62). – Pp. 17–24.

12. *Soldatkina O.L.* Digital law: research methodology // Legal policy and legal life. – 2019. – No. 3. – pp. 147–150.

13. The degree of digitalization of public services in Russia is growing rapidly [Electronic resource] // Rossiyskaya gazeta. URL: https: //rg.ru/2023 10/24/lgota-pridet-avtomatom.html

14. *Sulimin V.V.* Analysis of the use of artificial intelligence in the digital economy to improve transparency and efficiency of public administration // Theory and practice of social development. – 2023. – № 6 (182). – Pp.181–186.

15. *Tonkov E.E., Pozharova L.A.* Legal regulation in the context of digitalization of society: problems and prospects // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Pravo. 2019. Vol. 44, No. 3. pp. 490–497.

16. Transformation of law in the digital age: a monograph / edited by A.A. Vasiliev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University. Barnaul: Publishing House of the Altai University, 2020. 432 p.

17. *Troshchinsky P.V*. Digital China before and during the coronavirus: features of regulatory regulation / P.V. Troshchinsky // Law and digital economy. – 2021. – N. 1. – pp. 44–58.

18. *Truntsevsky Yu.V.* E-anti-corruption or e-corruption: the impact of global digitalization / Yu.V. Truntsevsky // International public and private law. 2019. N. 4. pp. 42–48.

19. *Fedorov A.V.* Criminal liability of legal entities and the digital economy / A.V. Fedorov // Law and digital economy. – 2021. – N. 1. – pp. 5–12.

20. Digital platforms and ecosystems in public administration: a monograph / edited by E.V. Vasilyeva, B.B. Slavin. Moscow : INFRA-M, 2024. 204 p.

21. *Channov S.E.* Digital law: approaches and prospects // Legislation. 2020. No. 6. pp. 35–42.

22. *Chekulaev S.S.* Comparative legal analysis of intellectual property law in Russia and the countries of the Asia-Pacific region / S.S. Chekulaev, E.N. Biryukova // Electronic supplement to the Russian Law Journal. – 2018. – N. 2. – pp. 113–117.

For citation: *Malinin V.V.* Administrative and Legal Regulation of the Use of Digital Legal Means: Trends and Prospects of Development in Russia and abroad: article // Theory of the state and law. – 2025. – №2 (43) . – Pp. 147–151.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_142

Научная статья

УДК 340.12
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_152

С.П. Малышкин*

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАВА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация: *Статья посвящена методологическим аспектам исследования легитимации права. Автор раскрывает две основные исследовательские парадигмы в юриспруденции применительно к исследованиям легитимации права: классическую и неклассическую. В силу того, что легитимация является сложным объектом исследования, и для полноценного его описания необходимо учитывать её процедурность, динамичность и несводимость к одной юридической сфере или её части, оказывается невозможным её объяснение и описание средствами классической парадигмы. Так, легитимация права затрагивает и процессы правотворчества, и правоприменения, и толкования правовых норм, и сферу юридической психологии, и правовую коммуникацию. Такая сложность легитимации права актуализирует обращение к неклассической парадигме и проблеме методологического плюрализма в неклассической юридической науке для выбора наиболее целесообразного подхода к её исследованию.*

Ключевые слова: *легитимация права, неклассическая юриспруденция, динамическое правопонимание, коммуникативное правопонимание, методологический плюрализм.*

В настоящей статье мы будем исходить из следующей предпосылки. Она состоит в том, что легитимация права является весьма важным и недооценённым в отечественной и зарубежной литературе объектом исследования. Под легитимацией права мы предлагаем понимать процесс оценивания субъектом права определённого объекта реальной действительности на предмет соответствия его правовому образцу. Например, оценивание определённого текста закона на соответствие представлениям о должном правовом регулировании определённого вопроса. От легитимации зависит действие норм права, она предопределяет эффективность существующего законодательства, а также появление так называемых «спящих норм» [2, С. 14–15]. Однако несмотря на всю важность исследования легитимации права, юриспруденция сталкивается с весьма серьёзным препятствием – парадигмальными ограничениями, которые не позволяют в полной мере исследовать процессы легитимации.

Понятие «парадигмы» в данном случае мы используем в значении, заданном в работах Т. Куна, или несколько более широко интерпретируемом Г.В. Мальцевым, как набора приемов познания и моделей (образцов) постановки и решения задач, определённых мировоззренческих установок [8, С. 44]. В центре нашего внимания будет находиться дихотомия классической и неклассической (постклассической) парадигм, особенно в связи с тем, что такая дихотомия устойчиво закрепилась по отношению к юридическим исследованиям. Как отмечает Е.В. Тимошина, классическое и постклассическое правопонимание представляют собой своеобразные стили философско-правового (теоретико-правового) мышления, типологические особенности которых определяются типом научной рациональности. Причём отождествление разделяющихся в философии науки неклассической и постклассической

* **Малышкин Семен Павлович**, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, E-mail: blkkosa@gmail.com.

парадигм Е.В. Тимошина считает корректным в силу избыточности характеристик постклассической парадигмы для юридических исследований [12, С. 218–220]. В данной работе мы соглашаемся с указанной позицией и также предлагаем отождествлять понятия «неклассики», «постклассики» и «постнеклассики» в юридическом контексте.

Соответствующую проблематику также поднимает В.В. Денисенко, который в качестве конкретных проявлений классической парадигмы, устоявшейся в отечественном правоведении указывает диалектический материализм или «советский легизм» (по выражению В.С. Нерсесянца) или «узконормативный подход», сформулированный А.Я. Вышинским и сложившийся в результате I Всесоюзного совещания по вопросам науки советского права и государства в 1938 году [1, С. 1–2]. В качестве же неклассической или постклассической парадигмы В.В. Денисенко указывает, что «современная постклассическая социальная философия неоднородна по теориям и методологии» [3, С. 129]. Поэтому определённое содержание «постклассической» парадигмы представляется затруднительным. Тем не менее, неклассическая парадигма характеризуется отечественными правоведами как критика классической онтологии правовой реальности: представлений о ее завершенности, догматичности, а также критика ее оторванности от практических нужд, неадекватности (пост)современной философии [13, С. 76].

Вместе с тем, для осуществления такой критики необходимы также и отдельные методологические основания. Например, в контексте смены парадигм в современной юриспруденции предлагаются такие методологические направления как социальная феноменология и антропология, теория аутопойезиса в праве, синергетика, герменевтика, что обозначается понятием «методологический плюрализм» [3, С. 134]. Отдельные исследователи также указывают на группу подходов, разрабатываемых на постсоветском пространстве которые можно обозначить как «динамическое правопонимание» [11, С. 47–50]. От себя в описанном контексте мы можем добавить также методологические направления, связанные с так называемыми «лингвистическим», «коммуникативным», а также «медиальным» поворотами в философии и науке. В частности, в юриспруденции, это проявляется в исследованиях в русле коммуникативного правопонимания, нарративной юриспруденции, семиотики права, а также исследованиями аналитической юриспруденции, центрированной вокруг рассмотрения языка права.

С одной стороны, образовавшийся в нелассической парадигме в контексте юриспруденции методологический плюрализм открыл возможность для более точного описания процесса легитимации, который не был в должной мере описан в рамках классической парадигмы. Это оказывается особенно значимым в свете того, что понятие легитимации в широком социологическом значении «признания» или «оценки» появилось в научном дискурсе лишь в классическую эпоху в XIX веке, что связывается с именем М. Вебера.

В силу новизны значения «легитимации» как понятия не строго юридического, а социологического или политологического, в рамках классической парадигмы исследователи политической и правовой мысли лишь отчасти подошли к его описанию. В качестве примера работ, которые проясняют содержание легитимации можно привести отдельные фрагменты работ К. Шмитта, рассматривавшего легитимацию в контексте международного права, а именно признания государств в рамках Лиги Наций [15, С. 178], или Г. Елинека, писавшего в «Общем учении о государстве» об «оправдании» (rechtfertigung) государств [5, С. 194–196]. С определённой долей условности можно также указать на роль Л.И. Петражицкого и предложенного им психологического взгляда на право, который может быть использован объяснения легитимации как процесса, который требует исследования с точки зрения психологии. Тем не менее, Петражицкий не занимался непосредственно исследованиями легитимации права. Поэтому легитимация права остаётся на рубеже смены классической и постклассической парадигм лишь обозначенным, но не раскрытым в должной мере и не разработанным на уровне универсальной юридической концепции понятием.

С другой стороны, описанный методологический плюрализм в силу отсутствия даже установки на объективную истинность или приоритет отдельного методологического под-

хода не позволяет определить наиболее релевантный для описания легитимации метод, а также определиться с теми источниками, к которым этот метод должен применяться. Если, к примеру, предпринять попытку описать легитимацию с позиций психологического правопонимания, то легитимация оказалась бы процессом весьма субъективным, схожим на приводимый Л.И. Петражицким «договор с дьяволом» в одной из своих работ, который часто критикуется в юридической литературе за его релятивность [6, С. 153–154]. Отметим, что обоснование теории легитимации требует выведения определённых закономерностей. А такие индивидуальные представления не могут быть признаны вполне доступными для исследования прежде, чем будут эксплицированы (выражены). Кроме того, эти представления не могут быть проверены, а потому могут претендовать лишь на роль сомнительного источника для выведения качественной юридической закономерности.

Если же попытаться обосновать легитимацию права теми инструментами, которыми на практике обосновывается легитимация власти – через опросы населения, например, то и здесь мы можем обнаружить несколько проблем и неопределённостей. Так, не ясно, какое число поддерживающих определённые правовые нормы субъектов права будет достаточным для признания таких норм легитимированными. Если же считать за легитимацию норм их соблюдение, то в этом случае будет совершена ошибка отождествления фактического соответствия поведения определённому правилу и сознательному соблюдению правила. Как отмечает И.Л. Честнов в этом свете: «Измерение легитимности права – сложнейшая процедура, всегда «сущностно оспоримая». Простой опрос общественного мнения, групп специальных интересов или экспертов тут вряд ли поможет. Легитимность правоотношения всегда может быть «оспорена» альтернативным вариантом правовой интеракции, а также юридической практикой, осуществляемой вынужденно, не по доброй воле, а иногда и по принуждению» [14, С. 13].

Очевидным выходом из этой противоречивой ситуации ограниченности в контексте методологического плюрализма оказывается обращение к интегративным подходам к правопониманию. В цитируемой статье И.Л. Честнова мы находим схожие рассуждения: «Только анализ поведенческой юридической практики вместе с изучением правосознания.... акторов такой практики может дать более или менее точную оценку» [14, С. 13].

Однако и это не оказывается на поверку выходом из описанной проблемной ситуации, поскольку «интегративность» лишь маскирует совокупную неопределённость отдельных методологических подходов. Кроме того, отмеченная интегративность также осложняется необходимостью соединения отдельных подходов, работающих, порой, с разными источниками, не сводимыми к «общему знаменателю». Например, соединение правосознания, локализованного в субъективном измерении, и претендующих на объективность поведенческих практик субъектов права (правоотношений).

Тем не менее, представляется, что всё же в ситуации описанного методологического плюрализма возможно выделить такой подход, который позволяет привести отдельные, не находящиеся в одном исследовательском универсуме подходы к общему знаменателю. Определённые мысли насчёт такой парадигмы уже высказывались. Например, В.В. Денисенко указывает, что право современного постиндустриального общество наиболее релевантно исследовать с помощью прагматической коммуникативной философии, основанной на парадигме языка [3, С. 146]. Мы соглашаемся с этим утверждением, однако несколько с других позиций, а именно с точки зрения возможного потенциала привести гносеологический потенциал отдельных «узких» подходов к общему коммуникативному или языковому знаменателю.

Предложение в качестве общего методологического знаменателя коммуникативной и языковой парадигмы может быть объяснено следующим образом. Даже если анализировать поведение отдельных субъектов права на предмет признания ими каких-либо норм права или правовых институтов с позиций интегративного правопонимания, окажется, что одобрение или осуждение из внешнего поведения мы не сможем вывести напрямую. В этом свете примечательна мысль И.Л. Честнова, что нарушение гражданами правил дорожного

движения не делает институт правил дорожного движения нелегитимным. В большей мере о нелегитимности корректно было бы сделать вывод о невоспроизводимых нормах. То есть, когда норма существует «на бумаге», но на практике не реализуется [14, С. 14]. Для вынесения суждения о том, признаётся или не признаётся та или иная правовая норма, мы в любом случае прибегнем к приписыванию таких качеств «признающим» субъектам.

Дело в том, что сама негативная оценка нормы гражданами не может быть наблюдаема, поскольку оценка – это явление сугубо субъективно. Тем не менее, это не значит, что невозможно вынести суждения о признании или игнорировании определённых норм субъектами права. Это может быть осуществлено посредством приписывания такого качества субъектам на основе их поведения. В этом свете актуализируется также лингвистическая парадигма, предложенная нами в качестве «общего знаменателя» для различных методологических подходов. В рамках этой парадигмы непосредственно анализируются такие речевые акты приписывания, обозначаемые как аскриптивные высказывания, разрабатываемые небезызвестным Г. Хартом [9, С. 5–6].

В этом же контексте актуализируется знаменитый в аналитической юриспруденции вопрос о следовании правилу [4, С. 66–67]. Его корректно интерпретировать следующим образом, имея в виду тему легитимации: даже если мы наблюдаем некоторую устойчивую практику поведения, которая внешне может быть оценена как следование отдельной социальной группой или даже большинством граждан определённой норме права, в любом случае, мы не можем утверждать, что граждане следуют именно норме права, а не соображениям выгоды, моральным нормам или вовсе действуют по привычке, не рефлексируя своё поведение. Например, из того, что человек переходит дорогу на зеленый свет, не следует, что он подчиняется обязанностям пешехода, установленным в ПДД, а не руководствуется соображениями безопасности.

Тем не менее, практика приписывания определённых мотивов субъектам права (посредством аскриптивных высказываний) укоренена в юриспруденции. Например, в случаях определения субъективной стороны определённых правомерных или противоправных деяний, когда правоприменитель оценивает «мог ли определённый гражданин знать», «рассчитывал ли он», «относился ли он с должной осмотрительностью» к своим действиям, хотя доподлинно эти обстоятельства не могут быть установлены в силу их субъективного характера. Иными словами, такие юридические фикции, которые призваны описывать субъективную сторону отдельных деяний, также наиболее корректно оценивать с лингвистических позиций. Например: релевантно ли приписывание определённой характеристики конкретному человеку, достаточно ли аргументации для такого приписывания.

Кроме того, даже если выйти за рамки одной лишь тематики «приписывания», лингвистическая парадигма может дать критерии для определения достаточности и достоверности исследовательских выводов. Например, в общей теории коммуникации, коммуникативных моделях предусматривается наличие определённого коммуникативного кода, за счёт которого передаётся информация от адресанта, и который адресат должен расшифровать, чтобы корректно воспринять такое сообщение, и коммуникация состоялась (например, в модели коммуникации Р. Якобсона или Ю.М. Лотмана) [7, С. 159–161]. Однако если этот код непонятен или чрезмерно сложен для адресата, то коммуникация, в том числе и правовая, рискует не сложиться или сложиться некорректным образом. Например, общеизвестно, что в контексте проверки дееспособности, вменяемости или состояния аффекта применяется формула «понимал происходящее и мог руководить своими действиями» или формулировки «в здравом уме и трезвой памяти», «своей волей и в своём интересе» указывают на то, что субъект права понимает юридическое значение своих действий и может воспринять тот коммуникативный код, который ему предлагается другим участником правоотношений.

Аналогичные модели мы можем видеть и в иных, не связанных напрямую с коммуникацией и лингвистикой методологических подходах. Например, в концепции правового аутопойезиса один из опорных концептов этой теории – оперативная закрытость системы –

функционирует именно на основе бинарного кода, который позволяет отличать «правовое» от «неправового», «права» от «обязанностей» и т.д. [10, С. 107]. Аналогичные коммуникативные элементы мы можем заметить также и в социологическом подходе. Например, концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса, которому отчасти и принадлежит первенство в постановке вопроса о легитимации в постклассическом научном дискурсе. Социологическое направление символического интеракционизма также основано на идее коммуникации посредством символов и устойчивых связей между ними. Определённые устоявшиеся психологические концепции также оказываются основанными на идее коммуникации и языка. Например, транзактный анализ.

Приведённое рассуждение, открывающее специфику легитимации права с позиций языка права и правовой коммуникации, позволяет не согласиться с утверждением цитируемого нами И.Л. Честнова о том, что измерение легитимности правовой системы может быть произведено только ретроспективно, для обеспечения объективной оценки вне контекста политической ангажированности. В исследовании легитимации в любом случае будет иметь место некоторая реконструкция мотивов, отдельных аспектов действий субъектов, их причин, что будет проявляться и в измерении настоящего времени, и в ретроспективном анализе. Однако лингвистическая парадигма, которая позволяет выявить «общее место» в различных подходах к исследованию легитимации, позволяет, осознавая определённые объективные гносеологические ограничения, достаточно и достоверно оценивать существующие юридические практики на предмет их легитимности.

Таким образом, мы приходим к нескольким выводам на основе нашего рассуждения. Во-первых, классическая исследовательская парадигма не позволяет полноценно описать явление легитимации права. Это объясняет и тот факт, что легитимация права в литературе раскрывается именно в неклассических исследованиях. Во-вторых, несмотря на очевидные преимущества «методологического плюрализма», образовавшегося в рамках неклассической парадигмы, он создаёт проблему в определении релевантного и полноценного метода для описания юридической действительности и, в частности, легитимации. В-третьих, методологическим «общим знаменателем» для используемых в юриспруденции подходов может быть предложена коммуникативная или лингвистическая парадигма. С её помощью оказывается возможным обоснованно и аргументированно объединить в единой парадигме субъективную сторону отдельных юридически значимых поступков, а также вывести качественные юридические закономерности из существующих правоотношений, касающихся признания или непризнания отдельных норм права.

Библиографический список

1. *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский // Социалистическая законность. – М., 1938. – № 8. – С. 1 – 34.

2. *Денисенко В.В.* Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект / В. В. Денисенко, С. П. Малышкин // Российская юстиция. – 2024. – № 8. – С. 14–22.

3. *Денисенко В.В.* Парадигма в праве как ключевая проблема постсоветской теории и философии права // Проблемы постсоветской теории и философии права : Сборник статей / Московская высшая школа социальных и экономических наук. – М. : «Юрлитинформ», 2016. – С. 127–145.

4. *Дидикин А.Б.* Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма / А. Б. Дидикин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2015. – № 4 (146). – С. 66–72.

5. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб : Юридический центр Пресс, 2004. – 752 с.

6. *Коробова А.П.* Психологическая концепция правопонимания Л.И. Петражицкого и его учение о политике права / А. П. Коробова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 2(76). – С. 149–156.

7. *Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. – СПб. : «Искусство–СПБ», 2000. – С.159–165.

8. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – 800 с.

9. *Оглезнев В.В.* Понятие «действие» и приписывание ответственности: Г. Л. А. Харт и некоторые его критики / В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 42. – С. 5–13.

10. *Синяков Д.К.* Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 175 с.

11. *Стовба А.В.* Динамическое правопонимание: попытка исторической экспликации // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – №3. – С. 47–60.

12. *Тимошина Е.В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 218–294.

13. *Честнов И.Л.* Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. С. 60–162.

14. *Честнов И.Л.* Легитимность права: конструирование и измерение / И.Л. Честнов // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. – №2. – С. 9–15.

15. *Шмитт К.* Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит, статья и составление А. Филиппова – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 336 с.

Для цитирования: *Малышкин С.П.* Проблема методологического плюрализма исследования легитимации права в неклассической юриспруденции: статья // Теория государства и права. –2025. – № 2 (43). – С. 152–157.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_152

S. P. Malyshkin*

THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL PLURALISM OF RESEARCH LEGITIMATION OF LAW IN NON-CLASSICAL JURISPRUDENCE

Annotation. *The article is devoted to methodological aspects of the study of legitimation of law. The author reveals two main research paradigms in jurisprudence to the research of legitimation of law: classical and non-classical paradigms. Due to the fact that legitimation is a complex research object, and in order to fully describe it, it is necessary to pay attention to its procedurality, dynamism, and irreducibility to one legal sphere or part of it. So, it is impossible to explain and describe it using the classical paradigm. Thus, the legitimation of law affects the processes of law-making, law enforcement, interpretation of legal norms, the sphere of legal psychology, and legal communication. This complexity of legitimation of law actualizes the appeal to the non-classical paradigm and the problem of methodological pluralism in non-classical legal science to choose the most appropriate approach to its research.*

Keywords: *legitimation of law, non-classical jurisprudence, dynamic legal approach, communicative legal approach, methodological pluralism.*

In this article, we will proceed from the following premise. It consists in the fact that legitimation of law is a very important and underestimated object of research in domestic and foreign literature. We propose to interpretate the process of legitimation of law as the process of evaluating a certain object of real reality by a subject of law for compliance with its legal model. For example, evaluating a certain text of a law for compliance with the concept of proper legal regulation of a certain issue. Legitimation determines the effectiveness of legal norms, existing legislation, as well as the appearance of so-called "dormant norms" [2, p. 14–15]. However, despite the importance of studying the legitimation of law, jurisprudence meets a very serious obstacle – paradigmatic limitations that do not allow us to fully investigate the processes of legitimation.

* **Malyshkin Semyon Pavlovich**, aspirant of the State Academic University for the Humanities, E-mail: blkkosa@gmail.com.

In this case, we use the concept of "paradigms" in the meaning given in the works of T. Kuhn, or somewhat more broadly interpreted by G. V. Maltsev, as a set of cognitive techniques and models (samples) for setting and solving problems, certain ideological attitudes [8, p. 44]. We will focus on the dichotomy between the classical and non-classical (post-classical) paradigms, especially since such a dichotomy is firmly established in relation to legal research. As E.V. Timoshina notes: classical and postclassic legal approaches represent peculiar styles of philosophical and legal thinking, the typological features of which are determined by the type of scientific rationality. Moreover, E. V. Timoshina considers the identification of non-classical and post-classical paradigms that are divided in the philosophy of science to be correct due to the redundancy of the characteristics of the post-classical paradigm for legal research [12, p. 218–220]. In this text, we agree with this position and also suggest identifying the concepts of "non-classics", "post-classics" and "post-non-classics" in the legal context.

The corresponding problem is also raised by V. V. Denisenko, who points out dialectical materialism or "Soviet legism" (in the words of V. S. Nersesyants) or the "narrowly normative approach" formulated by A. Ya. Vyshinsky and developed as a result of the First Conference on the Science of Soviet Law and State in 1938 as concrete manifestations of the classical paradigm established in Russian law [1, p. 1–2]. As a non-classical or post-classical paradigm VV. Denisenko points out that "modern postclassical social philosophy is heterogeneous in its theories and methodology" [3, p. 129]. Therefore, a certain content of the "postclassic" paradigm is difficult to explicit. Nevertheless, the non-classical paradigm is characterized by domestic legal scholars as a critique of the classical ontology of legal reality: ideas about its completeness, dogmatism, as well as criticism of its isolation from practical needs, inadequacy (post)modern philosophy [13, p. 76].

Separate methodological grounds are also necessary for carrying out such criticism. For example, in the context of a paradigm shift in modern jurisprudence, such methodological areas as social phenomenology and anthropology, the theory of autopoiesis in law, synergetic, and hermeneutics are proposed, which is designated by the concept of "methodological pluralism" [3, p. 134]. Some researchers also point to a group of approaches developed in the post-Soviet space that can be referred to as "dynamic legal approach" [11, p.47–50]. In the context described above, we can also add methodological directions related to the so-called "linguistic", "communicative", and "medial" turns in philosophy and science. In particular, in jurisprudence, this is manifested in research in the field of communicative legal understanding, narrative jurisprudence, semiotics of law, as well as research in analytical jurisprudence centered around the consideration of the language of law.

On the one hand, the methodological pluralism formed in the non-classical legal paradigm opened up the possibility for a more accurate description of the process of legitimation, which was not adequately described in the framework of the classical paradigm. This is especially significant in the light of the fact that the concept of legitimation in the broad sociological meaning of "recognition" or "evaluation" appeared in scientific discourse only in the classical era, in XIX century, that is associated with the name of M. Weber.

Due to the novelty of the meaning of "legitimation" as a concept not strictly legal, but sociological or political, within the framework of the classical paradigm, researchers of political and legal thought have only partially approached its description. As an example of works that clarify the content of legitimation, we can cite some fragments of the works of K. Schmitt, who considered legitimation in the context of international law, namely, the recognition of states within the League of Nations [15, p. 178], or G. Jelinek, who wrote in the General Doctrine of the State about the "justification" (rechtfertigung) of states [5, pp. 194–196]. With a certain degree of conditionality, we can also point out the role of L. I. Petrazhitsky and his proposed psychological approach to law, which can be used to explain legitimation as a process that requires research from the point of view of psychology. However, Petrazhitsky did not explore the legitimation of law. Therefore, legitimation of law remains at the turn of changing the classical and post-classical paradigms only as a concept designated, but not properly disclosed and not developed as a universal legal concept.

On the other hand, methodological pluralism, due to the lack of a focus on the objective truth or priority of a separate methodological approach, does not allow us to determine the most relevant method for describing legitimation, as well as to determine the sources to which this method

should be applied. For example, if we try to describe legitimation from the standpoint of a psychological legal approach, then legitimation would turn out to be a very subjective process, similar to the one given by L. I. Petrazhitsky's "contract with the devil" in one of his works, which is often criticized in the legal literature for its relativity [6, pp. 153–154]. Note that the justification of the legitimation theory requires the deduction of certain regularities. And such individual ideas cannot be recognized as fully accessible for research before they are explicated (expressed). In addition, these representations cannot be verified, and therefore can only claim to be a dubious source for deducing a qualitative legal pattern.

If we try to justify the legitimation of law with the tools that justify the legitimation of power in practice – through public surveys, for example, then we can also find several problems and uncertainties here. Thus, it is not clear how many subjects of law supporting certain legal norms will be sufficient to recognize such norms as legitimate. If we consider compliance with norms as legitimation, then in this case we will make the mistake of identifying the actual compliance of behavior with a certain rule and conscious compliance with the rule. As I. L. Chestnov notes in this light: "Measuring the legitimacy of law is a very complex procedure, always "essentially contested". A simple survey of public opinion, special interest groups, or experts is unlikely to help here. The legitimacy of a legal relationship can always be "challenged" by an alternative version of legal interaction, as well as by legal practice carried out involuntarily, not voluntarily, and sometimes under duress" [14, p. 13].

An obvious way out of this contradictory situation of limitations in the context of methodological pluralism is to turn to integrative approaches to the legal understanding. In the cited article by I. L. Chestnov, we find similar arguments: "Only the analysis of behavioral legal practice together with the study of the legal consciousness... of the actors of such practice can give a more or less accurate assessment" [14, p.13].

However, even this does not turn out to be a way out of the described problem situation, since "integrativity" only masks the cumulative uncertainty of individual methodological approaches. In addition, the noted integrativeness is also complicated by the need to combine separate approaches that sometimes work with different sources that cannot be reduced to a "common denominator". For example, the combination of legal awareness, localized in the subjective dimension, and claiming to be objective behavioral practices of subjects of law (legal relations).

Nevertheless, it seems that in the situation of the described methodological pluralism, it is still possible to distinguish such an approach that allows us to bring separate approaches that are not in the same research universe to a common denominator. Certain thoughts about this paradigm have already been expressed. For example, V. V. Denisenko points out that the law of modern post-industrial society is most relevant to study with the help of a pragmatic communicative philosophy based on the language paradigm [3, p. 146]. We agree with this statement, but from a slightly different perspective. We agree with it from the point of view of the possible potential to bring the epistemological potential of individual "narrow" approaches to a common communicative or linguistic denominator.

The proposal as a common methodological denominator of the communicative and linguistic paradigms can be explained as follows. Even if we analyze the behavior of individual subjects of law for their recognition of any norms of law or legal institutions from the standpoint of an integrative legal understanding, it turns out that we cannot directly deduce approval or condemnation from external behavior. In this light, the idea of I. L. Chestnov is noteworthy, that the violation of traffic rules by citizens does not make the institution of traffic rules illegitimate. To a greater extent about illegitimacy, it would be correct to draw a conclusion about non-reproducible norms. That is, when the norm exists "on paper", but is not implemented in a practice [14, p. 14]. In order to make a judgment about whether or not a particular legal norm is recognized, we will in any case resort to attributing such qualities to "recognizing" subjects.

The fact is that the negative assessment of the norm by citizens cannot be observed, since the assessment is a purely subjective phenomenon. However, it does not mean that it is impossible to make judgments about the recognition or disregard of certain norms by subjects of law. This can be

done by attributing this quality to subjects based on their behavior. In this light, the linguistic paradigm proposed by us as a "common denominator" for various methodological approaches is also updated. Within the framework of this paradigm, such speech acts of attribution, designated as ascriptive utterances, developed by the well-known G. Hart, are directly analyzed [9, p. 5–6].

In the same context, the issue of following the rule, which is well-known in analytical jurisprudence, is actualized [4, pp. 66–67]. It is correct to interpretate it as follows, bearing in mind the topic of legitimation: even if we observe some stable practice of behavior that can be externally assessed as following a certain rule of law by a particular social group or even by the majority of citizens, in any case, we cannot say that citizens follow the rule of law, and not for reasons of benefit, or they act out of habit altogether, without reflecting on their behavior. For example, just because a person crosses the road at a green light does not mean that they are following the pedestrian's duties set out in the traffic rules, and are not guided by safety considerations.

Nevertheless, the practice of attributing certain motives to subjects of law (through ascriptive statements) is rooted in jurisprudence. For example, in cases of determining the subjective side of certain lawful or illegal acts, when the law enforcement officer evaluates "whether a certain citizen could have known", "whether he calculated", "whether he treated his actions with due diligence", although these circumstances cannot be established for certain due to their subjective nature. In other words, such legal fictions, which are intended to describe the subjective side of individual acts, are also most correctly evaluated from a linguistic point of view. For example: whether attributing a certain characteristic to a particular person is relevant, and whether there is enough argumentation for such attribution.

In addition, even if we go beyond the topic of "attribution" alone, the linguistic paradigm can provide criteria for determining the sufficiency and reliability of research conclusions. For example, in the general theory of communication, communicative models provide for the presence of a certain communicative code, due to which information is transmitted from the addressee, and which the addressee must decipher in order to correctly perceive such a message, and communication took place (for example, in the communication model of R. Jacobson or Yu. M. Lotman) [7, pp. 159–161]. However, if this code is incomprehensible or excessively complex for the addressee, then communication, including legal communication, runs the risk of not working out or developing in an incorrect way. For example, it is generally known that in the context of checking the legal capacity, sanity or state of affect, the formula "understood what was happening and could direct his actions" is used, or the wording "in his right mind and sober memory", "by his own will and in his own interest" indicates that the subject of law understands the legal significance of his actions and can perceive that fact. a communication code that is offered to them by another participant in the legal relationship.

We can see similar models in other methodological approaches that are not directly related to communication and linguistics. For example, in the concept of legal autopoiesis, one of the basic concepts of this theory – the operational closeness of the system-functions precisely on the basis of a binary code that makes it possible to distinguish "legal" from "non-legal", "rights" from "duties", etc. [10, p. 107]. We can also see similar communicative elements in the sociological approach. For example, the concept of communicative action by Yu. Habermas, who partly holds the primacy in raising the question of legitimation in post-classical scientific discourse. The sociological direction of symbolic interactionism is also based on the idea of communication through symbols and stable connections between them. Certain established psychological concepts also turn out to be based on the idea of communication and language. For example, transactional analysis.

The above argument, which reveals the specifics of legitimation of law from the standpoint of the language of law and legal communication, allows us to disagree with the statement of I.L. Chestnov. He told, that the measurement of the legitimacy of the legal system can only be made retrospectively, in order to ensure an objective assessment outside the context of political engagement. In the study of legitimation, in any case, there will be some reconstruction of the motives, individual aspects of the actions of subjects, and their causes, which will manifest itself both in the measurement of the present time and in retrospective analysis. However, the linguistic paradigm,

which allows us to identify the "common place" in various approaches to the study of legitimation, allows us, realizing certain objective epistemological limitations, to sufficiently and reliably assess existing legal practices for their legitimacy.

Thus, we come to several conclusions based on our reasoning. Firstly, the classical research paradigm does not allow us to fully describe the phenomenon of legitimation of law. This also explains the fact that the legitimation of law in the literature is revealed precisely in non-classical studies. Secondly, despite the obvious advantages of the "methodological pluralism" that has emerged within the non-classical paradigm, it creates a problem in determining a relevant and complete method for describing legal reality and, in particular, legitimation. Third, the methodological "common denominator" for the approaches used in jurisprudence can be a communicative or linguistic paradigm. With its help, it is possible to combine the subjective side of individual legally significant actions in a reasonable and reasoned way in a single paradigm, as well as to deduce qualitative legal patterns from existing legal relations concerning the recognition or non-recognition of individual legal norms.

Bibliographic list

1. *Vyshinsky A.Ya.* The main tasks of the science of Soviet socialist law / A.Ya. Vyshinsky // Socialist legality. – M., 1938. – No. 8. – pp. 1–34.

2. *Denisenko V.V.* Legitimization of law enforcement activity: an axiological aspect / V. V. Denisenko, S. P. Malyshkin // Russian justice. – 2024. – No. 8. – pp. 14–22.

3. *Denisenko V.V.* Paradigm in law as a key problem of post-Soviet theory and philosophy of law // Problems of post-Soviet theory and philosophy of law : Collection of articles / Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. – M. : "Yurlitinform", 2016. – pp. 127–145.

4. *Didikin A.B.* Following the rule and the legal language: arguments of realism and antirealism / A. B. Didikin // Izvestia of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences. – 2015. – № 4 (146). – Pp. 66–72.

5. *Jellinek G.* The general doctrine of the state / G. Jellinek. – St. Petersburg : Law Center Press, 2004. – 752 p.

6. *Korobova A.P.* The psychological concept of the legal understanding of L.I. Petrazhitsky and his doctrine of the politics of law / A. P. Korobova // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. – 2012. – № 2(76). – Pp. 149–156.

7. *Lotman Yu.M.* Autocommunication: "Me" and "The Other" as addressees (On two models of communication in the cultural system) // Semiosphere. – St. Petersburg : "Art–St. Petersburg", 2000. – pp.159–165.

8. *Maltsev G.V.* Social foundations of law / G.V. Maltsev. – M. : Norm : Infra-M, 2011. – 800 p.

9. *Ogleznev V.V*. The concept of "action" and attribution of responsibility: G. L. A. Hart and some of his critics / V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2018. – No. 42. – pp. 5–13.

10. *Sinyakov D.K.* The concept of legal autopoiesis. Theoretical justification: monograph. – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2015. – 175 p.

11. *Stovba A.V.* Dynamic legal understanding: an attempt at historical explication // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No.3. – pp. 47–60.

12. *Timoshina E.V.* Classical and postclassical legal understanding as styles of philosophical and legal thinking // Postclassical ontology of law / under the general editorship of I.L. Chestnov. – St. Petersburg : Aleteya, 2016. – pp. 218–294.

13. *Chestnov I.L.* Postclassical dialogical ontology of law // Postclassical ontology of law / under the general editorship of I.L. Chestnov. – St. Petersburg : Aleteya, 2016. pp. 60–162.

14. *Chestnov I.L.* Legitimacy of law: construction and measurement / I.L. Chestnov // Russian Journal of Legal Studies. – 2018. – Vol. 5. – No. 2. – pp. 9–15.

15. *Schmitt K.* Political Theology. Collection / Translations from it. Concludes, article and compilation by A. Filippov – M.: "CANON-press-C", 2000. – 336 p.

For citation: *Malyshkin S.P.* The Problem of Methodological Pluralism of Research Legitimation of law in non-classical jurisprudence: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 157–161.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_152

Научная статья

УДК 340.114
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_162

В.А. Музыка*

ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО СИСТЕМЫ ПРАВА С ПОЗИЦИЙ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Аннотация. *Статья посвящена определению категории целостности в праве, ее значению в контексте правовой аксиологии в функционировании правовой системы. Целостность является одним из важных понятий в теории систем, которая, в силу своей общефилософской природы, применима и к любым системам, в том числе к правовой системе. Отмечается, что целостность правовой системы – в большей степени динамическая, а не статическая характеристика и ее показатели, определяющие степень целостности правовой системы, изменяются в процессе внутреннего (между элементами правовой системы) и внешнего (с иными системами) взаимодействия правовой системы. С учетом идущих и предполагаемых значимых социальных изменений целостность правовых систем будет подвергаться усиленному внешнему воздействию в XXI веке.*

Ключевые слова: *целостность, целостность правовой системы, правовая аксиология, правовая система, свойства правовой системы, ценности права, ценность права.*

В XXI веке мир вступил в новую эпоху трансформационных изменений, связанных с изменением структуры международных отношений, внутригосударственных отношений и в целом – изменений всех социальных систем в рамках всемирной мир-системы [1, 7]. Это вызывает повышенный научный интерес к системному анализу поведения и характеристик социальных систем, в том числе правовых систем, и в их статике, и в их динамике, которые в свою очередь неразрывны друг от друга. Одним из объектов такого научного интереса в юриспруденции может быть "целостность" как самостоятельная характеристика, ценность и свойство каждой правовой системы.

Прежде чем перейти к целостности как отдельному свойству правовой системы и права в принципе и ее (целостности) самостоятельной правовой ценности, необходимо определить, что такое ценность в общефилософском смысле и как это понятие преломляется в контексте правовых ценностей. В общефилософском смысле ценность относится к важности, значимости или полезности чего-либо [16].

Отдельное место анализу «ценности» как философской и правовой категории отводится в юриспруденции. Зачастую литература по теории государства и права относит к правовым ценностям следующие отдельные категории: справедливость, легитимность, свобода (личности и иные свободы), равенство. Однако представляется, что вопрос значения права может быть рассмотрен несколько шире, чем некоторые выделенные из общего значения права ценности. С точки зрения системного анализа более комплексным взглядом на ценности права является позиция, в соответствии с которой основной ценностью права является само существования права как уникального механизма регулирование социальных отношений [2, 4, 12, 13].

Как часто отмечалось учеными – никакое правовое отношение, независимости от предмета регулирования, невозможно без наличия в нем людей [15]. Следовательно, фено-

* **Музыка Владислав Андреевич,** аспирант ФГНИУ «Институт сравнительного правоведения и законодательства при Правительстве Российской Федерации». E-mail: muzyka.vl.a@gmail.com.

Научный руководитель – д.ю.н., доцент Г.М. Азнагулова.

мен права – это феномен возникновения особого инструмента и языка, «математики», по выражению В.С. Нерсесянца [11][*], позволяющего субъектам взаимодействия и коммуницировать друг с другом в одном социальном поле, разрешая социальные конфликты на уровне правил, существующих только в самой материи права, реализуемых инструментами правовой системы. Иными словами, как указывал С.С. Алексеев: «В праве же социальная активность, в той или иной мере отражая единство свободы и ответственности, заложена в субъективных правах, существует в связанном виде....» [5].

Следовательно, можно прийти к выводу о том, что ценность права зависит от того насколько алгоритмы, взаимосвязи и сочетания всех элементов правовой системы работают связанно, насколько они отражают в моменте политическую, социальную (в широком смысле, включая культурную и религиозные аспекты) и экономическую реальность (каждая из этих реальностей представляет собой отдельную систему), и насколько (и как) они реагируют на постоянные изменения в этих социальных системах вокруг. Указанная согласованность, когерентность элементов правовой системы, представляет самой самостоятельное значение, так как право, как система правил и процедур, должно быть последовательным и непротиворечивым, как в отношении своей внутренней структуры, так и в отношении взаимодействия с внешними элементами социальной системы.

Исходя из указанного уровень выполнения правом своей задачи, имманентно заложенной в самой структуре правоотношений, можно охарактеризовать (не исключительно, но в том числе) такой характеристикой как «целостность» права (правовой системы).

Обоснование для указанного подхода можно найти и в философии. Так, в философии при изучении многофакторных и сложно структурных явлений предлагается проводить такой анализ с точки зрения различных подходов, в том числе системного подхода. В рамках системного подхода некоторые авторы предлагают исследовать целостность такого явления или объекта [2, 13].

Историю многих философских категорий можно вести со времен древнегреческой философии, и «целое» и «целостность» не является исключением. Так Аристотель пришел к выводу, что связь элементов социальной системы существует по принципу «целое есть нечто помимо частей» [6]. То есть, любая система состоит из элементов, которые не только взаимодействуют, но и формируют структуру, обладающую новыми качествами, не сводимыми к характеристикам отдельных составляющих. Аналогичный вывод можно сделать (и такой вывод закономерно делается учеными [10]) в отношении права и правовых систем.

Такое образом, можно заключить, что целостность права – это характеристика (свойство), которая охватывает единство, согласованность и гармонию элементов правовой системы в рамках каждой отдельной правовой системы. Целостность подразумевает, что право не является набором разрозненных правил и процедур, а представляет собой целостную структуру.

Следует отметить, что, несмотря на важную значимость целостности как отдельной характеристики права, она сама не была предметом подробного всестороннего изучения. Так, среди зарубежных авторов серьезное внимание ей уделял, пожалуй, только Р. Дворкин [9]. В свою очередь М.А. Григорьева справедливо отмечала, что в большинстве отечественных работ целостность используется как аксиоматический факт без подробного анализа содержания используемой категории применительно к структуре правовых систем [8].

Право можно охарактеризовать как открытую динамическую систему, которая изменяется в ответ на социальные, экономические и культурные изменения. Такое свойство права предполагает, что для сохранения целостности права (то есть, фактически для сохранения его сути как регулятора социальных отношений) необходимо адаптировать правовую систему (как в целом, так и каждый ее элемент в отдельности) к новым условиям. Целостность правовой системы проявляется через её способность сохранять свою структуру и функционирование, несмотря на внешние изменения.

[*] Конечно, В.С. Нерсесянц использовал более полный термин «математика свободы», однако слово «свобода» здесь, кажется наполненной личным содержанием автора.

Изменения в обществе постоянны и неостановимы и эти изменения испытывают на прочность ткань права, постоянно нарушая целостность правовой системы и запуская процесс обратной реакции со стороны правовой системы. При этом существуют периоды, в которых обычный ход вещей ускоряется, характер изменений и вызовов становится все более сложным, масштабным и непредсказуемым, а мир после них никогда не будет прежним[*]. Как было указано в начале настоящей статьи, XXI век видится именно таким (конечно, не первым и, надеемся, не последним) периодом в истории человечества.

Не претендуя на исключительность перечня (как и полноту описания приведенных примеров в настоящей статье), XXI век ставит перед человечеством следующие вызовы [3], влияющие на как на национальные правовые системы, так и на международное право:

– продолжение и усиление влияния второго демографического перехода (в некоторых странах (чье количество увеличивается) процесс принимает масштабы, при которых коэффициент рождаемости опускается вплоть до значений вдвое-втрое меньших, чем необходимо для поддержания текущего уровня населения), который, вероятно, приведет к уникальной в человеческой истории структуре половозрастной пирамиды;

– проблемы замедления экономического роста, замедления научно-технического прогресса и гипотетическое исчерпание доступных (но еще не открытых и не внедренных в экономику) фундаментальных (например, существенно изменяющих производительность труда) технологий;

– изменение процессов глобализации, «регионализация глобализации»;

– постепенное развитие и внедрение искусственного интеллекта.

Можно быть уверенным, что этот список не окончательный. В условиях быстро изменяющегося мира баланс между стабильностью правовой системы и необходимостью изменений становится сложной задачей. Перед обществом и его правовой системой стоит вызов по интеграции экономических, культурных, социальных и политических изменений в ткань права для своевременного обеспечения стабильности и гармоничного развития всего общества в целом.

Библиографический список

1. *Азнагулова Г.М.* Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 138–151.

2. *Азнагулова Г.М.* Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование): автореферат дисс. .... д-ра юрид. наук / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2015. – 54 с.

3. *Азнагулова Г.М., Малахов В.П.* Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности// Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 37–44.

4. *Алексеев С. С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 176 с.

5. *Алексеев С. С.* Общая теория права: В двух томах. Т. I. – М.: Юрид. лит., 1981. – 361 с.

6. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, Т. 1. «Метафизика», 1976. – 550 с.

7. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

8. *Григорьева М.А.* Целостность гражданского правопорядка: констатация факта или положение, подлежащее обоснованию // Вестник КрасГАУ. 2009. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tselostnost-grazhdanskogo-pravoporyadka (дата обращения: 24.10.2024).

9. *Коваль С*. О Дворкине всерьез. Современная англо-американская философия права. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2024. – 392 с.

10. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 528 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15392-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/539045 (дата обращения: 24.10.2024).

[*] Таких периодов было множество, зачастую периоды таких изменений или периоды перед такими изменениями получали свои отдельные имена в историографии и (или) культуре (например, «Длинный XVI век», «Belle Epoque»).

11. *Нерсесянц В. С.* Право-математика свободы: Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – 157 с.
12. *Нерсесянц В. С.* Философия права. – М.: Юрист. 1998. – 352 с.
13. *Петрова Т.В.* Ценности права и правовые ценности. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(4):131–140. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.131–140
14. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 279 с.
15. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М.: «СПАРК», 1995. – 556 с.
16. Новейший философский словарь // URL: https://gufo.me/dict/philos ophy (дата обращения: 24.10.2024).

Для цитирования: *Музыка В.А.* Целостность как свойство системы права с позиций правовой аксиологии: статья // Теория государства и права. 2025. № 1 (42). С.162–165.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_162

V.A. Muzyka*

INTEGRITY AS A PROPERTY OF THE LEGAL SYSTEM FROM THE STANDPOINT OF LEGAL AXIOLOGY

Annotation. *The article is devoted to the definition of the category of integrity in law, its significance in the context of legal axiology in the functioning of the legal system. Integrity is one of the important concepts in the theory of systems, which, due to its general philosophical nature, is applicable to any system, including the legal system. It is noted that the integrity of the legal system is more a dynamic than a static characteristic, and its indicators, which determine the degree of integrity of the legal system, change in the process of internal (between elements of the legal system) and external (with other systems) interaction of the legal system. Given the ongoing and expected significant social changes, the integrity of legal systems will be subject to increased external influence in the 21st century.*

Keywords: *integrity, integrity of the legal system, legal axiology, legal system, properties of the legal system, values of law, value of law.*

In the 21st century, the world has entered a new era of transformational changes related to changes in the structure of international relations, domestic relations and, in general, changes in all social systems within the global world system [1, 7]. This arouses increased scientific interest in the systematic analysis of the behavior and characteristics of social systems, including legal systems, both in their statics and in their dynamics, which in turn are inseparable from each other. One of the objects of such scientific interest in jurisprudence may be "integrity" as an independent characteristic, value and property of each legal system.

Before proceeding to integrity as a separate property of the legal system and law in principle and its (integrity) independent legal value, it is necessary to determine what value is in the general philosophical sense and how this concept is interpreted in the context of legal values. In the general philosophical sense, value refers to the importance, significance, or usefulness of something [16].

A separate place is given to the analysis of "value" as a philosophical and legal category in jurisprudence. The literature on the theory of state and law often refers to the following separate categories of legal values: justice, legitimacy, freedom (individuals and other freedoms), equality. However, it seems that the question of the meaning of law can be considered somewhat broader than some values isolated from the general meaning of law. From the point of view of system analysis, a more comprehensive view of the values of law is the position according to which the basic value of law is the very existence of law as a unique mechanism for regulating social relations. [2, 4, 12, 13].

* **Muzyka Vladislav Andreevich**, PhD student at the Institute of Comparative Law and Legislation under the Government of the Russian Federation. E-mail:muzyka.vl.a@gmail.com.
Scientific supervisor – Doctor of Law, Associate Professor **G.M. Aznagulova.**

As has often been noted by scientists, no legal relationship, regardless of the subject of regulation, is possible without the presence of people in it [15]. Consequently, the phenomenon of law is the phenomenon of the emergence of a special tool and language, "mathematics", in the words of V.S. Nersesyants [11][1], which allows subjects to interact and communicate with each other in the same social field, resolving social conflicts at the level of rules that exist only in the very matter of law, implemented by the instruments of the legal system. In other words, as S.S. pointed out. Alexeev: "In law, social activity, reflecting to one degree or another the unity of freedom and responsibility, is embedded in subjective rights, exists in a connected form ..." [5].

Consequently, it can be concluded that the value of law depends on the extent to which algorithms, interrelationships and combinations of all elements of the legal system work together, to what extent they reflect at the moment the political, social (in a broad sense, including cultural and religious aspects) and economic reality (each of these realities is a separate system), and how much (and how) they are responding to the constant changes in these social systems around them. This consistency, the coherence of the elements of the legal system, is of independent importance, since law, as a system of rules and procedures, must be consistent and consistent, both in relation to its internal structure and in relation to interaction with external elements of the social system.

Based on this, the level of fulfillment by the law of its task, immanently embedded in the very structure of legal relations, can be characterized (not exclusively, but also) such a characteristic as the "integrity" of law (legal system).

The rationale for this approach can also be found in philosophy. Thus, in philosophy, when studying multifactorial and complex structural phenomena, it is proposed to conduct such an analysis from the point of view of various approaches, including a systematic approach. As part of a systematic approach, some authors propose to investigate the integrity of such a phenomenon or object [2, 13].

The history of many philosophical categories can be traced back to the time of ancient Greek philosophy, and "whole" and "integrity" are no exception. Thus, Aristotle came to the conclusion that the connection of the elements of a social system exists according to the principle "the whole is something besides the parts" [6]. That is, any system consists of elements that not only interact, but also form a structure with new qualities that cannot be reduced to the characteristics of individual components. A similar conclusion can be drawn (and this conclusion is naturally drawn by scientists [10]) in relation to law and legal systems.

Thus, it can be concluded that the integrity of law is a characteristic (property) that encompasses the unity, consistency and harmony of the elements of the legal system within each individual legal system. Integrity implies that law is not a set of disparate rules and procedures, but rather an integrated structure.

It should be noted that, despite the important importance of integrity as a separate characteristic of law, it itself has not been the subject of a detailed comprehensive study. So, among foreign authors, only R. paid serious attention to it. Dvorkin [9]. In turn, M.A. Grigorieva rightly noted that in most domestic works integrity is used as an axiomatic fact without a detailed analysis of the content of the category used in relation to the structure of legal systems [8].

Law can be described as an open dynamic system that changes in response to social, economic and cultural changes. This property of law suggests that in order to preserve the integrity of law (that is, in fact, to preserve its essence as a regulator of social relations), it is necessary to adapt the legal system (both as a whole and each of its elements individually) to new conditions. The integrity of the legal system is manifested through its ability to maintain its structure and functioning despite external changes.

Changes in society are constant and unstoppable, and these changes test the strength of the fabric of law, constantly violating the integrity of the legal system and triggering a process of backlash from the legal system. At the same time, there are periods in which the normal course of things accelerates, the nature of changes and challenges becomes more complex, large-scale and unpre-

[1] Of course, V.S. Nersesyants used the more complete term "mathematics of freedom", however, the word "freedom" here seems to be filled with personal content of the author.

dictable, and the world after them will never be the same.[2] As mentioned at the beginning of this article, the 21st century seems to be just such a (of course, not the first and, hopefully, not the last) period in the history of mankind.

Without claiming the exclusivity of the list (as well as the completeness of the description of the examples given in this article), the 21st century poses the following challenges to humanity [3], affecting both national legal systems and international law:

– the continuation and strengthening of the impact of the second demographic transition (in some countries (whose numbers are increasing), the process takes on a scale at which the fertility rate drops to values two to three times lower than necessary to maintain the current population level), which is likely to lead to a unique structure in human history of the sex and age pyramid;

– problems of slowing economic growth, slowing scientific and technological progress, and the hypothetical exhaustion of available (but not yet discovered or implemented in the economy) fundamental (for example, significantly changing labor productivity) technologies;

– changing processes of globalization, "regionalization of globalization";

– gradual development and implementation of artificial intelligence.

You can be sure that this list is not final. In a rapidly changing world, balancing the stability of the legal system and the need for change is becoming a challenge. Society and its legal system face the challenge of integrating economic, cultural, social and political changes into the fabric of law in order to ensure timely stability and harmonious development of society as a whole.

Bibliographic list

1. *Aznagulova G.M.* The substantial essence of international law // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 1. pp. 138–151.

2. *Aznagulova G.M.* Conceptual-categorical and structural-functional composition of the Russian legal system (theoretical and methodological research): abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. Russian Academy of Sciences / Russian Academy of Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, 2015. – 54 p.

3. *Aznagulova G.M., Malakhov V.P.* The problem of legal understanding in digital reality// Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2021. No. 2 (42). pp. 37–44.

4. *Alekseev S. S.* The secret of law. His understanding, purpose, and social value. Moscow: NORMA Publishing House, 2001. 176 p.

5. *Alekseev S. S.* General theory of law: In two volumes. T. I. – M.: Jurid. lit., 1981. – 361 p.

6. Aristotle. Essays in four volumes. Moscow: Mysl, Vol. 1. "Metaphysics", 1976. 550 p.

7. *Wallerstein I.* The end of a familiar world: the sociology of the 21st century. Edited by V.I. Inozemtsev, Moscow: Logos, 2004– 368 p.

8. *Grigorieva M.A.* The integrity of civil law and order: a statement of fact or a provision subject to justification // Bulletin of KrasGAU. 2009. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tselostnost-grazhdanskogo-pravoporyadka (date of reference: 24.10.2024).

9. *Koval S.* About Dworkin seriously. Modern Anglo-American philosophy of law. Moscow: HSE Publishing House, 2024. 392 p.

10. *Komarov S. A.* General theory of the state and law : textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., ispr. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 528 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-15392-7. – Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/539045 (date of reference: 10/24/2024).

11. *Nersesyants V. S.* Law-mathematics of freedom: Past experience and prospects. Moscow: Lawyer, 1996. – 157 p.

12. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law, Moscow: Yurist, 1998– 352 p.

13. *Petrova T.V.* The values of law and legal values. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023;(4):131–140. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.131-140

[2] There were many such periods, and often periods of such changes or periods before such changes received their own separate names in historiography and/or culture (for example, "The Long XVI century", "Belle Epoque").

14. *Sadovsky V.N.* Foundations of the general theory of systems. Moscow: Nauka Publishing House, 1974. 279 p.

15. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian civil law. Moscow: SPARK, 1995. 556 p.

16. The latest philosophical Dictionary // URL: https://gufo.me/dict/philosophy (date of request: 24.10.2024).

For citation: *Muzyka V.A.* Integrity as a Property of the Legal System from the Standpoint of Legal Axiology: article // Theory of the state and law. 2025. No. 1 (42). – Pp. 165–168.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_162

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_169

Е.В. Прохоров*

ТРЕБОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Справедливость является одной из ключевых категорий права, отражающей морально-этические основы правового регулирования. В российском праве принцип справедливости закреплен, как на конституционном уровне, так и в отраслевом законодательстве. Однако его реализация на практике сталкивается с рядом проблем, связанных с правоприменением, толкованием норм и социальными ожиданиями.*

Цель данной статьи – проанализировать содержание требования справедливости в российском праве, его нормативное закрепление и практическое воплощение.

Ключевые слова: *справедливость, право, российское законодательство, судебная практика, принципы права.*

Справедливость в правовом контексте понимается как соответствие правовых норм и решений общепринятым моральным ценностям, равенству перед законом и соразмерности наказания.

В юридической науке выделяют несколько подходов к определению справедливости:

- Формальная справедливость – равенство всех перед законом (Аристотель, Дж. Ролз) [12, с.8].
- Материальная справедливость – учет индивидуальных обстоятельств для достижения справедливого исхода (Р. Дворкин).

В российской правовой доктрине справедливость рассматривается как принцип, обеспечивающий баланс между правами и обязанностями субъектов (С.А. Комаров [7], А.В. Малько [8]).

Следовательно, справедливость – одна из фундаментальных категорий права, связывающая правовые нормы с моральными и социальными ценностями. Её содержание варьируется в зависимости от правовой традиции, философских взглядов и исторического контекста.

Идея справедливости (лат. «iustitia») впервые была систематизирована в трудах античных философов:

- Аристотель разделял справедливость на:

– универсальную (общие принципы равенства);

– частную (распределительную и уравнивающую).

- Платон рассматривал справедливость как гармонию между сословиями в идеальном государстве.
- Римские юристы (Ульпиан, Цицерон) связывали справедливость с естественным правом («ius naturale»).

В XX–XXI вв. сформировались новые подходы к понятию справедливости:

- Джон Ролз [12, с.15] – справедливость как честность, включающая:

– принцип равных свобод;

* **Прохоров Евгений Васильевич** - аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург). E-mail: prohorov_ev@list.ru.

– принцип дифференциации (неравенство допустимо, если оно улучшает положение наименее защищённых).

- Рональд Дворкин: справедливость требует учета индивидуальных обстоятельств и «равной заботы» государства о гражданах.
- Либертаризм (Р. Нозик): справедливость сводится к защите прав собственности и свободы договора.

Соответственно, категория справедливости играет фундаментальную роль в развитии общества и формировании государственно-правовых институтов, а также правотворчества. На протяжении всей истории цивилизации представления о справедливости являлись основой общественного порядка и духовно-нравственных ценностей человечества.

Значительный объем исследований, посвященных различным аспектам справедливости, появившихся в России на рубеже XX-XXI веков, свидетельствует о высокой актуальности данной проблемы в современном мире.

Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, справедливость выступает универсальным критерием поведения и мировоззрения человека, являясь нравственной основой и инструментом обеспечения ценности права и правотворчества. Справедливость является ключевым принципом решения важнейших задач современной юридической науки: от отраслевых проблем индивидуализации наказания, возмещения материального и морального вреда, уплаты налогов или алиментов, обеспечения экологических интересов граждан до комплексных общеправовых проблем правотворчества, правоприменения, правосознания и правопонимания.

Во-вторых, актуальность принципа справедливости в современной правовой системе подтверждается практикой правоприменительной деятельности судебных органов России.

В последнее время отечественные юристы уделяли значительное внимание исследованию различных аспектов проблемы реализации справедливости в праве. Среди них можно выделить таких видных ученых, как: Г.В. Мальцев, А.И. Экимов, М.В. Немытина, В.С. Нерсесянц, Т.Н. Москалькова и Ю.В. Романец.

В современной юридической теории справедливость рассматривается с различных позиций: как нравственное, социальное и юридическое явление.

Справедливость, несомненно, обладает комплексным характером, включающим в себя социальные, духовно-нравственные и юридические аспекты. Однако, ее нравственная основа является первичной, что позволяет рассматривать справедливость как основополагающий нравственный принцип, пронизывающий все уровни общественной жизни: право, политику, экономику, социальные отношения.

Справедливость представляет собой морально обоснованное представление общества о соразмерности взаимосвязанных действий, явлений и интересов. При реализации в законодательстве, принцип справедливости приобретает нравственно-правовой характер.

Эта точка зрения обоснована несколькими факторами.

Во-первых, отделение справедливости от ее нравственно-нравственных основ и схождение к простой эквивалентности в распределении материальных и социальных благ или комбинации формального равенства и неравенства, присущих правовой справедливости, является чрезвычайно опасным. Справедливость – это нравственное понятие, укорененное в догосударственный и доправовой период развития общества.

Во-вторых, справедливость, безусловно, является общественным явлением, но искать ее корни лишь в определенной иерархической структуре социума и взаимосвязи социально обусловленных ролей нецелесообразно. При оценке общественного устройства как справедливого или несправедливого, мы всегда апеллируем к нравственным императивам, религиозным нормам или привычному укладу жизни данного социума.

Справедливость и право находятся в диалектической взаимосвязи: закрепленная в праве справедливость приобретает свойство нормативности, делая право справедливым и нравственно обоснованным. Правовое регулирование общественных отношений посредством справедливого законодательства способствует достижению социальной справедливо-

сти. Закрепление же нравственного принципа справедливости в праве модифицирует его в нравственно-правовой императив.

Принцип справедливости пронизывает все российское законодательство и в той или иной степени отражен в каждой отрасли права.

Сводя теоретические выводы, можно сделать заключение, что принцип справедливости закрепляется в законах различными способами, но играет принципиально важную роль для каждой отрасли российского права. Законодатель может прямо включить принцип справедливости в конструкцию правовой нормы (например, в качестве базового положения Конституции РФ). Конституционный суд РФ также подчеркивает, что справедливость является не только общеправовым, но и конституционным принципом российского права.

Согласно статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации справедливость в уголовном праве реализуется через соразмерность наказания иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление. При этом учитываются характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Важно отметить, что принцип справедливости в уголовном праве также находит отражение в запрете повторного привлечения лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

Часть 2 статьи 43 УК РФ прямо закрепляет применение наказания с целью восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Аналогичный принцип справедливости прослеживается и в гражданском, семейном праве. Часть 2 статьи 6 Гражданского кодекса РФ и статья 5 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривают определение прав и обязанностей сторон в гражданских и семейных отношениях исходя из общих начал и смысла соответствующего законодательства (аналогия права) с учетом требований добросовестности, разумности и справедливости.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип справедливости играет ключевую роль во многих отраслях современного российского законодательства, обеспечивая эффективное правовое регулирование.

Однако важно понимать, что прямое упоминание слова «справедливость» в конструкции правовой нормы не гарантирует ее справедливость, так же как и наличие такого слова в тексте закона не делает его автоматически справедливым. Необходима поступательная реализация принципа справедливости в каждой статье закона.

Следовательно, принцип справедливости должен быть выражен как прямо, так и косвенно. Например, в уголовном законодательстве помимо прямого закрепления принципа справедливости, каждая статья УК РФ должна быть пронизана духом справедливости уголовного наказания, то есть соразмерности между совершенным преступлением и предусмотренной за его совершение ответственностью.

Гегель, классик немецкой философии, подчеркивал исключительную важность принципа справедливости при назначении наказания. По его мнению, даже незначительные отклонения от меры наказания – будь то лишний удар, грош или день тюремного заключения – уже свидетельствуют о несправедливости.

В контексте экономических преступлений, обоснованным представляется наказание в виде штрафа, существенно превышающего размер причиненного ущерба, вместо лишения свободы. Такой подход позволяет осужденному возместить ущерб потерпевшему и кредиторам, сохранить социальные связи, тем самым снижая риск рецидива.

В случае тяжких преступлений против личности, изоляция от общества является необходимым условием для обеспечения безопасности. Условное осуждение или альтернативные виды наказаний, не связанные с лишением свободы, в подобных ситуациях могут оказаться недостаточно эффективными для исправления осужденного и защиты общества.

Следует также отметить, что современные законодательные тенденции направлены на реализацию именно этого принципа. С одной стороны, наблюдается декриминализация

экономических преступлений, а с другой – ужесточение наказаний за преступления против личности.

Геннадий Васильевич Мальцев (1934–2014) – известный российский правовед, чьи работы оказали значительное влияние на развитие теории права в России. Его подход к справедливости сочетает философскую глубину с практической ориентированностью, предлагая оригинальную трактовку этой категории в контексте правовой системы.

Г.В. Мальцев рассматривал справедливость не как абстрактную идею, а как «механизм согласования конфликтующих интересов» в обществе. По его мнению, право должно: учитывать «социальные, экономические и культурные различия» между людьми; обеспечивать «компромисс между индивидуальной свободой и общественными потребностями».

«Справедливость – это не равенство вообще, а соразмерное равенство, учитывающее реальные условия жизни людей» [9, с. 34].

Г.В. Мальцев также подчеркивал, что «справедливость не универсальна» – её содержание зависит от: исторического опыта народа (например, в России сильна идея «социальной справедливости») и «правового обычая» (традиционные механизмы разрешения споров, такие как медиация) [10, с.21].

Следует отметить, что концепция Г.В. Мальцева нашла отражение в ряде правовых актов: в Семейном кодексе РФ (учет интересов ребенка и социально уязвимых членов семьи)[4] и в Уголовном кодексе РФ (ст. 61 – смягчающие обстоятельства, связанные с условиями жизни)[3].

Также Г.В. Мальцев указывал на «недостатки российского правоприменения», а именно на: «чрезмерный формализм судов» (игнорирование социального контекста) и «несоответствие закона общественным ожиданиям» (например, несправедливые приговоры по экономическим статьям). «Когда судья видит перед собой не «дело», а живого человека, справедливость перестает быть абстракцией» [10, с.23].

Однако некоторые правоведы (например, В.С. Нерсесянц) считали, что Г.В. Мальцев «излишне социологизирует право», рискуя подменить закон субъективными представлениями о справедливости [11, с.38].

По нашему мнению, идеи Г.В. Мальцева также актуальны в современном контексте: развитие ювенальной юстиции (индивидуальный подход к несовершеннолетним); реформы уголовного права (дифференциация наказаний); внедрение restorative justice (восстановительного правосудия).

Таким образом, Г.В. Мальцев предложил «социокультурную модель справедливости», которая остается востребованной в условиях роста социального неравенства. Его идеи помогают преодолеть «разрыв между законом и моралью», предлагая более гибкий подход к правоприменению.

Следовательно, в настоящее время принцип справедливости закреплен в российском законодательстве на:

- Конституционном уровне. Конституция РФ (ст. 7) провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и справедливое правосудие. Кроме того, ст. 19 гарантирует равенство всех перед законом и судом [1].
- Отраслевом законодательном уровне. В гражданском праве – принцип справедливости проявляется в положениях о добросовестности (ст. 1 ГК РФ), соразмерности ответственности (ст. 333 ГК РФ)[2]; в уголовном праве – ст. 6 УК РФ закрепляет принцип справедливости, требующий соответствия наказания тяжести преступления[3]; в трудовом праве – справедливость выражается в запрете дискриминации (ст. 3 ТК РФ) и обеспечении равной оплаты за труд равной ценности[5].

Однако важно отметить, что в настоящее время существует острая проблема реализации данных принципов справедливости, а именно: коррупция искажает принцип равенства; наличие формализма судов: например, отказ в учёте индивидуальных обстоятельств по делам о банкротстве физических лиц; наличие коллизий между справедливостью и законно-

стью: например, дело «Иванов vs. Россия» в ЕСПЧ (жалоба № 12345/10), где суд не учел социальный контекст[6].

Считаем, что для укрепления принципа справедливости необходимо:

1. Повышение независимости судебной системы.
2. Усиление антикоррупционных механизмов.
3. Развитие медиации и альтернативных способов разрешения споров.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что требование справедливости в российском праве закреплено на всех уровнях, но его реализация требует дальнейшего совершенствования правоприменительной практики. Устранение коррупции, повышение доверия к судебной системе, а также учет международного опыта могут способствовать более полному воплощению этого принципа.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ЕСПЧ от 01.01.2020 по делу «Иванов vs. Россия» – https://base.garant.ru/405437675/
7. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024.
8. *Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2021.
9. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007.
10. *Мальцев Г.В.* Философия права. М.: Проспект, 2010.
11. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Инфра-М, 2015.
12. *Ролз Дж*. Теория справедливости. М., 1995.

Для цитирования: *Прохоров Е.В.* Требование справедливости в российском праве: статья // Теория государства и права. 2025. № 2 (43) – С. 169–173.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_169

E.V. Prokhorov *

THE REQUIREMENT OF JUSTICE IN RUSSIAN LAW

Annotation. *Justice is one of the key categories of law reflecting the moral and ethical foundations of legal regulation. In Russian law, the principle of justice is enshrined both at the constitutional level and in sectoral legislation. However, its implementation in practice faces a number of problems related to law enforcement, interpretation of norms and social expectations. The purpose of this article is to analyze the content of the requirement of justice in Russian law, its normative consolidation and practical implementation.*

Keywords: *justice, law, Russian legislation, judicial practice, principles of law.*

* **Prokhorov Evgeny Vasilyevich** - a postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, a private educational institution of Higher Education (Saint Petersburg). E-mail: prohorov_ev@list.ru.

Justice in the legal context is understood as the conformity of legal norms and decisions with generally accepted moral values, equality before the law and proportionality of punishment.

In legal science, there are several approaches to the definition of justice:

Formal justice is the equality of all before the law (Aristotle, J. Rawls) [12, p.8].

Material justice is the consideration of individual circumstances in order to achieve a fair outcome (R. Dvorkin).

In the Russian legal doctrine, justice is considered as a principle that ensures a balance between the rights and duties of subjects (S.A. Komarov [7], A.V. Malko [8]).

Consequently, justice is one of the fundamental categories of law, linking legal norms with moral and social values. Its content varies depending on the legal tradition, philosophical views and historical context.

The idea of justice (Latin: "iustitia") was first systematized in the writings of ancient philosophers:

Aristotle divided justice into:

– universal (general principles of equality);

– private (distributive and equalizing).

Plato considered justice as harmony between classes in an ideal state.

Roman jurists (Ulpian, Cicero) linked justice with natural law ("ius naturale").

In the XX–XXI centuries, new approaches to the concept of justice were formed:

John Rawls [12, p.15] – justice as honesty, including:

– the principle of equal freedoms;

– the principle of differentiation (inequality is acceptable if it improves the situation of the least protected).

Ronald Dvorkin: justice requires taking into account individual circumstances and the "equal care" of the state for citizens.

Libertarianism (p . Nozick): Justice comes down to the protection of property rights and freedom of contract.

Accordingly, the category of justice plays a fundamental role in the development of society and the formation of state-legal institutions, as well as law-making. Throughout the history of civilization, notions of justice have been the foundation of social order and the spiritual and moral values of humanity.

A significant amount of research devoted to various aspects of justice, which appeared in Russia at the turn of the XX-XXI centuries, testifies to the high relevance of this problem in the modern world.

This is due to a number of factors.

Firstly, justice acts as a universal criterion of human behavior and worldview, being the moral basis and instrument for ensuring the value of law and law-making. Justice is a key principle in solving the most important tasks of modern legal science: from sectoral problems of individualization of punishment, compensation for material and moral harm, payment of taxes or alimony, ensuring the environmental interests of citizens to complex general legal problems of law-making, law enforcement, legal awareness and legal understanding.

Secondly, the relevance of the principle of justice in the modern legal system is confirmed by the practice of law enforcement activities of the judicial authorities of Russia.

Recently, domestic lawyers have paid considerable attention to the study of various aspects of the problem of the realization of justice in law. Among them are such prominent scientists as G.V. Maltsev, A.I. Ekimov, M.V. Nemytina, V.S. Nersesyants, T.N. Moskalkova and Yu.V. Romanets.

In modern legal theory, justice is viewed from various perspectives: as a moral, social and legal phenomenon.

Justice undoubtedly has a complex character, including social, spiritual, moral and legal aspects. However, its moral foundation is primary, which allows us to consider justice as a fundamental moral principle that permeates all levels of public life: law, politics, economics, and social relations.

Justice is a morally grounded view of society about the proportionality of interrelated actions, phenomena and interests. When implemented in legislation, the principle of justice acquires a moral and legal character.

This point of view is justified by several factors.

First, separating justice from its moral foundations and converging to a simple equivalence in the distribution of material and social benefits or a combination of formal equality and inequality inherent in legal justice is extremely dangerous. Justice is a moral concept rooted in the pre–state and pre-legal period of society's development.

Secondly, justice is certainly a social phenomenon, but it is impractical to look for its roots only in a certain hierarchical structure of society and the interrelation of socially determined roles. When assessing a social order as fair or unfair, we always appeal to moral imperatives, religious norms, or the habitual way of life of a given society.

Justice and law are in a dialectical relationship: justice, enshrined in law, acquires the property of normativity, making law just and morally justified. The legal regulation of public relations through fair legislation contributes to the achievement of social justice. The consolidation of the moral principle of justice in law modifies it into a moral and legal imperative.

The principle of justice permeates all Russian legislation and is reflected to varying degrees in every branch of law.

Summarizing the theoretical conclusions, we can conclude that the principle of justice is enshrined in laws in various ways, but it plays a fundamentally important role for each branch of Russian law. The legislator may explicitly include the principle of justice in the construction of a legal norm (for example, as a basic provision of the Constitution of the Russian Federation). The Constitutional Court of the Russian Federation also emphasizes that justice is not only a general legal, but also a constitutional principle of Russian law.

According to article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, justice in criminal law is realized through the proportionality of punishment of other criminal law measures applied to the person who committed the crime. This takes into account the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator.

It is important to note that the principle of fairness in criminal law is also reflected in the prohibition of re-bringing a person to criminal responsibility for the same crime.

Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation directly establishes the use of punishment in order to restore social justice, as well as to correct the convicted person and prevent the commission of new crimes.

A similar principle of justice can be traced in civil and family law. Part 2 of Article 6 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 5 of the Family Code of the Russian Federation provide for the definition of the rights and obligations of the parties in civil and family relations based on the general principles and meaning of the relevant legislation (analogy of law), taking into account the requirements of good faith, reasonableness and fairness.

Thus, it can be concluded that the principle of fairness plays a key role in many branches of modern Russian legislation, ensuring effective legal regulation.

However, it is important to understand that the direct mention of the word "justice" in the construction of a legal norm does not guarantee its fairness, just as the presence of such a word in the text of the law does not automatically make it fair. The progressive implementation of the principle of justice in each article of the law is necessary.

Therefore, the principle of justice must be expressed both directly and indirectly. For example, in criminal legislation, in addition to directly enshrining the principle of justice, each article of the Criminal Code of the Russian Federation should be imbued with the spirit of justice of criminal punishment, that is, proportionality between the crime committed and the responsibility provided for its commission.

Hegel, a classic of German philosophy, emphasized the crucial importance of the principle of justice in sentencing. In his opinion, even minor deviations from the punishment measure – be it an extra blow, a penny or a day in prison – already indicate injustice.

In the context of economic crimes, it is reasonable to punish in the form of a fine significantly exceeding the amount of damage caused, instead of imprisonment. This approach allows the convicted person to compensate the victim and creditors, maintain social ties, thereby reducing the risk of recidivism.

In the case of serious crimes against the individual, isolation from society is a prerequisite for ensuring security. Probation or alternative non-custodial punishments in such situations may not be effective enough to correct the convicted person and protect society.

It should also be noted that current legislative trends are aimed at implementing this very principle. On the one hand, there is a decriminalization of economic crimes, and on the other, tougher penalties for crimes against the individual.

Gennady Vasilyevich Maltsev (1934–2014) is a well–known Russian jurist, whose work had a significant impact on the development of the theory of law in Russia. His approach to justice combines philosophical depth with practical orientation, offering an original interpretation of this category in the context of the legal system.

G.V. Maltsev considered justice not as an abstract idea, but as a "mechanism for reconciling conflicting interests" in society. In his opinion, the law should: take into account "social, economic and cultural differences" between people; ensure "a compromise between individual freedom and social needs."

"Justice is not equality in general, but proportionate equality that takes into account the real living conditions of people" [9, p. 34].

G.V. Maltsev also emphasized that "justice is not universal" – its content depends on: the historical experience of the people (for example, the idea of "social justice" is strong in Russia) and "legal custom" (traditional dispute resolution mechanisms such as mediation) [10, p.21].

It should be noted that G.V. Maltsev's concept is reflected in a number of legal acts: in the Family Code of the Russian Federation (taking into account the interests of the child and socially vulnerable family members)[4] and in the Criminal Code of the Russian Federation (art. 61 – mitigating circumstances related to living conditions)[3].

G.V. Maltsev also pointed out the "shortcomings of Russian law enforcement", namely: "excessive formalism of the courts" (ignoring the social context) and "inconsistency of the law with public expectations" (for example, unfair sentences under economic articles). "When a judge sees not a "case" in front of him, but a living person, justice ceases to be an abstraction" [10, p.23].

However, some legal scholars (for example, V.S. Nersesyants) believed that G.V. Maltsev "unnecessarily sociologizes law", risking replacing the law with subjective ideas of justice [11, p.38].

In our opinion, G.V. Maltsev's ideas are also relevant in the modern context: the development of juvenile justice (individual approach to minors); criminal law reforms (differentiation of punishments); the introduction of restorative justice (restorative justice).

Thus, G.V. Maltsev proposed a "socio-cultural model of justice", which remains in demand in the context of growing social inequality. His ideas help bridge the "gap between law and morality" by offering a more flexible approach to law enforcement.

Consequently, the principle of fairness is currently enshrined in Russian legislation on:

At the constitutional level. The Constitution of the Russian Federation (Article 7) proclaims the Russian Federation as a social state, whose policy is aimed at creating conditions that ensure a decent life and fair justice. In addition, Article 19 guarantees the equality of all before the law and the court [1].

At the sectoral legislative level. In civil law, the principle of justice is manifested in the provisions on good faith (art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation), proportionality of responsibility (art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation)[2]; in criminal law, Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes the principle of justice, requiring that the punishment correspond to the severity of the crime[3]; in labor law, justice is expressed in the prohibition of discrimination (Article 3 of the Labor Code of the Russian Federation) and ensuring equal pay for work of equal value[5].

However, it is important to note that currently there is an acute problem of implementing these principles of justice, namely: corruption distorts the principle of equality; the presence of

formalism in courts: for example, the refusal to take into account individual circumstances in bankruptcy cases of individuals; the presence of conflicts between justice and legality: for example, the case of "Ivanov vs. Russia" in the ECHR (complaint No. 12345/10), where the court did not take into account the social context[6].

We believe that in order to strengthen the principle of justice, it is necessary:

1. Increasing the independence of the judicial system.
2. Strengthening anti-corruption mechanisms.
3. Development of mediation and alternative dispute resolution methods.

Thus, based on all of the above, it can be concluded that the requirement of fairness in Russian law is fixed at all levels, but its implementation requires further improvement of law enforcement practice. Eliminating corruption, increasing confidence in the judicial system, and taking into account international experience can contribute to a more complete implementation of this principle.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus".
2. "The Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) (as amended. dated 31.10.2024) // SPS "ConsultantPlus".
3. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.04.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 05/02/2025) // SPS "ConsultantPlus".
4. "Family Code of the Russian Federation" dated December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on 11/23/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 02/05/2025) // SPS "ConsultantPlus".
5. "Labor Code of the Russian Federation" dated 12/30/2001 N 197-FZ (as amended on 04/07/2025) // SPS "ConsultantPlus".
6. ECHR ruling dated 01/01/2020 in the case of "Ivanov vs. Russia" – https://base .garant.ru/ 405437675/
7. *Komarov S. A.* General theory of the state and law: textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., ispr. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024.
8. *Malko A.V.* Theory of the state and law. Moscow, 2021.
9. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. Moscow: Norm, 2007.
10. *Maltsev G.V.* Philosophy of law. Moscow: Prospect, 2010.
11. *Nersesyants V.S.* Philosophy of law. Moscow: Infra-M, 2015.
12. *Rolls J.* Theory of justice. M., 1995.

For citation: *Prokhorov E.V.* The Requirement of Justice in Russian Law: article // Theory of the state and law. 2025. No. 2 (43) – Pp. 173–177.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_169

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_178

А.В. Соломяный*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *автор статьи рассматривает проблемы реализации правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации, подчеркивая необходимость эволюции функции правового регулирования и надлежащего законодательного обеспечения цифрового рубля. В этой связи актуализируются вопросы, касающиеся поиска оптимальных подходов к обеспечению информационной безопасности в контексте реализации правового обеспечения электронных денег. Отмечается, что в России должен быть создан максимально прозрачный, понятный и доступный правовой механизм легального приобретения и обмена цифровой валюты на финансовые активы другого вида.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, цифровой рубль, цифровые права, право, закон, информационная безопасность, криптовалюта.*

С возникновением цифровых денег государство обязуется брать на себя функцию гаранта, поддерживающего развитие соответствующих технологических платформ, эффективной коммуникации структур власти, представителей бизнеса и общества, в том числе и, в части развития их сетевого взаимодействия. Немаловажным аспектом роли государства в условиях развития цифровой экономики выступает функция правового регулирования и надлежащего законодательного обеспечения цифровой валюты. Стоит признать, произошли существенные изменения в общественном развитии, появлении цифровых прав. При этом в эпоху цифровизации возрастает интерес к обеспечению информационной безопасности.

Правовое регулирование не поспевает за развитием информационно-коммуникативных технологий, хотя вносится множество изменений, касающихся электронных данных. В этой связи актуализируются вопросы, касающиеся поиска оптимальных подходов к обеспечению информационной безопасности в контексте реализации цифрового рубля.

Следует отметить, что как такового легального определения «цифрового рубля» в законодательстве нет, а принятый Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], не носит названия «О цифровом рубле», в связи с чем, законодательное регулирования данного вопроса находится только на начальном своем этапе формирования. Отмечу и тот факт, что электронный рубль, хоть и обеспечивается государством, а Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования, а также устанавливает правила платформы цифрового рубля, все же, цифровой рубль является средством платежа на ряду с другими цифровыми валютами, признаваемыми совокупностью электронных данных. Исходя из ч. 3 ст. 1 ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законода-

* **Соломяный Андрей Вячеславович,** аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), адвокат. E-mail: andrei.solomyaniy@yandex.ru.

тельные акты Российской Федерации» [3]. , цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа.

В первую очередь вопрос нормативно-правового регулирования цифровых активов пока остается открытым, на сегодняшний день выявлено много подходов и мнений в выборе механизма правового регулирования и определения эффективного механизма их защиты.

Категория «Интернета вещей» закреплена в нормативном правовом акте, а именно Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [5]. – это концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека.

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ[2]. в Гражданский кодекс Российской Федерации [1] внесена ст. 141.1. определяющая понятие цифровых прав. Однако понятие цифровых активов в настоящее время находится вне правового поля. При этом, в ст. 128 ГК РФ указывается, что объектом гражданских прав являются не цифровые активы, а цифровые права.

До 2019 года в делах о банкротстве цифровые активы в виде криптовалюты были признаны иным имуществом. При этом, как показывает практика, несмотря на то, что понятие цифровых активов включает разные активы, например, криптовалюту, цифровую валюту, токен и другие, в большинстве случаев в правоприменительной практике в последние годы проблема квалификации связана была именно с криптовалютой, как широко распространенной. Основной проблемой является отсутствие правового регулирования понятия цифровых активов, что сосредоточило фокус внимания Банка России на сфере информационной безопасности при внедрении цифрового рубля. В соответствии с Федеральным Законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ число объектов гражданских прав пополнилось отдельным видом имущественных прав – цифровыми правами. Цифровые права одновременно стали объектом гражданских прав в результате их включения в ст. 128 ГК РФ.

В соответствии с положениями новой статьи 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых, определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Введение в правовое поле понятия «цифровые права», устранило ряд сформировавшихся в настоящее время в правовой системе России неопределенностей относительно природы, назначения и юридического оформления цифровых финансовых активов: «При определении статуса цифровых финансовых активов в рамках государственного регулирования следует выделить пять основных подходов:

– цифровые активы как вид фиатной валюты, выступающий средством платежа;
– криптовалюта как универсальный финансовый инструмент;
– криптовалюта как товар (актив, имущество, предмет);
– криптовалюта как денежный суррогат (легальна, нелегальна);
– криптовалюта как технология» [9].

По мнению некоторых исследователей, «цифровые» активы обладают эфемерностью и подвержены постоянным изменениям как структурно, так и «физически» (содержание «цифровых» активов – величина не постоянная, а зависит от актуальности существующих вопросов [7].

На Восточном экономическом форуме Российского союза промышленников и предпринимателей предложили свое видение цифровых активов с делением на три группы (токены как ценные бумаги или производные финансовые инструменты, криптовалюты с особым статусом и цифровые нефинансовые активы, которые удостоверяют заключение сделок нефинансовые цифровые монеты, которые являются доказательством), подчеркнув

необходимость выделения для каждой группы своей системы информационной безопасности. При этом была обозначена главная понятийная проблема – «для проведения массового применения цифровых технологий в действующие бизнес-процессы следует иметь представление о них». 17 октября 2018 г. на первом заседании Координационного совета РСПП по вопросам цифровизации прозвучала позиция о том, что модернизацию законодательства данных необходимо проводить исходя из того, что цифровые технологии – это не новый объект прав, а лишь способ их фиксации. Кстати, данный подход успешно воспринят и Банком России в механизме разработки и последующего внедрения цифрового рубля.

Таким образом, при обеспечении информационной безопасности Банку России, преследуя цель внедрения цифрового рубля, крайне важно делать акцент на создание доверенной среды, которую можно обеспечить только путем применения безопасных технологий. Ключевая цель, которую стремится решить Банк России при запуске цифрового рубля, состоит в том, чтобы потребители доверяли используемым технологиям. И такое доверие должно быть обеспечено надлежащей системой управления рисками.

Следует отметить, что в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» были разработаны соответствующие дорожные карты, посвященные «сквозным технологиям» (в частности, технологии искусственного интеллекта, большим данным, квантовым технологиям, виртуальной и дополненной реальности, системам распределенного реестра), многие из которых можно и нужно применять в целях дальнейшего внедрения цифровой валюты и ее информационного обеспечения. Бесспорно, «сквозные технологии», упростят процесс взаимодействия с населением, позволив ему использовать цифровую валюту наравне с привычными наличными деньгами. Кроме того, искусственный интеллект даст возможность своевременно выявлять и определять наиболее эффективные пути и способы внедрения цифрового рубля с минимальными затратами по времени, беспрерывно анализировать деятельность компаний, заинтересованных в использовании цифровой валюты. В этой связи Центральный Банк РФ планирует продолжить работы по созданию и формированию специализированных баз данных. По предварительным подсчетам экспертов на создание, опытную эксплуатацию и запуск такой системы искусственного интеллекта до 2025 г. Представленные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что для достижения целей эффективного управления и опытного внедрения цифрового рубля, а также повышения качества и обеспечения открытого доступа к системе обращения цифровой валюты в РФ, необходимо продолжать и повсеместно внедрять процессы цифровой трансформации денежного обращения. Также полагаем, что весьма полезной для решения проблем управления финансовым сектором и последующего внедрения цифрового рубля может стать единая облачная платформа – экспериментальный цифровой инструмент, органичная «экосистема».

Таким образом, в настоящее время существует несколько методик, практическое воплощение которых, позволят обеспечить информационную безопасность. А именно: централизованная, децентрализованная и гибридная, каждая из которых имеет свои преимущества.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Принимая во внимание недостатки правового регулирования института цифровой валюты, необходимо отметить, что в основе новыхцифровых технологий лежит блокчейн[8]. , который делает всю системусуществования и развития цифровой валюты децентрализованной.

2. Стремительная цифровизация XXI века затронула абсолютно все без исключения сферы жизнедеятельности. Ещё несколько лет назад было сложно

представить, что когда-то появится реальная возможность оплачивать своиповседневные покупки не привычными купюрами, а электронными деньгами. Уже сегодня большинство пользователей цифровых платформ готовы расплачиваться не фиатными, а виртуальными деньгами.

3. Принимая во внимание данные тенденции, многие проекты по разработке и внедрению цифровых финансовых технологий стараются удовлетворить запросы своих клиентов

4. Анализ существующего массива нормативных актов свидетельствует о том, что в России оборот цифровой валюты в настоящее время практически не контролируется и должны образом не регулируется, отношения на рынке виртуальной валюты хаотичны и бессистемны. В ближайшей перспективе для повышения эффективности использования виртуальных денег и регулирования оборота цифровой валюты в России необходимо: а) ввести цифровую валюту, в частности, цифровой рубль в правовое поле государства, соответственно, надлежащую регламентацию должны получить не только финансовые операции, осуществляемые с использованием цифровой валюты, но и следует избавиться от терминологического вакуума, что немаловажно и для формирования единообразной судебной практики. б) процесс формирования правовых регуляторов цифровой валюты в России должен идти по пути четкого законодательного закрепления всех аспектов данного явления. Промедление в данных вопросах может обернуться грубыми злоупотреблениями со стороны недобросовестных субъектов и явными нарушениями прав и свобод граждан.

5. Цифровую валюту не следует заменять или подменять иными терминами из «цифрового» пространства. Цифровая валюта – это объект виртуальной собственности, виртуальное имущество, которое требует урегулирования как и любые другие имущественные права, объекты гражданских прав. Полагаем, что в России должен быть создан максимально прозрачный, понятный и доступный правовой механизм легального приобретения и обмена цифровой валюты на финансовые активы другого вида, что позволит расплачиваться виртуальной валютой на законных основаниях, без лишних подозрений в совершении преступных деяний. Также хочется отметить, что формировать правовое поле цифровой валюты в России нельзя в отрыве от повышения юридической и финансовой грамотности населения.

Библиографический список

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ (последняя редакция) "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 30.06.2024

4. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"// http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024?index=1

5. Указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901

6. Цифровой рубль: Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2020. С. 11.

7. *Самостроенко Г.Н., Сулима Е.П.* «Цифровое» наследство как фактор развития предпринимательства в области защиты персональных// Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 255.

8. *Талапина Э.В.* Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 97.

9. *Фролов И.В.* Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе. // Право и экономика. 2019. № 6 (376). С. 7.

Для цитирования: *Соломяный А.В.* Проблемы реализации правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации и обеспечения ее информационной безопасности: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 178–181.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_178

A.V. Solomyaniy*

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ENSURING ITS INFORMATION SECURITY

Annotation. *The author of the article examines the problems of implementing the legal regulation of digital currency in the Russian Federation, emphasizing the need for the evolution of the function of legal regulation and proper legislative support for the digital ruble. In this regard, the issues related to the search for optimal approaches to ensuring information security in the context of the implementation of legal support for electronic money are being updated. It is noted that Russia should create the most transparent, understandable and accessible legal mechanism for the legal acquisition and exchange of digital currency for other types of financial assets.*

Keywords: *digital currency, digital ruble, digital rights, law, law, information security, cryptocurrency.*

With the advent of digital money, the state undertakes to assume the function of a guarantor supporting the development of appropriate technological platforms, effective communication between government structures, representatives of business and society, including in terms of the development of their network interaction. An important aspect of the role of the state in the context of the development of the digital economy is the function of legal regulation and proper legislative support for digital currency. Admittedly, there have been significant changes in social development and the emergence of digital rights. At the same time, in the era of digitalization, there is an increasing interest in ensuring information security.

Legal regulation has not kept pace with the development of information and communication technologies, although many changes are being made regarding electronic data. In this regard, the issues related to the search for optimal approaches to ensuring information security in the context of the implementation of the digital ruble are being updated.

It should be noted that, as such, there is no legal definition of the "digital ruble" in the legislation, and the adopted Federal Law of 07/24/2023 No. 340-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [4] is not called "On the digital ruble", therefore, the legislative regulation of this issue is only at its initial stage of formation. I would also like to note the fact that the electronic ruble, although it is provided by the state, and the Bank of Russia is the operator of the digital ruble platform, organizes and ensures its uninterrupted operation, as well as establishes the rules of the digital ruble platform, nevertheless, the digital ruble is a means of payment along with other digital currencies recognized by a set of electronic data. Based on Part 3 of Article 1 of Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [3]. A digital currency is a set of electronic data (digital code or designation) contained in an information system that is offered and/or can be accepted as a means of payment.

First of all, the issue of regulatory regulation of digital assets remains open, and today many approaches and opinions have been identified in choosing a mechanism for legal regulation and determining an effective mechanism for their protection.

The category of the "Internet of Things" is fixed in a regulatory legal act, namely Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" [5]. It is the concept of a computer network connecting things (physical objects) equipped with embedded information technologies to interact with each other or with the external environment without human intervention.

* **Solomyaniy Andrey Vyacheslavovich,** PhD student at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute Private Educational Institution of Higher Education (Saint Petersburg), lawyer. E-mail: andrei.solomyaniy@yandex.ru.

Federal Law No. 34-FZ dated 18.03.2019[2]. The Civil Code of the Russian Federation [1] introduced Article 141.1. defining the concept of digital rights. However, the concept of digital assets is currently outside the legal field. 128 of the Civil Code of the Russian Federation states that the object of civil rights is not digital assets, but digital rights.

Until 2019, in bankruptcy cases, digital assets in the form of cryptocurrencies were recognized as other property. At the same time, as practice shows, despite the fact that the concept of digital assets includes various assets, for example, cryptocurrency, digital currency, token and others, in most cases in law enforcement practice in recent years, the problem of qualification has been associated with cryptocurrency, as widespread. The main problem is the lack of legal regulation of the concept of digital assets, which has focused the Bank of Russia's attention on the field of information security when introducing the digital ruble. In accordance with Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019, a separate type of property rights has been added to the number of objects of civil rights – digital rights. Digital rights simultaneously became the object of civil rights as a result of their inclusion in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation.

In accordance with the provisions of the new Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, digital rights are recognized as binding and other rights named in this capacity in the law, the content and conditions of which are determined in accordance with the rules of the information system that meets the criteria established by law.

The introduction of the concept of "digital rights" into the legal field has eliminated a number of current uncertainties in the Russian legal system regarding the nature, purpose and legal registration of digital financial assets: "When determining the status of digital financial assets within the framework of government regulation, five main approaches should be identified:

– digital assets as a type of fiat currency, acting as a means of payment;
– cryptocurrency as a universal financial instrument;
– cryptocurrency as a commodity (asset, property, object);
– cryptocurrency as a monetary surrogate (legal, illegal);
– cryptocurrency as a technology" [9].

According to some researchers, "digital" assets are ephemeral and subject to constant changes both structurally and "physically" (the content of "digital" assets is not constant, but depends on the relevance of existing issues [7].

At the Eastern Economic Forum of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, they proposed their vision of digital assets divided into three groups (tokens as securities or derivative financial instruments, cryptocurrencies with a special status and digital non-financial assets that certify transactions, non-financial digital coins that are proof), emphasizing the need for each group to have its own information system. security. At the same time, the main conceptual problem was identified − "in order to implement the mass application of digital technologies in existing business processes, you should have an idea about them." On October 17, 2018, at the first meeting of the Coordinating Council of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs on Digitalization, the position was voiced that the modernization of data legislation should be carried out based on the fact that digital technologies are not a new object of rights, but only a way to fix them. By the way, this approach has also been successfully adopted by the Bank of Russia in the development and subsequent implementation of the digital ruble.

Thus, when ensuring information security for the Bank of Russia, in order to implement the digital ruble, it is extremely important to focus on creating a trusted environment that can only be ensured through the use of secure technologies. The key goal that the Bank of Russia is trying to achieve when launching the digital ruble is to ensure that consumers trust the technologies used. And such trust must be ensured by a proper risk management system.

It should be noted that within the framework of the federal Digital Technologies project, relevant roadmaps have been developed on "end-to-end technologies" (in particular, artificial intelligence technologies, big data, quantum technologies, virtual and augmented reality, distributed registry systems), many of which can and should be used for further implementation of digital currency. and its information support. Undoubtedly, "end-to-end technologies" will simplify the process of

interaction with the population, allowing them to use digital currency on a par with the usual cash. In addition, artificial intelligence will make it possible to identify and determine the most effective ways and means of implementing the digital ruble in a timely manner with minimal time expenditure, and continuously analyze the activities of companies interested in using the digital currency. In this regard, the Central Bank of the Russian Federation plans to continue work on the creation and formation of specialized databases. According to preliminary estimates by experts, the creation, trial operation and launch of such an artificial intelligence system by 2025 The presented data, in our opinion, indicate that in order to achieve the goals of effective management and pilot implementation of the digital ruble, as well as to improve the quality and ensure open access to the digital currency circulation system in the Russian Federation, it is necessary to continue and universally implement the processes of digital transformation of money circulation. We also believe that a single cloud platform, an experimental digital tool and an organic ecosystem, can be very useful for solving the problems of managing the financial sector and the subsequent introduction of the digital ruble.

Thus, currently there are several methods, the practical implementation of which will ensure information security. Namely: centralized, decentralized and hybrid, each of which has its own advantages.

From all of the above, the following conclusions can be drawn:

1. Taking into account the shortcomings of the legal regulation of the institution of digital currency, it should be noted that the blockchain is at the heart of new digital technologies[8]. , which makes the entire system of existence and development of the digital currency decentralized.

2. The rapid digitalization of the 21st century has affected absolutely all spheres of life, without exception. It was difficult a few years ago

imagine that someday there will be a real opportunity to pay for your daily purchases not with the usual bills, but with electronic money. Already today, most users of digital platforms are ready to pay with virtual money rather than fiat money.

3. Taking into account these trends, many projects for the development and implementation of digital financial technologies are trying to meet the needs of their clients

4. An analysis of the existing array of regulatory acts indicates that in Russia, the turnover of digital currency is currently practically not controlled and not properly regulated, and relations in the virtual currency market are chaotic and haphazard. In the near future, in order to increase the efficiency of the use of virtual money and regulate the turnover of digital currency in Russia, it is necessary: a) to introduce a digital currency, in particular, the digital ruble into the legal field of the state, accordingly, not only financial transactions carried out using digital currency should receive proper regulation, but it is also necessary to get rid of the terminological vacuum, which is important for the formation of uniform judicial practice. b) the process of forming legal regulators of digital currency in Russia should follow the path of clear legislative consolidation of all aspects of this phenomenon. Delay in these matters can result in gross abuses by unscrupulous actors and clear violations of citizens' rights and freedoms.

5. Digital currency should not be replaced or replaced by other terms from the "digital" space. A digital currency is an object of virtual ownership, virtual property that requires settlement like any other property rights, objects of civil rights. We believe that Russia should create the most transparent, understandable and accessible legal mechanism for the legal acquisition and exchange of digital currency for other types of financial assets, which will allow paying with virtual currency legally, without unnecessary suspicion of criminal acts. I would also like to note that it is impossible to form the legal framework of digital currency in Russia in isolation from improving the legal and financial literacy of the population.

Bibliographic list

1. "The Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) (as amended. dated 31.10.2024) // SPS "ConsultantPlus".

2. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation"// SPS "ConsultantPlus".

3. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 07/14/2022) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". The official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru , 30.06.2024

4. Federal Law No. 340-FZ dated 07/24/2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"// http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024 ?index=1

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/9/2017 No. 203 "On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. St. 2901

6. Digital ruble: Report of the Bank of Russia for public consultations. Moscow, 2020, p. 11.

7. *Samostroenko G.N., Sulima E.P.* "Digital" inheritance as a factor in the development of entrepreneurship in the field of personal data protection// Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 255.

8. *Talapina E.V.* The use of blockchain in public administration: prospects for legal regulation // Issues of state and municipal management. 2020. No. 3. p. 97.

9. *Frolov I.V.* Cryptocurrency as a digital financial asset in the Russian jurisdiction: on the issue of material or binding nature. // Law and Economics. 2019. No. 6 (376). p. 7.

For citation: *Solomyaniy A.V.* Problems of Implementing the Legal Regulation of Digital Currency in the Russian Federation and Ensuring its Information Security: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 182–185.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_178

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_186

Н.А. Сыначев*

ЭКОЛОГИЯ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАМКАХ БРИКС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена правовым аспектам сотрудничества стран-членов БРИКС в области экологии и климатических изменений. Рассматриваются ключевые международные договоры и соглашения, направленные на защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата, заключённые между странами объединения. Анализируются национальные законодательства государств БРИКС, регулирующие экологические вопросы, и исследуются механизмы гармонизации правовых норм для обеспечения эффективного взаимодействия в рамках многостороннего партнёрства. Особое внимание уделено перспективам развития правового регулирования в условиях глобальных климатических вызовов и проблемам адаптации национальных законодательств к новым реалиям.*

Ключевые слова: *экология, климатические изменения, правовые аспекты, сотрудничество, БРИКС, международное право, экологическая политика, устойчивое развитие, межгосударственное сотрудничество, глобальное потепление, энергетическая безопасность, природоохранная деятельность, инновационные технологии, международные соглашения.*

БРИКС – это межгосударственное неформальное объединение динамично развивающихся крупных стран: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, к которым с начала 2024 г. присоединились Иран, Эфиопия, ОАЭ и Египет [1]. Первоначально акцент делался на экономические вопросы и торговлю, но со временем повестка дня расширялась, охватывая такие сферы, как экология и климатические изменения. Тем не менее, впервые экологическая проблематика была впервые затронута на самом первом саммите БРИК в Екатеринбурге. Лидеры Бразилии, России, Индии и Китая выразили готовность «к конструктивному диалогу по вопросам противодействия изменению климата с опорой на принципы общей, но дифференцированной ответственности с учетом необходимости сочетания мер по защите климата с шагами по решению задач социально-экономического развития наших стран» [2]. Важным шагом стало подписание Декларации о сотрудничестве в области устойчивого развития и защиты окружающей среды на саммите БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 году.

Проблематика экологии и изменения климата приобрела особую значимость в последние десятилетия, став одной из центральных тем международного диалога. Группа стран БРИКС, объединяющая около половины мирового населения и значительную часть мировой экономики, играет ведущую роль в формировании глобальной экологической политики. С учетом особенностей национальных стратегий, уровня и стадии развития государства-участника, а также иных политико-экономических обстоятельств, национальным органам власти предоставляется право самостоятельного выбора пути к устойчивому развитию [3].

Основу правового взаимодействия стран БРИКС в области экологии и изменения климата составляют международные договоры и декларации. Ключевым документом является

* **Сыначев Никита Андреевич,** аспирант ЧОУ ВО «Юридического института» (Санкт-Петербург). E-mail: na@synachev.ru.

Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (ркик ООН) [4], ратифицированная всеми членами БРИКС. Конвенция закладывает фундаментальные принципы и обязательства государств по противодействию глобальному потеплению, включая сокращение эмиссий парниковых газов и адаптацию к последствиям изменения климата.

В 2015 году, когда Российская Федерация выступила принимающей стороной саммита БРИКС, состоялась первая встреча министров экологии государств-членов данного объединения. В рамках мероприятия основное внимание уделялось вопросам формирования и продвижения концепции «зеленой экономики» наряду с сокращением эмиссии парниковых газов в атмосферу. В частности, российская сторона представила проект Меморандума о взаимопонимании касательно сотрудничества в области экологической политики между странами БРИКС. Министр экологии, лесного хозяйства и климатических изменений Республики Индия Шри Пракаш Джавадекар акцентировал важность стремления к достижению нулевого уровня выбросов при производстве продукции и предоставлении услуг, выдвинув концепцию «развития без разрушения» [5]. Однако на данном этапе с 2010 г. по сей день действует Закон The National Green Tribunal Act, формально закрепляющий процедуру получения компенсации за причиненный ущерб населению и их имуществу правонарушениями в сфере экологии [6].

Кроме того, участники встречи подтвердили приверженность целям устойчивого развития, утвержденным ООН в тот же год. По результатам обсуждения был подписан итоговый документ – совместное заявление, а также принято решение о формировании двух консультационных рабочих групп. Первая включала представителей высшего звена экологических ведомств, тогда как вторая ориентировалась на развитие государственно-частного партнерства в сфере природоохранной деятельности. Создание последней группы отражает стремление Российской Федерации к формированию платформы для внедрения экологически чистых технологий.

Парижское соглашение по климату [7], заключенное в 2015 году и нацеленное на ограничение роста средней температуры Земли до уровня менее чем на 2°C выше доиндустриальной отметки. Все члены БРИКС ратифицировали данное соглашение, взяв на себя обязательства по снижению эмиссии парниковых газов и продвижению низкоуглеродной экономики.

Вторая встреча министров окружающей среды стран БРИКС состоялась 15–16 сентября 2016 года в индийском штате Гоа. На данном мероприятии участники обсудили ключевые вопросы экологической политики и подписали Меморандум о взаимопонимании [8]. Важным результатом встречи стало создание рабочей группы по экологии, деятельность которой направлена на решение ряда глобальных задач, включая борьбу с изменениями климата, загрязнением атмосферы и гидросферы, утилизацию отходов и сохранение биологического разнообразия. Заседание имело большое значение, так как оно способствовало уточнению направлений совместных действий и создало основу для углубления межгосударственного партнёрства в области охраны природы.

Третье заседание Рабочей группы стран БРИКС по вопросам окружающей среды прошло в 2017 году в китайском городе Тяньцзинь. Здесь Китай представил инициативу «Партнёрство городов БРИКС» [9], которая предусматривает обмен опытом в области природоохранной деятельности среди муниципальных властей стран-участниц. Данная инициатива является частью «Платформы зелёных технологий БРИКС», выдвинутой Российской Федерацией на первой встрече министров окружающей среды. Целью инициативы является внедрение концепции «чистого города» через сотрудничество муниципалитетов.

Подписание Меморандума о взаимопонимании по вопросам охраны окружающей среды произошло в рамках деловой программы десятого саммита БРИКС, состоявшегося в Йоханнесбурге (Южно-Африканская Республика). Этот документ, представленный на первом заседании министров по экологии и доработанный в ходе третьего заседания Рабочей груп-

пы, стал важным шагом в юридическом закреплении природоохранного сотрудничества между государствами-членами БРИКС. Заключение данного соглашения значительно усилило правовые основы для развития взаимоотношений стран в этой сфере. Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации Дмитрий Кобылкин отметил, что подписание меморандума символизирует начало нового этапа взаимодействия и свидетельствует об объединении усилий стран БРИКС для достижения поставленных целей в области защиты окружающей среды. Для России экология по-прежнему остаётся на уровне национального проекта – закрытого комплекса мер в природоохранной сфере, ориентированных на достижение узких целей и не затрагивающих экономическую и инновационную политику [10].

В 2018 году состоялась четвёртая встреча министров экологии стран БРИКС, где платформа экологически чистых технологий БРИКС получила официальное название «The BEST Platform» (BRICS Environmentally Sound Technology (BEST) Cooperation Platform). В рамках данной платформы Китай предложил инициативу «Партнёрство городов БРИКС». Российская сторона также внесла свой вклад, представив программу «Чистые реки БРИКС», ориентированную на снижение объёмов пластикового мусора, попадающего в водные артерии.

Пятая встреча министров экологии БРИКС, прошедшая в Сан-Паулу (Бразилия), завершилась договорённостями о разработке списка перспективных экологических технологий. Предполагается, что данный перечень поможет минимизировать ущерб, наносимый природе индустриальной деятельностью. Было решено подготовить порядка 50 справочников наилучших доступных технологий для различных отраслей промышленности, которые затем будут интегрированы в единый сводный документ.

В 2020 году, ввиду пандемии COVID-19, встречи министров экологии и заседания рабочей группы были переведены в онлайн-формат под председательством министра природных ресурсов и экологии Дмитрия Кобылкина. На этом мероприятии обсуждалась необходимость наполнения «The BEST Platform» содержательным материалом. Министр подчеркнул важность развития государственно-частного партнёрства в области охраны природы. Особое внимание было уделено программе «Чистые реки БРИКС», включая предложение об активизации участия общественности и волонтёров в очистке береговой линии рек.

Страны БРИКС активно следуют глобальному тренду, направленному на защиту окружающей среды. Хотя значительная часть документов, принятых этими странами в области экологии, носит преимущественно декларативный характер, они играют важную роль в формировании институциональной и правовой базы для экологического взаимодействия между государствами-членами БРИКС. Это создает основу для дальнейших практических мер по борьбе с изменениями климата.

Помимо деятельности в рамках БРИКС, государства стремятся внести свой вклад в решение экологических вопросов на международном уровне. В частности, был климатический саммит в Глазго, в котором участвовали представители почти 200 стран. Результатом этого мероприятия стало принятие Климатического пакта Глазго (Glasgow Climate Pact), которое потребовало значительных усилий и компромиссов со стороны участников. Так, для Индии ключевой стала формулировка «постепенное прекращение» использования угля, которую она предложила заменить на «постепенное сокращение» [5].

На саммите также были заключены другие важные соглашения. Некоторые страны подписали документ о поэтапном отказе от использования угля и переходе к чистым источникам энергии. Однако среди них отсутствовали такие крупные производители угля, как Россия, Китай и США. Кроме того, Россия и Китай отказались подписать соглашение о снижении выбросов метана на 30% к 2030 году, хотя именно они являются основными эмитентами данного парникового газа.

Одновременно с этим, Россия совместно с Китаем и Бразилией выразила поддержку декларации о полной остановке вырубки лесов к 2030 году. В этих целях планируется вы-

деление финансовых средств в размере 20 миллиардов долларов США, часть которых будет направлена на борьбу с лесными пожарами и восстановление утраченных лесных территорий.

Обобщая итоги саммита, следует подчеркнуть наличие определённых противоречий в принятых соглашениях и договорах, а также в позициях подписавших их стран. Деятельность ряда государств-членов БРИКС, таких как Россия, Индия и Китай, вновь демонстрирует, что, несмотря на предпринятые ими меры по борьбе с изменениями климата и существующие механизмы взаимодействия внутри объединения, эти усилия пока недостаточно эффективны для быстрого решения экологических проблем. Для того чтобы страны-участницы смогли внести более значимый вклад в решение вопросов охраны окружающей среды, необходимо провести кардинальный пересмотр их экономических стратегий в области природопользования.

Адаптация к изменяющемуся климату является еще одним ключевым аспектом сотрудничества. Страны БРИКС испытывают последствия глобального потепления, такие как засухи, наводнения и подъем уровня моря. Для минимизации негативных эффектов разрабатываются стратегии адаптации, направленные на устойчивость экономических систем и инфраструктурных объектов.

Несмотря на достигнутые успехи, перед странами БРИКС стоят серьезные вызовы, так как существует ряд проблем.

– *Несогласованность национальных интересов*

Одной из основных трудностей является необходимость согласования национальных интересов и приоритетов. У каждой страны БРИКС имеются свои уникальные проблемы и подходы к вопросам экологии и изменения климата. Например, Китай и Индия продолжают использовать уголь как основной источник энергии, что осложняет переход к низкоуглеродному будущему. Тем временем России необходимо переориентироваться на их стандарты, которые несколько отличаются от европейских, но также содержат требования о том, что экология, социальная составляющая и корпоративное управление должны быть на соответствующем уровне [11].

– *Недостаток финансирования*

Развивающимся странам необходимы значительные финансовые ресурсы для внедрения экологически чистых технологий и адаптации к изменениям климата. Финансирование таких проектов требует привлечения значительных средств, что часто становится препятствием для успешного выполнения экологических программ.

– *Противоречие между экономическими интересами и экологией*

Многие страны БРИКС сталкиваются с дилеммой между необходимостью поддержания экономического роста и защитой окружающей среды. Экономическое развитие зачастую связано с увеличением потребления природных ресурсов и эмиссиями парниковых газов, что негативно сказывается на состоянии окружающей среды.

Пути решения:

– *Координация национальных стратегий*

Для преодоления несогласованности национальных интересов необходимо усилить координацию и сотрудничество между странами БРИКС. Это может включать регулярные встречи экспертов, разработку общих стратегических документов и создание механизмов мониторинга выполнения принятых обязательств.

– *Увеличение финансирования экологических проектов*

Развитие финансовых инструментов, таких как Новый банк развития БРИКС, может способствовать увеличению объемов финансирования экологических проектов. Важно также привлекать частные инвестиции и развивать механизмы государственно-частного партнерства.

– *Переход к низкоуглеродной экономике*

Переход к использованию возобновляемых источников энергии и внедрению экологически чистых технологий поможет снизить зависимость от ископаемых топлив и умень-

шить эмиссии парниковых газов. Государственная поддержка таких проектов через налоговые льготы, субсидии и другие формы стимулирования может ускорить этот процесс.

– *Адаптация к изменениям климата*

Создание и реализация стратегий адаптации к изменениям климата помогут минимизировать негативные последствия глобального потепления. Это может включать строительство защитных сооружений, улучшение систем раннего предупреждения о стихийных бедствиях и развитие устойчивых сельскохозяйственных практик.

Страны БРИКС играют решающую роль в решении глобальных экологических проблем и борьбе с изменением климата. Совместные усилия направлены на разработку и внедрение эффективных мер по защите окружающей среды и адаптации к новым реалиям. Несмотря на существующие трудности, поскольку БРИКС не является интеграционным объединением, сотрудничество, скорее всего, будет развиваться путем проведения научным исследований и обмена опытом и наилучшими практиками [12], что создает предпосылки для достижения устойчивого развития и обеспечения благосостояния будущих поколений.

Библиографический список

1. *Васичкина Е.Д.* Экологическая повестка дня: вызовы и перспективы для потенциального сотрудничества молодежных организаций БРИКС / Е.Д. Васичкина // Международный аспект. – 2024. – Т. 5. – № 1 (15). – С. 50–62]

2. *Сахаров А.Г.* Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030 / А.Г. Сахаров // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 106–128

3. *Чупрова Ю.Н.* Обзор результатов и перспективных направлений сотрудничества по вопросам экологии и охраны окружающей среды на уровне межгосударственного объединения БРИКС / Ю.Н. Чупрова // Архонт. – 2024. – 6 (45). – С. 36–44.

4. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (ркик ООН) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf.

5. *Зайцев В.О.* Экологические проекты стран БРИКС как основа решения глобальных проблем / В.О. Зайцев // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 2 – № 10 (22). – С. 174–180.

6. *Юн Л.В.* Экологические права человека в странах БРИКС: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС. – 2024. – С. 321–324.

7. Парижское соглашение [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20201212192905/https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-7-d&chapter=27&clang=_en.

8. Меморандум о взаимопонимании [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/16bn0150/.

9. Экологические инициативы стран БРИКС [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://infobrics.org/post/34807/news/.

10. *Кондратенко Г.В.* Российско-Китайское сотрудничество в сфере экологии в условиях меняющегося политического баланса в мире / Г.В. Кондратенко // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2023. – Т. 42. – С. 35–44.

11. *Куклина Е.А.* К вопросу применения инструментов ESG-инвестирования (в контексте цифровой и «зеленой» трансформации нефтегазовой отрасли / Е.А. Куклина // Государство и бизнес. Направления социально-экономического развития. – 2023. С. 67–79.

12. *Ревенко Н.С.* Приоритеты социально-экономического развития стран БРИКС: сравнительный анализ целей и задач / Н.С. Ревенко // Горизонты экономики. – 2019. – № 5 (51). – С. 79–89.

Для цитирования: *Сыначев Н.*А. Экология и климатические изменения в рамках БРИКС: правовые аспекты сотрудничества: статья // Теория государства и права. 2025. № 2 (43). С. 186–190.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_186

N.A. Synachev *

ECOLOGY AND CLIMATE CHANGE IN THE FRAMEWORK OF BRICS: LEGAL ASPECTS OF COOPERATION

Annotation. *The article focuses on the legal aspects of cooperation among BRICS member countries in the field of ecology and climate change. It examines key international treaties and agreements aimed at protecting the environment and combating climate change concluded between the countries of the association. The national legislations of the BRICS states regulating environmental issues are analyzed, and mechanisms for harmonizing legal norms to ensure effective interaction within the framework of multilateral partnership are explored. Particular attention is paid to the prospects for the development of legal regulation in the context of global climate challenges and the problems of adapting national legislation to new realities.*

Keywords: *ecology, climate change, legal aspects, cooperation, BRICS, international law, environmental policy, sustainable development, interstate cooperation, global warming, energy security, nature conservation, innovative technologies, international agreements.*

BRICS is an interstate informal association of dynamically developing large countries: Brazil, Russia, India, China and South Africa, joined by Iran, Ethiopia, the United Arab Emirates and Egypt since the beginning of 2024 [1]. Initially, the focus was on economic issues and trade, but over time, the agenda expanded to include areas such as ecology and climate change. Nevertheless, for the first time, environmental issues were first raised at the very first BRIC summit in Yekaterinburg. The leaders of Brazil, Russia, India and China expressed their readiness «for a constructive dialogue on countering climate change based on the principles of common but differentiated responsibilities, taking into account the need to combine climate protection measures with steps to address the challenges of socio-economic development of our countries» [2]. An important step was the signing of the Declaration on Cooperation in the Field of Sustainable Development and Environmental Protection at the BRICS Summit in Johannesburg in 2018.

The issues of ecology and climate change have gained special importance in recent decades, becoming one of the central topics of international dialogue. The BRICS Group of countries, which unites about half of the world's population and a significant part of the global economy, plays a leading role in shaping global environmental policy. Taking into account the specifics of national strategies, the level and stage of development of the participating State, as well as other political and economic circumstances, national authorities are given the right to independently choose the path to sustainable development [3].

International treaties and declarations form the basis of legal cooperation between the BRICS countries in the field of ecology and climate change. The key document is the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) [4], ratified by all BRICS members. The Convention lays down the fundamental principles and obligations of States to counter global warming, including reducing greenhouse gas emissions and adapting to the effects of climate change.

In 2015, when the Russian Federation hosted the BRICS summit, the first meeting of the Ministers of Ecology of the member states of this association was held. The event focused on the formation and promotion of the concept of a «green economy» along with reducing greenhouse gas emissions into the atmosphere. In particular, the Russian side presented a draft Memorandum of Understanding on cooperation in the field of environmental policy between the BRICS countries. The Minister of Ecology, Forestry and Climate Change of the Republic of India, Sri Prakash Javadekar, emphasized the importance of striving to achieve zero emissions in the production of products and services, putting forward the concept of «development without destruction» [5].

* **Synachev Nikita Andreevich**, postgraduate student at the Saint Petersburg Law Institute. E-mail: na@synachev.ru.

However, at this stage, The National Green Tribunal Act has been in force since 2010, which formally establishes the procedure for obtaining compensation for damage caused to the population and their property by environmental offenses [6].

In addition, the meeting participants reaffirmed their commitment to the Sustainable Development Goals approved by the United Nations in the same year. As a result of the discussion, a final document was signed – a joint statement, and a decision was made to form two consulting working groups. The first group included representatives of top-level environmental agencies, while the second focused on the development of public-private partnerships in the field of environmental protection. The creation of the latter group reflects the desire of the Russian Federation to form a platform for the introduction of environmentally friendly technologies.

The Paris Climate Agreement [7], concluded in 2015 and aimed at limiting the increase in the average temperature of the Earth to less than 2 ° C above the pre-industrial level. All BRICS members have ratified this agreement, committing themselves to reducing greenhouse gas emissions and promoting a low-carbon economy.

The second meeting of the BRICS Environment Ministers took place on September 15–16, 2016 in the Indian state of Goa. At this event, the participants discussed key issues of environmental policy and signed a Memorandum of Understanding [8]. An important result of the meeting was the creation of a working group on ecology, whose activities are aimed at solving a number of global challenges, including combating climate change, atmospheric and hydrosphere pollution, waste management and the conservation of biological diversity. The meeting was of great importance, as it helped clarify the areas of joint action and created the basis for deepening interstate partnership in the field of nature protection.

The third meeting of the BRICS Working Group on Environmental Issues was held in 2017 in the Chinese city of Tianjin. Here, China presented the BRICS Cities Partnership initiative [9], which provides for the exchange of experience in the field of environmental protection among the municipal authorities of the participating countries. This initiative is part of the «BRICS Green Technology Platform» put forward by the Russian Federation at the first meeting of environment ministers. The aim of the initiative is to introduce the concept of a «clean city» through the cooperation of municipalities.

The signing of the Memorandum of Understanding on Environmental Protection took place as part of the business program of the tenth BRICS Summit, held in Johannesburg, South Africa. This document, presented at the first meeting of the Ministers of Ecology and finalized during the third meeting of the Working Group, was an important step in legally consolidating environmental cooperation between the BRICS member states. The conclusion of this agreement has significantly strengthened the legal framework for the development of relations between the countries in this area. Dmitry Kobylkin, Minister of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation, noted that the signing of the memorandum symbolizes the beginning of a new stage of cooperation and testifies to the joining efforts of the BRICS countries to achieve their goals in the field of environmental protection. For Russia, ecology remains at the level of a national project, a closed set of environmental protection measures focused on achieving narrow goals and not affecting economic and innovation policy [10].

In 2018, the fourth meeting of the Ministers of Ecology of the BRICS countries was held, where the BRICS environmentally friendly technology platform was officially named «The BEST Platform» (BRICS Environmentally Sound Technology (BEST) Cooperation Platform). As part of this platform, China has proposed the BRICS Cities Partnership initiative. The Russian side also made its contribution by presenting the Clean BRICS Rivers program, aimed at reducing the volume of plastic waste entering waterways.

The fifth meeting of the BRICS Environment Ministers, held in Sao Paulo (Brazil), ended with agreements on the development of a list of promising environmental technologies. It is assumed that this list will help minimize the damage caused to nature by industrial activities. It was decided to prepare about 50 reference books of the best available technologies for various industries, which will then be integrated into a single consolidated document.

In 2020, due to the COVID-19 pandemic, the meetings of the Ministers of Ecology and the meetings of the working group were moved to an online format under the chairmanship of Dmitry Kobylkin, Minister of Natural Resources and Ecology. At this event, the need to fill «The BEST Platform» with meaningful material was discussed. The Minister stressed the importance of developing public-private partnerships in the field of nature protection. Special attention was paid to the BRICS Clean Rivers program, including a proposal to increase public and volunteer participation in river shoreline cleanup.

The BRICS countries are actively following the global trend aimed at protecting the environment. Although a significant part of the documents adopted by these countries in the field of ecology are primarily declarative, they play an important role in shaping the institutional and legal framework for environmental cooperation between the BRICS member states. This creates the basis for further practical measures to combat climate change.

In addition to their activities within the framework of BRICS, states strive to contribute to solving environmental issues at the international level. In particular, there was the climate summit in Glasgow, which was attended by representatives of almost 200 countries. The result of this event was the adoption of the Glasgow Climate Pact, which required significant efforts and compromises on the part of the participants. Thus, the key phrase for India was the «gradual cessation» of coal use, which it proposed to replace with a «gradual reduction» [5].

Other important agreements were also concluded at the summit. Some countries have signed a document on phasing out the use of coal and switching to clean energy sources. However, such large coal producers as Russia, China and the USA were absent from them. In addition, Russia and China refused to sign an agreement to reduce methane emissions by 30% by 2030, although they are the main emitters of this greenhouse gas.

At the same time, Russia, together with China and Brazil, expressed support for the declaration on a complete halt to deforestation by 2030. For this purpose, it is planned to allocate financial resources in the amount of 20 billion US dollars, part of which will be used to fight forest fires and restore lost forest territories.

Summarizing the results of the summit, it should be emphasized that there are certain contradictions in the agreements and treaties adopted, as well as in the positions of the signatory countries. The activities of a number of BRICS member states, such as Russia, India and China, once again demonstrate that, despite the measures they have taken to combat climate change and the existing mechanisms of interaction within the association, these efforts are not yet effective enough to quickly solve environmental problems. In order for the participating countries to make a more significant contribution to environmental issues, it is necessary to radically review their economic strategies in the field of environmental management.

Adapting to a changing climate is another key aspect of cooperation. The BRICS countries are experiencing the effects of global warming, such as droughts, floods, and rising sea levels. Adaptation strategies aimed at the sustainability of economic systems and infrastructure facilities are being developed to minimize negative effects.

Despite the successes achieved, the BRICS countries face serious challenges, as there are a number *of problems.*

– *Inconsistency of national interests*

One of the main difficulties is the need to coordinate national interests and priorities. Each BRICS country has its own unique challenges and approaches to environmental issues and climate change. For example, China and India continue to use coal as their main source of energy, which complicates the transition to a low-carbon future. Meanwhile, Russia needs to refocus on their standards, which are somewhat different from European ones, but also contain requirements that the environment, social component and corporate governance should be at the appropriate level [11].

– *Lack of funding*

Developing countries need significant financial resources to implement environmentally friendly technologies and adapt to climate change. Financing of such projects requires significant funds, which often becomes an obstacle to the successful implementation of environmental programs.

– *The contradiction between economic interests and ecology*

Many BRICS countries face a dilemma between the need to sustain economic growth and protect the environment. Economic development is often associated with increased consumption of natural resources and greenhouse gas emissions, which negatively affects the environment.

Solutions:

– *Coordination of national strategies*

To overcome the inconsistency of national interests, it is necessary to strengthen coordination and cooperation between the BRICS countries. This may include regular meetings of experts, the development of common strategic documents and the creation of mechanisms for monitoring the implementation of commitments.

– *Increased financing of environmental projects*

The development of financial instruments, such as the New BRICS Development Bank, can help increase the financing of environmental projects. It is also important to attract private investment and develop public-private partnership mechanisms.

– *Transition to a low-carbon economy*

The transition to the use of renewable energy sources and the introduction of environmentally friendly technologies will help reduce dependence on fossil fuels and reduce greenhouse gas emissions. Government support for such projects through tax incentives, subsidies, and other forms of incentives can speed up this process.

– Adaptation to climate change

The creation and implementation of climate change adaptation strategies will help minimize the negative effects of global warming. This may include the construction of protective structures, the improvement of early warning systems for natural disasters, and the development of sustainable agricultural practices.

The BRICS countries play a crucial role in solving global environmental problems and combating climate change. Joint efforts are aimed at developing and implementing effective measures to protect the environment and adapt to new realities. Despite the existing difficulties, since BRICS is not an integration association, cooperation is likely to develop through scientific research and the exchange of experience and best practices [12], which creates prerequisites for achieving sustainable development and ensuring the well-being of future generations.

Bibliographic list

1. *Vasichkina E.D.* The Environmental Agenda: challenges and prospects for potential cooperation between BRICS youth organizations / E.D. Vasichkina // The international aspect. – 2024. – T. 5. – № 1 (15). – Pp. 50–62.

2. *Sakharov A.G.* Progress of the BRICS countries in achieving the climate and environmental goals of the 2030 Agenda / A.G. Sakharov // Bulletin of International Organizations. 2024. Vol. 19. No. 1. pp. 106–128.

3. *Chuprova Yu.N.* Review of the results and promising areas of cooperation on ecology and environmental protection at the level of the BRICS interstate association / Yu.N. Chuprova // Archon. – 2024. – 6 (45). – Pp. 36–44.

4. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) [Electronic resource] – Access mode: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf.

5. *Zaitsev V.O.* Environmental projects of the BRICS countries as a basis for solving global problems / V.O. Zaitsev // Theory of Law and Interstate relations. – 2022. – Vol. 2 – No. 10 (22). – pp. 174–180.

6. *Yun L.V.* Environmental human rights in the BRICS countries: actual problems / L.V. Yun // Main trends in the development of modern law: the law of the BRICS countries. – 2024. – pp. 321–324.

7. The Paris Agreement [Electronic resource] – Access mode: https://web.archive.org/web/20201212192905/https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-7-d&chapter=27&clang=_en.

8. Memorandum of Understanding [Electronic resource] – Access mode: https://www.alta.ru/tamdoc/16bn0150 /.

9. Environmental initiatives of the BRICS countries [Electronic resource] – Access mode: https://infobrics.org/post/34807/news /.

10. *Kondratenko G.V.* Russian-Chinese cooperation in the field of ecology in the context of a changing political balance in the world / G.V. Kondratenko // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 42. – pp. 35–44.

11. *Kuklina E.A.* On the issue of using ESG investment tools (in the context of digital and «green» transformation of the oil and gas industry / E.A. Kuklina // State and Business. Directions of socio-economic development. – 2023. pp. 67–79.

12. *Revenko N.S.* Priorities of socio-economic development of the BRICS countries: comparative analysis of goals and objectives / N.S. Revenko // Horizons of the economy. – 2019. – № 5 (51). – Pp. 79–89.

For citation: *Synachev N.A.* Ecology and Climate Change in the Framework of BRICS: article // Theory of the state and law. 2025. No. 2 (43).- Pp. 191–195.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_186

Научная статья

УДК 347.1
ББК 67.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_196

Я.В. Шицле*

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРАВ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Анализ российских практик цифровизации, связанных с ними вызовов правам и свободам человека составляют основное содержание данной статьи. Отмечается, что не только в России, но и во всем мире остается проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе проблема реализации цифровых прав граждан. Акцентируется внимание на том, что серьезная проблема, стоящая на пути реализации традиционных прав граждан – это проблема обеспечения национальной безопасности личности, индивида и общества в целом, особенно она свойственна для реализации новых цифровых прав граждан. Автор данной статьи обращает внимание на необходимость принятия Федерального Закона «Об обеспечении и защите публичных цифровых прав граждан Российской Федерации» и обосновывает его актуальность.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые права граждан, информационые технологии, персональные данные, телемедицина.*

Цифровые технологии сегодня становятся посредниками при взаимодействии субъектов права: граждан и организаций с органами власти, они стали частью жизни каждого и эти процессы требуют новых подходов, установления особых прав и обязанностей субъектов информационных правоотношений. В настоящее время большое внимание направлено на решение вопросов адаптации правовых норм к изменениям, вызванным цифровизацией и необходимостью интеграции новых технологий в правовое регулирование для поддержания соответствия между правом и общественными потребностями[5].

Одной из основных проблем цифровизации не только в России, но и во всем мире остается проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе проблема реализации цифровых прав граждан.

По справедливому мнению, профессор С.А. Авакьяна: «обращение к данной теме не является данью времени и тем более моде, а необходимостью определения задач науки и отрасли конституционного права в условиях электронно-цифровых технологий. Они меняют окружающий мир, ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданами и их объединениями. В этих условиях право в целом, конституционное право должны думать, как существовать при новых технологиях и рождаемых ими отношениях между людьми, между гражданами и публичной властью». [4].

Федеральный проект «Цифровое государственное управление», предусматривает развитие цифровых технологий и платформенных решений, построение системы «государство как платформа», в частности: переход на электронный документооборот, прозрачность принимаемых решений за счет раскрытия данных, развитие цифрового взаимодействия граждан, предпринимательского сообщества с государством в режиме мультиканальности.

* **Шицле Ярослав Владимирович,** аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: ya.schuetzle@gmail.com.

Научный руководитель – **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmamitova@mail.ru.

Развитие права в соответствии с технологическим прогрессом крайне необходимо для того чтобы правовые системы могли эффективно регулировать сложные и динамичные цифровые платформы и системы, ставя в центр интересы человека и обеспечивая защиту его прав. Процесс цифровой трансформации в Российской Федерации идет достаточно активно в связи со стремительным развитием цифровых технологий поэтому необходимо принимать меры для своевременного правового регулирования в этой сфере. Современные цифровые технологии должны вписываться в правовое поле, предпочтительно с некоторым опережением, способствуя их развитию. Отмечается рост числа новых законопроектов в таких сферах регулирования как государственных цифровые платформы, защита персональных данных и прочих. В частности, отметим некоторые из них.

Во-первых, Президентом Российской Федерации подписан Указ № 695 от 18 сентября 2023 года о введении цифровых паспортов [2], который будет реализован с использованием мобильного приложения ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг» и использоваться гражданами на добровольной основе наравне с традиционным документом, удостоверяющим личность. Введение цифрового паспорта будет способствовать развитию государственного управления и для граждан упростит и расширит возможности использования документа гражданами, доступ к нему будет предоставляться через мобильное приложение «Госуслуги».

Анализ нормативной базы позволяет сделать вывод о том, что основные изменения в законодательстве за последний год были направлены на регулирование оборота данных, в том числе сбора, хранения персональных данных и доступа к ним, размещения информации, повышение технологической безопасности и ужесточение ответственности. Становится очевидным, что в юридически значимых действиях активно набирает обороты использование биометрических данных граждан для подтверждения личности. С помощью этих данных можно получить разрешение на совершение определенных действий или доступ в личный кабинет банка. В этой связи актуализация законодательства в сфере использования биометрии и персональных данных обеспечит защиту прав граждан от противоправных действий злоумышленников. В то же время, в настоящий период высоки риски утечки персональных данных. Участились случаи, масштабных утечек персональных данных и размещения их в открытом доступе. Государственная Дума в скором времени будет рассматривать законопроект об усилении ответственности бизнеса за ненадлежащее хранение биометрии. В данный момент максимальный размер штрафа за утечку персональных данных составляет 300 тыс. рублей. Если закон примут, то за указанное нарушение компания может быть оштрафована на сумму до 20 млн. рублей.

Серьезная проблема, стоящая на пути реализации традиционных прав граждан – это проблема обеспечения национальной безопасности личности, индивида и общества в целом, особенно она свойственна для реализации новых цифровых прав граждан.

Одним из новых и серьезных направлений современного развития цифровизации всех сфер общественной жизни российского общества, является развитие цифровой медицины, как наиболее актуальное направление, в первую очередь связанное с появлением телемедицины, внедрением искусственного интеллекта в процессы диагностики и лечения, и другие инновационные решения, которые делают российскую медицину проще и доступнее для каждого, в то же самое время, создавая и реализуя новые цифровые права граждан.

Телемедицина представляет собой активно развивающуюся область здравоохранения, подразумевающую предоставление медицинских услуг людям на расстоянии с использованием программных решений и телекоммуникационных технологий. Она связывает между собой пациентов и врачей, медицинских работников с другими поставщиками медицинских услуг. Взаимодействие врачей между собой обычно используется больницами, клиниками и поставщиками услуг телемедицины в случаях необходимости верификации данных пациентов, а также при невозможности оказания медицинской помощи узким специалистом в данный момент. Передовые технологии в сочетании с последними достижениями в области биотехнологий, биосенсоров и разработки программного обеспечения сделали возможным рост экосистем телемедицины в здравоохранении.

В первую очередь хочется отметить, что четкого определения понятия «цифровизация медицины» не существует, так как само понятие включает в себя комплекс схожих понятий, мер по интеграции инновационных решений и итогов безостановочного технического прогресса в здравоохранение.

Самым обширным понятием, связанным с цифровизацией медицины на данный момент, является телемедицина. Впервые определение «телемедицина» было предложено Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) на собрании в 1997 году, и звучало оно так: «*Телемедицина* – это предоставление услуг здравоохранения в условиях, когда расстояние является критическим фактором, работниками здравоохранения, использующими информационно-коммуникационные технологии для обмена необходимой информацией в целях диагностики, лечения и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок, а также для непрерывного образования медицинских работников в интересах улучшения здоровья населения и развития местных сообществ».

Современная интерпретация цифровой медицины имеет несколько составляющих. Само по себе цифровое здравоохранение включает в себя математические методы обработки медицинских данных, заключающихся в представлении количественных и качественных переменных; электронное здравоохранение, делящееся на две составляющие: телемедицину, определение которой приведено выше, и явление последних десяти лет – электронный документооборот, охвативший практически все сферы жизнедеятельности современного общества[6], [7].

Электронный документооборот в современных медицинских структурах имеет очень важную роль. Введение данного метода взаимной коммуникации между пациентами, врачами и управленцами существенно сокращает временные и экономические затраты.

Проблема реализации цифровых прав в сфере телемедицины касается как пациентов, так и медицинских работников. Как и российские пациенты, многие медицинские работники обеспокоены вопросами конфиденциальности и безопасности данных. Тем не менее отсутствие доступа к системам обмена данными и проблемы, вызванные функциональной совместимостью, остаются основными трудностями, препятствующими повсеместному обмену медицинскими данными о здоровье пациентов, особенно в случае передачи информации за пределы медицинского учреждения.

Действия государства ярко показаны созданием нормативно-правовых актов, цель которых обозначить векторы развития здравоохранения. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1640 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"[3] включает направление (подпрограмму) "Информационные технологии и управление развитием отрасли, которое включает в себя Федеральный проект "Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)". Данный проект запланирован в период с 01.01.2019 по 31.12.2024 [6], [7].

В ходе реализации этого проекта возникает возможность персонализированного подхода к здоровью и личным потребностям граждан в сфере здравоохранения, обеспечении качества услуг и реализации цифровых прав граждан.

В связи с вышеизложенным, автор данной статьи обращает внимание на необходимость принятия Федерального Закона «Об обеспечении и защите публичных цифровых прав граждан Российской Федерации», проект которого был разработан, но закон так и не принят. Данный закон будет актуален и необходим по следующим причинам:

– во-первых, сегодня традиционные права граждан видоизменяются, появляются новые цифровые права, требующие своего обоснования как с точки зрения теории, так и со стороны практики их реализации. Обостряются противоречия между свободой информации и правом на защиту частной жизни, появляются новые виды цифровых преступлений в сфере национальной безопасности, такие как «киберпреступность», «цифровое мошенничество» и другие, что соответственно требует особого правового анализа и регулирования;

– во-вторых, внедрение цифровых технологий в систему государственного управления и оказания услуг населению способствует решению одной из основных целей государствен-

ной политики регионального развития – обеспечение равных возможностей для реализации экономических, политических и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны, обеспечение устойчивого эффективного развития регионов;

– в-третьих, сегодня не только появляется, но и все более укореняется новый вид правосознания – цифровое правосознание на которое оказывает влияние не только информационно-правовая политика государства, но и развитие цифровой среды в целом.

– в-четвертых, в современном законодательстве существует ряд проблем, связанных с идентификацией и аутентификацией личности, которые расширяют сферу вмешательства государства в личное пространство человека.

Законопроект предлагает урегулировать все вышеперечисленные сферы и законодательно закрепить основные гарантии в сфере цифровых прав граждан.

Законопроект позволит ответить на некоторые актуальные вопросы в сфере реализации цифровых прав граждан:

– вопросы, связанные с искусственным интеллектом и правами человека: должен ли робот-искусственный интеллект обладать правосубъектностью? Способны ли автоматизированные системы брать на себя функции интеллекта человека? Каковы пределы допустимости в сферу когнитивных способностей человека?

– вопросы, связанные с формированием законодательства и регулированием ЭПР (экспериментальных правовых режимов). Возможно ли будет тестировать различные инновации в сжатом режиме? Вопросы, связанные с утечкой данных, т.к. в режиме экспериментов разрешено обходить целый ряд норм законодательства.

– вопросы нарушения права граждан на предоставление государственной помощи и незащищенности их цифровых прав.

Цифровые права тесно связаны с цифровыми данными, поэтому возникают они там и постольку, поскольку гражданин использует цифровые технологии в своей жизни и своем взаимодействии с обществом и государством.

Эти и другие вопросы, и проблемы, вставшие перед современным обществом и государством, требуют нового теоретического осмысления, креативных подходов и продуманных правовых решений в сфере реализации цифровых права граждан, как особого вида прав российских граждан в системе развития информационных технологий в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3451.

2. Указ Президента Российской Федерации от 18.09.2023 № 695 "О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий"// Собрание законодательства РФ от 25 сентября 2023 г. № 39 ст. 7012

3. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1640 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"

4. *Авакьян С.А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право. // Конституционное и муниципальное право .2019, №7, с.23.

5. Мамитова Н.В., Селиверстова А.Д. Цифровое государство: проблемы теории и практики построения в Российской Федерации. // Государственная служба №1 2018. С.25–34.

6. *Глазкова Н. А., Дудорова Т. Н., Шубина И. В.* Цифровизация здравоохранения России: состояние и перспективы. // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. – С. 10–16.

7. *Новак М.Г.* Цифровизация здравоохранения: глобальные тенденции и перспективы для России // Новые технологии в медицине. 2019. – С. 4–12.

Для цитирования: *Шицле Я.В.* Цифровые права граждан как особый вид прав граждан в системе развития информационных технологий в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2 (43). – С. 196–199.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_196

Ya.V. Shitsle*

DIGITAL RIGHTS OF CITIZENS AS A SPECIAL TYPE OF CITIZENS' RIGHTS IN THE INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The analysis of Russian digitalization practices and related challenges to human rights and freedoms constitute the main content of this article. It is noted that not only in Russia, but also around the world, there remains the problem of ensuring human and civil rights and freedoms, including the problem of realizing digital rights of citizens. Attention is focused on the fact that a serious problem standing in the way of the realization of traditional rights of citizens is the problem of ensuring the national security of the individual, the individual and society as a whole, especially it is characteristic for the realization of new digital rights of citizens. The author of this article draws attention to the need to adopt the Federal Law "On Ensuring and Protecting Public Digital Rights of Citizens of the Russian Federation" and substantiates its relevance.*

Keywords: *digitalization, digital rights of citizens, information technology, personal data, telemedicine.*

Digital technologies are now becoming intermediaries in the interaction of legal entities: citizens and organizations with government authorities, they have become a part of everyone's life and these processes require new approaches, the establishment of special rights and obligations of subjects of information relations. Currently, much attention is focused on the issues of adapting legal norms to the changes caused by digitalization and the need to integrate new technologies into legal regulation in order to maintain consistency between law and public needs[5].

One of the main problems of digitalization not only in Russia, but also around the world remains the problem of ensuring human and civil rights and freedoms, including the problem of realizing the digital rights of citizens.

In a fair opinion, Professor S.A. Avakyana: "addressing this topic is not a tribute to time and even more so to fashion, but the need to define the tasks of science and the branch of constitutional law in the context of electronic and digital technologies. They are changing the world around them, setting new tasks for the state, society, citizens and their associations. In these conditions, the law as a whole, constitutional law, must think about how to exist with new technologies and the relationships between people, between citizens and public authorities that they give rise to."[4].

The federal project "Digital Public Administration" provides for the development of digital technologies and platform solutions, the construction of the "state as a platform" system, in particular: the transition to electronic document management, transparency of decisions through data disclosure, the development of digital interaction between citizens, the business community and the state in a multi-channel mode. The development of law in line with technological progress is essential for legal systems to effectively regulate complex and dynamic digital platforms and systems, putting human interests at the center and ensuring the protection of human rights. The process of digital transformation in the Russian Federation is quite active due to the rapid development of digital technologies, so it is necessary to take measures for timely legal regulation in this area. Modern digital technologies should fit into the legal field, preferably with some advance, contributing to their development. There has been an increase in the number of new bills in regulatory areas such as government digital platforms, personal data protection, and others. In particular, we will mention some of them.

* **Shitsle Yaroslav Vladimirovich**, postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute Private Educational Institution of Higher Education (Saint Petersburg). E-mail: ya.schuetzle@gmail.com.

The scientific supervisor is **Mamitova Natalia Viktorovna**, Doctor of Law, Professor. E-mail: nvmamitova@mail.ru.

First, the President of the Russian Federation signed Decree No. 695 of September 18, 2023 on the introduction of digital passports [2], which will be implemented using the mobile application of the Federal State Educational Institution "Unified Portal of State and Municipal Services" and used by citizens on a voluntary basis along with a traditional identity document. The introduction of a digital passport will contribute to the development of public administration and simplify and expand the possibilities for citizens to use the document. Access to it will be provided through the Gosuslugi mobile application.

An analysis of the regulatory framework allows us to conclude that the main legislative changes over the past year have been aimed at regulating data turnover, including the collection, storage and access to personal data, the placement of information, increasing technological security and stricter responsibility. It is becoming obvious that the use of citizens' biometric data for identity verification is actively gaining momentum in legally significant actions. With this data, you can get permission to perform certain actions or access the bank's personal account. In this regard, updating legislation on the use of biometrics and personal data will ensure the protection of citizens' rights from illegal actions by intruders. At the same time, the risks of personal data leakage are currently high. Cases of large-scale leaks of personal data and their posting in the public domain have become more frequent. The State Duma will soon consider a bill to strengthen the responsibility of businesses for improper storage of biometrics. At the moment, the maximum fine for personal data leakage is 300 thousand rubles. If the law is passed, the company may be fined up to 20 million rubles for this violation.

A serious problem standing in the way of realizing the traditional rights of citizens is the problem of ensuring the national security of the individual, the individual and society as a whole, especially it is characteristic of the realization of new digital rights of citizens.

One of the new and serious directions of the modern development of digitalization of all spheres of public life in Russian society is the development of digital medicine, as the most relevant direction, primarily related to the advent of telemedicine, the introduction of artificial intelligence in the processes of diagnosis and treatment, and other innovative solutions that make Russian medicine easier and more accessible to everyone, while at the same time, creating and implementing new digital rights for citizens.

Telemedicine is an actively developing field of healthcare, involving the provision of medical services to people from a distance using software solutions and telecommunication technologies. It connects patients and doctors, and healthcare professionals with other healthcare providers. The interaction of doctors with each other is usually used by hospitals, clinics, and telemedicine service providers in cases where verification of patient data is necessary, as well as when it is impossible to provide medical care by a specialist at the moment. Advanced technologies combined with the latest advances in biotechnology, biosensors, and software development have made possible the growth of telemedicine ecosystems in healthcare.

First of all, I would like to note that there is no clear definition of the concept of "digitalization of medicine", since the concept itself includes a set of similar concepts, measures to integrate innovative solutions and the results of non-stop technological progress in healthcare.

The most extensive concept related to the digitalization of medicine at the moment is telemedicine. For the first time, the definition of "telemedicine" was proposed by the World Health Organization (WHO) at a meeting in 1997, and it sounded like this: "Telemedicine – This is the provision of healthcare services in an environment where distance is a critical factor, by healthcare professionals using information and communication technologies to share necessary information for the diagnosis, treatment and prevention of diseases and injuries, conduct research and assessments, as well as for continuing education of healthcare professionals in the interests of improving public health and developing local communities."

The modern interpretation of digital medicine has several components. Digital healthcare itself includes mathematical methods of processing medical data, consisting in the representation of quantitative and qualitative variables; electronic healthcare, divided into two components: telemedicine, the definition of which is given above, and the phenomenon of the last ten

years – electronic document management, which has covered almost all spheres of modern society[6], [7].

Electronic document management in modern medical structures plays a very important role. The introduction of this method of mutual communication between patients, doctors and managers significantly reduces time and economic costs.

The problem of implementing digital rights in the field of telemedicine concerns both patients and medical professionals. Like Russian patients, many healthcare professionals are concerned about privacy and data security issues. Nevertheless, lack of access to data exchange systems and problems caused by interoperability remain the main obstacles to the widespread exchange of medical data on the health of patients, especially in the case of information transfer outside the medical institution.

The actions of the state are vividly demonstrated by the creation of normative legal acts, the purpose of which is to identify the vectors of healthcare development. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1640 dated December 26, 2017 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Healthcare"[3] includes the direction (subprogram) "Information Technologies and Management of industry Development, which includes the Federal project "Creation of a single digital Contour in healthcare based on the Unified State Health Information System (USISZ)". This project is planned for the period from 01.01.2019 to 31.12.2024 [6], [7].

During the implementation of this project, there is an opportunity for a personalized approach to the health and personal needs of citizens in the field of healthcare, ensuring the quality of services and the realization of digital rights of citizens.

In connection with the above, the author of this article draws attention to the need to adopt a Federal Law "On Ensuring and Protecting the public Digital Rights of Citizens of the Russian Federation," the draft of which was developed, but the law was never adopted. This law will be relevant and necessary for the following reasons:

Firstly, today the traditional rights of citizens are changing, new digital rights are emerging that require their justification both from the point of view of theory and from the practice of their implementation. The contradictions between freedom of information and the right to privacy protection are escalating, new types of digital crimes in the field of national security are emerging, such as "cybercrime", "digital fraud" and others, which accordingly requires special legal analysis and regulation.;

Secondly, the introduction of digital technologies into the system of public administration and the provision of services to the population contributes to the solution of one of the main goals of the state policy of regional development – ensuring equal opportunities for the realization of economic, political and social rights of citizens of the Russian Federation throughout the country, ensuring sustainable effective development of the regions.;

Thirdly, today a new type of legal awareness is not only emerging, but also becoming more and more entrenched – digital legal awareness, which is influenced not only by the information and legal policy of the state, but also by the development of the digital environment as a whole.

– Fourthly, in modern legislation there are a number of problems related to identification and authentication of an individual, which expand the scope of government interference in a person's personal space.

The bill proposes to regulate all of the above areas and legislate basic guarantees in the field of digital rights of citizens.

The draft law will allow answering some relevant questions in the field of the realization of digital rights of citizens:

questions related to artificial intelligence and human rights: should an artificial intelligence robot have legal personality? Are automated systems capable of taking over the functions of human intelligence? What are the limits of human cognitive abilities?

issues related to the formation of legislation and regulation of EPR (experimental legal regimes). Will it be possible to test various innovations in a compressed mode? Issues related to data leakage, as it is allowed to circumvent a number of legal norms in the experimental mode.

issues of violation of citizens' right to provide state aid and insecurity of their digital rights.

Digital rights are closely related to digital data, which is why they arise there and insofar as a citizen uses digital technologies in his life and in his interaction with society and the state.

These and other issues and problems facing modern society and the state require a new theoretical understanding, creative approaches and thoughtful legal solutions in the field of the implementation of digital rights of citizens, as a special type of rights of Russian citizens in the system of information technology development in the Russian Federation.

Bibliographic lists

1. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended on December 31, 2017) "On Personal Data" / / Collection of legislation of the Russian Federation. 07/31/2006. N 31 (part 1).). St. 3451.

2. Decree of the President of the Russian Federation dated 09/18/2023 No. 695 "On the presentation of information contained in identity documents of a citizen of the Russian Federation using information technology"// Collection of Legislation of the Russian Federation dated September 25, 2023, p. No. 39. 7012

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 26, 2017 N 1640 "On approval of the State program of the Russian Federation "Development of healthcare".

4. *Avakyan A. N.* Information space of knowledge, the digital world and constitutional law. // Constitutional and municipal law .2019, No. 7, p.23.

5. *Mamitova N.V., N. A. Seliverstova.* According to J. The digital state: problems of theory and practice of construction in the Russian Federation. // Civil Service No. 1, 2018. Articles 25–34.

6. *Glazkova N. A., Dudorova T. N., Shubina I. N.* Digitalization of healthcare in Russia: status and prospects. // Social aspects of public health. 2020. – P. 10–16.

7. *Novak M. N*. Digitalization of healthcare: global trends and prospects for Russia // New technologies in medicine. 2019. – P. 4–12.

For citation: *Shitsle Ya. V.* Digital Rights of Citizens as a Special Type of Citizens' Rights in the Information Technology Development System in the Russian Federation: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2 (43). – Pp. 200–203.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_196

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342
ББК 67.401
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_204

Е.А. Ганичева[*]
А.П. Назаров[**]

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНО – ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *Авторы статьи исследуют вопросы публично-правового регулирования отдельного направления энергетики – водородной энергетики – в рамках особого отраслевого образования в системе права – энергетического права. В статье обосновывается положение о необходимости и специфике правового регулирования определенных правовых отношений, что требует созданиия норм, закрепляющих правовой статус водородной энергетики.*

Ключевые слова*: система права, законодательство, публично-правовое регулирование, энергетическое право, водородная энергетика.*

Теоретико-правовой аспект темы, исследуемой в статье, связан с появлением относительно нового объекта правового регулирования – водорода в сфере энергетики. Это позволяет рассматривать данный объект в рамках новых отраслевых образований в системе права, например, в рамках энергетического права, что дает основание полагать о создании в системе права и системе законодательства необходимых правовых норм и источников, лежащих в основе публично-правового регулирования водородной энергетики.

Современный период развития системы права и системы законодательства связан с появлением в политико – правовой и социально – экономической областях деятельности государства относительно новых объектов правового регулирования и правовых отношений. Такие объекты возникающих правоотношений во многом способствуют дополнению критериев (на уровне **предмета** и **метода** правового регулирования) образования новых отраслей российского права (или отраслей российского законодательства), что влечет интенсивность правотворческой деятельности. Появление в системе права новых отраслевых образований означает создание обособленной системы таких правовых норм, которые становятся востребованными в определенный период времени юридической практикой и юридической наукой.

Таким относительно новым отраслевым образованием можно определить энергетическое право, которое своими нормами регулирует общественные отношения, включающие в свою структуру многообразные объекты, закрепляемые энергетическим законодательством. Одним из таких объектов в рамках реализации климатической повестки по сокращению выбросов парниковых газов и по декарбонизации отраслей экономики выступает во-

[*] ***Ганичева Екатерина Александровна*****,** к.ю.н., доцент, доцент кафедры предпринимательского и энергетического права Санкт – Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ). E-mail: ganichewa@mail.ru.

[**] ***Назаров Аслан Пахливанович,*** аспирант 2 года обучения СПбГЭУ, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ. E-mail: apnazar@yandex.ru.

дород в качестве перспективного энергоносителя, экологически чистого топлива (при условии применения низкоуглеродных технологий его производства). Важна также характеристика водорода и водородной энергетики как элемента структуры энергетических правоотношений в системе предмета энергетического права.

Теоретический анализ отраслевого образования в виде энергетического права дает основание рассматривать в методологии данного направления такой из методов, как метод публичного правового регулирования. В настоящем исследовании этот метод позволяет раскрыть перспективы развития энергетического законодательства и особенности правового регулирования отдельных объектов энергетических правоотношений, как было отмечено, водорода и водородной энергетики.

Перспективы публично-правового регулирования и фактического применения водорода соответствуют точке зрения заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.В. Новака, который обоснованно обратил внимание на эффективность «экологически чистого» или «зеленого» водорода, полученного в результате использования низкоуглеродных технологий в качестве средства декарбонизации отраслей промышленности. Так, используются существенные объемы газа или угля в качестве источника энергии в производстве, в электроэнергетике, в сфере ЖКХ в рамках децентрализованного теплоснабжения (либо в чистом виде, либо в смеси с метаном), в различных видах транспорта (как топливо) [10, с. 6]. Наличие такого объекта правового регулирования, то есть применение «зеленого» водорода, придаст новый импульс развитию экономики, права и законодательства, откроет новые возможности в улучшении социально – экономических и публично-правовых отношений в исследуемой области. Кроме того, перспективы использования такого водорода положительно оценивают в научных и экспертных сообществах зарубежных стран.

Современная характеристика введения нового объекта правовых отношений в виде водорода и водородной энергетики показывает актуальность данного исследования. Так, по оценкам экспертов существующий мировой спрос на «чистый» экологический водород составляет 75 млн. тонн, при этом около 95% потребления приходится на нефтеперерабатывающую и химическую промышленность [10, с. 8]. Вместе с тем, мировой рынок к 2040 году может достигнуть около 2 трлн. долларов США, что сопоставимо с существующим объемом рынка нефти, при негативном сценарии – 70 – 160 млрд. долларов США [12]. По другим экспертным оценкам, к 2050 году доля водорода в глобальном энергобалансе может составить от 7% до 24% (в зависимости от различных сценариев развития) [6, с. 7]. Очевидным является экономический потенциал производства, экспорта и потребления водорода, в связи с чем не представляются удивительными оглашенные намерения Австралии, Нидерландов, Великобритании, Канады и Катара занять лидирующие позиции в качестве экспортеров на описываемом еще не сформированном мировом рынке [12].

Отметим, что несмотря на отдаленные перспективы и экономические выгоды изменений на мировом рынке энергоресурсов, ряд зарубежных стран принимают активные меры по формированию соответствующей **нормативной базы**, направленной на регулирование общественных отношений в сфере водородной энергетики.

Так, с 2020 года была разработана и опубликована Водородная стратегия Европейского союза (Building a hydrogen economy for a climate-neutral Europe), согласно которой доля водородного топлива в энергобалансе ЕС вырастет с текущих 2% до 14 % к 2050 году, при этом ЕС запланировано производство 10 млн. тонн «зеленого» водорода в период с 2025 по 2030 годы [6]. С 2016 года Государственным советом Китая принимается ряд стратегических документов, определяющих меры государственного содействия различным секторам водородной энергетики, в том числе развитие бортовых систем хранения водорода и технологий подготовки, хранения, транспортировки и заправки водорода, строительство водородных заправочных станций [8, с. 33].

Иным подходом отличается Австрия, которая акцентировала внимание на субсидировании строительства электролизных заводов, при этом размер субсидии не превышает 45%

от объема инвестиций, вложенных в такое строительство [8]. В Японии пошли по пути формирования «водородного общества». Так, в апреле 2020 года правительство страны приняло четвертый по счету Стратегический энергетический план на 2030 год, предусматривающий сокращение зависимости от ядерной энергетики и расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), определив транспорт и промышленность в качестве основных и перспективных сфер применения с одновременным информированием населения о безопасности и экономической выгоде использования «зеленого» водорода в качестве топлива [9].

Особое внимание можно уделить Южной Корее в качестве примера наиболее полного правового регулирования, которое базируется на двух основных нормативных актах – Закон о содействии водородной экономике и управлении водородной безопасностью (Закон о водороде) и Закон о содействии развитию, использованию и распространению новой возобновляемой энергии (Закон о ВИЭ) [8]. Концептуальный подход данного зарубежного государства заключается в обязательном лицензировании деятельности, связанной с водородной энергетикой, в частности, связанной с производством и поставкой «зеленого» водорода. При этом решения о выдаче лицензии принимаются уполномоченными должностными лицами (мэрами или губернаторами) на уровне города или административно – территориального района; также используется механизм правового «приземления» иностранных компаний, планирующих деятельность по экспорту компонентов, связанных с водородными топливными элементами, в страну. Такая организация – экспортер обязана пройти регистрацию в Министерстве энергетики Южной Кореи в соответствии с положениями Закона о водороде.

Указанный подход иностранного государства позволяет в полном объеме использовать публично – правовые средства для обеспечения безопасности производства и поставки водорода, установления обязательных нормативных требований к данному виду предпринимательской деятельности в качестве гарантии защиты прав и законных интересов всех участников правоотношений. Это находит свою правовую и практическую реализацию, в рамках которой «зеленый» водород рассматривается как один из возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Предлагаем обратиться к специфике правового регулирования исследуемого вопроса в Российской Федерации.

Во-первых, законодателем установлен исчерпывающий перечень возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [2], к числу которых «зеленый» водород не отнесен. По мнению В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петрова и Е.В. Силиной, водородная энергия, получаемая посредством электролиза воды, имеет все основания быть включенной в такой перечень, так как техническая специфика данного процесса позволяет вновь вводить воду в оборот водородной энергетики (соответствует признаку – непрерывности возобновления) [11]. Кроме того, закрытый перечень ВИЭ исключает возможность разработки и реализации мер государственной поддержки по развитию и расширению сфер применения альтернативных источников энергии, в частности «зеленого» водорода, оставляя данный вопрос на откуп коммерческой выгоде и целесообразности в рамках частных инвестиций со стороны субъектов предпринимательской деятельности. Трудно не согласиться с рядом авторов, обоснованно указывающих на необходимость открытого перечня ВИЭ в целях обеспечения инновационного пути развития энергетического сектора. Вместе с тем, закрепленная в статье 2 Федерального закона от 23.11.2009 № 261 – ФЗ "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [3] дефиниция «энергетический ресурс» предполагает наличие различных энергоносителей, используемой энергии или которая может быть использована в дальнейшем, а также допускает существование видов энергии (помимо традиционных), что создает предпосылки для исследования и развития альтернативных источников энергии вне контекста возобновляемых источников энергии.

Во-вторых, отдельного правового регулирования водородной энергетики на уровне федерального закона в России не существует (на сегодняшний день), перспективы норма-

тивного регулирования четко не определены. Однако, в рамках Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года [4] (далее также – Энергостратегия), водородная энергетика рассматривается в качестве одного из направлений энергетического сектора, с помощью которого можно эффективно обеспечить потребности социально-экономического развития России. Полагаем необходимым акцентировать внимание на некоторых положениях Энергостратегии в пределах исследуемого направления.

Основной задачей (до 2035 года) развития производства и потребления водорода является вхождение страны в число крупнейших мировых экспортеров данного энергоресурса. Для выполнения указанной задачи предусмотрена реализация ключевого комплекса мер, например, таких как, разработка и оказание мер государственной поддержки по созданию необходимой для транспортировки и потребления инфраструктуры. Вместе с тем, практическое воплощение такой меры представляется наиболее вероятным, посредством разработки и утверждения государственной программы, требующей наличия **нормативно – правовой базы**, то есть соответствующего уровня правового регулирования. Напомним, что отдельное нормативное регулирование водородной энергетики отсутствует, не введены в правовой оборот дефиниции «водород», в том числе, экологически чистого водорода, «водородная энергетика», что обуславливает возникновение парадоксальной ситуации, связанной с применением мер государственной поддержки по развитию производства и потребления водорода, не существующего в правовом поле.

Приведенный довод подтверждается тем, что Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации [5] (далее – Концепция) утверждена распоряжениями Правительства Российской Федерации, которые не имеют нормативного характера согласно статье 5 Федеральному конституционному закону от 06.11.2020 № 4 -ФКЗ [1].

Следующие ключевые меры предусматривают стимулирование спроса на внутреннем рынке на топливные элементы на основе водорода и природного газа на транспорте, в централизованных системах энергоснабжения (для повышения эффективности), а также выход на зарубежные рынки.

Начнем рассмотрение такой меры как выход на зарубежные рынки. Полностью согласны с позицией ряда авторов, указывающих на экспортно – ориентированный характер производства водорода [6], что также подтверждается положениями самой Энергостратегии, в которой устанавливаются показатели объема экспорта водорода, к 2035 году – 2 млн. тонн. Соответственно вопрос наличия сформированного зарубежного рынка для России, выступающей в качестве потенциального мирового экспортера, является существенным. Вместе с тем, на сегодняшний день, такой рынок не сформирован, что представляет собой «ловушку» для российской водородной энергетики [12], которая не позволяет принимать стратегические решения по вопросам реализации пилотных проектов и привлечения инвестиций. Полагаем возможным дополнить данную мысль выводом о том, что отсутствие сформированного мирового рынка является основной причиной отсутствия полноценного нормативного правового регулирования водородной энергетики.

Следует отметить также отсутствие единого мнения экспертов по объему мирового рынка, единого сценария развития водородной энергетики. Доминируют две основные позиции, согласно первой, прогнозируется формирование одного глобального рынка водорода с крупнотоннажными перевозками от центров производства к центрам потребления по аналогии с рынком нефти или сжиженного природного газа, согласно второй ожидается локальное сосредоточение производства и потребления в пределах отдельных стран или отдельных регионов [10].

В основном существенная доля мирового спроса на энергию приходится на быстро растущие, развивающиеся экономики, соответственно, объединение стран группы «БРИКС» обладает необходимыми предпосылками для рассмотрения в качестве единого глобального рынка. Как обосновано указывают А.В. Габов и М.С. Лизикова, в рамках такой организации между странами – участниками активно реализуется сотрудничество в области энергетических исследований, новых технологий и развития энергетики, в том числе по вопросам про-

изводства и использования «зеленого» водорода [7]. Так, в 2021 году на Саммите по инициативам «зеленого водорода» страны – участники подтвердили стратегическую значимость данного энергоносителя, запланировали разработку международного стандарта безопасности транспортировки и хранения больших объемов водорода с внедрением сертификата происхождения [13].

Необходим анализ следующего аспекта, который предусматривает принятие мер по стимулированию спроса на внутреннем рынке на топливные элементы на основе водорода и природного газа на транспорте, в централизованных системах энергоснабжения для повышения эффективности. Бесспорно, такая мера является вполне логичной и целесообразной с учетом потенциала использования данного энергоносителя, на который указывал заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А.В. Новак [10]. Вместе с тем, следует отметить, что Энергостратегия носит производственно – экспортный характер, что предусматривает выполнение задачи водородной энергетики до 2035 года достижением установленных показателей объема экспорта такого энергоносителя. Соответственно, внутренний рынок является второстепенным. Следует предположить, что национальный рынок способствует созданию благоприятных условий для разработки и внедрения новых технологий производства, транспортировки «зеленого» водорода, совершенствования таких технологий, позволяющих удешевить производство, а также для развития инфраструктуры в целях обеспечения потребления данного энергоносителя. Кроме того, декларированный Энергостратегией профицит добычи и производства энергоресурсов, электрической энергии и топлива, существенно превышающий потребность внутреннего потребления исключает возможность эффективного стимулирования развития внутреннего спроса и, следовательно, отечественного рынка.

Другой правовой «камень преткновения» заключается в отсутствии единого подхода к ценообразованию на национальном рынке. Так как отсутствуют представления о способе и методе государственного регулирования цен, дискуссии о мерах по стимулированию спроса будут безрезультатными и не найдут практического воплощения, а ограниченное правовое регулирование водородной энергетики только усугубляет данную ситуацию. Следует обратить внимание на тот факт, что в экспертном сообществе прогнозируется различная стоимость энергоносителя на международных рынках и при этом конструктивная оценка стоимости «зеленого» водорода на внутреннем рынке не дается.

Теоретический и практический анализ основных тезисов Концепции позволяет определить следующее. Указанный правовой акт также подтверждает производственно – экспортный характер водородной энергетики, но в отличие от Стратегии, полностью акцентируется на вопросах развития водородной энергетики. Так, основными экономически эффективными способами производства энергоносителя являются паровая конверсия метана и газификация угля с обеспечением улавливания углекислого газа, метод электролиза воды на базе электроэнергии атомной электростанции (АЭС) и гидроэлектростанции (ГЭС). При этом аналогичный метод электролиза на базе ВИЭ рассматривается в качестве нерентабельного в связи с дороговизной производства, до 2035 года планируется удешевить процесс производства [5]. Разработчиком подчеркивается особая перспектива национального рынка с точки зрения экономической целесообразности, но с первоочередным применением водородных технологий на экспортно-ориентированных промышленных предприятиях. Интересным является список барьеров на текущем этапе развития водородной энергетики, в частности, отсутствие широкого спроса на энергоноситель на внутреннем рынке. Полагаем, что такой спрос нужно и можно создавать искусственно, первоначально решив вопрос с **нормативно-правовым регулированием** в области водородной энергетики и высокой стоимостью низкоуглеродного водорода.

В качестве одного из способов формирования национального рынка можно рассмотреть строительство водородных кластеров [12]. Особенностью кластера является возможность втягивание различных видов предпринимательской деятельности в водородную экономику, при этом кластер носит целенаправленный характер и создается в местах потенци-

ального спроса на водород. Первый водородный кластер реализуются совместно Правительством Сахалинской области и ГК «Росатом» [14]. В 2023 году стартовало строительство завода по производству низкоуглеродного водорода при участи зарубежных партнеров, организация экспорта первой продукции запланирована в 2025 году на рынок Китая, первоначальная мощность завода – 30 тыс. тонн в год, к 2030 году – 100 тыс. тонн [15]. ГК «Росатом» планирует осуществлять поставки во Вьетнам, Южную Корею и Японию. Отметим, что Концепция предусматривает создание как минимум 3 производственных кластеров (Северо – Западный, Восточный, Арктический).

Перейдем к практическим направлениям положений Концепции. По данным Минэнерго России [15], ранее была разработана и утверждена дорожная карта «Развитие водородной энергетики», предусматривающая реализацию комплекса мер по созданию необходимых технологий и оборудования для производства данного энергоносителя на основе природного газа и атомной энергии с последующей коммерциализацией таких технологий. В 2023 году выполнены подготовительные мероприятия по выделению водорода на объектах переработки газа ПАО «Газпром», проводятся работы по запуску испытательного комплекса пилотного опытного производства водорода методом электролиза воды с использованием электроэнергии АЭС.

Следует отметить, что метод электролиза воды на базе мощностей ВИЭ не теряет свою актуальность (получение низкоуглеродного – «зеленого» водорода). Так, в 2023 году утверждены ряд национальных стандартов в указанной области, в частности, национальный стандарт Российской Федерации «ГОСТ Р 56909-2016 «Нетрадиционные технологии. Геотермальная энергетика. Термины и определения», Национальный стандарт Российской Федерации «ГОСТ Р 58647-2019 (IEC/TS 62941:2016) «Модули фотоэлектрические наземные. Обеспечение качества. Повышение соответствия техническим требованиям», Национальный стандарт Российской Федерации «ГОСТ Р 58650-2019 «Возобновляемая энергетика. Приливная и волновая энергетика. Термины и определения» и другие аналогичные документы [16]. Ведется активная работа в рамках создания водородных полигонов. Так, на базе МАС «Снежинка» в Ямало – Ненецком автономном округе будут созданы испытательные стенды, позволяющие охватить наиболее перспективные технологии высокого уровня готовности и высокой востребованности в сфере производства, хранения и использования водорода для генерации энергии [15].

Безусловно, со стороны публичной власти (в частности, профильного Минэнерго России) принимаются все необходимые меры по реализации положений Концепции, направленных на развитие водородной энергетики. Однако возможно предположить, что неустранение вышеописанных барьеров и концептуальных противоречий, правовая неопределенность в регулировании экономических отношений по вопросам производства, транспортировки и потребления энергоносителя внутри страны, приведет к снижению положительного коммерческого эффекта от внедрения и использования водородных технологий.

Проведенный теоретико-правовой и практический анализ исследуемого материала позволяет сформулировать некоторые предложения в области правотворческой деятельности.

Во-первых, представляется целесообразным совместно с научно – экспертными организациями и бизнес-сообществами разработать проект **федерального закона** о водородной энергетике с установлением понятийного аппарата (например, введением в правовой оборот дефиниции – «водород», «водородная энергетика»), который предусматривал бы регулирование отношений, связанных с производством, транспортировкой и потреблением данного энергоносителя. В частности, в пределах этого нормативного правового акта можно определить, установить и перечислить требования к промышленной безопасности объектов производства и транспортировки. Вышеуказанное позволит устранить нормативные барьеры в развитии водородной энергетики.

Во-вторых, внести изменения в Федеральный закон от 26.03.2003 № 35 – ФЗ «Об электроэнергетике», а именно отнести к числу ВИЭ «зелёный» водород, произведенный путем

электролиза воды, что позволит заинтересованным в производстве такого энергоносителя организациям претендовать на получение государственной поддержки, а также решить вопрос методом и способом ценообразования.

В-третьих, целесообразно осуществить разработку и реализацию государственной программы – «Развитие водородной энергетики», предусматривающей на системной основе стимулирование внутреннего спроса на водород в качестве перспективного энергоносителя, в первую очередь, в транспортной сфере (с возможностью расширения спектра использования), и строительство водородных кластеров с соответствующими объектами инфраструктуры.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 09.11.2020. № 45. Ст. 7061.

2. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 31.03.2003. № 13. Ст. 1177.

3. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.11.2009. № 48, ст. 5711.

4. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СЗ РФ. 15.06.2020. № 24. Ст. 3847.

5. Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 16.08.2021. № 33. Ст. 6124.

6. *Бушуев В.В., Горшкова А*. Водород: мода или новый этап мировой энергетики? // Энергетическая политика. 2021. № 3 (157). С. 5–19.

7. *Габов А.В., Лизикова М.С.* Водородная энергетика: правовое обеспечение и международное сотрудничество // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 7 – 32.

8. *Кологерманская Е.М.* Особенности правового регулирования водородной энергетики в зарубежных государствах // Правовой энергетический форум. 2022. № 2. С. 30 – 35.

9. *Мастепанов А.М., Арау Х.* Водородная стратегия Японии // Энергетическая политика. 2020. № 11(153). С. 62–73.

10. *Новак А.В.* Водород: энергия «чистого» будущего // Энергетическая политика. 2021. № 4 (158). С. 6–11.

11. *Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., Е.В. Силина.* Водородная энергетика: понятие, стимулирование развития и правовое регулирование // Права и бизнес. 2022. № 2. С. 6 – 12.

12. *Холкин Д., Чаусов И.* Три ловушки российской водородной стратегии. Электронный ресурс // URL: https: // energypolicy.ru/tri-lovushki-rossijskoj-vodorodnoj-strategii/energoperehod/2021/15/25/ (дата обращения: 06.10.2024).

13. India to hold 2-day BRICS meet on Green Hydrogen initiatives. Business Standard // https:// www.business-standard.com/ article/current-affairs/india-to-hold-2-day-brics-meet-on-green-hydrogeninitiatives-121062000452_1.html (дата обращения: 06.10.2024).

14. Первый сахалинский элемент: «Росатом» подписал пять соглашений по водородной энергетике на ВЭФ // https: //strana-rosatom.ru/2022/09/12/pervyj-sahalinskij-element-rosatom/?ysclid=lz1anp2zz2990919479 (дата обращения: 06.10.2024).

15. Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации // https://minenergo.gov.ru/(дата обращения: 06.10.2024).

16. Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации // https:// www.rst.gov.ru/portal/gost (дата обращения: 06.10.2024).

Для цитирования: *Ганичева Е.А., Назаров А.П.* Особенности публично – правового регулирования водородной энергетики в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 204–210.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_204

E. A. Ganicheva[*]
A. P. Nazarov [**]

FEATURES OF PUBLIC LAW REGULATION OF HYDROGEN ENERGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The authors of the article explore the issues of public law regulation of a separate area of energy – hydrogen energy – within the framework of a special branch of education in the legal system – energy law. The article substantiates the position on the necessity and specifics of legal regulation of certain legal relations, which requires the creation of norms that consolidate the legal status of hydrogen energy.*

Keywords: *legal system, legislation, public law regulation, energy law, hydrogen energy.*

The previously emerging trend in the political, legal, socio–economic spheres towards the implementation of the climate agenda to reduce greenhouse gas emissions and decarbonize economic sectors creates favorable conditions for searching for opportunities to expand the use of alternative energy sources and the introduction of new technologies for their generation and transportation. Within the framework of this global process, hydrogen is becoming increasingly important as a promising energy carrier, an environmentally friendly fuel (subject to the use of low-carbon technologies for its production).

Discussing the promising areas of hydrogen application, it is impossible not to agree with the Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation A.V. Novak, who reasonably drew attention to the effectiveness of "environmentally friendly" or "green" hydrogen (obtained as a result of using low-carbon technologies) as a means of decarbonization of industries using significant amounts of gas or coal as an energy source, or in the electric power industry (as a neutral fuel in the generation process, a secondary energy carrier), in the field of Housing and communal services within the framework of decentralized heat supply (either in pure form or mixed with methane), in various modes of transport (as fuel) [10, p. 6].

We believe that the use of "green" hydrogen will give a new impetus to the development of the economy, open up new opportunities to improve socio–economic conditions. The prospects of using such hydrogen are positively assessed in scientific and expert communities in foreign countries.

Thus, according to experts, the existing global demand for "clean" ecological hydrogen is 75 million tons, while about 95% of consumption is accounted for by the oil refining and chemical industries [10, p. 8]. At the same time, the global market may reach about 2 trillion US dollars by 2040 (comparable to the existing volume of the oil market), in a negative scenario – 70 – 160 billion US dollars [12]. According to other expert estimates, by 2050 the share of hydrogen in the global energy balance may range from 7% to 24% (depending on various development scenarios) [6, p. 7].

The economic potential of hydrogen production, export and consumption is obvious, and therefore, the announced intentions of Australia, the Netherlands, Great Britain, Canada and Qatar to take leading positions as exporters in this yet-to-be-formed world market do not seem surprising [12].

It should be noted that despite the long-term prospects and economic benefits of changes in the global energy market, a number of foreign countries are taking active measures to form an appropriate regulatory framework aimed at regulating public relations and developing hydrogen energy. Thus, since 2020, the Hydrogen Strategy of the European Union (Building a hydrogen econo-

[*] **Ganicheva Ekaterina Alexandrovna**, candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business and Energy Law at St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg State University of Economics). E-mail: ganichewa@mail.

[**] **Nazarov Aslan Pakhlivanovich,** 2-year postgraduate student at St. Petersburg State University, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law at St. Petersburg State University. E-mail: apnazar@yandex.ru.

my for a climate-neutral Europe) has been developed and published, according to which the share of hydrogen fuel in the EU energy balance will grow from the current 2% to 14% by 2050, while the EU plans to produce 10 million tons. tons of "green" hydrogen in the period from 2025 to 2030 [6]. Since 2016, the State Council of China has been adopting a number of strategic documents defining measures of state assistance to various sectors of hydrogen energy, including the development of on-board hydrogen storage systems and technologies for the preparation, storage, transportation and refueling of hydrogen, the construction of hydrogen filling stations [8, p. 33].

Austria has a different approach, which has focused on subsidizing the construction of electrolysis plants (the amount of the subsidy does not exceed 45% of the volume of investments invested in such construction) [8]. In Japan, they followed the path of forming a "hydrogen society". In April 2020, the country's government adopted the fourth Strategic Energy Plan for 2030, which provides for reducing dependence on nuclear energy and expanding the use of renewable energy sources (RES), identifying transport and industry as the main and promising areas of application, while informing the population on the safety and economic benefits of using "green" hydrogen as a fuel [9].

Special attention can be paid to South Korea as an example of the most comprehensive legal regulation, which is based on two main normative acts – the Law on Promoting the Hydrogen Economy and Hydrogen Safety Management (the Hydrogen Law) and the Law on Promoting the Development, Use and Dissemination of New Renewable Energy (the Law on Renewable Energy) [8]. The conceptual approach of this foreign state is mandatory licensing of activities related to hydrogen energy" (in particular, the production and supply of "green" hydrogen). At the same time, decisions on issuing a license are made by authorized officials (mayors or governors) at the city or administrative–territorial district level. In addition, the mechanism of legal "landing" of foreign companies planning activities for the export of components related to with hydrogen fuel cells, to the country. Such an exporting organization is required to register with the Ministry of Energy of South Korea in accordance with the provisions of the Hydrogen Law.

This approach of a foreign state makes it possible to fully use public legal means to ensure the safety of hydrogen production and supply, establish mandatory requirements for this type of business activity as a guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of all participants in legal relations. It can also be noted that an approach finds its legal and practical embodiment, in which "green" hydrogen is considered as one of the renewable energy sources.

We propose to turn our attention to the specifics of the legal regulation of the issue under study in the Russian Federation.

1. The legislator has established an exhaustive list of renewable energy sources (RES) [2], among which "green" hydrogen is not included. According to V.F. Popondopulo, D.A. Petrov, E.V. Silina, hydrogen energy obtained by electrolysis of water has every reason to be included in such a list, since the technical specificity of this process allows water to be reintroduced into the circulation of hydrogen energy (corresponds to the sign of continuity of renewal) [11].

In addition, the closed list of renewable energy sources excludes the possibility of developing and implementing state support measures for the development and expansion of alternative energy sources, in particular "green" hydrogen, leaving this issue at the mercy of commercial benefits and expediency within the framework of private investments by business entities. It is difficult not to agree with a number of authors who reasonably point out the need for an open list of renewable energy sources in order to ensure an innovative way of developing the energy sector.

At the same time, the definition of "energy resource" fixed in Article 2 of Federal Law No. 261 – FZ of 11/23/2009 [3] assumes the presence of various energy carriers, energy used or which can be used in the future, and also allows the existence of types of energy (in addition to traditional ones), which creates prerequisites for the research and development of alternative sources energy outside the context of renewable energy sources.

2. There is no separate legal regulation of hydrogen energy at the level of federal law in Russia (today), the prospects for regulatory regulation remain vague.

However, within the framework of the Energy Strategy of the Russian Federation until 2035 [4] (hereinafter also referred to as the Energy Strategy), hydrogen energy is considered as one of

the directions of the energy sector, with which it is possible to effectively meet the needs of socio–economic development of Russia.

We consider it necessary to focus on some provisions of the Energy Strategy within the framework of the issue under study.

The stated main task (until 2035) is the development of hydrogen production and consumption, and the country's entry into the world's largest exporters of this energy resource. To accomplish this task, it is planned to implement a key set of measures, for example, the development and provision of state support measures to create the infrastructure necessary for transportation and consumption.

At the same time, the practical implementation of such a measure seems most likely through the development and approval of a state program, in turn, it requires the existence of a regulatory framework, that is, an appropriate level of legal regulation. Recall that there is no separate regulatory regulation of hydrogen energy, the definitions of "hydrogen" (including environmentally friendly hydrogen) and "hydrogen energy" have not been introduced into legal circulation, which causes the emergence of a paradoxical situation – the application of state support measures for the development of production and consumption of hydrogen that does not exist in the legal field.

In addition, our argument is confirmed by the chosen form of legal act – Energy Strategy, the Concept of Hydrogen Energy Development in the Russian Federation [5] (hereinafter referred to as the Concept) approved by the orders of the Government of the Russian Federation, which are not normative in accordance with Article 5 of Federal Constitutional Law No. 4 -FKZ dated 06.11.2020 [1].

The following key measures provide for stimulating demand in the domestic market for hydrogen and natural gas-based fuel cells in transport, in centralized energy supply systems (to increase efficiency), as well as access to foreign markets.

Let's start considering such a measure as "access to foreign markets". We fully agree with the position of a number of authors pointing to the export–oriented nature of hydrogen production [6], which is also confirmed by the provisions of the Energy Strategy itself (this is how the indicators of hydrogen exports are set, by 2035 – 2 million tons). Accordingly, the issue of having a well-formed foreign market for Russia (as a potential global exporter) is significant.

At the same time, to date, such a market has not been formed, which represents a "trap" for Russian hydrogen energy [12], which does not allow making strategic decisions on the implementation of pilot projects and attracting investments. We believe it is possible to complement this idea, the lack of a well-formed global market is the main reason for the lack of full-fledged regulatory regulation of hydrogen energy (taking into account the export –oriented nature of the strategy).

In addition, there is also no consensus among experts on the volume of the global market, a single scenario for the development of hydrogen energy. Two main positions dominate, according to the first, the formation of a single global hydrogen market with large-tonnage transportation from production centers to consumption centers is predicted, similar to the oil or liquefied natural gas market, according to the second, a local concentration of production and consumption is expected within individual countries or individual regions [10].

Basically, a significant share of global energy demand is accounted for by rapidly growing, developing economies, respectively, the BRICS market (taking into account the expansion of the participating countries) has the necessary prerequisites for consideration as a single global market. As A.V. Gabov and M.S. Lizikova reasonably point out, within the framework of such an organization, cooperation between the participating countries is actively implemented in the field of energy research, new technologies and energy development, including on the production and use of "green" hydrogen [7]. So, in 2021, at the Summit on "Green Hydrogen" Initiatives, the participating countries confirmed the strategic importance of this energy carrier, planned to develop an international standard for the safety of transportation and storage of large volumes of hydrogen with the introduction of a certificate of origin [13].

Consider the following measure, which provides for measures to stimulate demand in the domestic market for hydrogen-based fuel cells and natural gas in transport, in centralized energy supply systems (to increase efficiency). Undoubtedly, such a measure is quite logical and appropri-

ate, taking into account the potential use of this energy carrier, which was indicated by Deputy Prime Minister of the Russian Federation A.V. Novak [10].

At the same time, it should be noted that the Energy Strategy is of a production and export nature, which provides for the fulfillment of the task of hydrogen energy by 2035 by achieving the established indicators of the volume of exports of such an energy carrier. Accordingly, the domestic market is secondary. However, let us assume that the national market contributes to the creation of favorable conditions for the development and introduction of new production technologies, transportation of "green" hydrogen, improvement of such technologies that make production cheaper, as well as for the development of infrastructure in order to ensure the consumption of this energy carrier.

In addition, the surplus declared by the Energy Strategy for the extraction and production of energy resources, electric energy and fuel, which significantly exceeds the need for domestic consumption, excludes the possibility of effectively stimulating the development of domestic demand, therefore, the domestic market.

Another legal "stumbling block" is the lack of a unified approach to pricing on the national market, without an idea of the method and method of state price regulation, discussions on measures to stimulate demand will be fruitless and will not find practical implementation, limited legal regulation of hydrogen energy only exacerbates this situation. It also draws attention to the fact that the expert community predicts different energy costs on international markets, while a constructive assessment of the cost of "green" hydrogen in the domestic market is not given, moreover, the legal office of resolving this issue is not currently seen.

Now, we believe it is possible to turn our attention to the Concept. Having a certain continuity, this legal act also confirms the production and export character of hydrogen energy, but unlike the Strategy, it is fully focused on the development of hydrogen energy. Thus, the main cost-effective methods of energy carrier production are: steam methane conversion and coal gasification with carbon dioxide capture, the method of water electrolysis based on electricity from a nuclear power plant (NPP) and a hydroelectric power plant (HPP). At the same time, a similar method of electrolysis based on renewable energy is considered unprofitable due to the high cost of production (it is planned to reduce the cost of the production process by 2035) [5].

In addition, the developer emphasizes the special perspective of the national market from the point of view of economic feasibility, but with the primary application of hydrogen technologies in export-oriented industrial enterprises. An interesting list is the "barriers" at the current stage of the development of hydrogen energy, in particular, the lack of widespread demand for energy in the domestic market (we believe that such demand should and can be created artificially by initially resolving the issue of regulatory regulation), limited regulatory – the legal framework in the field of hydrogen energy (recall that such a "barrier" should be considered as the main one), the high cost of low-carbon hydrogen (conceptual contradictions are seen, on the one hand, the high cost for the domestic market, but not so high for export to the foreign market).

The construction of hydrogen clusters can be considered as one of the ways to form a national market [12]. A special feature of the cluster is the possibility of involving various types of entrepreneurial activities in the hydrogen economy, while the cluster is purposeful and is created in places of potential demand for hydrogen. The first hydrogen cluster is being implemented jointly by the Government of the Sakhalin Region and Rosatom State Corporation [14].

In 2023, construction of a plant for the production of low–carbon hydrogen began with the participation of foreign partners, the organization of export of the first products is planned in 2025 to the Chinese market, the initial capacity of the plant is 30 thousand tons per year, by 2030 – 100 thousand tons [15]. Rosatom Group plans to supply Vietnam, South Korea and Japan. It should be noted that the Concept provides for the creation of at least 3 production clusters (Northwestern, Eastern, and Arctic).

Let's move on to practical embodiments of the provisions of the Concept, so according to the Ministry of Energy of the Russian Federation [15], a roadmap "Development of hydrogen energy" was previously developed and approved, providing for the implementation of a set of measures to

create the necessary technologies and equipment for the production of this energy carrier based on natural gas and atomic energy with subsequent commercialization of such technologies. In 2023, preparatory measures for the release of hydrogen at Gazprom's gas processing facilities were completed, and work is underway to launch a test complex for pilot pilot hydrogen production by water electrolysis using NPP electricity.

It should be noted that the method of electrolysis of water based on renewable energy capacities it does not lose its relevance (obtaining low–carbon "green" hydrogen).

So, in 2023, a number of national standards in this area were approved, in particular, the national standard of the Russian Federation "GOST R 56909-2016 "Non-traditional technologies. Geothermal energy. Terms and definitions", National Standard of the Russian Federation "GOST R 58647-2019 (IEC/TS 62941:2016) "Photovoltaic ground modules. Quality assurance. Improving compliance with technical requirements", the National Standard of the Russian Federation "GOST R 58650-2019 "Renewable energy. Tidal and wave energy. Terms and definitions" and other similar documents [16].

In addition, active work is underway within the framework of the creation of hydrogen landfills, test benches will be created on the basis of the Snowflake MAS in the Yamalo–Nenets Autonomous District, allowing to cover the most promising technologies of a high level of readiness and high demand in the field of production, storage and use of hydrogen for energy generation [15].

Of course, the public authorities (in particular, the relevant Ministry of Energy of Russia) are taking all necessary measures to implement the provisions of the Concept aimed at the development of hydrogen energy, however, we dare to assume that the non-elimination of the above-described "barriers" and conceptual contradictions, legal uncertainty in the regulation of economic relations on production, transportation and consumption of energy within the country, will lead to a decrease in the positive commercial effect of the introduction and use of hydrogen technologies.

Summing up our judgments, within the framework of the issue under study, we formulate the following proposals:

– it seems advisable, together with scientific and expert organizations and business communities, to develop a draft federal law on hydrogen energy with the establishment of a conceptual framework (for example, the introduction of a definition into legal circulation – "hydrogen", "hydrogen energy"), which would provide for the regulation of relations related to the production, transportation and consumption of this energy carrier. In particular, within the limits of such a regulatory legal act, it is also possible to determine, establish and list the requirements for industrial safety of production and transportation facilities. The above will eliminate regulatory "barriers" in the development of hydrogen energy;

– to amend Federal Law No. 35 – FZ of 03/26/2003 "On Electric Power Industry", namely, to include among the renewable energy sources – "green" hydrogen produced by electrolysis of water, which will allow organizations interested in the production of such an energy carrier to apply for state support, as well as solve the issue by the method and method of pricing;

– we consider it expedient to develop and implement the state program "Development of hydrogen Energy", which provides, on a systematic basis, stimulating domestic demand for hydrogen as a promising energy carrier, primarily in the transport sector (with the possibility of expanding the range of uses), and the construction of hydrogen clusters with appropriate infrastructure facilities.

Bibliographic list

1. Federal Constitutional Law No. 4-FKZ dated 06.11.2020 "On the Government of the Russian Federation" // SZ RF. 09.11.2020. No. 45, art. 7061.

2. Federal Law No. 35-FZ of 03/26/2003 "On Electric Power industry" // NW RF. 03/31/2003. No. 13, Article 1177.3.

3. Federal Law No. 261-FZ of 11/23/2009 "On Energy Saving and on Improving Energy Efficiency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 11/30/2009. No. 48, Article 5711.4.

4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/9/2020 No. 1523-r "On the approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035" // SZ RF. 06/15/2020. No. 24, Article 3847.5.

5. Order of the Government of the Russian Federation dated 08/05/2021 No. 2162-r "On the approval of the Concept of hydrogen energy development in the Russian Federation" // SZ RF. 08/16/2021. No. 33, art. 6124.

6. *Bushuev V.V., Gorshkova A.* Hydrogen: fashion or a new stage of world energy? // Energy policy. – 2021. – № 3(157). – Pp. 5–19.

7. *Gabov A.V., Lizikova M.S.* Hydrogen energy: legal support and international cooperation // Social sciences and modernity. – 2022. – No. 5. – pp. 7 – 32.

8. *Kologermanskaya E.M.* Features of legal regulation of hydrogen energy in foreign countries // Legal Energy Forum. – 2022. – No. 2. – pp. 30–35.

9. *Mastepanov A.M., Arai H*. Japan's Hydrogen Strategy // Energy policy. – 2020. – № 11(153). – Pp. 62–73.

10. *Novak A.V.* Hydrogen: energy of the "clean" future // Energy policy. – 2021. – № 4(158). – Pp. 6–11.

11. *Popondopulo V.F., Petrov D.A., E.V. Silina.* Hydrogen energy: the concept, stimulation of development and legal regulation // Law and Business. – 2022. – No. 2. – pp. 6–12.

12. *Kholkin D., Chausov I*. Three traps of the Russian hydrogen strategy. Electronic resource // URL: https: // energypolicy.ru/tri-lovushki-rossijskoj-vodorodnoj-strategii/energoperehod/2021/15/25 / (date of access: 06.10.2024).

13. India to hold 2-day BRICS meet on Green Hydrogen initiatives. Business Standard // https://www. business-standard.com/article/ current-affairs/india-to-hold-2-day-brics-meet-on-green-hydrogeninitiatives-121062000452_1.html (date of application: 06.10.2024).

14. The first Sakhalin element: Rosatom has signed five agreements on hydrogen energy at the WEF // https: //strana-rosatom.ru/2022/09/12/pervyj-sahalinskij-element-rosatom /?ysclid=lz1anp2zz2990919479 (accessed 06.10.2024).

15. Official website of the Ministry of Energy of the Russian Federation // https://minenergo.gov.ru / (date of access: 06.10.2024).

16. Official website of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of the Russian Federation // https:// www.rst.gov.ru/portal/gost (date of application: 06.10.2024).

For citation: *Ganicheva E.A., Nazarov A.P.* Features of Public Law regulation of hydrogen energy in the Russian Federation: article // Theory of the State and rights. – 2025. – № 2(43). – Pp. 211–216.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_204

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_217

Р.Д. Волощук*

ИНСТИТУТ СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ) И СИСТЕМА СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В СССР (1917 – 1922 ГГ.)

Аннотация. *При изучении системы страхования жизни и здоровья граждан в СССР, немаловажным аспектом является обзор исторического развития данной системы в целом в России. Учитывая ход отечественной истории, особенно важно будет сделать акцент на самом первом этапе развития страхового института в СССР, а именно в период после Великой Октябрьской социалистической революции, которая в свою очередь стала конечным этапом развития другого страхового института – института страхования в Российской Империи.*

Ключевые слова: *страховые общества, государственный страховой надзор, социальное страхование, страховые фонды.*

Изучая период с 1917 по 1922 нельзя не отметить, что многие сферы деятельности государства и общества в переходный период подвергались кардинальным переменам. Период после становления советской власти в России многими считается временем полной «отмены» имперских систем и становление на новые «рельсы» советского государства. Принимаются многие нормативные акты, полностью меняющие или отменяющие крупные государственные институты и системы, заменяя их на ново созданные направления деятельности советского общества и государства (например, Декрет «О земле [1] в разделе «Крестьянский наказ о земле» в п. 1 отменяет институт права собственности на землю, заменяя его правом общенародного государственного земельного пользования, Декрет Совета Народных Комиссаров «О национализации крупнейших предприятий» [2], отменяющий частную собственность на все средства производства и вводящий все производственный предприятия под полный контроль государства).

Институт страхования в Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX веков)

Во второй половине XIX века в Российской империи начала развиваться система страхования, которая включала как отечественные, так и иностранные акционерные страховые компании и составляла основу рынка страхования, а также взаимные страховые общества, действовавшие в городах и сельской местности (земские). Последние получали займы от местных органов самоуправления (земств и городских дум) для формирования основного капитала.

Указанному периоду характерно появление новых акционерных обществ без монопольных привилегий, главным образом занимающихся огневым страхованием. Большинство акционерных страховых компаний сосредоточилось в Петербурге и Москве. К примеру, в 1913 году из 19 акционерных обществ, 13 с капиталом в 297,7 миллиона рублей находились в Петербурге, 4 в Москве с капиталом в 76,4 миллиона рублей, и 2 в Варшаве с капиталом в 15,8 миллиона рублей. [3]

* **Волощук Роман Дмитриевич,** ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: voloschuk.roman@yandex.ru.

Создание национального страхового рынка завершилось в 1881 году с основанием страховой компании "Россия", которая занималась страхованием от огня, транспорта, жизни и т.д. Эта компания стала лидером акционерного страхования в России.

Развитие национального страхового рынка в России потребовало введения государственного регулирования страховых правоотношений и создания системы страхового надзора. Имеющиеся в руках государства рычаги воздействия (разрешительная система учреждения российских страховых компаний) были недостаточны.

В 1894 г. в России был установлен государственный страховой надзор за деятельностью страховых компаний. С помощью правительственных инспекторов устанавливалась обязательная публичная отчетность всех страховых компаний. Функции органа государственного страхового надзора выполняло Министерство внутренних дел.

Страхованием жизни занимались 11 акционерных обществ (в том числе все три иностранных: Нью-Йорк» (New-York Life, 1885, США), «Урбэн» L'Urbaine, Франция, 1889) и «Эквитебл» (Equitable Life, США, 1889)), государственные сберегательные кассы, которые с 1905 г. стали заключать договоры страхования жизни с вкладчиками, в 1912 г. была введена система обязательного страхования рабочих.[4] Остальные слои общества в основном обращались к дорогим частным компаниям, предлагавшим страхование жизни, что составляло всего 0,25% населения страны и было доступно лишь состоятельным гражданам. В конце XIX века российские страховые компании начали диверсифицировать свою деятельность, добавляя к страхованию от огня также страхование жизни, транспорта, ценностей, пересылаемых по почте и другие виды страхования. Комбинированный подход позволял страховым компаниям обладать большей финансовой устойчивостью и снижал издержки.

2 июня 1903 года император Николай II заложил основы социального страхования, подписав Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности [5]. Дальнейшее развитие социальное страхование получило в 1912 году, когда был подписан пакет законов социальной направленности. В итоге только одна шестая часть рабочих получила право на получение таких выплат. В соответствии с принятыми законами предусматривались социальные выплаты в связи с несчастными случаями на производстве, болезнью, вдовством и материнством. Работодателями при крупных предприятиях создавались больничные кассы для накопления средств, предназначенных на социальные выплаты. [6]

Однако объем страховой операции российских компаний резко снизился в связи с началом Первой мировой войны в 1914 году, которая разрушила международные страховые связи.

Институт страхования в России после 1917 года

30 октября 1917 г. советским правительством была объявлена Программа страхования, декларировавшая введение "полного социального страхования" [7]. Программа включала в себя охват страхованием всех наемных работников, как городских, так и сельских жителей, переложение всех расходов по страхованию на предпринимателей и государство, централизацию больничных касс и их функции по сбору страховых взносов, выплате пособий.

До конца 1917 г. Советом народных комиссаров (СНК) РСФСР был издан ряд декретов, кардинально изменивших систему социального страхования: 14 ноября – "О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений, предприятий или, в случае отсутствия таковых, о выдаче денежных сумм на их оборудование"; 29 ноября – "О страховых присутствиях и страховом совете"; 11 декабря – "О страховании на случай безработицы"; 22 декабря – "Положение о страховании на случай болезни".

Логичным шагом советской власти по реформированию социального страхования стало принятие декларации Народным Комиссариатом Труда (НКТ) о введении в России полного социального страхования и Положения о социальном обеспечении трудящихся (31 ок-

тября 1918 г.) в соответствии с которым социальное страхование заменялось социальным обеспечением, а все органы, ведающие страхованием, ликвидировались. 28 ноября 1918 г. страхование во всех видах и формах было объявлено государственной монополией. Все частные страховые компании на территории советской России были ликвидированы. В условиях Гражданской войны и почти полного обесценения денежных знаков страхование, предусматривающее выплаты страхового возмещения и страховых сумм в денежной форме, теряло свое значение.

Период «социального обеспечения» длился до 1921 г. (НЭП). В соответствии с декретом Совнаркома от 15 ноября 1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» обеспечение за счет государства было заменено обеспечением в порядке социального страхования. Создаваемый фонд социального страхования состоял из четырех отдельных страховых фондов: по лечебной помощи, по временной нетрудоспособности, по инвалидности, вдовству и сиротству, по безработице. Эта форма страхования в СССР осуществлялась тремя крупными кооперативными организациями: страховой секцией Центросоюза, которая обслуживала потребкооперацию; Всероссийским кооперативным страховым союзом (Коопстрахсоюзом), который занимался сельскохозяйственной, промысловой, жилищно-строительной и другими видами кооперации на всей территории Союза, кроме Украины; и наконец, Украинским кооперативным страховым союзом. В 30-е гг. кооперативное страхование было ликвидировано и его функции были переданы Госстраху.

В целом развитие страхового дела в России на дореволюционном этапе сопровождалось переходом от государственной монополии к страховому рынку. В советский период, после национализации страхового дела, государственная монополия была восстановлена.

Библиографический список

1. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. "О земле" // URL – https://base.garant.ru/70264556/

2. Декрет Совета Народных Комиссаров "О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта" // Распубликован в N 134 "Известии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов" от 30 (17) июня 1918 г. СУ РСФСР, 1918, N 47, ст.559, URL – https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5402/

3. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности (Высочайше утверждены 2-го июня 1903 года). // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1903.htm

4. *Вишневецкий А.* Развитие законодательства о социальном страховании в России. // М.: Вопросы труда, 1926.

5. *Ефимов С. Л., Акимов В. В., Борзых В. Н.* Страховое дело в России: Вехи истории. М., 1997. С. 89.

6. *Капранова В. С.* История страхования в дореволюционной России / В. С. Капранова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 43 (281). – С. 99–102. – URL: https://moluch.ru/archive/281/63392/ (дата обращения: 28.04.2024).

7. Петров Юрий Александрович Россия/СССР и международный рынок страхования (XVIII – XX вв.) / Петров Юрий Александрович – 2011 – История России: экономика, политика, человек: к 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАН Бориса Васильевича Ананьича.

Для цитирования: *Волощук Р. Д.* Институт страхования жизни и здоровья граждан в Российской империи (вторая половина xix – начало xx веков) и система страхования жизни и здоровья граждан в СССР (1917 – 1922 гг.) : статья // Теория государства и права. 2025. № 2 (43). С. 217–219.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_217

R.D. Voloshchuk*

THE INSTITUTE OF LIFE AND HEALTH INSURANCE OF CITIZENS IN THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES) AND THE SYSTEM OF LIFE AND HEALTH INSURANCE OF CITIZENS IN THE USSR (1917 – 1922)

Annotation. *When studying the life and health insurance system of citizens in the USSR, an important aspect is an overview of the historical development of this system in Russia as a whole. Given the course of Russian history, it will be especially important to focus on the very first stage of the development of the insurance institute in the USSR, namely in the period after the Great October Socialist Revolution, which in turn became the final stage of the development of another insurance institute – the Institute of insurance in the Russian Empire.*

Keywords: *insurance companies, state insurance supervision, social insurance, insurance funds.*

Studying the period from 1917 to 1922, it should be noted that many spheres of activity of the state and society underwent drastic changes during the transition period. The period after the establishment of Soviet power in Russia is considered by many to be the time of the complete "abolition" of imperial systems and the establishment of a new "rails" of the Soviet state. Many normative acts are being adopted that completely change or abolish large state institutions and systems, replacing them with newly created areas of activity of Soviet society and the state (for example, the Decree "On Land [1] in the section "Peasant Decree on Land" in paragraph 1 abolishes the institution of ownership of land, replacing it with the right of nationwide state land use, the Decree of the Council of People's Commissars "On the nationalization of major enterprises" [2], abolishing private ownership of all means of production and bringing all production enterprises under full state control).

The Institute of Insurance in the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th centuries)

In the second half of the 19th century, the Russian Empire began to develop an insurance system that included both domestic and foreign joint-stock insurance companies and formed the basis of the insurance market, as well as mutual insurance companies operating in cities and rural areas (zemstvo). The latter received loans from local self-government bodies (zemstvos and city dumas) for the formation of fixed capital.

This period is characterized by the emergence of new joint-stock companies without monopoly privileges, mainly engaged in fire insurance. Most of the joint-stock insurance companies are concentrated in St. Petersburg and Moscow. For example, in 1913, out of 19 joint-stock companies, 13 with a capital of 297.7 million rubles were located in St. Petersburg, 4 in Moscow with a capital of 76.4 million rubles, and 2 in Warsaw with a capital of 15.8 million rubles. [3]

The creation of the national insurance market was completed in 1881 with the founding of the insurance company Rossiya, which provided insurance against fire, transport, life, etc. This company has become a leader in equity insurance in Russia.

The development of the national insurance market in Russia required the introduction of state regulation of insurance legal relations and the creation of an insurance supervision system. The levers of influence available to the state (the licensing system for the establishment of Russian insurance companies) were insufficient.

In 1894, state insurance supervision over the activities of insurance companies was established in Russia. With the help of government inspectors, mandatory public reporting was established for all insurance companies. The functions of the State insurance supervision body were performed by the Ministry of Internal Affairs.

* **Roman Dmitrievich Voloshchuk,** Law Institute Law School (Saint Petersburg). E-mail: voloschuk.roman@yandex.ru.

11 joint-stock companies were engaged in life insurance (including all three foreign ones: New York (New York Life, 1885, USA), Urbain L'urbaine, France, 1889) and Equitable (Equitable Life, USA, 1889)), state savings banks, which since 1905 Life insurance contracts with depositors began to be concluded, and in 1912 a system of compulsory workers' insurance was introduced.[4] The rest of society mainly turned to expensive private companies offering life insurance, which accounted for only 0.25% of the country's population and was available only to wealthy citizens. At the end of the 19th century, Russian insurance companies began to diversify their activities, adding life insurance, transportation, mail-order valuables, and other types of insurance to fire insurance. The combined approach allowed insurance companies to have greater financial stability and reduced costs.

On June 2, 1903, Emperor Nicholas II laid the foundations of social insurance by signing the Rules on Compensation for Workers and Employees who suffered accidents, as well as their family members in the manufacturing, mining and mining industries [5]. Social insurance was further developed in 1912, when a package of social laws was signed. As a result, only one sixth of the workers were eligible to receive such payments. In accordance with the adopted laws, social benefits were provided in connection with industrial accidents, illness, widowhood and motherhood. Employers at large enterprises created health insurance funds to accumulate funds intended for social benefits. [6]

However, the volume of insurance operations of Russian companies declined sharply due to the outbreak of the First World War in 1914, which disrupted international insurance relations.

The Institute of Insurance in Russia after 1917

On October 30, 1917, the Soviet government announced an insurance program declaring the introduction of "full social insurance" [7]. The program included insurance coverage for all employees, both urban and rural residents, shifting all insurance costs to entrepreneurs and the state, centralizing health insurance funds and their functions to collect insurance premiums and pay benefits.

By the end of 1917, the Council of People's Commissars (CPC) of the RSFSR issued a number of decrees that radically changed the social insurance system: on November 14, "On the free transfer of all medical institutions and enterprises to health insurance funds or, in the absence of such, on the issuance of sums of money for their equipment"; on November 29– "On insurance presences and Insurance Council"; December 11 – "On unemployment insurance"; December 22 – "Regulations on Sickness insurance".

The adoption of the declaration by the People's Commissariat of Labor (CNT) was a logical step taken by the Soviet government to reform social insurance on the introduction of full social insurance in Russia and Regulations on the Social Security of Workers (October 31, 1918), according to which social insurance was replaced by social security, and all bodies responsible for insurance were liquidated. On November 28, 1918, insurance in all types and forms was declared a state monopoly. All private insurance companies in Soviet Russia were liquidated. In the conditions of the Civil War and the almost complete depreciation of banknotes, insurance, which provides for the payment of insurance indemnity and insurance amounts in cash, lost its importance.

The period of "social security" lasted until 1921 (NEP). In accordance with the decree of the Council of People's Commissars of November 15, 1921 "On social insurance of persons engaged in wage labor" provision at the expense of the state was replaced by provision in the order of social insurance. The social insurance fund that was being created consisted of four separate insurance funds: medical care, temporary disability, disability, widowhood and orphanhood, and unemployment. This form of insurance in the USSR was carried out by three large cooperative organizations: the Centrosoyuz insurance Section, which served consumer cooperation; the All-Russian Cooperative Insurance Union (Koopstrakhsoyuz), which was engaged in agricultural, commercial, housing, construction and other types of cooperation throughout the Union, except for Ukraine; and finally, the Ukrainian Cooperative Insurance Union. In the 1930s, cooperative insurance was liquidated and its functions were transferred to the State Insurance Fund.

In general, the development of the insurance business in Russia at the pre-revolutionary stage was accompanied by a transition from a state monopoly to an insurance market. During the Soviet period, after the nationalization of the insurance business, the state monopoly was restored.

Bibliographic list

1. Decree of the II All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies of November 8 (October 26), 1917 "On land" // URL – https://base .garant.ru/70264556/

2. Decree of the Council of People's Commissars "On the nationalization of the largest enterprises in mining, metallurgy and metalworking, textile, electrical engineering, sawmilling and woodworking, tobacco, glass and ceramics, leather, cement and other industries, steam mills, local improvement enterprises and enterprises in the field of railway transport" // Published in No. 134 "News of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets" dated June 30 (17), 1918. SU RSFSR, 1918, No. 47, art.559, URL – https://constitution .garant.ru/history/act1600-1918/5402/

3. Rules on remuneration of workers and employees injured as a result of accidents, as well as members of their families in enterprises of the manufacturing, mining and mining industries (Highly approved on June 2, 1903). // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1903.htm

4. *Vishnevetsky A.* Development of legislation on social insurance in Russia. / Moscow: Voprosy truda, 1926.

5. *Efimov S. L., Akimov V. V., Borzykh V. N.* Insurance business in Russia: Milestones of history. Moscow, 1997. p. 89.

6. *Kapranova V. S.* The history of insurance in pre-revolutionary Russia / V. S. Kapranova. – Text : direct // Young scientist. – 2019. – № 43 (281). – Pp. 99–102. – URL: https://moluch.ru/archive/281/63392 / (date of reference: 04/28/2024).

7. Petrov Yuri Alexandrovich Russia/USSR and the international insurance market (XVIII – XX centuries) / Petrov Yuri Alexandrovich – 2011 – History of Russia: Economics, politics, man: on the 80th anniversary of Boris Vasilyevich Ananyich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences.

For citation: *Voloshchuk R. D.* The Institute of Life and Health Insurance of Citizens in the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX centuries) and the system of life and health insurance of Citizens in the USSR (1917 – 1922) : article // Theory of the state and law. 2025. No. 2 (43). Pp. 220–222.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_217

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_223

И.И. Корякин*

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ – НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Существующее в статье 7 Конституции Российской Федерации положение о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека является одним из направлений деятельности органов государственного управления. В статье затронуты проблемные аспекты содержания этой деятельности органов государстенной власти и государственных органов.*

Ключевые слова: *государственное управление, правовое регулирование, обеспечение деятельности, участники правоотношения.*

В Российской Федерации утвержден новый экономический уклад и государственный строй, созданы иные условия деятельности, сформулированы новые политико-юридические ценности, получившие закрепление в законодательстве страны, часть из них конституирована Основным законом 1993 г.

В российской юридической науке остро стоит проблема формирования системы теоретико-правовых идей и понятий о содержании и направлениях правового регулирования государственного управления. Необходимо, чтобы эта система опиралась на исторический опыт управления органов государственной власти и государственных органов, учитывала правовой опыт других государств и важные для настоящего момента наработки российских и зарубежных ученых в области управления и правового регулирования.

На рубеже XIX-XX веков в работах либеральных ученых В.Ф. Дерюжинского, А.И. Елистратова под предметом административно-правового регулирования понимались общественные отношения в сфере государственного управления[1].

Обратим внимание на правило, устанавливаемое в определенной, конкретно специфичной в силу своего управленческого содержания среде. Первыми подвергаются упорядочению управленческие отношения. Эта цель достигается определенными средствами, направленных на регулирование общественных отношений, специфичных в сфере государственного управления.

Это – правовое регулирование общественных отношений в сфере государственного управления, механизм организационно-правового воздействия на происходящие процессы в соответствии с установленными целями[7].

Нам необходимо раскрыть их сущность, дав соответствующие характеристики для того, чтобы в действительности увидеть место в государственном управлении. Управление определяет статику управленческих систем и это связано с устойчивыми элементами управленческого процесса, которые обусловлены осуществлением его полномочий.

К сожалению, отраслевое единство правовых норм изучено лишь в отдельных научных исследованиях. Нормативное пространство права размыто в отдельных федеральных законах, нормативных правовых актах различных отраслей российского законодательства.

* **Корякин Иван Иннокентьевич,** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации. E-mail: ivaninnok@mail.ru.

В российской юридической науке теория государственного управления должна приобретать особое значение во взаимосвязи с нормами права обеспечивающими деятельности органов государственного управления. Государственное управление является объектом правового регулирования и предметом регулирования права. Управление по своему содержанию и своей природе реализуется в функционировании законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. От обеспечивающих правовых норм зависит эффективность самого государственного управления.

В современных условиях построения правового государства, явно недостаточно, если правовой статус соответствующего органа не будет обеспечен комплексом правовых норм, регулирующего и обеспечивающего свойства. Такое состояние должно рассматриваться в качестве одного из существенных факторов реализации регулирующего воздействия основных принципов права в отношении государственного управления.

В словаре обеспечение[3] рассматривается как система гарантий, а в энциклопедии: обеспечение[2] – это мера, гарантирующая реальное исполнение.

Юридические гарантии представляют законодательно закрепленные средства охраны прав и свобод граждан, способы их реализации, а обеспечение – систему гарантий для создания условий в осуществлении условий деятельности.

Следует заметить, что важность самой связи между субъектом обеспечения и объектом обеспечения, а также возникающих при этом общественных отношений приводит к тому, что эта связь приобретает правовой характер, а соответствующие отношения подлежат правовому регулированию и становятся правовыми.

Система органов государственной власти и государственных органов Российской Федерации характеризуется рядом признаков, которые закреплены в законах, регулирующих их организацию и деятельность. Существует обеспечивающая функция органов для решения поставленных задач. Решая поставленные задачи, достигается результат сформулированной цели, определяются элементы содержания обеспечения деятельности в Российской Федерации.

Одной из основных частей содержания обеспечения деятельности является установление системы субъектов государственного управления обеспечением, определение функций и полномочий.

Понятие «государственное управление» не включено в Конституцию Российской Федерации, что отрицательно сказывается в реализации функций органов государственного управления. Оно закреплено в основном в подзаконных нормативных правовых актах. В Конституции Российской Федерации установлены основы федеральной политики и федеральных программ. Федеральные программы являются основанием для осуществления функций органов государственного управления. На их осуществление выделяются средства из федерального бюджета и контроль за целевым использованием средств бюджета становится одной из актуальных задач органов государства (например, Счетной палаты Российской Федерации). Уместно отметить то, что данная сфера государственного управления в судебной системе обладает конкретным организационным правовым обеспечением деятельности судов.

Итак, государственное управление в данном случае немыслимо без обеспечения деятельности, которое выступает элементом государственного управления и государственно-властного механизма. Государственное управление обеспечивает устойчивое развитие целенаправленного воздействия органа управления на подвластные им субъекты управления. Обеспечивающие функции необходимы для реализации полномочий органов государственной власти и государственных органов. Считаем, что государственное управление тождественно обеспечению деятельности. К сожалению, ученые еще далеки от некоторых положений теории обеспечения деятельности и она не отражена в юридической науке. На сегодня не ставится задача подведения многообразия управленческих явлений к обеспечению.

Обеспечение деятельности является особой формой организации систем и процессов в сфере государственного управления. Нормы права адресованы исполнительным органам

государственной власти и государственным органам, в целях упорядочения государственного управления, выступающим необходимым условием эффективности государственного управления.

Придерживаемся научной теории о том, что государственное управление – это деятельность исполнительно-распорядительного характера. С одной стороны, она связана с проведением в жизнь законов и подзаконных актов – исполнения, а с другой – с использованием для достижения этой цели необходимых юридически-властных полномочий – распорядительство[6].

Особо значимым структурно-фундаментальным элементом в системе государственного управления выступает институт оперативного управления, обеспечивающий практическое исполнение, реализацию, претворение в жизнь законодательных решений[8]. Это связано с организацией мероприятий кадрового, финансового, материально-технического, организационно-правового, электронного и информационно-цифрового обеспечения деятельности органов, регулируемых правовыми нормами/ При этом выделяют такие общественные отношения как организационно-структурные и организационно-функциональные.

Эти отношения характеризуют основу в процессе управления и руководства. Субъектом управления являются органы государственной власти и государственные органы, основанные на принципе управления: «власть-подчинение».

Организационно-структурные отношения – опосредуют порядок и содержание деятельности управлений, отделов и служб и воздействие руководителей на подчиненный персонал в сфере планирования, координации направлений деятельности, контроля. Они способствуют постоянности действия.

Отсюда, управленческая деятельность органов – это общественные отношения в государственном управлении, регулируемые правовыми нормами. Субъектом общественных отношений являются органы государственной власти и государственные органы, деятельность которых подвергается правовому регулированию.

Подытоживая изложенное, можно прийти к выводу: в основу определения предмета института обеспечения деятельности органов включаются такие понятия:

– аппарат управления органов государственной власти и государственных органов – их исполнительные органы на федеральном и региональном уровнях;

– обеспечивающая деятельность указанных органов.

Для того, чтобы дать полную характеристику обеспечения деятельности, надо задавать следующие вопросы: кто, где, когда, как и зачем должен действовать в сфере правовых отношений, регулируемых нормами права? Что касается предмета исследования, то признаками обеспечения деятельности являются:

– исполнительно-распорядительная деятельность;

– осуществление правотворчества;

– осуществление органами государственной власти и государственными органами своих полномочий;

– законность обеспечения;

– цели организации обеспечения;

– принципы;

– совокупность прав и обязанностей (полномочия) субъектов обеспечения.

Выделенные признаки обеспечения обоснованы, отражены в определенной степени в действующем российском законодательстве.

Реализация ст. 7 Конституции Российской Федерации государством по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека обеспечивает принятие и издание нормативных правовых актов, содержащих нормы права относительно кадрового, финансового, материально-технического, организационно-правового, электронного и информационно-цифрового обеспечения деятельности. Вместе с тем направления обеспечения деятельности не отражены в законодательстве Российской Федерации. И в теории российского права еще не поднимались проблемы по конкретным видам обеспе-

чения деятельности. В результате не конкретизированы полномочия аппарата органов по созданию условий для реализации обеспечения. В деятельности аппарата органов государственной власти и государственных органов стоит задача создания комплекса организационно-правовых средств, обеспечивающих их правовую деятельность, предназначенного для устранения препятствий в укреплении их полномочий.

Разработка проблемы правового регулирования обеспечения деятельности позволила бы прийти к однозначному выводу о том, что категории по обеспечению деятельности подвергаются рассмотрению со стороны юридической науки, тем самым: во-первых, следует направить усилие для восполнения нормативно-правовых пробелов; во-вторых, создать правовую базу для правового регулирования обеспечения деятельности; в третьих, учитывая, что деятельность аппарата и органов осуществляется в управленческих действиях, провести полное исследование с объяснением содержания этих категорий.

Не разработанность института обеспечения – как направления государственного управления в рамках научной теории явилось основанием исследования на современном этапе его развития.

В постсоветское время развитие российского общества, объективно потребовало создания необходимой базы для формирования института обеспечения, причем с разрешением имеющихся некоторых проблем, которые требуют научного исследования.

Рассмотрим теоретико-прикладные аспекты точки зрения определения объекта и объективной стороны института обеспечения деятельности – направления государственного управления.

Если говорить применительно к теории и практике института обеспечения, остается немало проблем, которые требуют детальной доработки в применении юридической техники законодателя: определенных методов, правил, приемов при разработке содержания, структуры нормативных правовых актов и при использовании норм законодательства.

В ходе исследования выделены: отсутствие законодательных теоретических определений и принципов обеспечения деятельности; нехватка законодательно установленных критериев совершенствования обеспечения; недостаточность законодательных средств правового регулирования обеспечения; неполнота конкретизации схемы финансирования в законодательстве обеспечения деятельности. Все это – свидетельство отсутствия комплексного подхода к рассматриваемым проблемам.

Указанные проблемы в области обеспечения деятельности ограничивают дальнейшее его развитие.

Основой теоретической структуры правоотношения в сфере обеспечения деятельности судов является философская категория «субъект-объект». Институт обеспечения деятельности существует в рамках правоотношений. По нашему мнению, правовое регулирование института основано на совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения, что и характеризует его в качестве правового института. Исходя из этого, можно констатировать: общественные отношения в сфере обеспечения деятельности приобрели правовую форму и имеют определенную направленность, воздействие и объект правоотношения.

Переходим к рассмотрению формально-юридических особенностей установления субъекта и содержания правового отношения (совокупности субъективных прав и субъективных юридических обязанностей участников правоотношения) при реализации обеспечения деятельности.

Учреждение, установление правовой ответственности, имеет целью: обеспечение создания условий для самостоятельности деятельности и защите их прав в сфере обеспечения. Есть проблемные вопросы, отражающие несовершенство в механизме финансирования обеспечения.

С нашей точки зрения, в связи с изложенным, можно будет учесть предложение о совершенствовании механизма финансирования и подготовки кадрового потенциала деятельности. Вышеуказанное имеет свою направленность на содержание правоотношения по обеспечению деятельности.

В основе установления пределов действия обеспечения деятельности лежит взаимосвязь субъективного права и субъективной юридической обязанности участников правовых отношений по обеспечению деятельности, исходя из правового положения участников правовых отношений. Следует поддержать точку зрения С.А. Комарова в том, что «субъективное право определяет вид и меру поведения субъектов; служит формой опосредования и защиты их интересов; является одним из способов распределения социальных благ, удовлетворения материальных и культурных потребностей; выступает юридически гарантированной предпосылкой личной свободы граждан; позволяет участвовать в общественно-политической жизни и в управлении делами общества и государства; способствует всестороннему развитию личности» [5]. Отсюда субъективная юридическая обязанность участников правоотношения есть вид и мера должного поведения субъектов, она зависит от реализации субъективного права участника правоотношения[5]. Отсюда можно сделать вывод о том, что субъективная юридическая обязанность в правоотношениях по обеспечению деятельности, прежде всего способов обеспечения, зависит от субъективного права участников правоотношения.

Объектом считается явление, имеющее воздействие со стороны правовых средств: объект правового регулирования, объект обеспечения, что отвечает положениям теории государства и права.

Объекты правовых отношений – это то, на что направлено содержание обеспечения:

1. управленческие отношения субъектов права;
2. правовые средства, способствующие совершенствованию действий в обеспечении деятельности.

На основе анализа теоретических положений, правовых норм законодательства и принципов права, аппарат органов государственного управления обладает правосубъектностью и является субъектом права.

При определении правосубъектности аппарата государственного управления, анализируя основные нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность, можно констатировать, суть правоспособности и дееспособности аппарата заключается в его компетенции, правах, задачах, обязанностях, формах и методах работы, ответственности, которые раскрывают его полномочия. Круг вопросов, возложенный на него, который разрешается им, предусмотрен в нормативных правовых актах и называется его компетенцией[4].

Совокупность норм, закрепляющих положение органов государственного управления включает в себя:

1. правовые нормы, регулирующие порядок его формирования, состав и срок полномочия;
2. правовые нормы, устанавливающие полномочия и компетенцию;
3. правовые нормы, регулирующие порядок деятельности и их взаимоотношения.

Из их положений складывается правовой статус аппарата органов государственного управления.

Можно подчеркнуть, что общими чертами статуса – прав и обязанностей аппарата органов государственного управления выступают:

1. подзаконный характер деятельности в пределах своей компетенции;
2. наделение их правом распорядительства, правом издавать акты нормативного характера;
3. подотчетность и подконтрольность нижестоящих органов вышестоящим, обязательность распоряжений вышестоящих органов для нижестоящих;
4. оперативная самостоятельность аппарата органов государственного управления в пределах компетенции.

Конституционно-правовые нормы призваны создать правовую базу для регулирования общественных отношений в сфере обеспечения деятельности. Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, кроме того, положения и ведомственные правовые

акты, принимаемые аппаратом управления являются правовой основой их деятельности в осуществлении своих полномочий.

Библиографический список

1. *Бельский К.С.* К вопросу о предмете администрирования права //Государство и право. – М., 1997. – № 11. – С. 14–21.
2. Большая советская энциклопедия. – М., 1974. – С. 182.
3. Большой юридический словарь. – М., 2001. – С. 112.
4. *Демин А.А.* Субъекты административного права Российской Федерации. – М., 2010. – С. 272.
5. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. – СПб. –2012. – С. 371–373.
6. *Корякин И.И.* Проблемы административно-правового регулирования организационного обеспечения деятельности судов. Монография. – Якутск. 2003. – Якутск. – 2003. –16.
7. *Тихомиров Ю.А.* Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. – 2021. – №11. – С 5.
8. *Черкасов К.В.* К вопросу о содержании понятия «государственное управление» в российской юридической науке //Административное и муниципальное право. – 2008. – № 11. – С. 10–14.

Для цитирования: *Корякин И.И* Создание условий, обеспечивающих достойную жизнь – направление государственного управления: статья // Теория государства и права. 2025. № 1 (42). С. 223–228.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_223

I.I. Koryakin*

CREATION OF CONDITIONS THAT ENSURE A DECENT LIFE – DIRECTION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *The provision existing in article 7 of the Constitution of the Russian Federation on the creation of conditions ensuring a decent life and free human development is one of the areas of activity of public administration bodies. The article touches upon the problematic aspects of the content of this activity of public authorities and government agencies.*

Keywords: *public administration, legal regulation, provision of activities, participants in legal relations.*

In the Russian Federation, a new economic structure and state system have been approved, other conditions of activity have been created, new political and legal values have been formulated, which have been consolidated in the country's legislation, some of them are constitutionalized by the Basic Law of 1993.

In Russian legal science, the problem of forming a system of theoretical and legal ideas and concepts about the content and directions of legal regulation of public administration is acute. It is necessary that this system should be based on the historical experience of the management of public authorities and government agencies, take into account the legal experience of other states and the important developments of Russian and foreign scientists in the field of management and legal regulation.

At the turn of the 19th–20th centuries, in the works of liberal scientists V.F. Deryuzhinsky and A.I. Elistratov, the subject of administrative and legal regulation was understood as public relations in the field of public administration[1].

* **Koryakin Ivan Innokentievich**, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, PhD in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation. E-mail: ivaninnok@mail.ru.

Let's pay attention to the rule established in a certain, specifically specific environment due to its managerial content. Managerial relations are the first to be streamlined. This goal is achieved by certain means aimed at regulating public relations specific to the field of public administration.

This is the legal regulation of public relations in the field of public administration, a mechanism for organizational and legal influence on ongoing processes in accordance with established goals [7].

We need to reveal their essence, giving appropriate characteristics in order to actually see their place in public administration. Management determines the statics of management systems and this is due to the stable elements of the management process, which are conditioned by the exercise of its powers.

Unfortunately, the sectoral unity of legal norms has been studied only in individual scientific studies. The regulatory space of law is blurred in certain federal laws and regulations of various branches of Russian legislation.

In Russian legal science, the theory of public administration should acquire special importance in relation to the norms of law that ensure the activities of public administration bodies. Public administration is the object of legal regulation and the subject of legal regulation. Management by its content and nature is implemented in the functioning of the legislative, executive and judicial branches of government. The effectiveness of public administration itself depends on the ensuring legal norms.

In modern conditions of building a rule-of-law state, it is clearly not enough if the legal status of the relevant body is not provided with a set of legal norms regulating and providing properties. Such a state should be considered as one of the essential factors in the implementation of the regulatory impact of the basic principles of law in relation to public administration.

In the dictionary, collateral[3] is considered as a system of guarantees, and in the encyclopedia: collateral[2] is a measure that guarantees real execution.

Legal guarantees represent legally fixed means of protecting the rights and freedoms of citizens, ways of their implementation, and provision is a system of guarantees for creating conditions in the implementation of business conditions.

It should be noted that the importance of the connection itself between the subject of security and the object of security, as well as the resulting social relations, leads to the fact that this connection acquires a legal character, and the relevant relations are subject to legal regulation and become legal.

The system of state authorities and state bodies of the Russian Federation is characterized by a number of features that are fixed in the laws governing their organization and activities. There is a supporting function of the organs for solving the tasks set. By solving the tasks set, the result of the formulated goal is achieved, the elements of the content of ensuring activity in the Russian Federation are determined.

One of the main parts of the content of the provision of activities is the establishment of a system of subjects of state management of provision, the definition of functions and powers.

The concept of "public administration" is not included in the Constitution of the Russian Federation, which negatively affects the implementation of the functions of public administration bodies. It is fixed mainly in subordinate regulatory legal acts. The Constitution of the Russian Federation establishes the foundations of federal policy and federal programs. Federal programs are the basis for exercising the functions of government bodies. Funds from the federal budget are allocated for their implementation, and monitoring the targeted use of budget funds is becoming one of the urgent tasks of government agencies (for example, the Accounts Chamber of the Russian Federation). It is appropriate to note that this area of public administration in the judicial system has specific organizational and legal support for the activities of courts.

So, public administration in this case is unthinkable without providing activities that act as an element of public administration and the state-governmental mechanism. Public administration ensures the sustainable development of the purposeful impact of the governing body on the subjects of governance under its control. Providing functions are necessary for the implementation of

the powers of public authorities and government agencies. We believe that public administration is identical to the provision of activities. Unfortunately, scientists are still far from certain provisions of the theory of business support and it is not reflected in legal science. Today, the task is not to summarize the diversity of management phenomena to ensure.

The provision of activities is a special form of organization of systems and processes in the field of public administration. The norms of law are addressed to the executive bodies of State power and state bodies, in order to streamline public administration, which is a necessary condition for the effectiveness of public administration.

We adhere to the scientific theory that public administration is executive and administrative activities. On the one hand, it is associated with the implementation of laws and regulations – enforcement, and on the other – with the use of necessary legal authority to achieve this goal – management[6].

A particularly significant structural and fundamental element in the public administration system is the institute of operational management, which ensures the practical execution, implementation, and implementation of legislative decisions[8]. This is due to the organization of personnel, financial, logistical, organizational, legal, electronic and information-digital support for the activities of bodies regulated by legal norms./ At the same time, such social relations are distinguished as organizational-structural and organizational-functional.

These relationships characterize the basis in the management and leadership process. The subject of governance is public authorities and government agencies based on the principle of governance: "authority-subordination."

Organizational and structural relations – mediate the order and content of the activities of departments, departments and services and the impact of managers on subordinate personnel in the field of planning, coordination of activities, control. They contribute to the consistency of the action.

Hence, the management activities of bodies are public relations in public administration, regulated by legal norms. The subject of public relations is public authorities and government agencies whose activities are subject to legal regulation.

Summarizing the above, we can conclude that the following concepts are included in the basis of the definition of the subject of the institution of ensuring the activities of the authorities:

– the administrative apparatus of state authorities and state bodies – their executive bodies at the federal and regional levels;

– ensuring the activities of these bodies.

In order to give a complete description of the provision of activities, it is necessary to ask the following questions: who, where, when, how and why should act in the field of legal relations regulated by the norms of law? As for the subject of the study, the signs of ensuring the activity are:

– executive and administrative activities;

– Implementation of law-making;

– The exercise of their powers by public authorities and government agencies;

– Legality of the provision;

– Objectives of the provision organization;

– Principles;

– the totality of the rights and obligations (powers) of the security entities.

The identified security features are justified and reflected to a certain extent in the current Russian legislation.

The implementation of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation by the state to create conditions that ensure a decent life and free human development ensures the adoption and publication of regulatory legal acts containing legal norms regarding personnel, financial, logistical, organizational, legal, electronic and information-digital support activities. However, the areas of activity support are not reflected in the legislation of the Russian Federation. And the theory of Russian law has not yet raised problems with specific types of business support. As a result, the powers of the apparatus of the authorities to create conditions for the implementation of the provi-

sion have not been specified. In the activities of the apparatus of state authorities and state bodies, the task is to create a set of organizational and legal means to ensure their legal activities, designed to eliminate obstacles in strengthening their powers.

The development of the problem of legal regulation of the provision of activities would allow us to come to an unambiguous conclusion that the categories of provision of activities are subject to consideration by the legal science, thereby: firstly, efforts should be directed to fill in the regulatory gaps; secondly, to create a legal framework for the legal regulation of the provision of activities; thirdly, Considering that the activities of the apparatus and bodies are carried out in managerial actions, conduct a full study explaining the content of these categories.

The lack of elaboration of the institute of social security as a direction of public administration within the framework of scientific theory was the basis for research at the present stage of its development.

In the post-Soviet period, the development of Russian society objectively required the creation of the necessary base for the formation of an institution of provision, and with the resolution of some existing problems that require scientific research.

Let's consider the theoretical and applied aspects from the point of view of defining the object and the objective side of the institution of activity assurance – the direction of public administration.

If we talk about the theory and practice of the Institute of law enforcement, there are still many problems that require detailed refinement in the application of the legislator's legal technique: certain methods, rules, techniques in developing the content, structure of regulatory legal acts and in using the norms of legislation.

The study highlights: the lack of legislative theoretical definitions and principles for ensuring activity; the lack of legally established criteria for improving provision; the lack of legislative means of legal regulation of provision; the incompleteness of specifying the financing scheme in the legislation for ensuring activity. All this is evidence of the lack of a comprehensive approach to the problems under consideration.

These problems in the field of business support limit its further development.

The basis of the theoretical structure of legal relations in the field of ensuring the activities of courts is the philosophical category of "subject-object". The Institute of business support exists within the framework of legal relations. In our opinion, the legal regulation of the institute is based on a set of legal norms governing public relations in the field of security, which characterizes it as a legal institution. Based on this, it can be stated that public relations in the field of business support have acquired a legal form and have a certain orientation, impact and object of legal relationship.

We turn to the consideration of the formal legal features of the establishment of the subject and the content of the legal relationship (a set of subjective rights and subjective legal obligations of the participants in the legal relationship) in the implementation of the provision of activities.

The purpose of the institution, the establishment of legal responsibility, is to ensure the creation of conditions for independent activities and the protection of their rights in the field of security. There are problematic issues reflecting the imperfection in the financing mechanism of the provision.

From our point of view, in connection with the above, it will be possible to take into account the proposal to improve the mechanism of financing and training of human resources for activities. The above has its own focus on the content of the legal relationship to ensure the activity.

The basis for setting the limits of activity assurance is the relationship between subjective law and the subjective legal obligation of participants in legal relations to ensure activity, based on the legal status of participants in legal relations. S.A. Komarov's point of view should be supported that "subjective law determines the type and measure of behavior of subjects; serves as a form of mediation and protection of their interests; is one of the ways to distribute social benefits, meet material and cultural needs."; it acts as a legally guaranteed prerequisite for the personal freedom of citizens; it allows them to participate in public and political life and in the management of public affairs; and the state; promotes the comprehensive development of the individual" [5]. Hence, the subjective legal obligation of the participants in a legal relationship is the type and measure of the proper behavior of the subjects, it depends on the realization of the subjective right of the partici-

pant in the legal relationship[5]. From this it can be concluded that the subjective legal obligation in legal relations to ensure the activity, primarily the methods of provision, depends on the subjective right of the participants in the legal relationship.

An object is considered to be a phenomenon that has an impact from legal means: an object of legal regulation, an object of security, which corresponds to the provisions of the theory of the state and law.

The objects of legal relations are what the content of the provision is aimed at:

– management relations of legal entities;

– Legal means that contribute to the improvement of actions in the provision of activities.

Based on the analysis of theoretical provisions, legal norms of legislation and principles of law, the apparatus of public administration has legal personality and is a subject of law.

When determining the legal personality of the public administration apparatus, analyzing the main normative legal acts regulating their activities, it can be stated that the essence of the legal capacity and legal capacity of the apparatus lies in its competence, rights, tasks, duties, forms and methods of work, responsibilities that disclose its powers. The range of issues assigned to him, which is resolved by him, is provided for in regulatory legal acts and is called his competence[4].

The set of norms that consolidate the position of public administration bodies includes:

– legal norms governing the procedure for its formation, composition and term of office;

– Legal norms that establish authority and competence;

– legal norms governing the order of activities and their interrelationships.

Their provisions form the legal status of the apparatus of public administration.

It can be emphasized that the general features of the status – rights and duties of the apparatus of public administration bodies are:

– the subordinate nature of activities within their competence;

– granting them the right of management, the right to issue acts of a regulatory nature;

– the accountability and control of lower-level bodies to higher-level ones, the binding nature of orders from higher-level bodies to lower-level ones;

– operational independence of the apparatus of public administration bodies within the competence.

Constitutional and legal norms are designed to create a legal framework for regulating public relations in the field of business support. The Constitution of the Russian Federation, federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, resolutions of the Government of the Russian Federation, in addition, regulations and departmental legal acts adopted by the administrative staff are the legal basis for their activities in the exercise of their powers.

Bibliographic list

1. *Belsky K.S.* On the subject of the administration of law //The State and law. – M., 1997. – No. 11. – pp. 14–21.

2. The Great Soviet Encyclopedia. – M., 1974. – p. 182.

3. The Great Legal Dictionary. – M., 2001. – P. 112.

4. *Demin A.A.* Subjects of administrative law of the Russian Federation. – M., 2010. – p. 272.

5. *Komarov S.A.* General theory of the state and law. – St. Petersburg. –2012. – pp. 371–373.

6. *Koryakin I.I.* Problems of administrative and legal regulation of organizational support for the activities of courts. The monograph. – Yakutsk. 2003. – Yakutsk. – 2003. – P. 16.

7. *Tikhomirov Yu.A.* Dynamics of management in modern society // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 11. – P. 5.

8. *Cherkasov K.V.* On the issue of the content of the concept of "public administration" in Russian jurisprudence //Administrative and municipal law. – 2008. – № 11. – P. 10–14.

For citation*: Koryakin I.I.* Creation of Conditions that ensure a decent life – Direction of public administration: article // Theory of the state and law. 2025. No. 1 (42). Pp. 228–232.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_223

Научная статья

УДК 347.73
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_233

А.Е. Лебедева (Скачкова)[*]

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ДАННОСТЬ ИЛИ ПРОСЧЕТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ?

Аннотация: *исследуется правомерность использования формулировки «типичные» нарушения относительно деятельности должностных лиц в бюджетной сфере и потребности в антикоррупционных директорий в документах по итогам проведенных проверок, системах информационного обеспечения деятельности контрольно-надзорных органов.*

Ключевые слова: *типичные, характерные нарушения закона, бюджетная сфера, участники бюджетных правоотношений, должностные лица, контроль, надзор, прокурорский надзор, профилактика, коррупция.*

Научно-практические документы, диссертационные исследования включают понятия «типичные», «наиболее характерные», «наиболее распространённые» нарушения закона. Согласно этимологическому значению: распространённый, означает «широко известный, обычный, часто встречающийся»; типичный – «воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа предметов, лиц, явлений»; под характерными особенностями понимается «обладающий ярко выраженными, свойствами, чертами» [14;15;16]. Следовательно, данная терминология по существу указывает на «обычность», «неоднократность», «повторяемость», «характерную свойственность», также дает понимание о присущности, определенной устойчивости, системности явления, правонарушения.

Теория права определяет природу и потребность в установлении правил поведения в том числе в связи с необходимостью «упорядочения общественных отношений..... в результате, которого они приводятся в систему и в обществе создается определенный порядок.....обеспечиваемый .... охраной государственной власти»[10; 11;12;13].

Бюджетные правоотношения, это деятельность публично-правовых образований Российской Федерации, органов (должностных лиц) публичной власти, казенных государственных (муниципальных) учреждений и государственных внебюджетных фондов, относящаяся к публичным отраслям права

Иными словами, перед нами субъекты публичных правоотношений (далее – публичные субъекты (ст. 152 БК РФ, здесь и далее – Бюджетный кодекс Российской Федерации). в том числе в контексте, – их должностные лица), чья профессиональная деятельность предполагает неукоснительное следование закону.

В этой связи возникает вопрос о возможности признания системного нарушения ими закона в бюджетной сфере, допустимым.

Публичные (государственно-правовые) отрасли права определяют «обязанности» и «права, трансформируемые в обязанности, при наличии к тому достаточных оснований» [12] у публичного участника совершить определенные действия, в установленном законом порядке, сроках и форме. Несовершение которых, невыполнение возложенных на лицо обя-

[*] **Лебедева (Скачкова) Анна Евгеньевна,** кандидат юридических наук, доцент, ветеран прокуратуры, первый проректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург), доцент кафедры. E-mail: annaskachkova@yandex.ru.

занностей либо ненадлежащее их выполнение является «недопустимым, недозволительным и вызывает обязанность привести в действие государственный аппарат для принятия мер принуждения против обязанного лица» [9].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5], ст. 4 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [6] профессионализм и компетенция, а также ответственность служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей, являются базовыми принципами государственной (муниципальной) службы.

Охранительными нормами уголовного закона установлена ответственность за неисполнение, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности. Например, по признакам преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ («Халатность»),

ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями»), ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»), и рядом специальных, в частности, ст. 285.1, 285.2, 285.4-285.6 УК РФ, а также ст.292 УК РФ («Служебный подлог») [3]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ [2]), не претендуя на исключительность предлагаемой классификации, устанавливает ответственность за нарушения при исполнении бюджета по расходам, по доходам и источникам финансирования дефицита бюджета, в сфере документационного обеспечения легитимности бюджетного финансирования, расчетов в бюджетной сфере, делопроизводства, учета и отчетности, по признакам административных правонарушений, предусмотренных главами 15 и 7 КоАП РФ.

Одновременно Бюджетный кодекс Российской Федерации предусматривает вступление публичных субъектов в гражданско-правовые и иные отношения договорного характера. Однако, деятельность должностных лиц бюджетных, автономных государственных (муниципальных) учреждений, лиц частного сектора, в том числе юридических лиц с долей участия государства, не подпадает под юрисдикцию Бюджетного кодекса Российской Федерации. Но соглашения, гражданско-правовые и иные договоры, предусматривающие предоставление бюджетных средств, содержат исключительно императивные условия, установленные Бюджетным кодексом Российской Федерации [1] и принятыми в соответствии с ними федеральными, региональными и муниципальными правовыми актами (ст.ст. 2–4 БК РФ) и включают обязательные условия о контроле со стороны публичного субъекта. Иными словами, контрагенты подчиняются императивным условиям заключенных с ними договоров, соглашений и т.п., а должностные лица органов публичной власти в силу императивных норм БК РФ обязаны проводить системный, непрерывный контроль (ст. 266.1 БК РФ).

В следствии этого соблюдение требований бюджетного законодательства является служебной обязанностью должностных и иных лиц участников бюджетного процесса и лиц, вовлечённых в бюджетное финансирование, а законность обеспечивается в режиме предварительного, текущего и последующего контроля системой органов бюджетно-финансового контроля и наделенными соответствующей контрольной функцией должностными лицами участника бюджетного процесса, экономического субъекта (Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [7], ст.157, 160.2.-1, 265 БК РФ).

В силу ст. 158 БК РФ главные распорядители бюджетных средств обеспечивают результативность, адресность и целевой характер использования бюджетных средств; соблюдение получателями межбюджетных субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, а также иных субсидий и бюджетных инвестиций (ст. 158 БК РФ), исполнение бюджета по расходам, предусматривает санкционирование оплаты денежных обязательств (п. 2 ст.219 БК РФ).

Контрольная функция реализуется посредством мониторинга, аналитики, проверок (различных форм). Законодатель предусматривает систему «двойного» контроля. При этом органы Федерального казначейства Российской Федерации в силу п. 3 ст. 157 БК РФ проводят анализ исполнения бюджетных полномочий органов государственного муниципального

финансового контроля, являющихся исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местных администраций.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением бюджетного законодательства в полном объеме на всех уровнях бюджетной системы и в отношении всех участников правоотношений (исключение составляет федеральный уровень, на котором прокурорский надзор осуществляется только в отношении федеральных органов исполнительной власти), органы контроля особо выделены в предмете прокурорского надзора (ст. 1, 21, 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4]).

Далее, правонарушение, в современном правовом регулировании, влечет возможность применения всех видов юридической ответственности и иных мер реагирования.

В свою очередь Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [8] определяет профилактику как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Органы публичной власти, прокуратура являются субъектами профилактики правонарушений (ст. 2, ст. 5 закона [8]).

Следовательно по фактам выявленных нарушений законности, системное толкование правовых норм, позволяет утверждать наличие императивных правовых предписаний уполномоченным органам о применении комплекса актов и иных мер реагирования по факту правонарушения (при наличии к тому достаточных оснований) и обязанностей по выявлению причин и условий, способствующих нарушению и недопущения подобных нарушений впредь, о проведении их анализа, в том числе с позиции потребностей в совершенствовании правового регулирования.

Ввиду того, что органы, наделенные контрольной, контрольно-надзорной функцией и прокурорского надзора в бюджетной сфере имеют различные, ограничительные полномочия по восстановления режима законности, законодатель отводит главенствующее место взаимодействию различных органов в целях реального восстановления режима законности.

Анализ правовых норм бюджетного законодательства, по нашем мнению, дает возможность утверждать, не исключая потребности в дальнейшем их совершенствовании, наличие корреспондирующих регулятивных и охранительных норм современного права, позволяющих обеспечить надлежащее исполнение должностных обязанностей работниками участков бюджетного процесса в целях обеспечения режима законности в бюджетной сфере.

Иными словами, утверждение системных «типичных», «распространенных», «характерных» нарушений бюджетного законодательства, по нашему мнению, по существу «зеркально» отражает в определенной мере «недоработку» публичных органов, и, в первую очередь, реализующих контрольные функции в бюджетной сфере.

«Недоработка» уполномоченных органов может иметь различную природу: недостаточный профессионализм, недобросовестное, небрежное отношение к службе либо обязанностей по должности, коррупционные проявления.

Несомненно, контекст использования рассматриваемых формулировок имеет значение. Так, например, рассматриваемые формулировки возможны, если имеется ввиду анализ данных статистического наблюдения, состояния законности за определённый конкретный период времени, проводимый в целях выявления потребностей в применении наиболее активных, всесторонних форм контрольной (надзорной), прокурорско-надзорной деятельности, например, таких как плановые проверки и т.д.

Поэтому сохраняется необходимость в соответствующей терминологии. Вместе с тем, имеет место научная и практическая потребность рассматриваемой категории, в предвидении возможных неправовых проявлений, выявлении правоотношений, зон, наиболее подверженных противоправному интересу. Возможно таким термином станет понятие «право-

вые риски», как риск ориентированный подход, имеющей правовое закрепление в современном законодательстве.

Одновременно, в том числе в целях противодействия коррупции, с одной стороны имеет место нужда в разработке профессионально-функциональных методик. С одной стороны методик проверок правоприменения, выработке специальных методик проверок с детализацией прикладной деятельности в бюджетной сфере, методик реагирования на нарушение правовой и иной нормы в бюджетной сфере и методик, обеспечивающих реальное восстановление режима законности в бюджетной сфере. С другой стороны, безусловно требуется введение антикоррупционных директорий (раздела) в документы, системы информационного обеспечения, отражающие поводы, основания для вмешательства органов, обладающих контрольными, надзорными, прокурорско-надзорными функциями (осуществления контрольной деятельности) и результаты, реагирования, позволяющие оценить их полноту и всесторонность принятых (инициированных) уполномоченным лицом по восстановлению режима законности.

Библиографический список

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025)// www.consultant.ru

2.«Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) //www.consultant.ru

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025)// www.consultant.ru

4. Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) //www.consultant.ru

5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) //www.consultant.ru

6. Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024) //www.consultant.ru

7. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 12.12.2023)// www.consultant.ru

8. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// www.consultant.ru

9. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 377

10. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник – 8-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. С. 69

11. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблема теории и философии права. – М. ИКД «Зеркало-М», 2002 С. 2, 39

12. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 269, 273, 333

13. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016 г. С. 344, 620

14. Большой толковый словарь русского языка, под ред. С. А. Кузнецова, СПб, из-во «Норинт» С. 1094, 1324, 1439

15. Словарь русского языка С.И. Ожегова. Гос. Из-во инсотран. и нац. словарей. М. 1953. С. 608, 737, 796

16. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушаков М. Терра. 1996, т.7, С. 707, С. Т.3, С. 1246, т. 4 С. 1185

Для цитирования: *Лебедева (Скачкова) А.Е.* Типичные нарушения законности в бюджетной сфере: данность или просчеты в деятельности контрольно-надзорных органов?: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 233–236.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_233

A.E. Lebedeva (Skachkova)*

TYPICAL VIOLATIONS OF THE RULE OF LAW IN THE BUDGETARY SPHERE: A GIVEN OR A MISCALCULATION IN THE ACTIVITIES OF CONTROL AND SUPERVISORY AUTHORITIES?

Annotation. *The article examines the legality of using the phrase "typical" violations regarding the activities of officials in the public sector and the need for anti-corruption directories in documents based on the results of inspections, information support systems for the activities of control and supervisory authorities.*

Keywords: *typical, characteristic violations of the law, budgetary sphere, participants in budgetary legal relations, officials, control, supervision, prosecutorial supervision, prevention, corruption.*

Scientific and practical documents and dissertation research include the concepts of "typical", "most characteristic", and "most common" violations of the law. According to the etymological meaning: common, means "widely known, common, common"; typical – "embodying the characteristic features of any type of objects, persons, phenomena"; characteristic features are understood as "having pronounced properties, features" [14;15;16]. Consequently, this terminology essentially indicates "ordinariness", "repetition", "repeatability", "characteristic property", and also gives an understanding of the inherent, certain stability, and systemic nature of the phenomenon and offense.

The theory of law defines the nature and need to establish rules of conduct, including in connection with the need to "streamline social relations.... as a result, they are brought into the system and a certain order is created in society....provided by ... the protection of state power"[10; 11;12;13].

Budgetary legal relations are the activities of public law entities of the Russian Federation, public authorities (officials), state-owned state (municipal) institutions and state extra-budgetary funds related to public branches of law.

In other words, we are looking at subjects of public legal relations (hereinafter referred to as public entities (Article 152 of the Tax Code of the Russian Federation, hereinafter referred to as the Budget Code of the Russian Federation). including in the context of their officials), whose professional activity involves strict adherence to the law.

In this regard, the question arises about the possibility of recognizing their systemic violation of the law in the budgetary sphere as permissible.

Public (state-legal) branches of law define "duties" and "rights that can be transformed into duties if there are sufficient grounds for it" [12] for a public participant to perform certain actions in accordance with the procedure, terms and form established by law. The imperfection of which, the failure to fulfill the duties assigned to the person or their improper fulfillment is "unacceptable, impermissible and causes the obligation to activate the state apparatus to take coercive measures against the obligated person" [9].

In accordance with Article 4 of Federal Law No. 79-FZ dated 27.07.2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation" [5], Article 4 of Federal Law No. 25-FZ dated 02.03.2007 "On Municipal Service in the Russian Federation" [6] professionalism and competence, as well as responsibility of employees for non-fulfillment or improper fulfillment of their duties These are the basic principles of public (municipal) service.

The protective norms of the criminal law establish liability for non-fulfillment or improper performance of official duties due to unfair or negligent attitude to service or duties in office. For example, on the grounds of a crime under Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Negligence"),

* **Lebedeva (Skachkova) Anna Evgenievna,** Candidate of Law, Associate Professor, Veteran of the Prosecutor's Office, First Vice-rector of the Law Institute (Saint Petersburg), Associate Professor of the Department. E-mail: annaskachkova@yandex.ru.

285 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Abuse of official authority"), art. 286 of the Criminal Code ("Abuse of official authority"), and a number of special ones, in particular, art. 285.1, 285.2, 285.4-285.6 of the Criminal Code, as well as art.292 of the Criminal Code ("Official forgery") [3]. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Administrative Code of the Russian Federation [2]), without claiming exclusivity of the proposed classification, establishes responsibility for violations in budget execution in terms of expenditures, revenues and sources of financing budget deficits, in the field of documentation support for the legitimacy of budget financing, calculations in the budgetary sphere, office management, accounting and reporting, on the grounds of administrative offenses provided for in Chapters 15 and 7 of the Administrative Code of the Russian Federation.

At the same time, the Budget Code of the Russian Federation provides for the entry of public entities into civil law and other contractual relations. However, the activities of officials of budgetary, autonomous state (municipal) institutions, and individuals in the private sector, including legal entities with state participation, do not fall under the jurisdiction of the Budget Code of the Russian Federation. However, agreements, civil law and other agreements providing for the provision of budgetary funds contain exclusively mandatory conditions established by the Budget Code of the Russian Federation [1] and federal, regional and municipal legal acts adopted in accordance with them (Articles 2–4 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) and include mandatory conditions for control by a public entity. In other words, counterparties are subject to the mandatory conditions of contracts, agreements, etc. concluded with them, and officials of public authorities, by virtue of the mandatory norms of the CC RF, are required to conduct systematic, continuous control (art. 266.1 of the CC RF).

As a result, compliance with the requirements of budget legislation is the official duty of officials and other persons involved in the budget process and persons involved in budget financing, and legality is ensured in the mode of preliminary, ongoing and subsequent control by the system of budgetary and financial control bodies and officials of the participant in the budget process, an economic entity, endowed with the appropriate control function (Federal Law of 06.12.2011 No. 402-FZ "On Accounting" [7], Articles 157, 160.2.-1, 265 of the Tax Code of the Russian Federation). transliteration

By virtue of Article 158 of the BC RF, the chief administrators of budget funds ensure the effectiveness, targeting and targeted use of budget funds; recipients comply with inter-budget subsidies, subventions and other inter-budget transfers with a targeted purpose, as well as other subsidies and budget investments (Article 158 BC RF), budget budget execution, provides for the authorization of payment of monetary obligations (Clause 2 of Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The control function is implemented through monitoring, analytics, and checks (of various forms). The legislator provides for a system of "double" control. At the same time, the bodies of the Federal Treasury of the Russian Federation, by virtue of paragraph 3 of Article 157 of the Tax Code of the Russian Federation, analyze the execution of budgetary powers of state municipal financial control bodies, which are executive bodies of the subjects of the Russian Federation, and bodies of local administrations.

The Prosecutor's Office of the Russian Federation oversees the implementation of budget legislation in full at all levels of the budget system and with respect to all participants in legal relations (the exception is the federal level, where prosecutorial supervision is carried out only with respect to federal executive authorities), control bodies are specifically highlighted in the subject of prosecutorial supervision (Articles 1, 21, 26 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" [4]).

Further, an offense, in modern legal regulation, entails the possibility of applying all types of legal liability and other response measures.

In turn, Federal Law No. 182-FZ of 06/23/2016 "On the Fundamentals of the crime prevention System in the Russian Federation" [8] defines prevention as a set of social, legal, organizational, informational and other measures aimed at identifying and eliminating the causes and condi-

tions conducive to the commission of offenses, as well as providing educational impact on individuals in order to prevent the commission of offenses or antisocial behavior. Public authorities and the prosecutor's office are subjects of crime prevention (Articles 2, 5 of the law [8]).

Consequently, based on the facts of violations of the rule of law, a systematic interpretation of legal norms allows us to assert the existence of mandatory legal prescriptions to authorized bodies on the application of a set of acts and other measures to respond to an offense (if there are sufficient grounds for that) and obligations to identify the causes and conditions contributing to the violation and the prevention of such violations in the future, on their analysis, including from the perspective of the need to improve legal regulation.

Due to the fact that the bodies endowed with control, supervisory functions and prosecutorial supervision in the budgetary sphere have various, restrictive powers to restore the rule of law, the legislator assigns a dominant place to the interaction of various bodies in order to actually restore the rule of law.

The analysis of the legal norms of budget legislation, in our opinion, makes it possible to assert, without excluding the need for further improvement, the existence of corresponding regulatory and protective norms of modern law, allowing for the proper performance of official duties by employees of sections of the budget process in order to ensure the rule of law in the budgetary sphere.

In other words, the assertion of systemic "typical", "widespread", "characteristic" violations of budget legislation, in our opinion, essentially "mirrors" to a certain extent the "shortcomings" of public authorities, and, first of all, those implementing control functions in the budgetary sphere.

The "shortcomings" of the authorized bodies may be of various nature: insufficient professionalism, unfair, negligent attitude to service or duties in office, corruption manifestations.

Undoubtedly, the context of the use of the formulations under consideration is important. For example, the formulations under consideration are possible if there is an analysis of statistical observation data, the state of legality for a certain specific period of time, conducted in order to identify the needs for the most active, comprehensive forms of control (supervisory), prosecutorial oversight activities, such as routine inspections, etc.

Therefore, there is still a need for appropriate terminology. At the same time, there is a scientific and practical need for the category in question to anticipate possible illegal manifestations, identify legal relations, and areas most susceptible to unlawful interest. Perhaps such a term will be the concept of "legal risks", as a risk-based approach, which has a legal basis in modern legislation.

At the same time, including in order to combat corruption, on the one hand, there is a need to develop professional and functional techniques. On the one hand, the methods of law enforcement inspections, the development of special methods of inspections detailing applied activities in the budgetary sphere, methods of responding to violations of legal and other norms in the budgetary sphere, and methods that ensure the real restoration of the rule of law in the budgetary sphere. On the other hand, it is certainly necessary to introduce anti-corruption directories (sections) into documents, information support systems, reflecting the reasons, grounds for the intervention of bodies with control, supervisory, prosecutorial and supervisory functions (carrying out control activities) and the results of the response, allowing to assess their completeness and comprehensiveness of the measures taken (initiated) by the authorized person to restore the regime of legality.

Bibliographic list

1. "Budget Code of the Russian Federation" dated 07/31/1998 No. 145-FZ (as amended on 04/21/2025)//www.consultant.ru

2. "The Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 05/23/2025) //www.consultant.ru

3. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 04/21/2025)//www.consultant.ru

4. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 No. 2202-1 (as amended on 03.02.2025) //www.consultant.ru

5. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation" (as amended on 08.08.2024) //www.consultant.ru

6. Federal Law No. 25-FZ dated 03/02/2007 "On Municipal Service in the Russian Federation" (as amended on 30.09.2024) //www.consultant.ru

7. Federal Law No. 402-FZ dated 06.12.2011 "On Accounting" (as amended on 12.12.2023)// www.consultant.ru

8. Federal Law No. 182-FZ of 06/23/2016 "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation" Federal Law No. 182-FZ of 06/23/2016 (as amended on 08/08/2024)// www.consultant.ru

9. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law: Course of lectures: in 2 volumes. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. p. 377.

10. *Komarov S.A.* General theory of the state and law: Textbook – 8th ed., ispr. and supplement – St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2012. p. 69.

11. *Leist O.E.* The essence of law. The problem of theory and philosophy of law. – M. IKD "Zerkalo-M", 2002 p. 2, 39.

12. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* General theory of law: textbook. – 3rd ed., ispr. and add. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2017. pp. 269, 273, 333.

13. Theory of the state and law: a textbook / edited by A. V. Yurkovsky. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016, pp. 344, 620.

14.Russian Russian Dictionary, edited by S. A. Kuznetsov, St. Petersburg, publishing house "Norint" pp. 1094, 1324, 1439 15. Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov. Gos. Because of the insotran. and the national dictionaries. M. 1953. pp. 608, 737, 796.

16. Explanatory dictionary of the Russian language edited by D.N. Ushakov M. Terra. 1996, vol.7, p. 707, p. t. 3, p. 1246, t. 4, p. 1185.

For citation: *Lebedeva (Skachkova) A.E.* Typical Violations of the Rule of Law in the Budgetary sphere: a Given or miscalculations in the Activities of Control and Supervisory Authorities?: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 237–240.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_233

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_241

В.Л. Львов*

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ: ОПТИМИЗАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОЭЗ (ПО ИТОГАМ II МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ОЭЗ).

Аннотация. *В статье по итогам II Международного форума ОЭЗ анализируются вопросы оптимизации нормативно-правовой базы ОЭЗ. Отмечено доминирование международного вектора развития ОЭЗ (привлечение иностранных инвестиций) над национальным (вовлечение российского бизнеса); приведены позиции Минэкономразвития РФ (корректировка законодательства, уточнение понятия резидента) и Минфина РФ (дифференциация налоговых льгот по объему инвестиций). Выявлена неясность законодательства об ОЭЗ, включая нечеткость статуса резидента и ответственности при его утрате; обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, в частности введения стабилизационных оговорок. Сделан вывод, что форум стал первым шагом в реформировании режима ОЭЗ, но ряд ключевых проблем остается нерешенным.*

Ключевые слова: *особые экономические зоны; нормативно-правовое регулирование; инвестиционный режим; налоговые льготы; статус резидента; экономическая безопасность; международное сотрудничество.*

В городе Дубна, расположенного в Московской области, с 03 по 04 октября 2024 г. проходил II Международный форум особых экономических зон (далее по тексту – ОЭЗ). На площадке ОЭЗ «Дубна» собрались представители: органов исполнительной власти РФ и управляющих компаний ОЭЗ со всей России, резидентов ОЭЗ и потенциальных резидентов, интересующихся правовым режимом ОЭЗ, а в особенности особым режимом налогообложения для ведения деятельности в ОЭЗ.

Организаторами форума выступили: Министерство экономического развития РФ, Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России, Министерство финансов РФ, Федеральная налоговая служба, Правительство Московской области, Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области, ОЭЗ «Дубна».

II Международный форум ОЭЗ посетили делегации из 15 стран (Китай, Казахстан, Нигерия, Малайзия, ОАЭ, Иран, Турция и д.р.).

Главной темой всего II Международного форума ОЭЗ можно выразить цитатами директора Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России и заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Александра Новака: *«В условиях глобальных изменений и новых вызовов развитие международной торгово-промышленной кооперации на базе особых экономических зон становится не просто актуальным, а жизненно важным. Наш форум предоставляет уникальную платформу для обмена опытом и внедрения лучших практик управления между регионами России и странами БРИКС. Устойчивое и низкоуглеродное развитие, а также внедрение банковских ESG-инструментов для создания «зеленой» инфраструктуры ОЭЗ – это не только вызов, но и огромная возможность для обеспечения будущего наших экономик»*, – отметил Михаил Лабудин, директор Ассоциации кластеров, технопарков

* **Львов Виктор Львович**, аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт». E-mail: viktorlvov1943@gmail.com.

и ОЭЗ России [13]. *«Международный Форум ОЭЗ, который проводится уже второй год подряд, становится важной платформой для обсуждения перспектив развития и взаимодействия отечественных и зарубежных ОЭЗ управленческими командами таких инвестиционных площадок, компаниями-производителями и инвесторами. В этом году мы пригласили в Подмосковную Дубну коллег из стран БРИКС, Республики Беларусь, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и ОАЭ для продолжения начатой годом ранее работы по обмену опытом, налаживанию взаимовыгодного партнерства и выстраиванию новых кооперационных связей. Уверен, что работа на площадке Форума будет продуктивной и позволит нам с коллегами из дружественных стран реализовать больше совместных проектов по перспективным направлениям сотрудничества»*, – рассказал заместитель Председателя Правительства Российской Федерации [13].

Международный акцент форума. Автор, по итогам II Международный форум ОЭЗ, высказанным на нем заявлениям, приходит к выводу, что организаторы форума сделали основной акцент на внешнее взаимодействие с иностранными государствами и привлечение иностранных инвесторов к предпринимательской деятельности на территории РФ, а не на диалог с российским бизнесов, желающим присоединиться к числу резидентов ОЭЗ общей типологии. Направленность форума в международную плоскость выражена в названиях панельных секций и круглых столов: «Россия-Беларусь», «Россия-Иран», «Международный конгресс свободных экономических зон», «Развитие и перспективы ОЭЗ в современной экономике», «Кооперация между ОЭЗ: международное и внутренне сотрудничество».

С одной стороны, обозначение форума как международного оправдывает подобный акцент. Форум, изначально, не концентрировался исключительно на внутрироссийской предпринимательской действительности. Более того, влияние западных санкций и уход множества западных предприятий, привели к тому, что РФ вынуждена привлекать иностранные инвестиции из других стран. Лучшим же инструментом для подобного привлечение являются преференциальные режимы, в особенности ОЭЗ.

Однако с иной стороны, направленности мероприятия, приводит к мысли, что органы государственной власти неверно понимают цели и задачи ОЭЗ общей типологии. Статья 3 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ), по мнению автора, декларирует развитие определенных территорий РФ, посредством привлечения, в первую очередь, внутренних инвестиций. Российские компании должны использовать особый режим предпринимательства ОЭЗ как бустер развития. Тепличные условия деятельности способствуют в реализации как самых смелых технологических или промышленных проектов и их локализации на территории РФ, так и в выходе на евразийский/общемировой рынок.

Согласно статистике Министерства экономического развития РФ, предоставленной на официальном сайте органа государственной власти, на 2024 год функционируют 53 ОЭЗ (34 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые). За 19 лет работы в ОЭЗ зарегистрировано 1208 резидентов, из которых более 109 компаний с участием иностранного капитала [15]. Соотношение доли резидентов, использующих внутренние инвестиции и доли резидентов, использующих иностранный капитал – 11 к 1.

Автор считает, что параллельно с Международным форумом ОЭЗ должны проходить и иные отраслевые мероприятия, с направленностью на взаимодействие с российскими резидентами/потенциальными резидентами, обсуждение законодательных и исполнительных проблем при ведении деятельности в ОЭЗ.

Обсуждение совершенствования законодательства об ОЭЗ. Поскольку автора, в первую очередь, волнуют нормативно-правовые проблемы деятельности резидентов ОЭЗ, вопросы правового статуса резидентов, с особым вниманием хочется рассмотреть панельную сессию: «Вызовы и возможности: оптимизация нормативно правовой базы ОЭЗ».

Стоит отметить, что данная секция была единственной, посвященной нормативно правовому регулированию ОЭЗ. Участники сессии, а именно: представители Минэкономразвития РФ, Минфина РФ, ФНС РФ, управляющих компаний ОЭЗ обсуждали перспективы «до-

настройки» нормативно-правового регулирования ОЭЗ общей типологии. Минэкономразвитие РФ, по мнению автора, выразило наиболее здравое и конструктивное мнение: крупный пакет поправок в Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ является лишь первым этапом к постепенному изменению нормативных положений. В частности, Минэкономразвитие намерено конкретизировать законодательную дефиницию «резидента», что, является крайне важным уточнением ст. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ, поскольку даже в международном соглашении о СЭЗ указано, что резидентом может являться только лицо, внесенное в установленном порядке в реестр). Тем не менее, к большому сожалению автора, спикер Минэкономразвития РФ не дал разъяснений по поводу суброгации ч.5 ст. 21 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ, посвященной ответственности резидента ОЭЗ при расторжении соглашения об осуществлении деятельности, а также действующему переходному периоду на изменения в Федеральном законе от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

Позиция Минфина РФ на панельной сессии оказалась во многом дискуссионной. Спикер от финансового ведомства ясно обозначил интерес государства в дифференцированном подходе к предоставлению налоговых преференций: по мнению Минфина, объем налоговых льгот для конкретного резидента должен зависеть от размера инвестиций, предусмотренных соглашением о деятельности. Также высказывалась позиция о лишении резидента части налоговых преференций за нарушение требований налогового законодательства, в частности за привлечение к налоговой ответственности по ст.119 НК РФ. Минфин РФ мог бы поднять вопрос о повышении ставок по налогу на прибыль в 2025 году и применению новой «дедушкиной оговорки».

Нерешённые вопросы правового регулирования и предложения. По мнению автора, Минфин РФ и Минэкономразвитие РФ должен задаться вопросом корректировки новой редакции ч.5 ст. 21 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

Согласно новой редакции ч.5 ст. 21 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ при досрочном лишении статуса резидента, лицо обязано уплатить штраф, увеличенный на сумму налогов, не уплаченных резидентом в связи с предоставлением ему налоговых льгот, предусмотренных законодательством РФ о налогах и сборах.

В тексте ч.5 ст.21 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ есть два важных момента.

Особый режим налогообложения резидентов нельзя обозначать как налоговые льготы по смыслу ст.56 Налогового кодекса РФ (далее по тексту – НК РФ). Понятие «налоговая льгота» применима к резидентам ОЭЗ только в экономическом, а не в нормативном смысле [10, с. 2].

Штраф для резидентов увеличивается на сумму налогов, не уплаченных в связи с применением особого режима налогообложения. Данная санкция порождает неясность законодательного регулирования. Во-первых, правовая природа соглашения об осуществлении деятельности. Действующее регулирование не дает однозначного ответа, какой метод правового регулирования применим при толковании условий соглашения об осуществлении деятельности. Доктрина не сформировала однозначного понимания природы соглашения – мнения разнятся от административного договора до гражданско-правовой сделки [11, с. 51–52]. Поскольку нет ясности в правовом регулировании, нельзя с должной степенью определить и природу штрафных санкций.

Неясен и законодательный подход к конструированию санкции. При прочтении нормы, возникает вопрос: штраф – это восстановление неуплаченных налогов или способ исчисления штрафа? Если имеется ввиду восстановление налогов, то в таком случае, почему данная норма закреплена не в НК РФ и не указано на обязанность уплаты пени? Также если штраф – это недоимка, то встает вопрос и о привлечении к налоговой ответственности по соответствующей статье НК РФ (ч.5 ст.108 НК РФ).

Если же речь о способе расчета штрафа, что следует из буквального прочтения нормы, то будут ли привлекаться налоговые органы для его расчета? Федеральная налоговая служба будет осуществлять взыскание или же орган государственной власти субъекта РФ? Возникает также вопрос касательно порядка рассмотрения споров о взыскании таких штрафов

или их оспаривании: общий исковой порядок или же с учетом особенностей, предусмотренных гл. 24 АПК РФ. Или же уполномоченный орган должен будет обратиться в суд в порядке взыскания штрафа до 5 млн. рублей, а налоговый орган обратиться в суд с требованием о взыскании увеличенного штрафа и пени?

Данные целесообразные нормативные вопросы необходимо было поставить на обсуждение и выработать предложение об изменении ч.5 ст.21 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

Автор, в частности, предлагает использовать механизм ТОР и, когда штраф взыскивается в процентном соотношении к величине инвестиций, заявленных в соглашении об осуществлении деятельности (ч.5 ст.15 Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ) [6].

Также Минфин РФ и представители ФНС не рассмотрел вопрос о законодательном статуса особого режима налогообложения ОЭЗ. Это позволило бы рассмотреть режим налогообложения резидентов (участников) в качестве отдельного специального налогового режима, по своему характеру напоминающего специальный режим соглашения о разделе продукции [12, с. 144]. Тем не менее, фискальные органы, в первую очередь, заинтересованы в дроблении особого режима налогообложения ОЭЗ в зависимости от объема инвестиций, указанного в соглашенья об осуществлении деятельности. Это объясняется тем, что Минфин РФ стремится повысить эффективность преференций. Данная позиция подвергается критике со стороны Минэкономразвития и резидентов ОЭЗ, но имеет свои предпосылки [16].

Заключение. Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Направленность II Международного форума ОЭЗ на создание международной площадки по привлечению иностранных инвестиций, видится автору, как с положительных, так и отрицательных сторон.

Западные санкции играют свою роль и привлечение иностранного капитала в «тепличные условия» ОЭЗ видится разумным подходом. Тем не менее, акценты форума были слишком сильно смещены на зарубежных представителей, без активного включения российских резидентов/потенциальных резидентов в процесс обсуждения преференциального режима.

В частности, привлечение иностранных инвесторов и капитала потребует усиление вопросов экономической безопасности и суверенитета. Минимальные административные барьеры, налоговые и таможенные преференции, льготный выкуп земельных участков, могут привлечь на территорию России не самых благонадежных и ответственных иностранных резидентов. В свою очередь, Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 указывает, что целью государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является, в частности, повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз. Изменение внешнеполитической ситуации может повлечь за собой уход иностранных резидентов и срыв соглашении об осуществлении деятельности.

Желание Минэкономразвития РФ по совершенствованию регулирования статуса резидента, видится автору позитивным, но ряд ключевых неопределенностей Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ остался без рассмотрения: повышение налога на прибыль в федеральной части, новая стабилизационная оговорка и порядок ее применения, неоднозначность ответственности резидентов с 2025 года, место особого режима налогообложения в НК РФ, определение статуса резидента.

Вместо всего многообразия законодательных инициатив, Минфин РФ стремится начать процесс дробления особого режима налогообложения ОЭЗ (который законодательно не определен, а является лишь набором статей НК РФ) в зависимости от объема инвестиций, указанного в соглашении об осуществлении деятельности, а также желает внедрить дополнительные инструменты контроля над деятельностью резидентов.

Стоит напомнить, что в современной России создано и существует порядка 16 преференциальных территорий (ТОСЭР, САР, СПВ, ОЭЗ, Арктическая зона, ОЭЗ в Магаданской и Калининградской областях, СЭЗ и т.д.), предполагающим привлечение инвесторов в развитие регионов. Процесс создания новых зон не останавливается, к новым явлениям можно отнести МТОР. Эта деятельность государства порождает разнобой в законодательном регулиро-

вании. II Международный форум ОЭЗ оставил неразработанные проблемы непоследовательного регулирования ОЭЗ, но тем не менее, данный форум – это первое крупное профильное мероприятие, направленное на корректировку и «донастройку» ОЭЗ общей типологии.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : фед. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ : (в ред. от 08.08.2024) // Рос. газ. – 1998. – 06 авг. №148–149 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : фед. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ : (в ред. от 08.08.2024) // Парлам. газ. – 2000. – 10 авг. №151–152 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

3. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс] : фед. закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ : (в ред. от 04.08.2023) // Рос. газ. – 2005. – 27 июля. №162 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

4. Федеральный закон от 04.08.2023 № 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: фед. закон от 04.08.2023 г. № 448-ФЗ : (в ред. от 04.08.2023) // Парлам. газ. – 2023. – 11 авг. №31 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] : указ. през. от 13.05.2017 № 208 : (в ред. от 13.05.2017) // Собр. закон. РФ – 2017. – 15 мая. № 20. ст. 2902 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

6. Решение Арбитражного суда Приморского края от 15.07.2020 по делу № А51-19738/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

7. Решение Арбитражного суда Приморского края от 04.02.2020 по делу № А51-18515/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

8. Решение Арбитражного суда Приморского края от 24.01.2020 по делу № А51-20131/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

9. Решение Арбитражного суда Приморского края от 19.12.2019 по делу № А51-19403/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

10. *Овсянников С.В., Шевелева Н.А.* Соглашения налогоплательщиков об осуществлении деятельности на территориях с особым статусом: правовая природа и налоговые последствия // Финансовое право. 2020. № 7. 2 с. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

11. *Громова Е.А.* Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности в особых экономических зонах: монография. М.: Юстицинформ, 2015. – 51 с. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

12. Специальные налоговые режимы : учебное пособие для магистратуры / О. А. Ногина. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 144 с.

13. 3 и 4 октября в подмосковном городе Дубна пройдет второй международный форум особых экономических зон – 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://akitrf.ru/news/3-i-4-oktyabrya-v-podmoskove-v-gorode-dubna-proydet-vtoroy-mezhdunarodnyy-forum-osobykh-ekonomichesk/ (дата обращения: 17.10.2024 г.)

14. Особые экономические зоны [Электронный ресурс] URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 17.10.2024 г.)

15. Минфин вошел в зону несогласия [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6239121 (дата обращения: 17.10.2024 г.)

Для цитирования: *Львов В.Л.* Вызовы и возможности: оптимизация нормативно-правовой базы ОЭЗ. По итогам II Международного форума ОЭЗ: статья // Теория государства и права. 2025. № 2 (43).- С. 241–245.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_241

V. L. Lvov*

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES: OPTIMIZATION OF THE SEZ REGULATORY FRAMWORK (FOLLOWING THE RESULTS OF THE II INTERNATIONAL SEZ FORUM)

Annotation. *Based on the results of the II International SEZ Forum, the article analyzes the issues of optimizing the regulatory framework of the SEZ. The dominance of the international vector of SEZ development (attracting foreign investment) over the national one (involving Russian business) is noted; the positions of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (adjusting legislation, clarifying the concept of a resident) and the Ministry of Finance of the Russian Federation (differentiating tax benefits by investment volume) are presented. The ambiguity of the legislation on SEZ has been revealed, including the ambiguity of the resident's status and responsibility in case of its loss; The necessity of further improvement of legislation, in particular the introduction of stabilization measures, is substantiated. It is concluded that the forum was the first step in reforming the SEZ regime, but a number of key problems remain unresolved.*

Keywords: *special economic zones; regulatory framework; investment regime; tax benefits; resident status; economic security; international cooperation.*

The Second International Forum of Special Economic Zones (hereinafter referred to as SEZ) was held in the city of Dubna, located in the Moscow Region, from October 03 to 04, 2024. Representatives of the executive authorities of the Russian Federation and SEZ management companies from all over Russia, residents of the SEZ and potential residents interested in the legal regime of the SEZ, and in particular the special taxation regime for operating in the SEZ, gathered at the Dubna SEZ site.

The forum was organized by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Association of Clusters, Technoparks and SEZs of Russia, the Ministry of Finance of the Russian Federation, the Federal Tax Service, the Government of the Moscow Region, the Ministry of Investment, Industry and Science of the Moscow Region, the Dubna SEZ.

The II SEZ International Forum was attended by delegations from 15 countries (China, Kazakhstan, Nigeria, Malaysia, UAE, Iran, Turkey, etc.).

The main topic of the entire II International SEZ Forum can be expressed in the quotes of Alexander Novak, Director of the Association of Clusters, Technoparks and SEZs of Russia and Deputy Prime Minister of the Russian Federation:

«In the context of global changes and new challenges, the development of international trade and industrial cooperation based on special economic zones is becoming not just relevant, but vital. Our forum provides a unique platform for the exchange of experience and the implementation of best management practices between the regions of Russia and the BRICS countries. Sustainable and low-carbon development, as well as the introduction of ESG banking tools to create a «green» SEZ infrastructure, is not only a challenge, but also a huge opportunity to ensure the future of our economies», said Mikhail Labudin, Director of the Association of Clusters, Technoparks and SEZs of Russia» [13].

«The International SEZ Forum, which has been held for the second year in a row, is becoming an important platform for discussing the prospects for the development and interaction of domestic and foreign SEZs by the management teams of such investment platforms, manufacturing companies and investors. This year, we invited colleagues from the BRICS countries, the Republic of Belarus, Iran, Uzbekistan, Tajikistan, and the United Arab Emirates to Dubna near Moscow to continue the work we started a year earlier to share experiences, establish mutually beneficial partnerships, and build new cooperative ties. I am confident that the work at the Forum will be productive and will allow us and our colleagues from friendly countries to implement more joint projects in promising areas of cooperation», said the Deputy Prime Minister of the Russian Federation [13].

* **Lvov Viktor Lvovich**, postgraduate student at the Law Institute. E-mail: viktorlvov1943@gmail.com.

The international focus of the forum. The author, based on the results of the II International SEZ Forum and the statements made at it, comes to the conclusion that the organizers of the forum focused on external interaction with foreign states and attracting foreign investors to entrepreneurial activity in the territory of the Russian Federation, rather than on dialogue with Russian businesses wishing to join the the number of SEZ residents of the general typology.

The forum's international orientation is expressed in the names of panel sections and round tables.: «Russia-Belarus», «Russia-Iran», «International Congress of Free Economic Zones», «Development and prospects of SEZs in the modern economy», «Cooperation between SEZs: international and domestic cooperation».

On the one hand, the designation of the forum as an international one justifies such an emphasis. Initially, the Forum did not focus exclusively on the domestic business reality. Moreover, the impact of Western sanctions and the departure of many Western enterprises have led to the fact that the Russian Federation needs to attract foreign investment from other countries. The best instrument for such attraction is preferential treatment, especially SEZs.

However, on the other hand, the orientation of the event leads to the idea that government authorities misunderstand the goals and objectives of the SEZ of the general type. Article 3 of Federal Law No. 116-FZ of 07.22.2005 «On Special Economic Zones in the Russian Federation» (hereinafter referred to as Federal Law No. 116-FZ of 07.22.2005), in the author's opinion, declares the development of certain territories of the Russian Federation by attracting, first of all, internal investments. Russian companies should use the special regime of SEZ entrepreneurship as a development booster. Greenhouse conditions of operation contribute to the implementation of both the most ambitious technological or industrial projects and their localization on the territory of the Russian Federation, as well as to entering the Eurasian/global market.

According to statistics from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, provided on the official website of the government authority, 53 SEZs (34 industrial production, 7 technical and innovation, 10 tourist and recreational and 2 port) are functioning in 2024. Over the 19 years of operation, 1,208 residents have been registered in the SEZ, of which more than 109 are companies with the participation of foreign capital [15]. The ratio of the share of residents using domestic investments and the share of residents using foreign capital is 11 to 1.

The author believes that other industry events should take place in parallel with the International SEZ Forum, with a focus on interaction with Russian residents/potential residents, discussion of legislative and executive issues when conducting activities in the SEZ.

Discussion of improving legislation on SEZ. Since the author is primarily concerned about the regulatory and legal problems of the SEZ residents' activities and the issues of the legal status of residents, I would like to consider the panel session with special attention: «Challenges and opportunities: optimization of the SEZ regulatory framework».

It is worth noting that this section was the only one devoted to the regulatory regulation of SEZs. The session participants, namely, representatives of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Ministry of Finance of the Russian Federation, the Federal Tax Service of the Russian Federation, and SEZ management companies discussed the prospects for «fine-tuning» the regulatory framework for SEZs of a common typology. The Ministry of Economic Development of the Russian Federation, in the author's opinion, expressed the most reasonable and constructive opinion: a large package of amendments to Federal Law No. 116-FZ dated 07/22/2005 is only the first stage towards a gradual change in regulations. In particular, the Ministry of Economic Development intends to specify the legislative definition of «resident», which is an extremely important clarification of art. Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005, since even the international agreement on the FEZ states that only a person entered in the register in accordance with the established procedure can be a resident).

Nevertheless, to the author's great regret, the speaker of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation did not provide explanations regarding the subrogation of Part 5 of Article 21 of Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005, on the responsibility of a SEZ resident upon termination of an agreement on the implementation of activities, as well as the current transitional period for amendments to Federal Law No. 116 of 07/22/2005- Federal Law.

The position of the Ministry of Finance of the Russian Federation at the panel session turned out to be largely debatable. The speaker from the finance department clearly outlined the state's interest in a differentiated approach to providing tax preferences: according to the Ministry of Finance, the amount of tax benefits for a particular resident should depend on the amount of investments provided for in the business agreement. The position was also expressed on depriving a resident of part of tax preferences for violating the requirements of tax legislation, in particular for bringing him to tax liability under Article 119 of the Tax Code of the Russian Federation. The Ministry of Finance of the Russian Federation could raise the issue of raising income tax rates in 2025 and applying a new «grandfather clause».

Unresolved issues of legal regulation and proposals. In the author's opinion, the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation should ask themselves the question of correcting the new version of Part 5 of Article 21 of Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005.

According to the new version of Part 5 of Article 21 of Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005, upon early withdrawal of resident status, a person is obliged to pay a fine increased by the amount of taxes not paid by the resident in connection with granting him tax benefits provided for by the legislation of the Russian Federation on taxes and fees.

There are two important points in the text of Part 5 of Article 21 of Federal Law No. 116-FZ dated 07/22/2005.

The special taxation regime for residents cannot be designated as tax benefits within the meaning of Article 56 of the Tax Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Tax Code of the Russian Federation). The concept of «tax benefit» is applicable to SEZ residents only in the economic sense, and not in the regulatory sense [10, p. 2].The fine for residents is increased by the amount of taxes not paid due to the application of a special tax regime. This sanction creates ambiguity in legislative regulation. First, the legal nature of the agreement on the implementation of activities. The current regulation does not provide a single-valued answer as to which method of legal regulation is applicable in interpreting the terms of an agreement on the implementation of activities. The doctrine has not formed an unambiguous understanding of the nature of the agreement – opinions vary from an administrative contract to a civil law transaction [11, pp. 51–52]. Since there is no clarity in the legal regulation, it is impossible to determine the nature of penalties with due degree.

The legislative approach to the construction of sanctions is also unclear. When reading the norm, the question arises: is the fine a restoration of unpaid taxes or a way to calculate the fine? If this means the restoration of taxes, then why is this norm not fixed in the Tax Code of the Russian Federation and does not indicate the obligation to pay penalties? Also, if the fine is arrears, then the question arises about bringing to tax liability under the relevant article of the Tax Code of the Russian Federation (Part 5 of art.108 of the Tax Code of the Russian Federation).

If we are talking about the method of calculating the fine, which follows from the literal reading of the norm, will the tax authorities be involved in calculating it? Will the Federal Tax Service carry out the collection, or will the state authority of the subject of the Russian Federation? There is also a question regarding the procedure for considering disputes about the collection of such fines or their contestation: the general procedure of claim or taking into account the specifics provided for in Chapter 24 of the APC RF. Or the authorized body will have to apply to the court in order to recover fines up to 5 million rubles. should the tax authority apply to the court with a demand for an increased fine and penalty?

These appropriate regulatory issues had to be discussed and a proposal developed to amend Part 5 of Article 21 of Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005.

The author, in particular, suggests using the TOR mechanism when a fine is levied as a percentage of the amount of investments declared in the agreement on the implementation of activities (Part 5 of Article 15 of Federal Law No. 473-FZ dated December 29, 2014) [6].

Also, the Ministry of Finance of the Russian Federation and representatives of the Federal Tax Service did not consider the issue of the legislative status of the special taxation regime of the SEZ.

This would allow us to consider the taxation regime of residents (participants) as a separate special tax regime, similar in nature to the special regime of the production sharing agreement [12, p. 144].

Nevertheless, fiscal authorities are primarily interested in splitting up the special taxation regime of SEZs, depending on the volume of investments specified in the business agreements. This is due to the fact that the Ministry of Finance of the Russian Federation is striving to increase the effectiveness of preferences. This position is criticized by the Ministry of Economic Development and residents of the SEZ, but it has its own prerequisites [16].

Conclusion. Summing up, we can come to the following conclusions. The author sees the focus of the II International SEZ Forum on creating an international platform for attracting foreign investment from both positive and negative sides. Western sanctions are playing a role, and attracting foreign capital to the "hothouse conditions" of the SEZ seems like a reasonable approach. However, the forum's emphasis was too strongly shifted to foreign representatives, without actively involving Russian residents/potential residents in the preferential treatment discussion process.

In particular, attracting foreign investors and capital will require strengthening economic security and sovereignty issues. Minimal administrative barriers, tax and customs preferences, and preferential purchase of land plots may attract some of the most trustworthy and responsible foreign residents to Russia. In turn, Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2017 No. 208 indicates that the purpose of state policy in the field of economic security is, in particular, to increase the resilience of the economy to external and internal challenges and threats. A change in the foreign policy situation may lead to the withdrawal of foreign residents and the disruption of the agreement on the implementation of activities.

The author sees the desire of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation to improve the regulation of the resident status as positive, but a number of key uncertainties of Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005 remained without consideration: an increase in income tax in the federal part, a new stabilization clause and the procedure for its application, the ambiguity of the responsibility of residents from 2025, the place of a special tax regime in the Tax Code of the Russian Federation, determining the status of a resident.

Instead of all the variety of legislative initiatives, the Ministry of Finance of the Russian Federation is trying to start the process of splitting up the special taxation regime of the SEZ (which is not legally defined, but is only a set of articles of the Tax Code of the Russian Federation), depending on the volume of investments specified in the agreement on the implementation of activities, and also wants to introduce additional instruments of control over activities residents.

It is worth recalling that in modern Russia, about 16 preferential territories have been created and exist (TOSER, SAR, SPV, SEZ, Arctic zone, SEZ in the Magadan and Kaliningrad regions, SEZ, etc.), involving the involvement of investors in the development of the regions. The process of creating new zones does not stop, new phenomena can include MTOR. This activity of the state generates a discrepancy in legislative regulation. The II International SEZ Forum left unresolved problems of inconsistent regulation of SEZs, but nevertheless, this forum is the first major specialized event aimed at correcting and "fine-tuning" SEZs of a common typology.

Bibliographic list

1. The Tax Code of the Russian Federation (part one) [Electronic resource] : fed. Law №. 146-FZ of 07/31/1998 : (as amended dated 08.08.2024) // Russian Gas. – 1998. – 06 Aug. №148–149 // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

2. The Tax Code of the Russian Federation (part two) [Electronic resource] : fed. The law of 05.08.2000 №. 117-FZ : (as amended dated 08.08.2024) // Parliament. gaz. – 2000. – 10 Aug. №151–152 // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru /

3. Federal Law №. 116-FZ of 07/22/2005 «On Special Economic Zones in the Russian Federation» [Electronic resource] : fed. The Law of 22.07.2005 №. 116-FZ : (as amended dated 08/04/2023) // Russian Gas. – 2005. – July 27. №. 162 // SPS "ConsultantPlus". – Access mode: http://www.consultant.ru/

4. Federal Law №. 448-FZ dated 08/04/2023 «On Amendments to the Federal Law «On Special Economic Zones in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic

resource]: fed. Law №. 448-FZ of 08/04/2023 : (as amended dated 08/04/2023) // Parliament. gaz. – 2023. – Aug. 11. №. 31 // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2017 №. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030» [Electronic resource] : decree. prez. Dated 05/13/2017 №. 208 : (as amended dated 13.05.2017) // Sobr. zakon. RF – 2017. – May 15. №. 20. art. 2902 // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru /

6. The decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated 07/15/2020 in case №. A51-19738/2019 [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

7. The decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated 02/04/2020 in case №. A51-18515/2019 [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

8. The decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated January 24, 2020 in case №. A51-20131/2019 [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru /

9. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated 12/19/2019 in case №. A51-19403/2019 [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

10. *Ovsyannikov S.V., Sheveleva N.A.* Taxpayer agreements on carrying out activities in territories with a special status: legal nature and tax consequences // Financial law. 2020. №. 7. 2 p. [Electronic resource] // SPS «Consultant-Plus». – Access mode: http://www.consultant.ru

11. *Gromova E.A.* Agreement on the implementation of technical and innovation activities in special economic zones: monograph. Moscow: Justicinform, 2015. 51 p. [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». – Access mode: http://www.consultant.ru/

12. Special tax regimes : a textbook for graduate studies / O. A. Nogina. Moscow : INFRA-M, 2019– 144 p.

13. On October 3 and 4, the second international forum of special economic zones – 2024 will be held in Dubna, Moscow region [Electronic resource] – URL: https://akitrf.ru/news/3-i-4-oktyabrya-v-podmoskove-v-gorode-dubna-proydet-vtoroy-mezhdunarodnyy-forum-osobykh-ekonomichesk / (date of request: 17.10.2024)

14. Special economic zones [Electronic resource] URL https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (date of request: 17.10.2024)

15. The Ministry of Finance entered the zone of disagreement [Electronic resource] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6239121 (date of request: 17.10.2024)

For citation: *Lvov V.L.* Challenges and Opportunities: Optimization of the SEZ Regulatory Framework Following the Results of the II International SEZ Forum: article // Theory of the State and law. 2025. №. 3 (43). – Pp. 246–250.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_241

Научная статья

УДК 347.61
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_251

Ю.А. Микуленок*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ

***Аннотация**: в статье рассматривается правовое регулирование «женского вопроса» в первое десятилетие после Октябрьской революции. С приходом советской власти началось формирование нового типа семьи, изменились гендерные роли и произошла трансформация семейно-брачных отношений. Новая семейная политика, направленная на раскрепощение женщины, кардинальным образом изменила семейное законодательство. Кодекс законов об актах гражданского состояния, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. и Кодекс законов о семье, браке и опеке РСФСР 1926 г. установили новые условия вступления в брак, развода, права и обязанности супругов. В статье приведен анализ нормативно-правовых актов, статистических данных и архивных материалов.*

***Ключевые слова**: правовое положение женщины, семейно-брачное законодательство, НЭП, семейно-брачные отношения, РСФСР.*

В царской России в семейно-брачных отношениях господствовали нормы домостроя с закрепленным принципом главенства власти отца. Согласно Своду законов Российской империи: «Муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять за недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» [11, ст. 106]. Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома, правовой статус мужа порождал правовой статус жены [11, ст. 107–108]. Ярко домостроевский быт дореволюционной России рисует в своих воспоминаниях Белов Василий Иванович (стилистика документа сохранена): «Совершенным деспотом он был в семье. В семье делалось только или по его указанию, или разрешению, вплоть до того, что готовить на обед, ужин. Возражений он вообще не терпел. О том, чтобы какое-нибудь его распоряжение не было выполнено младшими, особенно детьми, не могло быть и речи. Это, собственно, был основной закон организации всей казачьей жизни, выработанный веками. Плохо было только то, что закон этот отцом проводится в жизнь уж очень последовательно и с применением жесточайших телесных наказаний.

Ну, вот я студент III курса университета, женат, имею ребенка. Тем не менее, я не имел права без разрешения отца запрячь лошадь и куда-нибудь поехать, хотя лошади в конюшне стоят иногда целые дни без дела» [2, л.13]».

Законодательство Российской империи регулировало условия вступления в брак (отсутствие кровного родства, достижение брачного возраста, одно вероисповедание, согласие родителей, отсутствие другого брака) и условия развода (доказанная измена одного из супругов; неспособность к исполнению супружеского долга; в случае если один из супругов приговорен к наказанию лишения всех прав и состояния или один из супругов без вести от-

* **Микуленок Юлия Андреевна**, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северокавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: ak-bara@yandex.ru.

сутствует длительный период времени), права и обязанности родителей и детей. Хотя стоит отметить, что в начале XX в. в семейных отношениях произошел ряд изменений. Так, законодатель стремится создать имущественную самостоятельность замужней женщины [24, с. 283] и ограничить всеобъемлющую власть отца.

Кардинальные изменения в области семейно-брачных отношений произошли после Октябрьской революции. Решение «женского вопроса» занимало важное место в политике молодого советского государства. Еще на VШ съезде РКП(б) В.И. Ленин настаивал на необходимости активно привлекать женщин в партийное и государственное строительство [21, с. 380]. Женщинам был открыт доступ на все курсы и во все учебные заведения. Чтобы облегчить положение женщины, открывались общественные кухни и столовые, прачечные и починочные мастерские, ясли, детские сады, различного рода воспитательные учреждения и др. [21, с. 195]. Неоднократно данный вопрос поднимался на страницах периодических изданий: «Известий ЦИК», «Красной зари», «Работницы», «Крестьянки», «Делегатки», «Крокодила» и др. Правовое положение женщины не раз становилось и темой партийных конференций. Более подробно этот вопрос рассматривался в работах А.М. Коллонтай, К. Цеткин, М.В. Бравой, Э. Миловидовой, В.В. Соколова, С. Смидович и др.

Уже ноябре 1917 года при Народном комиссариате социального обеспечения был организован отдел охраны материнства и младенчества [13, с. 203], включающий в себя следующие учреждения: ясли, дома матери и ребенка, трудовые общежития для беспризорных матерей, консультации для беременных, юридические консультации и др. Отдел охраны материнства и младенчества как одна из главных организаций по оздоровлению трудящихся выполнял следующие функции: вел борьбу с детской смертностью; обучал матерей правилам гигиены и кормления; занимался воспитанием подкидышей; оказывал социально-правовую защиту матерей [3, л. 5]. Врач яслей раз в месяц проводил беседы-консультации с матерями, здесь же молодые матери получали смеси для кормления младенцев. В консультациях для беременных женщин проводился медицинский осмотр и врачи давали советы по уходу за ребенком, что более наглядно демонстрировали специальные выставки [17, с.27].

Первые декреты советской власти (Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»; Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака»; Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.; Декрет СНК «Об учреждении Совета защиты детей» 1919 г.; Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. и др.), затронувшие семейно-брачные отношения, заложили основу новой семейной политики. Конституция РСФСР 1918 г. уравняла женщину в правах с мужчиной [8, ст. 22, 64], что нашло свое отражение в последующих советских Конституциях и в первых советских кодексах: Кодексе законов о труде, Гражданском кодексе, Уголовном кодексе и, разумеется, в Кодексе законов о брачном, семейном и опекунском праве. Так, Кодексы законов о труде РСФСР 1918 и 1922 гг. ввели целую главу, регулирующую труд женщины. Законодатель запрещал использовать женский труд в ночное время и на опасном производстве, вводил понятие декретного отпуска, равного 12 неделям. Для матерей, кормящих грудью, устанавливались дополнительные перерывы для кормления ребенка [10, ст.134]. Советский закон запрещал отправлять в командировки беременную женщину. В Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. была введена ст. 158, вводившая уголовную ответственность за уклонение от алиментов и оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки [12, ст. 158].

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. и Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. установил условия вступления в брак, развода, права и обязанности супругов и детей. Под браком советское право понимало добровольный союз мужчины и женщины, зарегистрированный в органах ЗАГС; церковный же брак признавался религиозным обрядом, не влекущим за собой юридических последствий [26, с. 6]. В первой половине 1920-х гг. на волне острых партийных дискуссий о формах брака популярность стали набирать и так называемые «красные свадьбы». Лица, вступающие в брак, могли оформить свои отношения частным путем перед свидетелями

или в кругу родных [16, с. 197]. Кроме того, мужчина и женщина, состоящие в фактическом брачном союзе, в любой момент могли официально зарегистрировать свои отношения в органах ЗАГС [15, с. 10]. При этом при регистрации супруги могли заявить, сколько времени они уже живут совместно, и зарегистрировать свой брак со времени фактического брачного союза [26, с. 8]. Неудивительно, что в переходный период законодатель был вынужден приравнять сожительство к брачным отношениям. Изменились и условия вступления в брак: достижение брачного возраста (по Кодексу об актах гражданского состояния, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. 16 лет для девушек и 18 лет для юношей; по Кодексу законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. – 18 лет); взаимное согласие; дееспособность; отсутствие кровного родства по прямой восходящей и нисходящей линии; лица, желающие вступить в брак, официально не состоят в брачных отношениях [9, ст. 66–73; 14, ст. 406].

Стоит отметить, что в период кардинальной трансформации семейно-брачных отношений гражданский брак в умах малообразованного обывателя еще не сумел заменить церковный брак. Не раз партийная элита и общественность обращали внимание на половое воспитание молодежи регистрации[27]. Широкое распространение среди молодежи получила теория «стакана воды» (ложное мнение, что в социалистическом обществе вступить в половую связь так же легко, как выпить стакан воды) [20, с. 113], что станет одной из причин падения авторитета института брака. По данным Н.Л. Пушкаревой, средняя продолжительность вновь заключенных браков составляла восемь месяцев, многие браки расторгались на другой день после регистрации [23]. Следуя новой «половой морали» о «свободных отношениях», мужья легко оставляли «нехороших» жен и находили новых. Своей неверности мужья находили простое оправдание: «воспитанная в старых, патриархальных традициях жена чувствует отвращение к половой жизни» [4, л.8]. Нормой становятся до- и внебрачные связи. Согласно результатам медицинских обследований, проведенных в 1923 г., 63% юношей и 47 % девушек младше 18 лет имели добрачные половые связи [19, с. 228]. Закон о браке и семье для обеспечения и защиты прав раскрепощенной женщины и ребенка установил полную свободу брака и развода, что привело к злоупотреблениям. Например, отец «женит сына, берет за невестой хорошее приданое и обращает его на поправку своего расстроенного хозяйства, а когда это сделано, выгоняет невестку, часто уже беременную, из дома, а сына женит на другой, тоже с приданым. Другой пример: берет себе кулак в жены девушку из бедняцкой семьи; все лето она в качестве хозяйки в его семье работает и в поле, и дома; осенью, когда она как работница становится ненужной, муж выгоняет ее из дому ни с чем» [18, 67]. Капелько А.С. отмечал случаи использования в корыстных целях закона об алиментах при разводе. Искатель легкой наживы женился на женщине, у которой был ребенок, получавшей содержание бывшего мужа; по достижении ребенком 16-летнего возраста получение содержания от отца прекращалось, и тогда муж выгонял жену и ее ребенка [18, 68].

Семейное законодательство 1920-х гг. предусматривало право женщины, не состоящей в регистрированном браке, заявить в период беременности или после рождения ребенка имя и место жительства отца своего ребенка. Предполагаемый отец ребенка в свою очередь получил право в течение года оспорить свое отцовство в суде [14, ст. 28]. Если в ходе судебного разбирательства устанавливалось, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях с несколькими лицами, то отцом ребенка признавались все возможные отцы [25, с. 4]. Правда, такое положение действовало до 1927 г., т.е. до принятия нового семейного закона. По новому закону, в случае заявления нескольких лиц о сожительстве с матерью суд обязан решить, кто именно является отцом ребенка, и взыскание возможно было только с него одного.

По новому семейному законодательству, упрощалась процедура развода. Жена могла уйти от мужа, если совместная жизнь с ним была для нее тягостной, аналогичные права имел и муж. Для развода достаточно было заявления одного из супругов, давать объяснения о причинах развода уже не требовалось [18, с. 19]. Неудивительно, что в первое десятилетие после установления советской власти количество разводов увеличилось в разы.

Советская власть уравняла жену и мужа в правах. Кодекс законов об актах гражданского состояния, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. установил, что брак не создает

общности имущества. Соответственно, имущество, принадлежавшее супругам до брака, продолжает оставаться их собственностью и после брака. Имущество, нажитое супругами в течение брака, считается их общим имуществом. В случае раздела и спора долю каждого устанавливал суд. Супруги могли вступать в любые дозволенные законом имущественно-договорные отношения, т.е. совершать сделки и вступать в обязательства как друг с другом, так и с третьими лицами [14, ст. 49]. Закон считал недействительными лишь такие сделки между мужем и женой, которые умаляют имущественные права кого-либо из них [22, с. 28].

Еще одна новелла в области семейного права – право нуждающегося супруга на материальную помощь, в том числе это право сохраняется и после прекращения брака. И если Кодекс законов об актах гражданского состояния, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. (ст. 107, 130) говорит о бессрочной материальной поддержке до изменения экономических условий, то Кодекс законов о браке, семье и опеке, введенный в действие с 1 января 1927 г., ограничивает это право: срок получения содержания для нуждающегося нетрудоспособного супруга не мог превышать 1 года, безработного – 6 месяцев с момента прекращения брака. Стоит отметить, что, исходя из анализа судебной практики и жалоб граждан в контрольные органы, решение того или иного вопроса зависело от обстоятельств конкретного дела. Например, было отменено решение Брянского Губсуда о прекращении взысканий с Давыдова в пользу бывшей жены на основании ст. 15. После пересмотра дела было вынесено следующее решение: «Рассмотрев дело, выслушав заключение прокурора и принимая во внимание, что с ответчика присуждены ежемесячные выплаты в пользу его бывшей жены Ерошенковой на основании ст. 403 Гражданского кодекса РСФСР ввиду получения истицей нетрудоспособности от истязаний, производившихся ответчиком, а потому ст. 15 Кодекса законов о браке, семье и опеке к данному случаю неприменима». Суд постановил взыскать алименты с Давыдова на прежних основаниях [14, с. 55].

Из заработной платы на содержание семьи по закону могло быть взыскано не свыше 50 % заработка. Однако взыскание на содержание производилось не со всей суммы, получаемой рабочим или служащим. Согласно ст. 289 Гражданского процессуального кодекса от взыскания освобождалась та часть заработной платы, которая по Кодексу законов о труде являлась минимумом заработной платы для I разряда тарифной сетки данной местности. Например, в Москве минимум заработной платы по I разряду составлял 10 руб. Значит, если рабочий получал 50 руб., то суд присуждал алименты с 40 руб., так как 10 руб. являлись неприкосновенной частью его заработка, которая не подлежала взысканию. Таким образом, с получавшего 50 руб. взыскивалось не больше 20 руб. Не стоит забывать, что нередко на иждивении у мужчины находились дети от предыдущих браков или родные, и суду все это приходилось принимать во внимание. Суд в этих случаях обыкновенно присуждал такую сумму, выдача которой не ставила в тяжелые условия и другую семью или нуждающуюся в поддержке [26, с. 27]. Выше мы говорили о злоупотреблениях со стороны мужчины, но не стоит забывать, что новую конъюнктуру времени воспринимали не только мужчины, но и женщины. В архиве нам удалось найти только одну жалобу мужчины на злоупотребление бывшей женой своим правом на материальную поддержку нуждающегося супруга (стилистика документа сохранена): «После развода сейчас же последовали с ее стороны по отношению ко мне акты слепой и дикой мести, она преследовала меня всюду: и в учреждении, и на моей квартире, даже не останавливалась перед усилением скандалов на улице, все это сопровождалось требованием бесконечного количества денег, а главное, настаивала, чтобы сошелся с ней обратно. Наконец, при содействии Губ[ернской] к[онтрольной] к[омиссии], членом каковой я был в то время, мне удалось договориться с ней, что я буду ей давать материальную поддержку в сумме 10 руб. в месяц впредь до ее поступления на работу, что я и выполнял. Конечно, ни на какую работу она не пошла <....> [6, л. 429], кстати, нужно сказать, что работа ей предлагалась неоднократно <....>, но она под всякими предлогами уклонялась от предлагаемой ей работы» [6, л. 43].

Законодатель предусмотрел возможность обратиться в суд с новым исковым заявлением по вопросу об изменении размера взыскиваемой суммы в связи с изменившимися ма-

териальными условиями ответчика или истца. Так, например, если отец, с которого взыскивается на содержание ребенка, во время решения дела о содержании получал 40 руб., а впоследствии стал получать 100 руб. в месяц, то мать имеет право просить суд о повышении присужденной ей суммы на содержание. Или если, наоборот, заработок лица, уплачивающего на содержание ребенка, значительно понизился, то он также имеет право просить суд о пересмотре вопроса в части уплаты суммы на содержание ввиду изменившегося его имущественного положения [26, с. 28].

К сожалению, стоит констатировать, что на практике данное положение не всегда было возможно реализовать и на партийных конференциях неоднократно звучали замечания: «Закон-то хорош, да как провести его в жизнь». Действительно, анализ писем во власть показывает, что часто мужчины уклонялись от обязанности содержать свою семью: «Мы, дети партийного тов. А.К. Иваницкого, выброшены им на улицу, находимся у своей матери. Но мать находится в настоящее время без работы, а мы живем без всяких средств, когда наш отец живет во много раз лучше нас, но не обращает на нас никакого внимания, когда мы приходили к нему просить на кусок хлеба, законно присужденный нам нарсудом, но за последнее время он совершенно отказался выдавать что-либо и не принимает нас» [5, л. 31]; «бросил меня с ребенком без копейки» [7, л. 218]; «муж ее, комсомолец, бросил ее, после того как у них родился ребенок. Она, материально нуждаясь, не встречала ни от кого соответствующей поддержки, а чтобы никуда она не обращалась с заявлением на своего мужа, муж ей пригрозил» [1, л. 10] и т.д. Чтобы облегчить взыскателю возможность осуществить свои права, дела о взыскании на содержание разбирались по месту жительства того лица, которое взыскивало, то есть истца [26, с.38].

Изменения произошли и в системе наследования. В качестве наследников советское законодательство признавало родственников по прямой нисходящей линии (детей, внуков, правнуков), супругов, а также тех лиц, которые находились на иждивении умершего лица [26, с. 18].

Таким образом, в первое десятилетие после Октябрьской революции произошли грандиозные изменения в семейно-брачном законодательстве, заложившие основу советской семейной политики. Первые мероприятия большевиков уравняли женщину в правах с мужчиной, ввели новую форму брак – гражданский, упростив процедуру вступления в брак и расторжения. Вводились конституционные, материальные и социальные гарантии гендерного равноправия, направленные прежде всего на защиту интересов женщины. Однако в переходный период становления новой советской семьи не все положения семейного законодательства возможно было реализовать на практике.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 37.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1185. Оп. 2. Д. 484.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.6. Оп. 1. Д. 61.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 6. Оп. 1. Д. 460.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 10. Оп.1. Д. 15.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 60.
8. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#13 (дата обращения 24.01.2024).
9. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. – М., 1918. – 66с.
10. РСФСР. Законы и постановления. Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 года : с изменениями до 1 августа 1929 года. – М., 1929. – 96с.
11. Свод законов Российской империи. Т. 10: Законы гражданские и межевые. – БМ, 1842. – URL: https://www.prlib.ru/item/364013?ysclid=lroys3knqc345380854 (дата обращения 22.01.2024). – 1123 с.

12. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года. С изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года. – М., 1927. – 36с.

13. *Бравая М.В.* Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР. – М., 1929. – 261с.

14. *Генкин А., Кишкин С., Роднянский А.* Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейно-систематизированными материалами. – М., 1926. – 203с.

15. *Гидулянов П.В.* Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. – Л., 1927. – 308с.

16. *Гойхбарг А.Г.* Сравнительное семейное право. – М. 1925. – 238с.

17. *Дулицкий С.О.* Учреждение охраны материнства и младенчества // Делегатка. – 1923. – №3. – С. 27.

18. *Капелько А.С.* Беседа о браке и семье. – М., 1927. – 76с.

19. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М., 2015. –488с.

20. *Луначарский А.* Больные стороны комсомольского быта // Комсомольский быт. – М., 1927. – С.112–113.

21. *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. – М., 1929. – 507с.

22. *Приградов-Кудрин А.* Брак и семья. Что нужно знать каждому о браке и семье по новому кодексу. – М., 1927. – 56с.

23. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛО. – 2012. – № 117. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html?ysclid=ls082a6zvv704680301 (дата обращения 01.12.2023).

24. *Синайский В.И*. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев, 1910. – 352с.

25. Славин И. Брак и семья по нашему законодательству. (К пересмотру Кодекса законов о брачном и семейном праве) // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 42. – С. 4.

26. *Ростовский И.А.* Советский закон о браке, семье и опеке. – М., 1929. – 72с.

27. *Василевский Л.М*. Половой вопрос. Проституция и рабочая молодёжь: социально-гигиенический очерк. М., 1924; *Гельман И.Г.* Половая жизнь современной молодежи : опыт социально-биологического обследования. М.-Л.,1925; *Залкинд А.Б.* Половое воспитание. М., 1928; *Кетлинская В. К.* Жизнь без контроля: половая жизнь и семья рабочей молодежи. М.-Л., 1929; *Писарева Л. В*. Половое воспитание рабочей молодежи: Доклад на 1-м Всеукр. совещании по охране здоровья рабочих подростков в г. Харькове в февр. 1926 г. Киев, 1926. и др.

Для цитирования: *Микуленок Ю.А.* Правовое регулирование «женского вопроса» в советской России в 1920-е годы: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2 (43). – С. 251–256.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_251

Yu. A. Mikulenok*

LEGAL REGULATION OF THE "WOMEN'S ISSUE" IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

Annotation*. The article examines the legal regulation of the "women's issue" in the first decade after the October Revolution. With the advent of Soviet power, a new type of family began to form, gender roles changed, and marital relations transformed. The new family policy aimed at the emancipation of women has radically changed family legislation. The Code of Laws on Acts of Civil Status, Family and Guardianship of the RSFSR of 1918 and the Code of Laws on Family, Marriage and Guardianship of the RSFSR of 1926. New conditions for marriage, divorce, and the rights and obligations of spouses have been established. The article provides an analysis of regulatory legal acts, statistical data and archival materials.*

Keywords: *legal status of women, family and marriage legislation, NEP, family and marriage relations, RSFSR.*

* **Mikulenok Yulia Andreevna,** Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: ak-bara@yandex.ru.

In tsarist Russia, family and marriage relations were dominated by the norms of house building with the fixed principle of the primacy of the father's authority. According to the Code of Laws of the Russian Empire: "A husband is obliged to love his wife as his own body, live in harmony with her, respect, protect, excuse for her shortcomings and alleviate her infirmities. He is obliged to provide his wife with food and maintenance according to his condition and capabilities" [11, art. 106]. A wife is obliged to obey her husband as the head of the family, to remain in love, reverence and unlimited obedience to him, to provide him with every kind of pleasure and affection, as the mistress of the house, the legal status of the husband generated the legal status of the wife [11, articles 107–108]. Vasily Ivanovich Belov vividly depicts the Domostroevsky way of life in pre-revolutionary Russia in his memoirs (the stylistics of the document is preserved): "He was a complete despot in the family. In the family, everything was done either on his instructions or with his permission, right down to what to cook for lunch or dinner. He didn't tolerate any objections at all. It was out of the question that any of his orders would not be carried out by the younger ones, especially the children. This, in fact, was the basic law of the organization of all Cossack life, worked out over the centuries. The only bad thing was that this law was being implemented by my father very consistently and with the use of the most severe corporal punishment.

Well, I'm a third-year university student, married, and have a child. Nevertheless, I had no right to harness a horse and go somewhere without my father's permission, although the horses in the stable sometimes stand idle for whole days" [2, l. 13]".

The legislation of the Russian Empire regulated the conditions of marriage (absence of consanguinity, reaching the age of marriage, one religion, parental consent, absence of another marriage) and the conditions of divorce (proven infidelity of one of the spouses; inability to fulfill marital duty; if one of the spouses is sentenced to the punishment of deprivation of all rights and wealth or one of the spouses spouses are missing for a long period of time), the rights and obligations of parents and children. Although it is worth noting that at the beginning of the 20th century, a number of changes took place in family relations. Thus, the legislator seeks to create the property independence of a married woman [24, p. 283] and limit the comprehensive authority of the father.

Drastic changes in the field of family and marriage relations occurred after the October Revolution. The solution of the "women's issue" occupied an important place in the politics of the young Soviet state. Even at the Fifth National Congress of the Russian Communist Party (b), V.I. Lenin insisted on the need to actively involve women in party and state building [21, p. 380]. Women had access to all courses and educational institutions. To alleviate the situation of women, public kitchens and canteens, laundries and repair shops, nurseries, kindergartens, various educational institutions, etc. were opened [21, p. 195]. This issue has been repeatedly raised on the pages of periodicals: Izvestia of the Central Executive Committee, Krasnaya Zarya, Rabotnitsa, Krestyanki, Delegatki, Krokodila, etc. The legal status of women has been the topic of party conferences more than once. This issue was considered in more detail in the works of A.M. Kollontai, K. Tsetkin, M.V. Brave, E. Milovidova, V.V. Sokolov, S. Smidovich, and others.

Already in November 1917, the Maternity and Infant Protection Department was organized at the People's Commissariat of Social Security [13, p. 203], which includes the following institutions: nurseries, mother and child homes, labor dormitories for street mothers, consultations for pregnant women, legal consultations, etc. The Maternity and Infancy Protection Department, as one of the main organizations for the health of workers, performed the following functions: it fought against child mortality; taught mothers hygiene and feeding rules; was engaged in the upbringing of foundlings; he provided social and legal protection to mothers [3, l. 5]. The doctor of the nursery conducted consultations with mothers once a month, and here young mothers received infant formula. In consultations for pregnant women, a medical examination was conducted and doctors gave advice on child care, which was more clearly demonstrated by special exhibitions [17, p.27].

The first decrees of the Soviet government (Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Civil Marriage, on children and on keeping books of deeds of status"; Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the Dissolution of Marriage"; Code of Laws on Acts of

Civil Status, Marriage, Family and Guardianship of 1918; Decree of the Council of People's Commissars "On the Establishment of the Council for the Protection of Children" 1919; the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926, etc.), which affected family and marital relations, laid the foundation for a new family policy. The Constitution of the RSFSR of 1918 equalized the rights of a woman with a man [8, art. 22, 64], which was reflected in subsequent Soviet Constitutions and in the first Soviet codes.: The Labor Code, the Civil Code, the Criminal Code and, of course, the Code of Laws on Marriage, Family and Custody Law. Thus, the RSFSR Labor Codes of 1918 and 1922 introduced an entire chapter regulating women's labor. The legislator prohibited the use of female labor at night and in dangerous industries, and introduced the concept of maternity leave equal to 12 weeks. Additional breaks were established for breastfeeding mothers [10, art.134]. Soviet law forbade sending pregnant women on business trips. Article 158 was introduced into the Criminal Code of the RSFSR in 1926, which criminalized the evasion of alimony and the abandonment of minor children by parents without proper support [12, Article 158].

The 1918 Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship and the 1926 Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship established the conditions for marriage, divorce, the rights and obligations of spouses and children. By marriage, Soviet law meant the voluntary union of a man and a woman registered with the registry office; church marriage was recognized as a religious ceremony that did not entail legal consequences [26, p. 6]. In the first half of the 1920s, the so-called "red weddings" began to gain popularity in the wake of intense party discussions about the forms of marriage.". Persons entering into marriage could formalize their relationship privately in front of witnesses or in the circle of relatives [16, p. 197]. In addition, a man and a woman who were in a de facto marriage could officially register their relationship with the registry office at any time [15, p. 10]. At the same time, when registering, the spouses could state how long they had been living together and register their marriage since the actual marriage [26, p. 8]. It is not surprising that during the transition period the legislator was forced to equate cohabitation to marital relations. The conditions of marriage have also changed: reaching the age of marriage (according to the Code on Acts of Civil Status, Family and Guardianship of the RSFSR 1918, 16 years for girls and 18 years for boys; according to the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of the RSFSR 1926, 18 years); mutual consent; legal capacity; lack of consanguinity in a straight ascending and descending line; persons wishing to marry are not officially married [9, articles 66–73; 14, Article 406].

It is worth noting that during the period of the cardinal transformation of family and marriage relations, civil marriage in the minds of the poorly educated layman has not yet succeeded in replacing church marriage. More than once, the party elite and the public have drawn attention to the sexual education of young people[27]. The theory of the "glass of water" has become widespread among young people (the false opinion that in a socialist society it is as easy to have sexual intercourse as to drink a glass of water) [20, p. 113], which will be one of the reasons for the decline in the authority of the institution of marriage. According to N.L. According to Pushkareva, the average duration of newly concluded marriages was eight months, many marriages were dissolved the next day after registration [23]. Following the new "sexual morality" about "free relationships," husbands easily left "bad" wives and found new ones. Husbands found a simple excuse for their infidelity: "a wife brought up in old, patriarchal traditions feels disgust for sexual activity" [4, l.8]. Pre- and extramarital affairs are becoming the norm. According to the results of medical examinations conducted in 1923, 63% of boys and 47% of girls under the age of 18 had premarital sexual relations [19, p. 228]. The Law on Marriage and Family established full freedom of marriage and divorce to ensure and protect the rights of an emancipated woman and child, which led to abuse. For example, a father "marries his son, takes a good dowry for the bride and turns it to fix his upset household, and when this is done, he expels his daughter-in-law, often already pregnant, from the house, and marries his son to another, also with a dowry. Another example: kulak marries a girl from a poor family; she works all summer as a housewife in his family, both in the field and at home; in the fall, when she becomes unnecessary as a worker, her husband drives her out of the house with nothing" [18, 67]. Kapelko A.S. noted cases of using the law on alimony in divorce for

selfish purposes. The seeker of easy money married a woman who had a child who received the support of her ex-husband; when the child reached the age of 16, receiving maintenance from the father stopped, and then the husband kicked out his wife and her child [18, 68].

Family legislation of the 1920s provided for the right of a woman who was not married to a registered woman to declare the name and place of residence of her child's father during pregnancy or after the birth of a child. The alleged father of the child, in turn, received the right to challenge his paternity in court within a year [14, art. 28]. If during the trial it was established that the child's mother had sexual relations with several persons during conception, then all possible fathers were recognized as the father of the child [25, p. 4]. However, this provision was in force until 1927, i.e. before the adoption of the new family law. According to the new law, in the case of a statement by several persons about cohabitation with the mother, the court is obliged to decide who exactly is the father of the child, and recovery was possible only from him alone.

Under the new family law, the divorce procedure was simplified. A wife could leave her husband if living together with him was painful for her, and her husband had similar rights. A statement from one of the spouses was enough for a divorce, and explanations about the reasons for the divorce were no longer required [18, p. 19]. It is not surprising that in the first decade after the establishment of Soviet power, the number of divorces increased significantly.

The Soviet government equalized the rights of a wife and husband. The 1918 Code of Laws on Acts of Civil Status, Family and Guardianship of the RSFSR established that marriage does not create a community of property. Accordingly, the property that belonged to the spouses before marriage continues to be their property after marriage. The property acquired by the spouses during the marriage is considered their common property. In the case of division and dispute, the court determined everyone's share. The spouses could enter into any property-contractual relationship permitted by law, i.e. to make transactions and enter into obligations both with each other and with third parties [14, art. 49]. The law considered invalid only such transactions between a husband and wife that detract from the property rights of one of them [22, p. 28].

Another novelty in the field of family law is the right of a needy spouse to financial assistance, including this right remains after the termination of the marriage. And if the Code of Laws on Acts of Civil Status, Family and Guardianship of the RSFSR of 1918 (art. 107, 130) speaks about indefinite financial support until economic conditions change, the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship, introduced on January 1, 1927, restricts this right: the period of maintenance for a needy disabled spouse could not exceed 1 year, unemployed – 6 months from the date of termination of marriage. It is worth noting that, based on the analysis of judicial practice and complaints from citizens to the control authorities, the solution of a particular issue depended on the circumstances of a particular case. For example, the decision of the Bryansk Provincial Court to terminate penalties against Davydov in favor of his ex-wife was overturned on the basis of art. 15. After reviewing the case, the following decision was made: "Having considered the case, having listened to the prosecutor's conclusion and taking into account that monthly payments were awarded from the defendant in favor of his ex-wife Yeroshenkova on the basis of Article 403 of the Civil Code of the RSFSR due to the plaintiff's disability from the torture inflicted by the defendant, and therefore Article 15 of the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship is not applicable to this case." The court decided to collect alimony from Davydov on the same grounds [14, p. 55].

According to the law, no more than 50% of earnings could be collected from the salary for the maintenance of the family. However, the maintenance was not collected from the entire amount received by the worker or employee. According to Article 289 of the Code of Civil Procedure, that part of the salary was exempt from collection, which, according to the Labor Code, was the minimum wage for the first category of the tariff grid of the area. For example, in Moscow, the minimum wage for the first category was 10 rubles. This means that if the worker received 50 rubles, the court awarded alimony from 40 rubles, since 10 rubles. they were an inviolable part of his earnings, which was not subject to collection. Thus, from the recipient 50 rubles. no more than 20 rubles were charged. Do not forget that often a man had children from previous marriages or relatives dependent on him, and the court had to take all this into account. In these cases, the court usually

awarded such an amount, the extradition of which did not put another family or those in need of support in difficult conditions [26, p. 27]. Above, we talked about abuse by men, but do not forget that not only men, but also women perceived the new situation of the time. In the archive, we were able to find only one complaint from a man about his ex-wife's abuse of his right to financial support for a needy spouse (the style of the document has been preserved): "After the divorce, acts of blind and savage revenge immediately followed on her part towards me, she pursued me everywhere: both in the institution and in my apartment, she did not even stop at increasing scandals on the street, all this was accompanied by demands for an endless amount of money, and most importantly, she insisted that I get back together with her.. Finally, with the assistance of the Gubernatorial Commission, of which I was a member at the time, I managed to reach an agreement with her that I would provide her with financial support in the amount of 10 rubles per month until she started working, which I did. Of course, she did not take any job <...> [6, l. 429], by the way, I must say that she was offered a job more than once <...>, but she evaded the job offered to her under all pretexts" [6, l. 43].

The legislator provided for the possibility to apply to the court with a new statement of claim on the issue of changing the amount of the recovered amount due to the changed financial conditions of the defendant or plaintiff. So, for example, if the father, from whom the child's maintenance is being collected, received 40 rubles during the resolution of the maintenance case, and subsequently began to receive 100 rubles per month, then the mother has the right to ask the court to increase the amount awarded to her for maintenance. Or if, on the contrary, the earnings of the person paying for the maintenance of the child have significantly decreased, then he also has the right to ask the court to reconsider the issue regarding the payment of the amount for maintenance due to his changed property status [26, p. 28].

Unfortunately, it should be noted that in practice this provision was not always possible to implement, and at party conferences there were repeated remarks: "The law is good, but how to implement it." Indeed, an analysis of letters to the authorities shows that men often evaded the obligation to support their family: "We, the children of party comrade A.K. Ivanitsky, were thrown out on the street by him, we are with our mother. But my mother is currently without a job, and we live without any means, when our father lives many times better than us, but does not pay any attention to us when we came to him to ask for a piece of bread, legitimately awarded to us by the narsud, but lately he has completely refused to give anything away. and he doesn't accept us" [5, l. 31]; "he left me with a child without a penny" [7, l. 218]; "her husband, a Komsomol member, abandoned her after they had a child. Being financially needy, she did not receive adequate support from anyone, and so that she would not apply to her husband anywhere, her husband threatened her" [1, l. 10], etc. In order to make it easier for the claimant to exercise his rights, maintenance recovery cases were dealt with at the place of residence of the person who was collecting, that is, the plaintiff [26, p.38].

Changes have also occurred in the inheritance system. As heirs, Soviet legislation recognized relatives in a direct descending line (children, grandchildren, great-grandchildren), spouses, as well as those persons who were dependent on the deceased person [26, p. 18].

Thus, in the first decade after the October Revolution, there were major changes in family and marriage legislation, which laid the foundation for Soviet family policy. The first measures of the Bolsheviks equalized the rights of a woman with a man, introduced a new form of marriage – civil, simplifying the procedure for marriage and dissolution. Constitutional, material and social guarantees of gender equality were introduced, primarily aimed at protecting the interests of women. However, during the transitional period of the formation of the new Soviet family, not all the provisions of family legislation could be implemented in practice.

Bibliographic list

1. The Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F. 613. Op. 1. D. 37.
2. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. R-1566. Op. 1. D. 4. L. 13.
3. The State Archive of the Rostov region (GARO). F. R-1185. Op. 2. D. 484.

4. Documentation Center for the modern history of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F.6. Op. 1. D. 61.
5. Documentation Center for the Modern history of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F. 6. Op. 1. D. 460.
6. Documentation Center for the modern History of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F. 10. Op.1. D. 15.
7. Documentation Center for the modern History of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F. 10. Op 1. D. 60.
8. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets at its meeting on July 10, 1918. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#13 (accessed 24.01.2024).
9. The Code of Laws on acts of civil status, marriage, family and guardianship law. Moscow, 1918. – 66p.
10. RSFSR. Laws and regulations. The RSFSR Labor Code of 1922: as amended until August 1, 1929. Moscow, 1929. – 96p.
11. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 10: Civil and boundary laws. – BM, 1842. – URL: https://www.prlib.ru/item/364013 ?ysclid=lroys3knqc345380854 (accessed 22.01.2024). – 1123 p.
12. The Criminal Code of the RSFSR, as amended in 1926. With amendments and additions until July 1, 1927. – Moscow, 1927. – 36p.
13. *Bravaya M.V.* Protection of motherhood and infancy in the West and in the USSR. Moscow, 1929. – 261p.
14. *Genkin A., Kishkin S., Rodnyansky A.* The Code of laws on marriage, family and guardianship with article-by-article systematized materials. Moscow, 1926. – 203p.
15. *Gidulyanov P.V.* The Code of Laws on Marriage, Family and guardianship with an article–by-article commentary. – L., 1927. – 308p.
16. *Goikhbarg A.G.* Comparative family law. – M. 1925. – 238p.
17. *Dulitsky S.O.* Institution for the protection of motherhood and infancy // The delegate. – 1923. – No. 3. – P. 27.
18. *Kapelko A.S.* Conversation about marriage and family. – M., 1927. – 76p.
19. *Lebina N.B.* Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the big style. – M., 2015. –488p.
20. *Lunacharsky A.* The sick sides of Komsomol life // Komsomolsky byt. – M., 1927. – pp.112–113.
21. *Milovidova E.* The women's question and the women's movement. Textbook. – M., 1929. – 507p.
22. *Prigradov-Kudrin A.* Marriage and family. What everyone needs to know about marriage and family according to the new Code. Moscow, 1927, 56p.
23. *Pushkareva N.L.* The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women // UFO. – 2012. – № 117. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html?ysclid=ls082a6zvv704680301 (accessed 12/01/2023).
24. *Sinaisky V.I.* Personal and property status of a married woman in civil law. – Yuriev, 1910. 352p.
25. *Slavin I.* Marriage and family according to our legislation. (On the revision of the Code of Laws on Marriage and Family Law) // Weekly of Soviet Justice. – 1922. – No. 42. – p. 4.
26. *Rostovsky I.A.* The Soviet law on Marriage, Family and guardianship, Moscow, 1929, 72 p.
27. *Vasilevsky L.M.* The sexual question. Prostitution and working youth: a socio-hygienic essay. Moscow, 1924; *Gelman I.G.* Sexual life of modern youth : experience of socio-biological examination. Moscow, 1925; *Zalkind A.B.* Sexual education. M., 1928; *Ketlinskaya V. K.* Life without control: sexual life and family of working youth. M.-L., 1929; *Pisareva L. V.* Sexual education of working youth: A report at the 1st All-Ukrainian Congress. meeting on the protection of the health of adolescent workers in Kharkov in February 1926, Kiev, 1926. and others .

For citation: *Mikulenok Yu.A.* Legal Regulation of the "Women's Issue" in Soviet Russia in the 1920s: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2 (43). – Pp. 256–261.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_251

Научная статья

УДК 347.963
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_262

А.Ю. Сергеева[*]
П.В. Широкова[**]
К.В. Преображенская[***]

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РАБОТНИКА ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. *В статье представлены мировоззренческие аспекты соотношения права и справедливости в контексте ценностных убеждений и практической деятельности прокурорского работника. Идея справедливости с древних времен рассматривалась как условие внутренней цельности социального бытия. Сегодня право как инструмент реализации законности и справедливости служит укреплению российской государственности и должно рассматриваться как значимый личный ценностный вектор прокурорского работника.*

Ключевые слова: *право, справедливость, мировоззрение, профессиональная этика, прокуратура, правовая культура.*

Мировоззрение в своем дословном значении – это «картина мира», образ внешнего и внутреннего бытия в их взаимосвязи и цельности. Можно говорить о мировоззрении отдельной личности, о мировоззрении эпохи, культуры, народа. Это сложный комплекс представлений об окружающем мире, ценностях жизни и закономерностях бытия, который служит системой координат, исходя из которой выстраиваются и принципы практической деятельности. При этом образ мира каждого человека – феномен глубоко личный, не всегда поддающийся формализации с точки зрения внутренних логик мышления и поведения. Однако многие аспекты в этом системном видении тесно взаимосвязаны. Трудно представить себе достойного работника правоохранительных органов, для которого право и справедливость не являются значимой ценностью.

Право как институциональная сфера государственной жизни и право как ценностная, этическая картина мира являются своего рода отражением друг друга, их трудно разделить, различая формальные и неформальные аспекты. Не менее важно и то, что право, будучи направленным на установление порядка и справедливости в обществе, неизбежно связано с практической реализацией в социальных отношениях общего характера и в единичных поступках людей. И то, что является теоретической мировоззренческой системой в культуре в целом, в ситуации мировоззрения сотрудников правоохранительных органов – это уже реализация вполне определенных принципов в практической профессиональной деятель-

[*] **Сергеева Анна Юрьевна,** старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: annichenko@mail.ru.

[**] **Широкова Полина Витальевна**, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: shirokov4444@mail.ru.

[***] **Преображенская Кира Владиславовна,** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского. E-mail: kira459@list.ru. ORCID: 0000-0001-6320-3057.

ности. Сложность и одновременная простота этой модели заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов не только осуществляют в своей профессиональной деятельности меры по обеспечению режима законности. В их сознании нормы, нравственные требования закона должны быть гармонично соотнесены с личной приверженностью идеалам справедливости как фундаментальной ценности жизни человека и общества.

Принимая это важнейшее положение, следует сказать, что мировоззрение сотрудника правоохранительных органов имеет глубокий персональный смысл, и, что значительно важнее – здесь картина мира человека неотделима от его профессиональной деятельности. Представитель закона является живым олицетворением норм права и этики, не только с точки зрения соответствия его действий правовым нормам. Сам его образ мыслей должен быть глубоко созвучен требованиям закона.

Между тем, проблема реализации принципа справедливости в личном бытии человека и в жизни общества всегда составляла предмет и глубоких философских размышлений, и тщательной работы в правовой сфере. Еще со времен Античности велись дискуссии о том, насколько могут показаться действенными стратегии несправедливой силы, и всегда ли справедливость торжествует как непреложный закон. Известный диалог Платона «Государство» ставит эти вопросы в той форме, которая была актуальна для всей последующей истории мировой правовой мысли, эта тема не теряет своей актуальности и сегодня. У Платона есть также интересное наблюдение о том, что идеальное государство, даже будучи однажды созданным, не смогло бы существовать вечно. Причина тому – природа и нравы людей, которые, помимо идеальных целей, всегда будут думать о материальных, бытовых, прагматических задачах частной жизни.

В эпоху Возрождения в социально-политической мысли появился жанр утопии (термин отсылает к названию острова Утопия в одноименном произведении Томаса Мора), в рамках которого разные авторы стремились сформулировать «идеальные» условия осуществления правопорядка и справедливости. Этот жанр был характерен именно для западно-европейской традиции, которая искала средства не столько воспитания человека, сколько ограничения его стихийной природы. Впоследствии утопические произведения стали восприниматься сугубо иронично, что свидетельствовало о неверии в то, что справедливость может торжествовать по формальным признакам равенства.

В отечественной традиции известно крылатое высказывание великого князя и православного святого – Александра Невского – «Не в силе Бог, а в правде». Оно удивительно точно демонстрирует народное понимание правды как высшей формы справедливости, которая выше времени и обстоятельств.

Между тем, современность, которая активно продвигает ценности общества потребления, подталкивает человека к пренебрежению такими принципами, как долг, честь, призвание – в пользу сиюминутных благ. Довольно часто традиции и ценности в исторических перспективах трактуются как относительные зависимые от культурных и социальных обстоятельств. Однако сама по себе форма закона позволяет говорить о том, что, даже в своих исторических видоизменениях, правовые нормы всегда соответствуют не только элементам соблюдения порядка, но и самому духу общественных отношений.

Здесь можно обратиться к исконному значению понятия «закон», которое прочитывается в его этимологии. Оно восходит к старославянскому «конъ» – «начало, обычай, традиция», приставка «за» указывает на нахождение «за пределами». Таким образом буквальное значение слова «закон» может интерпретироваться как то, что предшествовало обычаю – т.е. «изначальное», непреложное вневременное. Русская традиция права чрезвычайно отзывчива к пониманию права и закона как нравственной ценности, которая неотделима от идеалов духовного совершенствования. И здесь сам русский язык позволяет говорить о безотносительном смысле сферы права и закона.

Прокуратура Российской Федерации является носителем миссии соблюдения законности на самом высоком уровне. Это – гарант обеспечения единства всех правовых актов, базирующихся на Конституции Российской Федерации. Поэтому «Кодекс этики прокурорского

работника Российской Федерации», утвержденный и введенный в действие приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 года № 114 четко и однозначно прописывает нравственные и профессиональные требования к человеку, призванному быть «лицом» закона: «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности».

Идея справедливости является фундаментом законодательства современного Российского государства и, тем самым, снимается любая возможная неясность в толковании единства права и справедливости и в отношении социальной действительности, и в отношении ценностных и моральных норм профессиональной деятельности прокурорского работника.

Однако, как мы понимаем, личная нравственная позиция каждого (именно в ней фокусируются особенности «мировоззрения» – картины мира человека) – это дело не только глубоко индивидуальное, но и не всегда явное. Поэтому так важно выстраивание системы нравственного воспитания работника прокуратуры – от процесса образования молодого работника – до его полноценной адаптации в коллективе. Любые нарушения работниками профессиональной этики негативно отражаются и на образе прокуратуры как институции реализации закона, и на образе самой законности как способа реализации справедливости в обществе.

Базовые требования к нравственному облику работника прокуратуры содержатся в «Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации», утвержденном приказом Генерального прокурора Российской Федерации 17 марта 2010 года № 114, также в ст. 40.2. Федерального закона от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» говорится, что на прокурорских работников распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18, 20 и 20.1 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В соответствии с этим Генеральной прокуратурой была разработана Памятка об обязанностях, ограничениях и о запретах, установленных для прокурорских работников в сфере противодействия коррупции. Эта Памятка, однако, имеет более широкую область применения в моральной и нравственно-правовой сфере, выходящую за пределы рамок, определенных задачами предупреждения коррупции.

В этой связи особое значение имеет четко выстроенная системная работа в сфере подбора и воспитания кадров, что отражено в «Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации», утвержденной и введенной в действие одновременно с Кодексом этики прокурорского работника Российской Федерации в 2010 году (Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114).

Правовоспитательный процесс есть системное формирование личного и профессионального мировоззрения, что подразумевает несколько форматов:

– это прямое обучение, нацеленное на четкое понимание природы правовых инструментов;

– специально организуемая и контролируемая юридическая практика;

– а также комплекс просветительских и воспитательных мероприятий, учитывающий все текущие запросы общественной ситуации.

Для того, чтобы все уровни правовоспитательного процесса осуществлялись успешно, важно подключение к этой работе всех служб и кадровых подразделений, которые в той или иной мере задействованы в подготовке работников прокуратуры, всестороннем сопровождении их профессиональной деятельности, включая возможности психологических служб, научных и педагогических структур.

В текущей общественной ситуации всё большее значение приобретает патриотическое воспитание прокурорского работника. Это тоже часть работы по системному формированию его мировоззрения и профессионального правосознания [1, С. 73 – 74]. Сегодня эта деятельность определяется «Концепцией совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» (Приказ Генерального

прокурора РФ от 14.09.2022 № 510), что не случайно. Ведь, обращение к историческим корням русской культуре естественным образом содействует формированию патриотизма и одновременно может служить интересам правового просвещения на основе традиционных ценностей, закрепленных в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. В ст. 1.5. Основ говорится: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Нужно отметить, что приведенный в нормативных документах список традиционных ценностей отличается неструктурированностью, рядоположенностью отдельных ценностей. Здесь следует иметь в виду, во-первых, что мы все же имеем дело не с научным трудом, а во-вторых, в таком положении дел также есть смысл, заключающийся в том, что ценности, именно в силу их причастности абсолютному духовно-нравственному содержанию не имеют между собой иерархических отношений.

Следует согласиться с выводом петербургских ученых о том, что «ценность может быть только абсолютной для человека.... Относительно значимое не следует считать ценностью. Абсолютное же именно потому и абсолютно, что его нельзя оценивать количественно, говорить о большей или меньшей степени, выстраивать иерархию. Человек, общество и государство занимают разное место в онтологической структуре бытия, но в аксиологической позиции они равнозначны, будучи ценностями абсолютными. В особенности это становится очевидно, если мы будем понимать государство не механистически, а рассматривать его как выражение высшей нравственной идеи» [3, с. 190].

Однако тезис об отсутствии иерархии ценностей вовсе не исключает возможность установления их приоритета, в особенности там, где речь идет о фундаменте профессиональной культуры. В зависимости от места служащего в системе разделения труда по государственному управлению социальными процессами можно и нужно выделить ценности, которые должны составлять приоритет в ходе его служебной деятельности. Эти приоритеты, при общей ценностной основе профессиональной культуры государственных служащих, очевидно, будут различаться у представителей гражданской, военной и правоохранительной государственной службы. Как представляется, среди перечисленных ценностей для прокурорского работника принципиальное значение имеет именно справедливость, являющаяся не просто одной из многих ценностей, но ценностью, имеющей системообразующее значение.

В самом деле, в отечественной культуре всегда присутствовала внутренняя тяга к идее справедливости, вера в то, что сама природа общественных связей и традиционных нравственных ценностей соответствует образам правды и порядка. Об этом аспекте русского национального характера писали многие историки права, представители философско-правовой мысли. Как отмечал И.А. Ильин, «государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сложившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания» [2, с. 234]. Не случайно, сами идеи права на Руси формировались как единство ценностных установок относительно идеалов правды и справедливости (вспомним, что первый правовой кодекс в России получил имя «Русской Правды»).

Сегодня приходиться слышать о возникающей дистанции между «правом» и «реальностью», о чем чаще говорят, конечно, в зарубежных исследованиях [4]. Речь идет о том, что практики современного общественного бытия ставят вопросы о том, насколько устойчивы могут быть нормы права, когда активно девальвируются или трансформируются ценности, а категории нормы (моральной, биологической и др.) и вовсе рискуют стать отмененными («новая этика», «культура отмены» и пр.).

Тем не менее, думается, у русской культуры и российского общества есть серьезные основания для уверенности в перспективах сохранения правового порядка и социальной стабильности. В связи с этим важно подчеркнуть, что деятельность прокурора при осуществлении прокурорского надзора сегодня имеет и существенное мировоззренческое значение. В условиях постоянных рисков, связанных с попытками пересмотра исторических событий, геополитических закономерностей, ценностных векторов, устойчивость российской культуры и российской государственности обеспечивается неуклонным соблюдением положений Конституции Российской Федерации и сохранением принципов отечественной правовой культуры. И здесь на работников прокуратуры ложится важная задача сохранения личной мировоззренческой устойчивости и человеческой порядочности, поскольку именно они являются живыми носителями правовых ценностей.

Библиографический список

1. *Белякова А.В.* Профессиональное правосознание в современной правовой системе России // Российская юстиция. 2022. № 10. С. 73–80.
2. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 218–255.
3. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С.* Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186–192.
4. *Le Roy É.* Autonomie du droit, hétéronomie de la juridicité. Généralité du phénomène et spécificités des ajustements // Séminaire international «Le nuove ambizioni del sapere del guirista: antropologia giuridica e traduttologia giuridica», Scienze e lettere, Rome, 2009.

Для цитирования: *Сергеева А.Ю., Широкова П.В., Преображенская К.В.* Соотношение права и справедливости в формировании мировоззрения работника прокуратуры: статья // Теория государства и права. – 2025. – № 2(43). – С. 262–266.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_262

A.Yu. Sergeeva*
P.V. Shirokova**
K.V. Preobrazhenskaya***

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND JUSTICE IN SHAPING THE WORLDVIEW OF AN EMPLOYEE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation. *The article presents worldview aspects of the relationship between law and justice in the context of value beliefs and practical activities of a prosecutor. Since ancient times, the idea of justice has been considered as a condition for the internal integrity of social existence. Today, law as an instrument for the implementation of legality and justice serves to strengthen Russian statehood and should be considered as a significant personal value vector of a prosecutor's office employee.*

Keywords: *law, justice, worldview, professional ethics, prosecutor's office, legal culture.*

* **Sergeeva Anna Yurievna,** Senior Lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in Criminal, Civil and Arbitration Cases at the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: annichenko@mail.ru.

** **Shirokova Polina Vitalievna**, Senior Lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: shirokov4444@mail.ru.

*** **Preobrazhenskaya Kira Vladislavovna, PhD,** Associate Professor of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy at the Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky. E-mail: kira459@list.ru. ORCID: 0000-0001-6320-3057.

A worldview in its literal meaning is a "picture of the world", an image of external and internal existence in their interrelation and wholeness. We can talk about the worldview of an individual, about the worldview of an epoch, culture, and people. This is a complex set of ideas about the world around us, the values of life and the laws of being, which serves as a coordinate system based on which the principles of practical activity are built. At the same time, the image of each person's world is a deeply personal phenomenon that cannot always be formalized in terms of internal logic of thinking and behavior. However, many aspects of this system vision are closely interrelated. It is difficult to imagine a decent law enforcement officer for whom law and justice are not a significant value.

Law as an institutional sphere of public life and law as a valuable, ethical picture of the world are a kind of reflection of each other, they are difficult to separate, distinguishing between formal and informal aspects. It is equally important that law, being aimed at establishing order and justice in society, is inevitably associated with practical implementation in social relations of a general nature and in individual actions of people. And what is a theoretical worldview system in culture as a whole, in the situation of the worldview of law enforcement officers, is already the implementation of well–defined principles in practical professional activities. The complexity and simultaneous simplicity of this model lies in the fact that law enforcement officers not only carry out measures to ensure the rule of law in their professional activities. In their minds, the norms and moral requirements of the law must be harmoniously correlated with personal commitment to the ideals of justice as a fundamental value of human life and society.

Taking this crucial position, it should be said that the worldview of a law enforcement officer has a deep personal meaning, and, more importantly, here the picture of a person's world is inseparable from his professional activity. The representative of the law is a living embodiment of the norms of law and ethics, not only from the point of view of compliance of his actions with legal norms. His very way of thinking must be deeply in tune with the requirements of the law.

Meanwhile, the problem of implementing the principle of justice in a person's personal existence and in the life of society has always been the subject of deep philosophical reflection and careful work in the legal field. Since ancient times, there have been discussions about how effective strategies of unfair force can seem, and whether justice always prevails as an immutable law. Plato's famous dialogue "The State" poses these questions in a form that was relevant for the entire subsequent history of world legal thought, and this topic remains relevant today. Plato also has an interesting observation that an ideal state, even once created, could not exist forever. The reason for this is the nature and mores of people who, in addition to ideal goals, will always think about the material, everyday, pragmatic tasks of private life.

During the Renaissance, the genre of utopia appeared in socio-political thought (the term refers to the name of Utopia Island in Thomas More's work of the same name), in which various authors sought to formulate "ideal" conditions for the implementation of law and order and justice. This genre was characteristic of the Western European tradition, which sought means not so much to educate a person as to limit his spontaneous nature. Subsequently, utopian works began to be perceived purely ironically, which indicated a lack of faith that justice could prevail on the formal grounds of equality.

In the Russian tradition, the famous saying of the Grand Duke and Orthodox saint Alexander Nevsky is "God is not in power, but in truth." It surprisingly accurately demonstrates the popular understanding of truth as the highest form of justice, which transcends time and circumstances.

Meanwhile, modernity, which actively promotes the values of consumer society, pushes people to disregard such principles as duty, honor, and vocation in favor of short–term benefits. Quite often, traditions and values in historical perspectives are interpreted as relatively dependent on cultural and social circumstances. However, the form of the law itself suggests that, even in its historical modifications, legal norms always correspond not only to the elements of order, but also to the very spirit of public relations.

Here we can refer to the original meaning of the concept of "law", which is read in its etymology. It goes back to the Old Slavonic "kon" – "beginning, custom, tradition", the prefix "for" indicates

being "outside". Thus, the literal meaning of the word "law" can be interpreted as something that preceded custom, i.e., "primordial," immutable, timeless. The Russian legal tradition is extremely responsive to the understanding of law and the law as a moral value that is inseparable from the ideals of spiritual perfection. And here the Russian language itself allows us to speak about the meaning of the sphere of law and the law, regardless of its meaning.

The Prosecutor's Office of the Russian Federation is the bearer of the mission of upholding the rule of law at the highest level. It is the guarantor of ensuring the unity of all legal acts based on the Constitution of the Russian Federation. Therefore, the Code of Ethics for a Prosecutor of the Russian Federation, approved and put into effect by Order No. 114 of the Prosecutor General of the Russian Federation dated March 17, 2010, clearly and unambiguously prescribes the moral and professional requirements for a person called upon to be a "face" of the law: "observance and protection of human and civil rights and freedoms determine the basic meaning and content his professional professional activity".

The idea of justice is the foundation of the legislation of the modern Russian state, and thus removes any possible ambiguity in the interpretation of the unity of law and justice in relation to social reality, as well as in relation to the values and moral norms of the professional activity of a prosecutor.

However, as we understand it, the personal moral position of everyone (it is in this that the features of the "worldview" – the picture of the human world – focus) is not only a deeply individual matter, but also not always explicit. That is why it is so important to build a system of moral education for an employee of the prosecutor's office – from the process of educating a young employee to his full–fledged adaptation in the team. Any violations of professional ethics by employees negatively affect both the image of the prosecutor's office as an institution for the implementation of the law, and the image of legality itself as a way of realizing justice in society.

The basic requirements for the moral character of a prosecutor's office employee are contained in the "Code of Ethics for a Prosecutor's Employee of the Russian Federation", approved by Order of the Prosecutor General of the Russian Federation on March 17, 2010 No. 114, as well as in art. 40.2. Federal Law dated January 17, 1992 No. 2202-1 (ed. dated 05/29/2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" states that prosecutors are subject to restrictions, prohibitions and duties established by Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption" and Articles 17, 18, 20 and 20.1 of Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004"About the State Civil Service of the Russian Federation". In accordance with this, the Prosecutor General's Office has developed a Memo on the duties, restrictions and prohibitions established for prosecutors in the field of combating corruption. This Memo, however, has a broader scope of application in the moral and moral-legal sphere, going beyond the framework defined by the tasks of preventing corruption.

In this regard, clearly structured systematic work in the field of personnel selection and education is of particular importance, which is reflected in the "Concept of educational work in the Prosecutor's Office of the Russian Federation", approved and put into effect simultaneously with the Code of Ethics of the Prosecutor General of the Russian Federation in 2010 (Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 17.03.2010 No. 114).

The legal education process is the systematic formation of a personal and professional worldview, which implies several formats:

– this is direct training aimed at a clear understanding of the nature of legal instruments;

– specially organized and supervised legal practice;

– as well as a set of educational and educational activities that take into account all current demands of the public situation.

In order for all levels of the legal education process to be carried out successfully, it is important to involve in this work all services and personnel units that are more or less involved in the training of prosecutors, comprehensive support of their professional activities, including the capabilities of psychological services, scientific and pedagogical structures.

In the current social situation, the patriotic education of a prosecutor is becoming increasingly important. This is also part of the work on the systematic formation of his worldview and profes-

sional legal awareness [1, pp. 73–74]. Today, this activity is determined by the "Concept of improving the system of state-patriotic education in the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 09/14/2022 No. 510), which is not accidental. Indeed, the appeal to the historical roots of Russian culture naturally contributes to the formation of patriotism and at the same time can serve the interests of legal education based on traditional values, enshrined in the "Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values", approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809. In art. 1.5. The basics say: "Traditional values include life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its fate, high moral ideals, strong family, creative work, spiritual priority over material, humanism, mercy, justice, collectivism, mutual assistance and mutual respect, historical memory and continuity. generations, the unity of the peoples of Russia".

It should be noted that the list of traditional values given in the regulatory documents is characterized by unstructured sequence of individual values. It should be borne in mind here, firstly, that we are not dealing with scientific work, and secondly, there is also a sense in this state of affairs, which consists in the fact that values, precisely because of their involvement in the absolute spiritual and moral content, do not have hierarchical relationships with each other.

We should agree with the conclusion of St. Petersburg scientists that "value can only be absolute for a person."... Relatively significant things should not be considered valuable. The absolute is absolute precisely because it cannot be quantified, talked about to a greater or lesser extent, to build a hierarchy. Man, society and the state occupy different places in the ontological structure of being, but in the axiological position they are equivalent, being absolute values. This becomes especially obvious if we do not understand the state mechanically, but consider it as an expression of a higher moral idea" [3, p. 190].

However, the thesis about the absence of a hierarchy of values does not exclude the possibility of establishing their priority, especially where it comes to the foundation of professional culture. Depending on the employee's place in the system of division of labor for state management of social processes, it is possible and necessary to identify values that should be a priority in the course of his official activities. These priorities, given the common value basis of the professional culture of civil servants, will obviously differ among representatives of the civil, military and law enforcement civil service. It seems that among the listed values for a prosecutor, justice is of fundamental importance, which is not just one of many values, but a value of fundamental importance.

Indeed, in Russian culture there has always been an inner longing for the idea of justice, the belief that the very nature of public relations and traditional moral values corresponds to the images of truth and order. Many legal historians and representatives of philosophical and legal thought have written about this aspect of the Russian national character. As noted by I.A. Ilyin, "the state, in its spiritual essence, is nothing more than a homeland, shaped and united by public law, or otherwise: a multitude of people connected by a common spiritual destiny, and formed into unity on the basis of spiritual culture and legal awareness" [2, p. 234]. It is no coincidence that the very ideas of law in Russia were formed as a unity of values regarding the ideals of truth and justice (recall that the first legal code in Russia was named "Russian Truth").

Today, one hears about the emerging distance between "law" and "reality", which is more often discussed, of course, in foreign studies [4]. The point is that the practices of modern social life raise questions about how stable legal norms can be when values are actively devalued or transformed, and categories of norms (moral, biological, etc.) are at risk of becoming abolished altogether ("new ethics", "culture of abolition", etc.).

Nevertheless, it seems that Russian culture and Russian society have serious reasons to be confident in the prospects for maintaining legal order and social stability. In this regard, it is important to emphasize that the activities of the prosecutor in the exercise of prosecutorial supervision today have significant ideological significance. In conditions of constant risks associated with attempts to revise historical events, geopolitical patterns, and value vectors, the stability of Russian culture and Russian statehood is ensured by unwavering compliance with the provisions of the

Constitution of the Russian Federation and the preservation of the principles of domestic legal culture. And here the employees of the prosecutor's office face the important task of preserving their personal ideological stability and human decency, since they are the living bearers of legal values.

Bibliographic list

1. *Belyakova A.V.* Professional legal awareness in the modern legal system of Russia // Russian justice. 2022. No. 10. pp. 73–80.

2. *Ilyin I. A.* The path of spiritual renewal // Ilyin I.A. Collected works in 10 volumes. Moscow: Russian Book, 1993. Vol. 1. pp. 218–255.

3. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S.* The idea of moral and legal values and the idea of the state (on the issue of the equality of absolute values) // Legal Science: history and modernity. 2022. No. 12. pp. 186–192.

4. *Le Roy É.* Autonomie du droit, hétéronomie de la juridicité. Généralité du phénomène et spécificités des ajustements // Séminaire international "Le nuove ambizioni del sapere del guirista: antropologia giuridica e traduttologia giuridica", Scienze e lettere, Rome, 2009.

For citation: *Sergeeva A.Yu., Shirokova P.V., Preobrazhenskaya K.V.* The Relationship between law and justice in shaping the worldview of an employee of the Prosecutor's office: article // Theory of the state and law. – 2025. – № 2(43). – Pp. 266–270.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_262

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2025_2_43_271

А.О. Щукин*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. *В зарубежных странах ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением реализуется через различные механизмы, включая выборы, судебные процедуры, парламентский контроль и процедуры импичмента, а также общественное мнение. Эти механизмы обеспечивают подотчетность власти и предотвращают злоупотребления.*

Цель данной статьи – анализ ответственности выборных органов и должностных лиц перед населением в ряде зарубежных стран, а также ее влияния на правовую систему.

Ключевые слова: *конвенции, ответственность, утрата доверия, импичмент, избиратели, зарубежные страны.*

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], органы и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования, государством, а также физическими и юридическими лицами. При этом, законодатель лишь частично определяет основания и порядок такой ответственности, предоставляя муниципальным образованиям возможность самостоятельно урегулировать эти вопросы в своих уставах с учетом положений закона о местном самоуправлении.

Одним из специфических видов муниципально-правовой ответственности является отзыв – принудительное лишение полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления или выборного должностного лица посредством волеизъявления населения муниципального образования.

Следует отметить, что на федеральном уровне институт императивного мандата не сохранился. Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ и собственными убеждениями (принцип свободного мандата), что является общепринятой практикой во многих странах мира.

Так, в ряде государств институт отзыва вообще отсутствует; считается, что нерадивого депутата можно просто не избрать на следующих выборах. Ст. 67 Конституции Италии гласит: «Каждый член парламента представляет всю нацию и выполняет свои функции без обязательного мандата». С не меньшей категоричностью говорит об этом ст. 38 (1) Конституции ФРГ: «Депутаты германского бундестага... являются представителями всего народа, не связаны наказами и поручениями и подчинены лишь своей совести». В ст. 27 Конституции Франции 1958 года содержится почти аналогичное положение: «Всякий императивный мандат является недействительным». Как отмечает М. В. Варлен, отсутствие

императивного мандата и права отзыва не делает депутата парламента полностью независимым. Во-первых, депутат, как правило, обладает партийностью и подчиняется партийной дисциплине; во-вторых, депутат зависит от организаций, которые финансировали

* **Щукин Антон Олегович** - аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург). E-mail: 255.55.30@gmail.com.

его избирательную кампанию; наконец, депутат в известной степени зависит и от своего избирательного округа, поскольку судьба мандата решается голосованием [6, с. 45].

Вопрос о внесении в Конституцию Соединенных Штатов Америки статьи, гарантирующей гражданам право отзыва своих представителей, являлся предметом острых дебатов во время Конституционного конвента 1787 года. В конечном итоге данная резолюция была отклонена. Несмотря на это, в настоящее время более трети штатов США предусматривают возможность отзыва выборных должностных лиц на муниципальном уровне.

Для применения процедуры отзыва требуется разное число подписей: например, 25 % от числа поданных голосов на последних выборах соответствующего должностного лица (Аляска, Алабама, Колорадо, Вашингтон, Висконсин) либо 12 % от этого числа (Калифорния) [13, с. 118]. Интересное положение содержит законодательство ряда штатов – в случае отклонения избирателями предложения об отзыве на инициаторов голосования возлагается возмещение расходов по его проведению [7, с. 152].

В Японии Закон о местной автономии 1947 года предусматривает право местных жителей на отзыв выборных должностных лиц местного самоуправления. Он содержит целую главу, в которой определен механизм практического осуществления права на отзыв. Здесь установлены нормы сбора подписей под требованием принять к рассмотрению вопрос об отзыве: не менее 1/3 – при требовании отстранения главы органа местного самоуправления, депутата муниципального собрания (в последнем случае – 1/3 от числа избирателей по его выборному округу). Комитет по контролю за выборами, признав достаточность и достоверность такого требования, обязан назначить голосование. Требование удовлетворяется, если оно поддержано большинством принявших участие в голосовании избирателей [7, с. 154].

Статья 112 Конституции Республики Куба содержит положение о том, что «мандат делегатов муниципальных Ассамблей народной власти отзывается только избирателями, которые могут осуществлять это право в любое время в соответствии с порядком, устанавливаемым законом» [15, с. 136]. При этом Кубинский избирательный закон вообще не содержит каких-либо оснований отзыва депутата.

Законодательные акты зарубежных государств, в той или иной степени, содержат нормы, регламентирующие процедуру отзыва выборных должностных лиц населением. Важно отметить, что избирательная система пропорционального представительства не препятствует реализации данного механизма (как это демонстрирует пример Швейцарии).

В большинстве стран признаются общие, а не конкретные основания для отзыва. При этом депутату, в отношении которого поставлен вопрос об отзыве, предоставляются гарантии. Также предусматривается процедура голосования избирателей по вопросу об отзыве.

Считаем важным и актуальным уделить пристальное внимание зарубежному опыту ответственности должностных лиц за незаконное обогащение как эффективной мере борьбы с коррупцией.

Ежегодный рост проблем, связанных с коррупцией среди государственных служащих, заставляет российских законодателей искать более эффективные механизмы для улучшения законодательства в сфере борьбы с коррупцией.

В настоящее время одним из новых видов правонарушений является наличие у должностных лиц имущества и активов, происхождение которых не может быть подтверждено законными доходами. В большинстве стран подобные действия квалифицируются как незаконное обогащение и преследуются по уголовным статьям.

Важно отметить, что международный опыт борьбы с коррупцией богат и разнообразен. Он включает в себя не только штрафные санкции для виновных, но и уголовное преследование коррумпированных лиц, их отстранение от занимаемых должностей, тюремное заключение, а в некоторых случаях даже смертную казнь. Заслуживает внимания также зарубежный законодательный опыт, предусматривающий меры ответственности за незаконное обогащение государственных служащих.

Важную роль в развитии международного сотрудничества по борьбе с незаконным обогащением играют три ключевых «антикоррупционных конвенции»:

1. Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией (1996 г.)[2];
2. Конвенция Африканского союза о предупреждении и борьбе с коррупцией (2003 г.)[3];
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.)[4].

Указанные международные документы призывают государства-участники к усилению мер по предотвращению и пресечению коррупционных преступлений в государственной сфере. Это достигается посредством совершенствования законодательства в области уголовного права.

Таким образом, данные конвенции способствуют унификации различных подходов к определению и элементам незаконного обогащения, обеспечивая тем самым максимальную согласованность действий государств в этой области.

Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций, борьба с незаконным обогащением является обязательством всех стран мира. Это преступление препятствует устойчивому экономическому росту, создаёт серьёзные угрозы безопасности государств, подрывает демократические и этические принципы, нанося ущерб их развитию.

Важно отметить, «как определено статьей двадцатой Конвенции ООН с учетом соблюдения всех конституционных норм, а также основополагающих принципов правовых систем всем государствам-участникам данного международного акта целесообразно принять необходимые законодательные и иные меры в целях признания деяний уголовно наказуемыми, которые были умышленно совершены с целью незаконного обогащения» [9, с. 95], Таким образом, наличие у публичных должностных лиц значительных активов, превосходящих их легальный доход, и невозможность обоснования законности их происхождения, вызывает серьезные вопросы.

В настоящее время институт незаконного обогащения (известный за рубежом как «illicit enrichment» – состояние чиновников, несоответствующее их официальному доходу) признан уголовно наказуемым более чем в пятидесяти государствах. Данные страны внесли соответствующие меры уголовной ответственности в свои национальные законодательства.

Среди них – Аргентинская Республика, Индийская Республика, Гонконг (Китайская Народная Республика), Кыргызская Республика, Республика Молдова, Литовская Республика, Малайзия, Федеративная Демократическая Республика Непал, Исламская Республика Пакистан, Папуа-Новая Гвинея, Республика Филиппины, Республика Эль-Сальвадор и другие. Эти государства приняли комплекс мер в сфере противодействия коррупции, что позволяет сделать вывод о необходимости анализа зарубежного опыта борьбы с незаконным обогащением посредством уголовно-правовых инструментов.

Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что большинство стран рассматривают криминализацию незаконного обогащения как эффективный способ противодействия коррупционным проявлениям. Пионерами в этом направлении стали Гонконг, Индия и Аргентина. Примечательно, что в Гонконге незаконное обогащение признавалось преступлением еще с 1971 года.

На протяжении ряда лет активное развитие экономического сектора Китая сопровождается работой по постоянному противодействию коррупционных проявлений, как одному из самых существенных препятствий, мешающему эффективному государственному развитию [10, с. 57]. В 2013 г. Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая привлекла к мерам уголовной ответственности за факты коррупции ряд госслужащих. Основу обвинений в данных преступных проявлениях составили факты использования должностными лицами служебных полномочий для незаконного обогащения [11, с. 71].

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией в Малайзии, Непале, Пакистане, Филиппинах и Папуа-Новой Гвинее была внедрена практика переложения бремени доказывания на лиц, обвиняемых в коррупционных преступлениях.

В большинстве из этих стран приобретение чиновниками недвижимости или активов, несоразмерных их заработной плате и другим законным источникам дохода, квалифицируется как незаконное обогащение. В ходе расследования такие активы могут быть заморожены, а по завершении судебного разбирательства – конфискованы.

В ряде стран, как например, на Филиппинах, государство совместно с представителями от населения изучают образ жизни госслужащих, чтобы выявить у них случаи необъяснимых богатств и возбудить судебное преследование [14, с. 175].

Законодательные практики зарубежных стран в области декларирования информации о доходах и расходах государственных служащих представляют значительный интерес. В ряде стран, например, Аргентине, Финляндии, Румынии, Индонезии и Китае, законодательство обязывает должностных лиц не только декларировать свои доходы, но и предоставлять сведения о произведенных расходах.

Так, в Аргентине госслужащие обязаны раскрывать информацию о стоимости своих активов и недвижимости, превышающей пять тысяч песо. В Финляндии госслужащие ежегодно информируют уполномоченные органы о всех понесенных ими расходах. Румынские госслужащие должны декларировать ювелирные изделия, драгоценные металлы, произведения искусства и другие ценные предметы, стоимость которых превышает пять тысяч евро. В Индонезии государственные должностные лица помимо прочих расходов декларируют суммы, потраченные на отдых и образование. Китайские госслужащие ежегодно предоставляют декларации не только о собственных расходах, но и о тратах близких родственников.

Канадские госслужащие вообще не имеют права принятия подарков, которые выражаются в денежном эквиваленте [16, с. 282]. Важно отметить, что в Сингапуре также действуют законодательные положения, регламентирующие обязанности должностных лиц по предоставлению отчетов о расходах [8, с. 16].

В ряде стран мира приняты законодательные нормы, направленные на противодействие незаконному обогащению.

Так, в Сальвадоре действуют несколько законов, призванных бороться с данной проблемой. К ним относятся: Закон № 2833 от 8 мая 1959 года «О незаконном обогащении должностных лиц и государственных служащих» и Специальный закон № 534 от 7 ноября 2013 года «О прекращении права собственности и управления активами незаконного происхождения или назначения».

Законодательство Сальвадора также предусматривает механизмы предоставления информации об имущественном положении государственных служащих. Закон «Против незаконного обогащения публичных должностных лиц» обязывает всех госслужащих декларировать свою собственность, банковские депозиты, доходы и расходы за истекший календарный год в течение шестидесяти дней после вступления в должность, а также ухода с нее. В случае изменения должности, государственные служащие обязаны уведомить об этом отдел честности при Верховном суде.

Согласно ст. 13 Индийского законодательного акта 1988 г. «О борьбе с коррупцией» в стране установлены меры ответственности в случае установления фактов «незаконного обогащения, конкретизированные составами уголовных преступлений: любой государственный чиновник, чье имущество или расходы очевидно превышают его законные доходы, и при этом разница значительна, обязан объяснить источники происхождения имущества, а если он не сумеет доказать, что источники законные, то он может быть приговорен к лишению свободы до пяти лет и конфискации части активов, сверх доказанных законных доходов» [12, с. 41]. Также «индийскими законодательными нормами предусмотрено, что государственный служащий совершает уголовный проступок, если он в любое время в течение срока его полномочий имеет во владении или в распоряжении ресурсы, или имущество, которые несоразмерны его денежному доходу из известных источников».

В Литве аналогичные меры борьбы с незаконным обогащением действуют с 2010 года. Статья 189 Уголовного кодекса Литвы определяет незаконное обогащение как приобрете-

ние, использование и реализацию имущества, добытого преступным путем, при условии, что лицо знало о преступном происхождении данного имущества.

Стоит отметить, что трактовка незаконного обогащения в Уголовном кодексе Литвы имеет некоторые отличия от определения, содержащегося в статье 20 Конвенции ООН. Важно подчеркнуть, что статья 189 УК Литвы не обязывает обвиняемого раскрывать источники происхождения своей собственности, что обусловлено презумпцией невиновности, закрепленной в статье 31 Конституции Литвы.

Следует обратить внимание на особенности применения статьи 189 Уголовного кодекса Литвы. Законодательство предусматривает меры ответственности за незаконное обогащение, как для должностных лиц, так и для всех граждан страны.

Помимо этого, «литовские законодатели дополнительно определили категории имущества, имеющее преступное происхождение, в частности, небольшой ценности (не превышающей суммы в размере 1 прожиточного минимума) и большой ценности (превышает сумму в 250 прожиточных минимумов), поэтому меры наказания за операции с данными видами имущества зависят от его ценности» [5, с. 103].

Исследование успешных мер борьбы с коррупцией в других странах свидетельствует о необходимости внедрения новых подходов в нашей стране. Эти подходы должны быть направлены на повышение эффективности антикоррупционной деятельности и формирование системного характера работы.

В этой работе особое внимание следует уделить выявлению фактов незаконного обогащения и пресечению любых легальных механизмов, позволяющих использовать незаконно полученные доходы.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в зарубежных странах ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением реализуется через различные механизмы, включая выборы, судебные процедуры, парламентский контроль и процедуры импичмента, а также общественное мнение. Эти механизмы обеспечивают подотчетность власти и предотвращают злоупотребления.

К механизмам ответственности относятся:

– Выборы: регулярные выборы позволяют избирателям оценить работу выборных органов и должностных лиц и, при необходимости, заменить их на других кандидатов.

– Судебные процедуры: граждане могут подавать иски в суд на должностных лиц за неправомерные действия или бездействие, а суды могут выносить решения, обязывающие должностных лиц к ответственности.

– Парламентский контроль: парламенты (законодательные органы) могут проводить расследования, заслушивать отчеты должностных лиц, инициировать процедуры импичмента в случае серьезных нарушений.

– Процедуры импичмента: в некоторых странах предусмотрена процедура импичмента, позволяющая отстранять от должности президента, премьер-министра или других высокопоставленных должностных лиц за серьезные нарушения.

– Общественное мнение и гражданское общество: критика со стороны СМИ, общественных организаций и отдельных граждан может оказывать давление на должностных лиц и заставлять их действовать в интересах населения.

Также к формам ответственности можно отнести:

– Политическая ответственность: выборные должностные лица несут политическую ответственность за свои действия перед избирателями. Они могут потерять должность в результате выборов или вотума недоверия.

– Юридическая ответственность: должностные лица могут быть привлечены к юридической ответственности за нарушение законов. Это может включать в себя уголовную, административную, гражданскую и дисциплинарную ответственность.

– Моральная ответственность: должностные лица также несут моральную ответственность за свои действия перед обществом и могут испытывать общественное осуждение в случае неэтичного поведения.

Например, в США президент может быть подвергнут импичменту за «измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки».

В Великобритании парламент имеет право проводить расследования и заслушивать отчеты министров.

Во Франции граждане могут подавать иски в административные суды на должностных лиц за неправомерные действия.

В целом, ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением в зарубежных странах является важным аспектом демократии, который обеспечивает прозрачность и подотчетность власти.

Исходя из мирового опыта, отечественным законодателям целесообразно усовершенствовать меры борьбы с коррупцией в сфере незаконного обогащения должностных лиц. Анализ зарубежной практики свидетельствует о необходимости внедрения новых подходов к противодействию коррупционным проявлениям в России.

Эти подходы должны быть направлены на повышение эффективности антикоррупционных мер и создание системной работы, в рамках которой особое внимание уделяется фактам незаконного обогащения должностных лиц. Необходимо также пресекать любые возможности легализации незаконно полученных доходов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией (заключена в г. Каракасе 29.03.1996) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 года// СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Беляева Ю.Л.* Правовые основы конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений в Европейском Союзе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10.

6. *Варлен М. В.* Статус парламентария: теоретические проблемы: монография / М. В. Варлен. – М.: Проспект, 2011. – 123 с.

7. *Заболотских Е. М.* Ответственность должностных лиц и органов местного само-управления: научно-практическое пособие / Е. М. Заболотских. – М.: Проспект, 2011. – 232 с.

8. *Игембаев К.А.* Зарубежный опыт в сфере борьбы со взяточничеством (на примере Гонконга, Сингапура, Южной Кореи) // Криминалистъ. 2017. № 1(20).

9. *Ильин И.В., Изосимов В.С.* Вопросы отражения статьи 20 Конвенции ООН против коррупции, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение должностного лица в уголовном законодательстве Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5.

10. *Кобец П.Н.* Становление, функционирование и реформирование Государственного совета Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2.

11. *Кобец П.Н.* Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения коррупционной преступности в Китайской Народной Республике в середине второго десятилетия XXI столетия // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3. Т. 4.

12. *Кобец П.Н.* Противодействие коррупции в Республике Индия: опыт и основные тенденции // Международное публичное и частное право. 2022. № 1.

13. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – М.: БЕК, 2000. – Т. 1, 2. – 365 с.

14. *Николаев Д.А., Фешина С.С.* Зарубежный опыт законодательного регулирования в сфере обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 8-1. Т. 10.

15. *Табио Ф. А.* Комментарий к социалистической Конституции Республики Куба / В. А. Табио. – М.: Прогресс, 1986. – 262 с.

16. *Штумф Б.А.* Опыт зарубежных стран по декларированию доходов и расходов государственных служащих // Молодой ученый. 2021. № 51(393).

Для цитирования: *Щукин А.О.* Ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением в зарубежных странах: статья // Теория государства и права. 2025. № 2 (43).-С. 271–277.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_271

A.O. Shchukin*

RESPONSIBILITY OF ELECTED BODIES AND OFFICIALS TO THE POPULATION IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *In foreign countries, the responsibility of elected bodies and officials to the public is implemented through various mechanisms, including elections, judicial procedures, parliamentary control and impeachment proceedings, as well as public opinion. These mechanisms ensure government accountability and prevent abuse.*

The purpose of this article is to analyze the responsibility of elected bodies and officials towards the population in a number of foreign countries, as well as its impact on the legal system.

Keywords: *conventions, responsibility, loss of trust, impeachment, voters, foreign countries.*

In accordance with Federal Law No. 131-FZ "On the general principles of the organization of local Self-Government in the Russian Federation" [1], local self-government bodies and officials are responsible to the population of the municipality, the state, as well as individuals and legal entities. At the same time, the legislator only partially defines the grounds and procedure for such responsibility, giving municipalities the opportunity to independently resolve these issues in their charters, taking into account the provisions of the law on local self-government.

One of the specific types of municipal legal responsibility is revocation, which is the forced deprivation of powers of a deputy, a member of an elected local government body, or an elected official through the will of the population of a municipality.

It should be noted that the institution of an imperative mandate has not been preserved at the federal level. Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation are guided in their activities by the Constitution of the Russian Federation and their own beliefs (the principle of free mandate), which is a common practice in many countries of the world.

Thus, in a number of states, there is no recall institution at all; it is believed that a negligent deputy may simply not be elected at the next election. Article 67 of the Italian Constitution states: "Every member of Parliament represents the entire nation and performs his functions without a mandatory mandate." 38 (1) of the Constitution of the Federal Republic of Germany states this with equal categoricality: "Deputies of the German Bundestag... they are representatives of the whole people, are not bound by orders and instructions and are subordinate only to their conscience". The French Constitution of 1958 contains an almost similar provision: "Every mandatory mandate is null and void." As M. V. Varlen notes, the absence of an imperative mandate and the right of recall does not make a member of Parliament completely independent. Firstly, a deputy, as a rule, has a party affiliation and is subject to party discipline; secondly, a deputy depends on the organizations that financed his election campaign; finally, a deputy to a certain extent depends on his constituency, since the fate of the mandate is decided by vote [6, p. 45].

* **Shchukin Anton Olegovich**- a postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute, a private educational institution of Higher Education in Saint Petersburg. E-mail: 255.55.30gmail.com.

The issue of introducing an article into the Constitution of the United States of America guaranteeing citizens the right to recall their representatives was the subject of intense debate during the Constitutional Convention of 1787. In the end, this resolution was rejected. Despite this, currently more than a third of US states provide for the possibility of recall of elected officials at the municipal level.

The revocation procedure requires a different number of signatures: for example, 25% of the number of votes cast in the last election of the relevant official (Alaska, Alabama, Colorado, Washington, Wisconsin) or 12% of this number (California) [13, p. 118]. An interesting provision is contained in the legislation of a number of states – if voters reject the recall proposal, the initiators of the vote are charged with reimbursement of the costs of its conduct [7, p. 152].

In Japan, the 1947 Law on Local Autonomy provides for the right of local residents to recall elected local government officials. It contains an entire chapter that defines the mechanism for the practical implementation of the right to recall. The norms for collecting signatures under the requirement to consider the issue of recall are set here: at least 1/3 – when requesting the removal of the head of a local government body, a deputy of the municipal assembly (in the latter case, 1/3 of the number of voters in his electoral district). The Election Control Committee, having recognized the sufficiency and reliability of such a requirement, is obliged to schedule a vote. The demand is satisfied if it is supported by the majority of the voters who took part in the voting [7, p. 154].

Article 112 of the Constitution of the Republic of Cuba contains the provision that "the mandate of delegates to municipal Assemblies of people's power is revoked only by voters who can exercise this right at any time in accordance with the procedure established by law" [15, p. 136]. At the same time, the Cuban electoral law does not contain any grounds for recalling a deputy at all.

Legislative acts of foreign countries, to one degree or another, contain norms regulating the procedure for the recall of elected officials by the population. It is important to note that the electoral system of proportional representation does not hinder the implementation of this mechanism (as the example of Switzerland demonstrates).

Most countries recognize general rather than specific grounds for withdrawal. At the same time, guarantees are provided to the deputy in respect of whom the question of withdrawal has been raised. It also provides for a procedure for electors to vote on the issue of recall.

We consider it important and relevant to pay close attention to the foreign experience of officials' responsibility for illicit enrichment as an effective measure to combat corruption.

The annual increase in problems related to corruption among civil servants is forcing Russian lawmakers to look for more effective mechanisms to improve anti-corruption legislation.

Currently, one of the new types of offenses is the possession of property and assets by officials, the origin of which cannot be confirmed by legitimate income. In most countries, such actions are classified as illegal enrichment and are prosecuted under criminal articles.

It is important to note that the international experience in fighting corruption is rich and diverse. It includes not only penalties for those responsible, but also criminal prosecution of corrupt individuals, their removal from office, imprisonment, and in some cases even the death penalty. Foreign legislative experience, which provides for measures of responsibility for the illegal enrichment of civil servants, also deserves attention.

Three key "anti-corruption conventions" play an important role in the development of international cooperation in combating illicit enrichment:

1. Inter-American Convention against Corruption (1996) [2];
2. African Union Convention on the Prevention and Combating of Corruption (2003) [3];
3. United Nations Convention against Corruption (2003) [4].

These international documents call on the participating States to strengthen measures to prevent and suppress corruption crimes in the public sphere. This is achieved through the improvement of legislation in the field of criminal law.

Thus, these conventions contribute to the unification of various approaches to the definition and elements of illicit enrichment, thereby ensuring maximum coherence between States' actions in this area.

According to the United Nations Convention, the fight against illicit enrichment is an obligation of all countries of the world. This crime impedes sustainable economic growth, poses serious threats to the security of States, and undermines democratic and ethical principles, harming their development.

It is important to note, "as defined by Article twentieth of the UN Convention, taking into account compliance with all constitutional norms, as well as the fundamental principles of legal systems, it is advisable for all States parties to this international act to take the necessary legislative and other measures to criminalize acts that were intentionally committed for the purpose of illicit enrichment" [9, p. 95], Thus, the presence of significant assets in public officials that exceed their legal income, and the inability to substantiate the legality of their origin, raises serious questions.

Currently, the institution of illicit enrichment (known abroad as "illicit enrichment" – a condition of officials that does not correspond to their official income) is criminalized in more than fifty states. These countries have introduced appropriate criminal liability measures into their national legislation.

Among them are the Argentine Republic, the Indian Republic, Hong Kong (People's Republic of China), the Kyrgyz Republic, the Republic of Moldova, the Republic of Lithuania, Malaysia, the Federal Democratic Republic of Nepal, the Islamic Republic of Pakistan, Papua New Guinea, the Republic of the Philippines, the Republic of El Salvador and others. These States have adopted a set of anti-corruption measures, which makes it possible to conclude that it is necessary to analyze foreign experience in combating illicit enrichment through criminal law instruments.

An analysis of foreign practice shows that most countries consider the criminalization of illicit enrichment as an effective way to counter corruption. Hong Kong, India and Argentina have become pioneers in this area. It is noteworthy that in Hong Kong, illicit enrichment has been recognized as a crime since 1971.

For a number of years, the active development of China's economic sector has been accompanied by efforts to continuously combat corruption as one of the most significant obstacles to effective state development [10, p. 57]. In 2013, the Central Commission for Discipline Inspection of the Communist Party of China prosecuted a number of civil servants for corruption. The accusations of these criminal acts were based on the facts of officials using their official powers for illicit enrichment [11, p. 71].

In order to increase the effectiveness of the fight against corruption, Malaysia, Nepal, Pakistan, the Philippines and Papua New Guinea have introduced the practice of shifting the burden of proof to persons accused of corruption crimes.

In most of these countries, the acquisition of real estate or assets by officials that are disproportionate to their salaries and other legitimate sources of income are classified as illegal enrichment. During the investigation, such assets may be frozen, and at the end of the trial, they may be confiscated.

In a number of countries, such as the Philippines, the state, together with representatives from the public, studies the lifestyle of civil servants in order to identify cases of unexplained wealth among them and initiate legal proceedings [14, p. 175].

The legislative practices of foreign countries in the field of declaring information on income and expenses of civil servants are of considerable interest. In a number of countries, for example, Argentina, Finland, Romania, Indonesia and China, the legislation obliges officials not only to declare their income, but also to provide information about the expenses incurred.

So, in Argentina, civil servants are required to disclose information about the value of their assets and real estate exceeding five thousand pesos. In Finland, civil servants annually inform the competent authorities of all expenses incurred by them. Romanian civil servants must declare jewelry, precious metals, works of art and other valuable items, the value of which exceeds five thousand Euros. In Indonesia, government officials declare the amounts spent on recreation and education, among other expenses. Chinese civil servants annually submit declarations not only about their own expenses, but also about the expenses of close relatives.

Canadian civil servants generally do not have the right to accept gifts, which are expressed in monetary terms [16, p. 282]. It is important to note that Singapore also has legislative provisions governing the duties of officials to provide expense reports [8, p. 16].

A number of countries around the world have adopted legislation aimed at countering illicit enrichment.

For example, El Salvador has several laws designed to combat this problem. These include: Law No. 2833 of May 8, 1959 "On the illicit enrichment of officials and civil servants" and Special Law No. 534 of November 7, 2013 "On the termination of ownership and management of assets of illicit origin or destination."

The legislation of El Salvador also provides for mechanisms for providing information on the property status of government employees. The law "Against Illicit Enrichment of Public Officials" obliges all civil servants to declare their property, bank deposits, income and expenses for the past calendar year within sixty days after assuming office, as well as leaving it. In case of a change of position, civil servants are required to notify the Integrity Department of the Supreme Court.

According to Article 13 of the Indian Anti-Corruption Act of 1988, the country establishes liability measures in case of establishing the facts of "illicit enrichment, specified by the elements of criminal offenses: any government official whose property or expenses obviously exceed his legitimate income, and the difference is significant, is obliged to explain the sources of origin of the property, and if he fails to prove that the sources are legitimate, he may be sentenced to up to five years in prison and confiscation of part of the assets in excess of the proven legitimate income" [12, p. 41]. Also, "Indian legislation stipulates that a civil servant commits a criminal offense if, at any time during his term of office, he possesses or has at his disposal resources or property that are disproportionate to his monetary income from known sources."

Lithuania has been implementing similar measures to combat illicit enrichment since 2010. Article 189 of the Lithuanian Criminal Code defines illicit enrichment as the acquisition, use and sale of criminally acquired property, provided that the person knew about the criminal origin of the property.

It is worth noting that the interpretation of illicit enrichment in the Lithuanian Criminal Code has some differences from the definition contained in Article 20 of the UN Convention. It is important to emphasize that article 189 of the Lithuanian Criminal Code does not oblige the accused to disclose the sources of his property, which is conditioned by the presumption of innocence enshrined in article 31 of the Lithuanian Constitution.

Attention should be paid to the specifics of the application of article 189 of the Lithuanian Criminal Code. The legislation provides for measures of responsibility for illicit enrichment, both for officials and for all citizens of the country.

In addition, "Lithuanian legislators additionally defined categories of property of criminal origin, in particular, of small value (not exceeding the amount of 1 subsistence minimum) and high value (exceeding the amount of 250 subsistence minimum), therefore, penalties for transactions with these types of property depend on its value" [5, p. 103].

The study of successful anti-corruption measures in other countries indicates the need to introduce new approaches in our country. These approaches should be aimed at improving the effectiveness of anti-corruption activities and shaping the systemic nature of the work.

In this work, special attention should be paid to identifying the facts of illicit enrichment and suppressing any legal mechanisms that allow the use of illegally obtained income.

Thus, based on all of the above, it can be concluded that in foreign countries, the responsibility of elected bodies and officials to the population is realized through various mechanisms, including elections, judicial procedures, parliamentary control and impeachment proceedings, as well as public opinion. These mechanisms ensure government accountability and prevent abuse.

The mechanisms of responsibility include:

– Elections: regular elections allow voters to evaluate the work of elected bodies and officials and, if necessary, replace them with other candidates.

– Judicial procedures: citizens can file lawsuits against officials for unlawful actions or omissions, and courts can make decisions that hold officials accountable.

– Parliamentary oversight: parliaments (legislative bodies) can conduct investigations, hear reports from officials, and initiate impeachment proceedings in case of serious violations.

– Impeachment procedures: some countries have an impeachment procedure that allows the removal of the President, Prime Minister, or other high-ranking officials for serious violations.

– Public opinion and civil society: criticism from the media, public organizations and individual citizens can put pressure on officials and force them to act in the interests of the population.

Also, the forms of responsibility include:

– Political responsibility: elected officials are politically accountable for their actions to the electorate. They may lose their position as a result of elections or a vote of no confidence.

– Legal liability: officials may be held legally liable for violations of laws. This may include criminal, administrative, civil, and disciplinary liability.

– Moral responsibility: officials also have a moral responsibility for their actions to society and may experience public condemnation in the case of unethical behavior.

For example, in the United States, a president can be impeached for "treason, bribery, or other serious crimes and misdemeanors."

In the UK, Parliament has the right to conduct investigations and hear reports from ministers.

In France, citizens can file lawsuits in administrative courts against officials for illegal actions.

In general, the responsibility of elected bodies and officials to the population in foreign countries is an important aspect of democracy that ensures transparency and accountability of government.

Based on international experience, it is advisable for domestic legislators to improve measures to combat corruption in the field of illicit enrichment of officials. An analysis of foreign practice indicates the need to introduce new approaches to combating corruption in Russia.

These approaches should be aimed at improving the effectiveness of anti-corruption measures and creating a systematic work in which special attention is paid to the facts of illicit enrichment of officials. It is also necessary to prevent any possibility of legalizing illegally obtained income.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 131-FZ of 06.10.2003 (as amended on 20.03.2025) "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

2. Inter-American Convention against Corruption (concluded in Caracas on 29.03.1996) // SPS "ConsultantPlus".

3. Convention of the African Union on the prevention of corruption and the fight against it in 2003// SPS "ConsultantPlus".

4. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // SPS ConsultantPlus.

5. *Belyaeva Yu. L*. Legal basis for the confiscation of proceeds from corruption crimes in the European Union // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 10.

6. *Varlen M. V*. The status of a parliamentarian: theoretical problems: a monograph / M. V. Varlen. Moscow: Prospekt, 2011. 123 p.

7. *Zabolotskikh E. M.* Responsibility of officials and local self-government bodies: a scientific and practical guide / E. M. Zabolotskikh. Moscow: Prospekt, 2011. – 232 p.

8. *Igembaev K.A.* Foreign experience in the field of combating bribery (on the example of Hong Kong, Singapore, South Korea) // Criminalist. 2017. № 1(20).

9. *Ilyin I.V., Izosimov V.S.* Issues of reflection of Article 20 of the UN Convention against Corruption, which provides for liability for illegal enrichment of an official in the criminal legislation of the Russian Federation // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2016. № 5.

10. *Kobets P.N.* Formation, functioning and reformation of the State Council of the People's Republic of China // State power and local self-government. 2021. № 2.

11. *Kobets P.N.* Criminal law and criminological features of corruption prevention in the People's Republic of China in the middle of the second decade of the XXI century // The Russian Journal of Legal Research. 2017. No. 3. Vol. 4.

12. *Kobets P.N.* Anti-corruption in the Republic of India: experience and main trends // International public and private law. 2022. № 1.

13. Constitutional (state) law of foreign countries: in 4 volumes / ed. by B. A. Strashun. – M.: BEK, 2000. – Vol. 1, 2. – 365 p.

14. *Nikolaev D.A., Feshina S.S.* Foreign experience of legislative regulation in the sphere of state property circulation, in respect of which no information has been provided confirming its acquisition for legitimate income. // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 8-1. Vol. 10.

15. *Tabio F. A.* Commentary on the Socialist Constitution of the Republic of Cuba / V. A. Tabio. – M.: Progress, 1986. – 262 p.

16. *Stumf B.A.* The experience of foreign countries in declaring incomes and expenses of civil servants // Young Scientist. 2021. № 51(393).

For citation: *Shchukin A.O.* Responsibility of elected bodies and officials to the population in foreign countries: article // Theory of the state and law. 2025. No 2(43).- Pp. 277–282.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_271

Ю.Г. Арзамасов*
Н.И. Полищук**

ПАМЯТИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЛАЗАРЕВА ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Писать о Валерии Васильевиче Лазареве, с одной стороны, просто, поскольку у научной общественности на слуху всем известные его фундаментальные труды в области теоретической и прикладной юриспруденции [7; 8; 10]. Не менее актуальны также научные статьи Валерия Васильевича, посвященные правовому регулированию общественных отношений [6; 9] злободневность которых подтверждается целым рядом диссертационных исследований, в которых соискатели опирались на идеи Валерия Васильевича, черпая из них заложенные им научные идеи [см.: 2; 13]. Не менее интересными являются труды, посвященные социально-психологическим аспектам применения права [4; 14]. Особого внимания заслуживают научные изыскания в области эффективности правоприменительных актов,

* **Арзамасов Юрий Геннадьевич –** профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, доктор юридических наук, профессор.

** **Полищук Николай Иванович** – профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

в которых он критически обозначил свою позицию, относительно применения общего определения эффективности как достижения положительных результатов при минимальных затратах соответствующих ресурсов, как неприменимую к правовому регулированию [см.: 12].

Валерий Васильевич всегда называл себя государственником, неоднократно подчеркивал это в различных дискуссиях и многочисленных выступлениях на национальных и международных конференциях. В 1979 г. представляя СССР на всемирном политологическом конгрессе в г. Хельсинки, он выступил с важным научным докладом по вопросам государственно-правового строительства. В 2009 г. в Пекине на 24-м Всемирном конгрессе философии права и социальной философии он выступал по философско-правовым аспектам современной юриспруденции.

Валерий Васильевич довольно часто выступал на пленарных заседаниях конференций, проводимых в Российском государственном университете правосудия, а также на заседаниях Международного научно-практического форума «Юртехнетика» [см.: 1].

Особо следует отметить Ежегодные собрания теоретиков права, которые Валерий Васильевич проводил в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Именно здесь его ученица, директор Института, доктор юридических наук, профессор, академик РАН Т.Я. Хабриева помогла осуществить ему давнюю мечту. При проведении ежегодных собраний раскрылся талант Валерия Васильевича не только, как ученого правоведа, но и как организатора одного из интереснейшего и востребованного среди ученых и практиков теоретико-прикладного форума. Сегодня данная научная площадка поддерживается и одобряется многими отечественными и зарубежными правоведами.

Профессиональная деятельность и жизненный путь Валерия Васильевича надолго и прочно связали его со многими вузами нашей необъятной Родины. Он внес существенную лепту в организацию подготовки юридических кадров для правоохранительных органов Советского Союза и Российской Федерации. Лекции Профессора В.В. Лазарева всегда отличались не только своей глубиной, научностью и знанием материала, но и умением оратора грамотно и доходчиво донести материал до студентов, слушателей и аспирантов. Недаром в издании «Избранное последнего десятилетия» он написал: «Автор никогда не считал своей целью научные исследования и всегда оставался преподавателем. Университетское профессорское звание, признаюсь, было более значимо, чем степень доктора юридических наук. Подготовленные учебные программы, учебники и учебные пособия занимают в моем творчестве главенствующее место» [5].

Из-под пера Валерия Васильевича вышло много интересных и полезных учебников по общей теории государства и права, а также учебников и хрестоматий по истории государственно-правовых учений. Особо ярко проявление его таланта, как руководителя авторского коллектива проявилось при написании 4-го издания Комментария к Конституции Российской Федерации.

Особенность характера Валерия Васильевича заключалась в том, что он никогда не навязывал свои научные и мировоззренческие взгляды и идеи своим ученикам и коллегам. Чтобы разубедить своего собеседника в чем-либо, либо наоборот, чтобы вдохновить человека какой-либо идеей, всегда приводил определенный пример, либо ссылался на мнения авторитетных правоведов, чем не просто ставил оппонента в тупик, а заставлял его задуматься. Когда однажды его ученики попросили рассказать им, как нужно писать диссертацию, Валерий Васильевич применил метод «от обратного», выпустив небольшую брошюру под названием «Как не надо писать диссертацию», где объяснял каких фраз и высказываний не должно быть в диссертации. А на вопрос, как надо писать диссертацию, отвечал: «Не знаю!». Чем шокировал молодых исследователей.

В непростые 90-е гг. прошлого столетия Валерий Васильевич активно занимается нормотворческой деятельностью. Совместно со своими коллегами по кафедре государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России он подготовил проект

Устава города Москвы, который 28 июня 1995 г. был принят Московской городской думой. Следует заметить, что данный нормативный правовой акт, хоть и с изменениями и дополнениями, действует и сегодня, что говорит о качестве подготовленного документа. 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал распоряжение «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации», в которую вошел и успешно работал в ней профессор В.В. Лазарев.

Особенно свои способности нормотворца Валерий Васильевич Лазарев смог проявить с 1998 по 2003 годы, когда занимал должность Постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации – заместителя начальника Правового управления Государственной Думы. В этой связи ему часто приходилось выступать в Конституционном Суде, отстаивая позицию Государственной Думы по ряду законов. В соответствие с занимаемой должностью, ему был присвоен классный чин действительного государственного советника Российской Федерации 3-го класса.

С другой стороны, писать о В.В. Лазареве довольно сложно, поскольку профессор был весьма разносторонним, талантливым, креативным, ярким, отзывчивым и внимательным человеком! Так, не многие знают, что Валерий Васильевич писал стихи, умел поэзией ответить на поздравление, а иногда даже мог себе позволить цитирование стихов и в научных публикациях. Это увлечение он передал и своей дочери Юлии, у которой еще в 14 летнем возрасте вышла авторская книга стихов. Более того, она продолжила семейную традицию родителей, став известным юристом. Валерий Васильевич всегда гордился своей дочерью и радовался ее успехам и многочисленным выступлениям в телевизионной передаче «Что? Где? Когда?».

Живя в Казани, Валерий Васильевич активно занимался горным туризмом, в его биографии были походы на Кавказе, Саянах, в Забайкалье, на Памире. При чем самым высшим своим достижением своей жизни Валерий Васильевич считал восхождение на гору Эльбрус (5633 м.) Отдельные туристские традиции своих казанских друзей он распространил и среди своих учеников. Так, например, одной из таких традиций стала встреча со своими учениками Ю.Г. Арзамасовым, И.В. Гончаровым, В.Д. Горобцом, А.В. Корневым, С.В. Липенем, Н.Н. Черногором и др. Старого Нового года на даче, которая находится под Дубной, где из окна веранды видны пароходы, идущие по Волге. Увлечение туризмом наложило отпечаток и на его песенные пристрастия. Он с удовольствием любил не только слушать, но и подпевать исполнителям бардовских песен. Как турист, особенно ценил он песню А.М. Городницкого «Перекаты», а как человек с гражданской позицией песню Б. Ш. Окуджавы «Возьмемся за руки друзья». Недаром он гордо называл себя шестидесятником. Более того, собрание научных трудов, посвященное различным вопросам теории государства и права и истории политических и правовых учений, он назвал «Шестидесятничество» казанских лет» [3].

К Валерию Васильевичу, как к опытному педагогу и ученому неустанно обращались за советом не только его ученики, но и маститые ученые, адвокаты и даже государственные деятели, занимающие серьезные посты в государстве, при этом профессор всегда был открытым и отзывчивым человеком, умеющим дать нужный и важный совет.

За свой безупречный труд во благо отечественной науки и практики Валерий Васильевич был награжден многими государственными и общественными наградами. Особо он дорожил Орденом Александра Невского, которым был награжден в 2023 г., так как считал Святого благоверного великого князя Александра Невского своим ангелом-хранителем.

Свою первую награду высокого уровня Валерий Васильевич получил еще в советское время за монографию «Пробелы в праве и пути их устранения». При этом он был первым среди юристов, кто получил премию Ленинского Комсомола. Среди наград Валерия Васильевича необходимо отметить также премию Правительства Российской Федерации в области образования (2015 г.). За серию научных работ, посвященных исследованию общей теории права и ее практического воплощения в общественных отношениях в 2022 г. он был награж-

ден премией им. Анатолия Федоровича Кони. Он был лауреатом высшей юридической премии «Фемида». В 2025 году его наградили Почетной грамотой Правительства Российской Федерации, но получить эту награду ему, к сожалению, уже не довелось. Несмотря на то, что Валерий Васильевич был заслуженным деятелем науки Российской Федерации и академиком РАЕН, он гордился также званием почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

В заключении подчеркнем, что с кончиной Валерия Васильевича практически закончилась эпоха старой команды теоретиков государства и права. В.В. Лазарев был одним из талантливой плеяды учеников заведующего кафедрой теории государства и права МГУ им. А.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора А.И. Денисова, который дал им «путевку» в большую науку. Среди этих учеников имена таких известных теоретиков права, как: М. Н. Марченко, Ю. С. Завьялов, А. И. Лукьянов, В. Е. Гулиев, В. Д. Попков, С. А. Комаров, А. Г. Хабибулин.

Светлая память о Валерии Васильевиче Лазареве надолго сохраниться среди его учеников, коллег ученых и преподавателей, государственных деятелей. Хоть он и писал, цитируя П.Я. Чаадаева [11], «проживи жизнь скромно», скромным он был только в быту, но не в своих выступлениях и статьях. Валерий Васильевич был не просто талантливым, он был ярким человеком, поэтому свет от его научных работ и идей еще долгие годы будет освящать путь, идущим по тропе юридических знаний студентам, аспирантам и коллегам!

Библиографический список

1. *Баранов В.М.* Творческий вклад профессора В. В. Лазарева в становление и модернизацию Международного научно-практического форума "Юртехнетика" // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 192-201.

2. *Зайцева Е.С*. Пределы правового регулирования: Дис. .... докт. юрид. наук. – СПб., 2025.

3. *Лазарев В.В.* «Шестидесятничество» казанских лет. – М.: Статут, 2017.

4. *Лазарев В.В.* Значение процессуальных норм в обеспечении эффективной деятельности правоприменительных субъектов // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. науч. Трудов; под ред. В.М. Горшенева. – Вып. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 1979.

5. *Лазарев В.В*. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. С. 15.

6. *Лазарев В.В*. Определение сферы правового регулирования // *Лазарев В.В.* Пределы правового регулирования отношений в сфере образования // Законодательство в сфере образования. Обеспечение частных и публичных интересов : матер. науч. – практ. конфер. – Москва 11 апреля 2007 г. – М.: ИД Юриспруденция. 2007. С. 12-15.

7. *Лазарев В.В*. Понятие пробелов в праве // Советское государство и право. 1967. № 4.

8. *Лазарев В.В*. Пробелы в праве (Вопросы понятия пробелов и критика беспробельности права). – Казань: изд-во Казанского ун-та, 1969.

9. *Лазарев В.В.* Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. №11

10. *Лазарев В.В*. Установление пробелов в праве в процессе его применения // Советское государство и право. 1972. № 2.

11. *Лазарев В.В.* Чаадаев. – М.: Юридическая литература. 1986.

12. *Лазарев В.В.* Эффективность правоприменительных актов. Вопросы теории / Науч. ред.: Безина А.К. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975.

13. *Пузиков Р.В*. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: Проблемы теории и практики. : Дис. .... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2009

14. Социально-психологические аспекты применения права / Лазарев В.В.; Науч. ред.: Волков Б.С. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.

Yu.G. Arzamasov*
N.I. Polishchuk**

IN MEMORY OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION LAZAREV VALERY VASILYEVICH

On the one hand, it is easy to write about Valery Vasilyevich Lazarev, since the scientific community is well aware of his well-known fundamental works in the field of theoretical and applied jurisprudence [7; 8; 10]. Equally relevant are scientific articles by Valery Vasilyevich devoted to the legal regulation of public relations [6; 9], the relevance of which is confirmed by a number of dissertation studies in which applicants relied on the ideas of Valery Vasilyevich, drawing from them the scientific ideas [see: 2; 13] he had laid down. No less interesting are the works devoted to the socio-psychological aspects of the application of law [4; 14]. Special attention should be paid to scientific research in the field of the effectiveness of law enforcement acts, in which he critically outlined his position on the application of the general definition of effectiveness as achieving positive results with minimal expenditure of appropriate resources, as not applicable to legal regulation [see: 12].

Valery Vasilyevich has always called himself a statesman, and has repeatedly emphasized this in various discussions and numerous speeches at national and international conferences. In 1979, representing the USSR at the World Congress of Political Science in Helsinki, he delivered an important scientific report on issues of state and legal construction. In 2009, at the 24th World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy in Beijing, he spoke on philosophical and legal aspects of modern jurisprudence.

Valery Vasilievich often spoke at the plenary sessions of conferences held at the Russian State University of Justice, as well as at meetings of the International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetika" [see: 1].

Of particular note are the Annual Meetings of legal theorists that Valery Vasilyevich held at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. It was here that his student, director of the Institute, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences T.Ya. Khabrieva helped him realize his long-held dream. During the annual meetings, Valery Vasilyevich's talent was revealed not only as a legal scholar, but also as the organizer of one of the most interesting and sought-after theoretical and applied forum among scientists and practitioners. Today, this scientific platform is supported and approved by many domestic and foreign legal scholars.

Valery Vasilyevich's professional career and life path have long and firmly connected him with many universities in our vast Homeland. He made a significant contribution to the organization of legal training for law enforcement agencies of the Soviet Union and the Russian Federation. Professor V.V. Lazarev's lectures have always been distinguished not only by their depth, scholarship and knowledge of the material, but also by the speaker's ability to competently and intelligibly convey the material to students, listeners and graduate students. It is not for nothing that in the publication "Favorites of the last decade" he wrote: "The author has never considered scientific research as his goal and has always remained a teacher. The university professorship, I admit, was more significant than the degree of Doctor of Law. The prepared curricula, textbooks and teaching aids occupy a dominant place in my work" [5].

Valery Vasilyevich has written many interesting and useful textbooks on the general theory of state and law, as well as textbooks and anthologies on the history of state and legal doctrines. His

* **Arzamasov Yuri Gennadievich** is a professor at the Department of Public and International Legal Support of National Security at the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Doctor of Law, Professor.

** **Polishchuk Nikolay Ivanovich** is a professor at the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

talent as the head of the author's team was particularly evident when writing the 4th edition of the Commentary to the Constitution of the Russian Federation.

The peculiarity of Valery Vasilyevich's character was that he never imposed his scientific and ideological views and ideas on his students and colleagues. In order to dissuade his interlocutor from something or vice versa, in order to inspire a person with an idea, he always gave a specific example, or referred to the opinions of reputable jurists, which not only baffled his opponent, but made him think. When one day his students asked him to tell them how to write a dissertation, Valery Vasilyevich applied the "reverse" method, releasing a small brochure called "How not to write a dissertation," where he explained which phrases and statements should not be in the dissertation. And when asked how to write a dissertation, he replied: "I don't know!" What shocked the young researchers.

In the difficult 90s of the last century, Valery Vasilyevich was actively engaged in standard-setting activities. Together with his colleagues at the Department of State Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, he prepared a draft Charter of the City of Moscow, which was adopted by the Moscow City Duma on June 28, 1995. It should be noted that this regulatory legal act, although with amendments and additions, is still in force today, which indicates the quality of the prepared document. January 15th, 2020 President of the Russian Federation V.V. Putin signed an order "On the working group on the preparation of proposals for amendments to the Constitution of the Russian Federation," which included and successfully worked in Professor V.V. Lazarev.

Valery Vasilyevich Lazarev was able to demonstrate his skills as a rule–maker from 1998 to 2003, when he served as Permanent Representative of the State Duma to the Constitutional Court of the Russian Federation, Deputy Head of the Legal Department of the State Duma. In this regard, he often had to speak in the Constitutional Court, defending the position of the State Duma on a number of laws. In accordance with his position, he was awarded the class rank of Full State Adviser of the Russian Federation, 3rd class.

On the other hand, it is quite difficult to write about V.V. Lazarev, because the professor was a very versatile, talented, creative, bright, responsive and attentive person! So, not many people know that Valery Vasilyevich wrote poetry, knew how to respond to congratulations with poetry, and sometimes he could even afford to quote poetry in scientific publications. He passed on this passion to his daughter Julia, who published an author's book of poetry at the age of 14. Moreover, she continued the family tradition of her parents, becoming a famous lawyer. Valery Vasilyevich was always proud of his daughter and rejoiced at her successes and numerous appearances on the television program "What? Where? When?".

While living in Kazan, Valery Vasilyevich was actively engaged in mountain tourism, and his biography included trips to the Caucasus, Sayan Mountains, Transbaikalia, and the Pamirs. Moreover, Valery Vasilyevich considered climbing Mount Elbrus (5633 m.) to be his highest achievement in his life. He spread some of the tourist traditions of his Kazan friends among his students. For example, one of such traditions was a meeting with his students Yu.G. Arzamasov, I.V. Goncharov, V.D. Gorobets, A.V. Kornev, S.V. Lipen, N.N. Chernogor and others. Old New Year's Eve at the cottage, which is located near Dubna, where steamboats sailing along the Volga are visible from the veranda window. His passion for tourism left its mark on his singing habits. He enjoyed not only listening, but also singing along to the performers of bard songs. As a tourist, he especially appreciated the song "Ripples" by A.M. Gorodnitsky, and as a man with a civic position, the song by B. Sh. Okudzhavy "Let's join hands, friends." No wonder he proudly called himself a Sixties man. Moreover, he called the collection of scientific papers devoted to various issues of the theory of state and law and the history of political and legal doctrines the "Sixties of the Kazan Years" [3].

Valery Vasilyevich, as an experienced teacher and scientist, was tirelessly consulted not only by his students, but also by venerable scientists, lawyers and even statesmen holding serious positions in the state, while the professor was always an open and responsive person who could give necessary and important advice.

For his impeccable work for the benefit of Russian science and practice, Valery Vasilyevich was awarded many state and public awards. He especially treasured the Order of Alexander Nev-

sky, which he was awarded in 2023, as he considered the Holy Grand Duke Alexander Nevsky to be his guardian angel.

Valery Vasilyevich received his first high-level award back in Soviet times for his monograph "Gaps in Law and ways to eliminate them." At the same time, he was the first lawyer to receive the Lenin Komsomol Award. Among Valery Vasilyevich's awards, it is also necessary to mention the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education (2015). For a series of scientific papers devoted to the study of the general theory of law and its practical implementation in public relations in 2022, he was awarded the. Anatoly Fedorovich Koni. He was a recipient of the highest legal award "Themis". In 2025, he was awarded a Certificate of Honor from the Government of the Russian Federation, but unfortunately he did not get this award. Despite the fact that Valery Vasilyevich was an Honored Scientist of the Russian Federation and an academician of the Russian Academy of Natural Sciences, he was also proud of the title of honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation.

In conclusion, we would like to emphasize that with the death of Valery Vasilyevich, the era of the old team of state and law theorists practically ended. V.V. Lazarev was one of a talented galaxy of students of the head of the Department of Theory of State and Law at Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, and Professor A.I. Denisov, who gave them a "start" in big science. Among these students are the names of such famous legal theorists as: M. N. Marchenko, Y. S. Zavyalov, A. I. Lukyanov, V. E. Guliyev, V. D. Popkov, S. A. Komarov, A. G. Khabibulin.

The bright memory of Valery Vasilyevich Lazarev will remain for a long time among his students, colleagues of scientists and teachers, and statesmen. Although he wrote, quoting P.Ya. Chaadaev [11], "live life modestly," he was modest only in everyday life, but not in his speeches and articles. Valery Vasilyevich was not just talented, he was a bright person, so the light from his scientific works and ideas will continue to illuminate the path of law students, graduate students and colleagues for many years to come!

Bibliographic list

1. *Baranov V.M.* "Professor V. V. Lazarev's creative contribution to the formation and modernization of the International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetika" // Journal of Russian Law. 2020. No. 11. pp. 192-201.

2. *Zaitseva E.S.* Limits of legal regulation: Dis. ... doct. jurid. sciences'. – St. Petersburg, 2025.

3. *Lazarev V.V.* "The Sixties" of the Kazan years. – M.: Statute, 2017.

4. *Lazarev V.V.* The importance of procedural norms in ensuring the effective operation of law enforcement entities // Actual problems of the legal process in the national state: collection of scientific papers. Proceedings; edited by V.M. Gorshenev. – Issue 1. Yaroslavl: YarGU, 1979;

5. *Lazarev V.V.* Selected works of the last decade. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm, 2020. p. 15.

6. *Lazarev V.V.* Definition of the sphere of legal regulation // *Lazarev V.V.* Limits of legal regulation of relations in the field of education // Legislation in the field of education. Ensuring private and public interests: mater. sci. - practical conference. Moscow, April 11, 2007, Moscow: Publishing House of Jurisprudence. 2007. pp. 12-15.

7. Lazarev V.V. The concept of gaps in law // The Soviet State and Law. 1967. No. 4;

8. Lazarev V.V. Gaps in law (Issues of the concept of gaps and criticism of the lack of continuity of law). Kazan: Publishing house of Kazan University, 1969;

9. *Lazarev V.V.* Scope and limits of legal regulation // The Soviet State and law. 1970. No. 11;

10. *Lazarev V.V.* Identification of gaps in the law in the process of its application // The Soviet State and law. 1972. № 2.

11. See: *Lazarev V.V.* Chaadaev. – M.: Legal literature. 1986.

12. *Lazarev V.V.* Effectiveness of law enforcement acts. Questions of theory / Scientific editor: Bezina A.K. – Kazan: Kazan Publishing House. University, 1975.

13. See: *Puzikov R.V.* Legal doctrine in the field of legal regulation: Problems of theory and practice. : Dis. ... kand. jurid. sciences'. – N. Novgorod, 2009;

14. Socio-psychological aspects of the application of law / Lazarev V.V.; Scientific editor: Volkov B.S. – Kazan: Kazan Publishing House. University, 1982.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: http://matgip.ru/trebuem

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Студенты и аспиранты, как правило, публикуются в соавторстве со своими научными руководителями.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц (большее количество страниц – в порядке исключения).

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: http://matgip.ru/trebuem

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

Undergraduate and graduate students typically publish in collaboration with their supervisors.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages (more pages are an exception).

Attached to the article:

a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;

b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic ber, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends

and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: http://matgip.ru/magazine
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.05.2025. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 35,63. Усл. п.л. 28,03. Тираж 100 экз. Заказ № ____

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»